

УДК 930
ББК 63
И90

Редакционная коллегия:

С. А. Котов (отв. редактор), А. С. Кочетова,
А. В. Лукашин (отв. секретарь),
Е. М. Мягкова (зам. отв. редактора), А. В. Репников,
А. К. Сорокин (гл. редактор)

Научно-организационная работа выполнена:

Н. М. Волхонской и Е. К. Чернецкой

**Исторические документы и актуальные проблемы архео-
И90 графии, источниковедения, российской и всеобщей истории
нового и новейшего времени.** Сборник материалов IV Между-
народной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-
2014» / [гл. ред. А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов]. – М. : По-
литическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – 250 с.

ISBN 978-5-8243-1860-9

В сборник включены тезисы докладов участников IV Междуна-
родной конференции молодых ученых и специалистов «Клио», которая еже-
годно, начиная с 2011 года, проводится в Российском государственном
архиве социально-политической истории. Доклады посвящены важным
историко-архивным проблемам и актуальным вопросам археографии,
источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего
времени. В работе конференции приняли участие 120 молодых ученых
и специалистов из Австралии, Австрии, Белоруссии, Великобритании,
Канады, России Украины, Франции, Швейцарии, США.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-1860-9

©Российский государственный архив
социально-политической истории,
2014
©Политическая энциклопедия, 2013

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Четвертый год подряд в одном из федеральных архивов России – Российском государственном архиве социально-политической истории – на очередную, уже четвертую, Международную конференцию молодых ученых и специалистов «Клио» – «Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени» собрались молодые ученые и специалисты из 10 стран.

Среди них – сотрудники национальных, региональных и муниципальных архивов, преподаватели, докторанты и аспиранты университетов, научные сотрудники академических институтов Российской академии наук и зарубежных научных центров из стран Европы, Азии и Америки.

Всего же за эти годы в конференциях «Клио» приняло участие более 400 представителей научной молодежи. Многие доклады, прочитанные на конференциях, были посвящены советскому периоду истории России, развитию общественной мысли и социальных движений в России и других странах мира в XVIII–XXI вв.

Это в известной мере закономерно, т. к. многие российские и зарубежные участники конференций – постоянные и активные исследователи тех документов по социально-политической истории, что хранятся в богатейших архивных коллекциях РГАСПИ.

Нас радует, что в ставших регулярными встречах молодых ученых в РГАСПИ постоянно принимает активное участие и большая группа историков-архивистов из других федеральных архивов России: Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива кинофотодокументов, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива фонодокументов, Российского государственного военно-исторического архива и др. Постоянными участниками конференции стали и сотрудники Архива РАН, городских архивов Москвы и Санкт-Петербурга. Ежегодно значительное число докладов бывает представлено преподавателями, аспирантами и студентами старших курсов Историко-архивного института РГГУ, Факультета политологии, Факультета государственного управления и Исторического факультета МГУ

им. М. В. Ломоносова. Все четыре года постоянными участниками конференции бывают аспиранты и преподаватели ведущих вузов Великобритании – университета Оксфорда, университета Кембриджа, Королевского университета Белфаста, университета Ноттингема, университетского колледжа Лондона и др. Ежегодно в числе активных участников «Клио» – научные сотрудники и аспиранты Института всеобщей истории РАН, Института российской истории РАН, Санкт-Петербургского института истории РАН, Самарского научно-го центра РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН и других академических учреждений России.

Конференция «Клио», таким образом, стала за четыре года той объединяющей площадкой, на которой широкий круг молодых историков имеют возможность обменяться результатами научных исследований, обсудить актуальные проблемы российской и всеобщей истории, наметить ориентиры для будущих научных поисков и открытий.

Уверены, что традиция ежегодных конференций в РГАСПИ будет жить многие годы, помогая налаживанию научных и гуманитарных контактов между молодыми историками России и зарубежных стран, развитию широкой научной кооперации, результатом которой станет выход в свет новых монографий, тематических сборников исторических документов, проведение интересных историко-документальных выставок, создание новых документальных кинофильмов.

А. К. Сорокин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В АНГЛИИ И ФРАНЦИИ В XIX в.

*Д. А. Авакян
(ГОПБ)*

Столь часто используемое сегодня такое понятие как «жилищный вопрос» появилось в XIX в., что было вызвано резким увеличением численности городского населения. Определение направлений развития жилищной политики и обеспечение необходимых санитарно-гигиенических условий в городах стали одними из приоритетных направлений во внутренней политике ведущих европейских государств. Безусловно, вопрос об оптимальной организации жизни в городах существовал и ранее, но только в XIX в. проблема стала восприниматься как социальная, в частности возникла необходимость систематического ее разрешения в целях смягчения напряженности в обществе. Становление рабочего класса, усложнение социальной структуры в период промышленной революции приводил к пространственной изоляции групп в городах. Перенаселенные рабочими районы становились очагом преступности, развития заболеваний.

Англию традиционно считают страной индустриального урбанизма. На примере английского опыта хорошо прослеживается эволюция и трансформация городской политики в новых социально-политических условиях в период промышленной революции. Исследование начального этапа урбанизации на рубеже XVIII–XIX вв. показывает, что первые меры в области улучшения качества жизни и условий труда на производстве в английских городах часто инициировались частными лицами.

Достаточно сложно определить хронологические рамки периода, когда английское общество обратило внимание на необходимость решения жилищного вопроса в новых промышленных центрах, в густонаселенных районах старых городов. Инициатива по расширению масштабов строительства в начале XIX в. исходила от частных строительных компаний. Известно, что самая старейшая из подобных ассоциаций была основана в 1815 г. в Шотландии. Позднее подобные организации появились в Ливерпуле, Манчестере. Но особенное вни-

мание обратили на себя теснота и неудобства жилищ, преимущественно рабочих, после эпидемии холеры 1832 г. С 1830-х гг. ряд благотворительных и коммерческих организаций начали проводить в жизнь меры, целью которых было улучшение жилищных условий, прежде всего, для рабочих. Наряду с коммерческими целями, такого рода организации стремились и к улучшению санитарно-гигиенических условий, как при устройстве помещений, так и при их эксплуатации, для чего устанавливают максимальную норму числа живущих в данном помещении. Общество по улучшению положения трудящихся классов, Городская ассоциация по улучшению жилищ рабочих не только пропагандировали идею строительства недорого жилья для бедных, но и предлагали модели зданий, которые предполагали ввести в строительную практику. Это модели конструировали не только жилые дома, но и ночлежки.

Активная деятельность общественных деятелей, строительных компаний, различных обществ обратили на себя внимание правительства и постепенно привели к формированию государственной политики в области градостроительства¹. В 1837 г. вступил в действие акт о точной регистрации смертных случаев с указанием их причин. Сведения, полученные в ходе изучения демографической ситуации в стране, стали главным основанием для выяснения санитарных условий в городах. Полученная информация позволяла проанализировать, в каких регионах уровень смертности был наиболее высоким, какие заболевания были наиболее распространенными. Это позволяло выявить зависимость между уровнем смертности и заболеваемости и условиями жизни, где важную роль имело качество жилья, и стало основанием для более глубокого изучения санитарной обстановки в стране. Доклады комиссий, назначенных Палатой Общин в 1840 и 1843 гг. для подробного анализа условий проживания в городской среде, послужили основанием для первой важной законодательной меры в этой области – «Акта об общественном здравоохранении», принятом в 1848 г. Данный акт способствовал созданию особого управления (General Board of Health), в функции которого входило координирование деятельности местных органов власти в области городской политики. Особое внимание стало уделяться проблемам водоснабжения, канализации, уборки мусора и т. д.

¹ *Catamenc, A., Snyder, J. C.* Introduction to Urban Planning / A. Catamenc, J. C. Snyder. New-York, 1979; *Mclovghlin, Brian J.* Urban and Regional Planning / Brian J. Mclovghlin. London, 1969.

Акты и законы, принятые в 1850-е гг., создали целую систему, способствующую развитию первых условий, направленных на поддержания общественного здравоохранения, обеспечения безопасности и благосостояния населения. В 1860-е гг. регламентация законов распространилась на размер арендной платы, расширились требования к городской застройке. В 1870-е гг. правительство обратило внимание на необходимость кардинальной перестройки целого ряда кварталов, застроенных жильем низкого качества. Парламент издал целый ряд законов, повышающий уровень санитарно-гигиенических требований в процессе городской застройки. Уже имеющиеся законы и акты в этот период пересматривались, дополнялись. Последующие законы, изданные в конце XIX–XX вв., по сути, не привнесли кардинальных нововведений в уже существующую систему управления городским хозяйством, но заметно расширяли права и обязанности муниципалитетов².

Во Франции, где промышленный переворот начался позднее, чем в Англии, в решении жилищного вопроса долго ограничивались рекомендациями. Только в середине XIX в. были изданы постановления, которые положили начало санитарно-техническому благоустройству городов. Постановления проводились в жизнь под контролем специальных комиссий, учреждавшихся общинными советами. Но постановления носили необязательный характер, комиссии учреждались в случайном порядке и существовали не долго. Тогда как в Англии санитарные комиссии были наделены исполнительной властью, во Франции решения комиссий носили рекомендательный характер, и на практике такая деятельность была малоэффективной³. Только в начале XX в. во Франции была создана система мер, направленных на обеспечение санитарных условий на территории всей страны, в частности, в 1902 г. принят закон «Об охране народного здравоохранения», учреждены санитарные бюро в качестве муниципальных органов, в обязанности которых входил контроль над исполнением закона на местном уровне и обеспечение необходимых условий в городах

² *Dewsnup, E. R.* The Housing Problem in England. Its Statistics, Legislation and Police / E. R. Dewsnup. Manchester, 1907.

³ *Михайлов. А.* Ассоциации. Очерки практического применения принципа кооперации в Германии, в Англии и во Франции / А. Михайлов. СПб., 1873.

(строительство жилья, качественное водоснабжение, уборка мусора и т. д.)⁴.

Осознание обстоятельств, что правильно спланированное городское пространство и хорошее жилье являются одними из основ социального порядка, побуждало предпринимателей и городские власти к более активному вмешательству в соответствующие процессы. Безусловно, не все проблемы были решены. В период с конца XVIII в. до начала XX в. ведущим европейским державам удалось найти компромисс между государством и предпринимателями в области решения городских проблем, разработать и использовать в повседневной жизни законодательные акты, направленные на улучшение жилищных, бытовых проблем граждан.

⁴ *Graham, P. A.* The rural exodus. The problem of the village and the town / P. A. Graham. London, 1892.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ПРАВАХ РАБОЧИХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ ВЕСТНИК» (1856–1862 гг.)

*И. Г. Адоньева, к.и.н.
(НГТУ)*

«Либеральный» период журнала «Русский вестник» можно отнести к уникальному явлению истории отечественной печати, когда в прессе стали открыто обсуждаться все проблемы Российской империи. Дискуссии о будущем судебной сферы развивались в каждом номере журнала. В рассматриваемый период рабочий вопрос еще не превратился в серьезную для России проблему, ставшую предметом внимания государства и общества. Особенности экономического и социального развития привели к фактическому отсутствию трудового законодательства, в то время уже активно действовавшего в европейских странах. Кроме того, целевой аудиторией «Русского вестника» являлась интеллектуальная элита империи, которой, по причине преимущественно дворянского происхождения, в рассматриваемый период был более близок и актуален крестьянский вопрос, нежели рабочий. Однако сюжеты, связанные с трудовым законодательством и правами наемных работников становились, хотя и второстепенным, предметом внимания публицистов.

Публикации, посвященные заявленной проблеме, можно условно разделить на две группы. Во-первых, это статьи, затрагивающие различные аспекты социально-экономического развития Англии, что соотносилось с позицией М. Н. Каткова. Во-вторых, анализ новой для России практики судебного решения споров между рабочими и нанимателями.

В пасторальном «Извлечении из донесения Шарля Деносте», целью которого была презентация гармоничной жизни Туманного Альбиона, говорилось: «Всякого иностранца в Англии поражает отсутствие видимого контроля над рабочими, не то, что на протяжении всего государства, но даже в самой его столице»¹. Автор тщательно

¹ Извлечение из донесения Шарля Деносте // Русский вестник (далее – РВ). 1857. № 4. Кн. 1. С. 399–426. С. 399

подчеркивал самостоятельность и ответственность англичан, их приверженность к самоуправлению и соблюдению правопорядка. Поэтому, по мнению Деносте, «упразднив корпорации и цехи в старинных городских судах, правительство не завладело упраздненными местами, не ввело безапелляционной администрации, не ввело законов предпринимательских»². В англоманском «Русском вестнике» страна представляется абсолютно бесконфликтной, а если и случаются спорные ситуации, то они успешно решаются судьей. Говоря о трудовом законодательстве в ключе соблюдения прав рабочих, Шарль Деносте счел возможным упомянуть: «Актом 14 августа 1850 г. парламент выразил желание, чтобы внутри минеральных и угольных копий при проведении работ, при употреблении машин, в способе освещения, освежения воздуха, преимущественно в проведении света, – ничего не было оставлено без внимания такого, что могло бы повлечь за собой какую-либо опасность для работников; он объявил, что сочтет неисполнение всех указанных обязанностей за непростительную беспечность и невнимание»³. Автор стремился создать впечатление, что в Англии господствует законопослушание и соблюдение прав всех слоев населения, в том числе и рабочих.

Кандидат права Е. М. Феоктистов, придерживающийся в начале своей карьеры либеральных взглядов, активно сотрудничал с М. Н. Катковым, к которому испытывал безграничное уважения, считая редактора творцом общественного мнения России⁴. Поддерживая развиваемое в журнале англофильство, отчасти из солидарности с издателем (гонорары играли не последнюю роль в благосостоянии молодого юриста), отчасти из собственных убеждений, он также создавал картину общества полного взаимного согласия, хотя и на фоне борьбы рабочих за предоставление избирательного права: «Видя, с какой заботой стремились рабочие классы о сохранении строгого порядка, несмотря на все раздражение своих страстей, как проповедовали они постоянно об уважении к законности, как охотно преклонялись перед существующими учреждениями, многие готовы видеть в упомянутом нами движении самое убедительное доказательство того,

что классы эти достаточно созрели для политической жизни; другие напротив, рассматривая вопрос с точки зрения притязаний, выставляемых рабочими в происходящем кризисе с точки зрения политико-экономических понятий, обнаруженных ими, произносят о них несравненно более строгое суждение и пророчат больше действия для государства, если они будут допущены вдруг без ограничения к участию в политических правах»⁵. Изображаемое таким образом взаимодействие рабочих и правительства создавало впечатление их полного взаимопонимания и невозможности противостояния.

Весьма скудно передавая события из жизни английских рабочих, связанные с их правовым статусом, авторы не проводили параллелей с российскими реалиями по причине отсутствия аналогов. Основной целью текстов была репрезентация симпатичного М. Н. Каткову общественно-политического строя Туманного Альбиона, где даже рабочие обладают высокой правовой культурой и используют исключительно законные методы для улучшения своего положения.

Рассмотрению трудовых споров в Санкт-Петербурге и Москве были посвящены статьи 1859–60 гг., посвященные анализу деятельности специально созданных с этой целью комиссий. Это был фактически первый опыт публичного освещения результатов словесного отправления правосудия. Говоря о деятельности комиссии, работавшей в Петербурге, автор констатировал, что «с 31 июля 1858 г. по 1 мая 1859 г. в комиссию поступило 938 дел, из коих окончено ей 773 дела, всего на 400000 р., в том числе 460 дел окончены мировыми соглашениями при содействии членов комиссии»⁶. Именно поэтому деятельность комиссии была оценена как конструктивная, и в статье высказывалось пожелание, что принципы словесности и гласности найдут свое воплощение в будущей судебной реформе. Однако автор отмечал, что экспериментальное правосудие оказалось доступно не всем: к рассмотрению принимались иски ценой не менее 100 р. при числе заявителей не менее 10 человек⁷.

Одним из существенных замечаний членов комиссии, с которым согласился «Русский вестник» было то, что поверенные: «нередко затягивали и запутывали производство своими изворотами, подачей

² Извлечение из донесения Шарля Деносте. Извлечение из донесения Шарля Деносте. С. 404.

³ Там же. С. 409.

⁴ Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Электронный ресурс. URL: http://dugward.ru/library/feoktistov/feoktistov_zh_kulisami_politiki_i_literatury.html#003

⁵ Феоктистов Е. М. Стачка рабочих в Лондоне // РВ. 1860. № 5. Кн. 2. С. 217–257. С. 217

⁶ Внутренние известия // РВ. 1859. № 11. Кн. 2. С. 166–173. С. 167.

⁷ Современная летопись. Словесный суд в Москве // РВ. 1860. № 9. С. 80–88. С. 80.

длинных письменных отзывов. Примирение же тяжущихся при участии поверенных становилось практически невозможным»⁸. Автор указывал на позитивное влияние присутствовавших в составе комиссии членов от министерств и от сословий, которые, как раз, и умели договориться с тяжущимися. Причины видятся в низком уровне и корыстных интересах «ходатаев по делам», которые в дореформенный период не отличались профессионализмом, а также присутствию традиционных элементов в правовой культуре рабочих.

Таким образом, в «Русском вестнике» вопрос о правовом положении рабочих в середине XIX в. только наметился. Применительно к Европе наибольшее внимание уделялось Англии. В этом аспекте борьба пролетариата за свои права представлялась как гармоничное взаимодействие народа и правительства по поводу политических прав. Характеристика российской ситуации выглядела гораздо более скромно: речь шла только о первых попытках разрешения трудовых споров в ключе будущей судебной реформы. Именно поэтому не обсуждался вопрос о специализированном рабочем законодательстве, а, тем более, о политических правах пролетариата.

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ НА МУЗЫКУ В СССР

Д. А. Акулова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Идеологическая политика в СССР охватывала все сферы культурной жизни страны: литературу, кино, театр и даже музыку, подтверждением чему может служить творческая судьба известного композитора Д. Д. Шостаковича.

До сих пор идут споры по поводу влияния идеологической политики КПСС на творчество Д. Д. Шостаковича. Не так давно в США вышла книга С. М. Волкова «Шостакович и Сталин: художник и царь»¹, в которой описывается судьба Д. Д. Шостаковича, полная невзгод, причиной которых автор считает позицию советской власти. Но есть и другая точка зрения², согласно которой благодаря И. В. Сталину Д. Д. Шостакович стал всемирно известным композитором.

Первое столкновение правителя СССР и композитора произошло в 1936 году, поводом стала опера «Леди Макбет Мценского уезда»³, поставленная по одноименной повести Н. С. Лескова. Премьера состоялась в январе 1934 года в Ленинграде, затем опера шла в Москве. В обеих культурных столицах она получила широкое признание публики. Премьеры прошли и за пределами СССР: в США, Англии, Швеции и Швейцарии. И в 1936 году И. В. Сталин со своим ближайшим окружением пришел в Большой театр, чтобы лично оценить постановку.

Мнение вождя о данной опере было очевидным. Кремлевские гости ушли из театра, не аплодируя актерам, а на следующий день в газете «Правда» появилась разгромная статья про «Леди Макбет» и композиторский стиль Д. Д. Шостаковича, озаглавленная «Сумбур вместо музыки». Автор статьи неизвестен, но то, что И. В. Сталин имел к ней отношение, сомнения не вызывает. Либо он сам писал этот текст, либо

⁸ Современная летопись. Словесный суд в Москве. С. 82.

¹ Волков С. М. Шостакович и Сталин: художник и царь. М.: Эксмо, 2006.

² Жуков Ю. Н. Иной Сталин Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2005.

³ Оперу также стали ставили под названием «Катерина Измайлова».

в соавторстве с А. А. Ждановым, либо же это просто его слова, которые были записаны журналистом, потому статья и не была подписана.

«Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный сумбурный поток звуков, – возмущался автор, – обрывки мелодии, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге. Следить за этой «музыкой» трудно, запомнить ее невозможно... Музыка крикает, ухает, пыхтит, задыхается, чтобы как можно более натурально изобразить любовные сцены. И «любовь» размазана по всей опере в самой вульгарной форме... Хищница-купчиха, дорвавшаяся путем убийств к богатству и власти, представлена в виде какой-то «жертвы» буржуазного общества. Бытовой повести Лескова навязан смысл, которого в ней нет... Это левацкий сумбур вместо естественной человеческой музыки... Композитор прошел мимо требований советской культуры изгнать грубость и дикость из всех углов советского быта... Это игра в заумные вещи, которая может кончиться плохо»⁴.

В своей опере Д. Д. Шостакович попытался соединить сатиру на весь окружающий мир, трагедию главной героини и завязывал сюжетную канву на эротическом подтексте. Но в это время в СССР существовали совершенно другие идеологические установки, озвученные И. В. Сталиным на первом заседании съезда Союза Писателей, где был взят курс на «социалистический реализм», суть которого свелась к формуле «простота и народность». Не менее важным является тот факт, что большое внимание Кремль начинает уделять семейной политике: были запрещены аборты, возвращалось негативное отношение к «гражданским бракам». Власть поняла, что традиционная семья не несет с собой контрреволюционности, а наоборот, укрепляет социальное единство советского государства.

Одной из самых ярких сцен оперы было изображение каторги, что в 1936 году тоже было не ко времени. В 1935 году было закрыто общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, журнал «Каторга и ссылка»⁵. То есть Сталин хотел забыть эту тему и, конечно, не использовать ее в идеологической политике.

Таким образом, опера совершенно выходила за русло культурной политики партии, поэтому она не могла вызвать одобрение властей.

«Власти подсказывали творцам нужное направление. Создавалось государственное управление культурой и искусством, великий «советский Голливуд», который действительно стал эффективным воспитателем населения»⁶.

Так или иначе, после этой статьи в «Правде» творчество Д. Д. Шостаковича пошло в другом направлении. В скором времени после «Леди Макбет» он написал Пятую симфонию. На ее премьере аплодисменты не затихали 40 минут. Бесспорно, этот шедевр признал весь мир, не остался он незамеченным и для действующей власти. В той же «Правде» появилась статья, называющая симфонию «деловым творческим ответом советского художника на справедливую критику...»⁷. В 1940 году Д. Д. Шостакович был награжден орденом Трудового Красного знамени.

В 1942 году Д. Д. Шостакович пишет одно из самых великих своих произведений – Симфонию №7, которая дала блокадному Ленинграду мощный духовный заряд. 9 августа 1942 года состоялась премьера симфонии, ее транслировали по радио и уличным громкоговорителям в Ленинграде. Симфония была исполнена и в Нью-Йорке, трансляцию вели все радиостанции Северной и Латинской Америки. Таким образом Д. Д. Шостакович разрушает тот образ СССР, который пытался создать Гитлер. За свои творческие успехи Д. Д. Шостакович получает одну из самых высоких наград в СССР – Сталинскую премию.

В 1948 году Д. Д. Шостакович и ряд других композиторов были обвинены в формализме и пресмыкательстве перед Западом. Но уже в 1949 году композитор пишет ораторию «Песнь о лесах», которая становится образцом советского патриотического искусства. В том же году Д. Д. Шостакович представлял СССР на Всеамериканской конференции по защите мира в Нью-Йорке, где высказался о том, что согласен со всем, что пишет советская пресса и, в целом, поддерживает советскую власть.

Какую бы оценку ни давали исследователи взаимоотношениям И. В. Сталина и Д. Д. Шостаковича, подводя итог, хотелось бы отметить, что только в 1960 году Д. Д. Шостакович вступил в КПСС, а до этого момента он был беспартийным. Существующие конфликты с действующей властью не помешали ему за свои заслуги перед советским государством получить 5 Сталинских премий.

⁴ Сумбур вместо музыки // «Правда», 28 января 1936 г.

⁵ Мы учитываем, что среди политкаторжников также были уклонисты и инопартийцы, однако рассмотрение их политической деятельности остается за рамками объекта настоящего исследования

⁶ Рыбас С. Сталин. М.: Молодая гвардия, 2009. С 348

⁷ Волков С. М. Шостакович и Сталин: художник и царь. М.: Эксмо, 2006. С. 274

Пример взаимоотношений И. В. Сталина и Д. Д. Шостаковича демонстрирует патерналистское отношение государства к культуре, которая является продолжением политического воспитания. Поэтому ограничивающие действия по отношению к творчеству Д. Д. Шостаковича были показательными, но не уникальными. В целом, политика кнута и пряника по отношению к представителям культуры в сталинский период была столь же эффективным, сколь и неотъемлемым инструментом достижения политических целей.

В советский период появилось много патриотических песен, которые помогали в создании образа идеального государства – Страны Советов⁸. Наибольшую популярность в 1930–1940-е гг. получает музыка из фильмов, которая была создана на основе любви в Родине, осознания ее величия, а также уважения к действующей власти. Песни военных лет – это еще одна важная веха в музыкальной истории СССР. Все гимны, марши и песни, посвященные Великой Отечественной войне, обладают мобилизационной силой, дают необходимую поддержку народу, повод для гордости за свою страну и, безусловно, стимулируют к дальнейшим свершениям во благо Родины.

Наверное, это наилучший показатель того, что идеологическая политика в СССР не упускала ни одного из направлений духовной сферы общества. В советский период радио и кино были важными инструментами распространения идей о том, что именно Советскому Союзу удалось построить идеальное общество. Это доказывают слова одной из самых популярных в то время песен: «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек⁹».

⁸ Например, «Утро красит нежным цветом», «Марш Советских танкистов», «Марш артиллеристов», «Широка страна моя родная» и многие другие

⁹ Слова из песни «Широка страна моя родная» (композитор – И. Дунаевский, слова – В. Лебедев-Кумач; год написания – 1936; написана для фильма «Цирк»).

ОБЩЕСТВО XVIII ВЕКА ГЛАЗАМИ ШОТЛАНДЦА АДАМА ФЕРГЮСОНА

*М. Г. Алексашина
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Адам Фергюсон, наряду с Дэвидом Юмом и Адамом Смитом, стоял у истоков Просвещения в Шотландии. Фергюсон интересен оригинальными взглядами на проблемы гражданского общества и цивилизованного мира. В своих произведениях он рассматривал вопросы о естественном состоянии, о прогрессе общества. Говоря о проблемах движения к цивилизации, мыслитель ввел такое понятие как коррупция. Для него коррупция – это не столько лживость и продажность чиновником, а моральное разложение самого общества. Добровольный отказ от своих гражданских прав, стремление к роскоши и комфорту приводит к нравственной деградации. Это плата за общественный прогресс. В этом Фергюсон абсолютно искренен, он не воспевает торжество прогресса как многие мыслители Просвещения, а говорит правду.

Что касается естественного состояния человека, то он считает, что оно всегда было и будет, а прогресс общества заложен в самой природе человека. Для Фергюсона «война всех против всех» никогда не существовала, а человек всегда жил в сообществах. Отсюда – природа человека изначально социальна.

Нацию шотландский философ рассматривает как целостное образование. Чтобы появилась нация, индивид отказывается от грубых черт своей естественной свободы, но отказывается добровольно. Нации развиваются различными темпами, отсюда вытекает многообразие политических форм различных сообществ. Фергюсон строит свою концепцию форм правления: на одном полюсе у него совершенная демократия, на другом – абсолютный деспотизм. Первая характеризуется совершенной добродетелью, а вторая – полной развращенностью общества.

Неравенство, по мнению мыслителя, появляется в то момент, когда утрачивается подлинная любовь и уважение к своему правителю. Возникает потребность в конституции. Но еще ни одна конституция, ни одно правление не было результатом полного согласия общества.

Поэтому и возникает неравенство, как некая неудовлетворенная потребность в участии в общественном процессе, как отсутствие свободного доступа к законотворчеству.

Национальный вопрос, анализ форм правления, неравный доступ человека к социальным ресурсам – все это ведет, по мнению Фергюсона, к, так называемой, коррупции общества. Шотландец выделяет причины такой моральной коррумпированности: окружающие условия могут препятствовать развитию талантов или сама нация утратила смысл понятия чести и счастья человека. Каждый член испорченного общества ищет выгоду лишь для себя, используя при этом все возможные методы, т. е. ни о какой морали и нравственности речи не идет.

Сравнивая общество высокой цивилизации и варварское общество, Фергюсон находит общую черту – состояние коррупции. Отсюда вывод: пребывая на низшей стадии, общество коррумпировано, затем оно прогрессирует (одновременно развиваются моральные качества), но, достигнув высшей стадии, в обществе опять появляется коррупция. Общество ищет средство борьбы, но это долгий процесс: «С развитием цивилизации обнаруживаются новые несоответствия и изобретаются новые средства исцеления: однако, лекарство не всегда появляется одновременно с болезнью; и законы, вызываемые к жизни совершенными преступлениями, отражают не имеющую место коррупцию, а стремление найти средство истребления некоторых застаревших язв, поразивших государство давным-давно¹». В этой цитате заключена мысль об определенном замкнутом регрессивном круге. Да, Фергюсон дает шанс на выздоровление, но оно происходит скачкообразно, новый слой коррупционных пороков наслаивается на предыдущий.

Одним из ключевых понятий, использованных для объяснения коррупции, является роскошь. Фергюсон рассматривает роскошь с двух сторон. Во-первых, роскошь – это то, что отличает цивилизованный мир от варварского, т. е. тут речь идет о положительной оценке. Во-вторых, именно роскошь толкает нацию на путь коррупции.

Существует определенная параллель между степенью обладания роскошью в обществе и формой правления: « В этом плане роскошь, помимо ее морального воздействия, не приемлет демократической формы правления и при любой форме общества может быть допусти-

ма лишь в той мере, в какой допускается неравенство в положении различных членов общества и в какой принцип подчинения играет роль конструктивного элемента общества². Изобилие предметов роскоши, по мнению Фергюсона, необходимо при монархической и смешанной системах правления, где роскошь поощряет ремесло и торговлю и придает особый блеск тем наследственным или конституционным регалиям, которые играют важную роль в этих политических системах.

Фергюсон дает несколько советов для морально чистой нации и для коррумпированной нации. В первом случае, он считает, что правительству даже не стоит определять какие-то меры наказания, санкции для предполагаемых преступников, т. к. человек по своей природе не способен совершить нечто плохое, а, следовательно, и напрасно карать его не нужно. Во втором случае, он предлагает метод силы: «Плетями и виселицами должны подкрепляться доводы государства, требующего от индивида осторожного поведения и не ожидающего от него, что тот будет руководствоваться такими мотивами, как добродетель³». Создается впечатление, что Фергюсон оправдывает деспотию. Но стоит заметить, что деспотия для него – это, прежде всего, метод борьбы с испорченным обществом.

Шотландский философ считает, что свобода государства и свобода граждан могут сосуществовать, но не в равной пропорции. Для Фергюсона важно само участие граждан в политическом процессе. Суверен не может создать из раболепствующих людей свободную нацию. Они должны сопротивляться, чтобы нация оказалась свободной на деле. Если же народ инертен, то власть суверена будет распространяться и достигнет своего апогея в виде деспотии, чего допустить нельзя: «Рабство пало на человечество как шалость уязвленного честолюбия, жестокости тирании совершались в темные часы разгула ревности и ужаса⁴. Для поддержания правильности нации нужно демократическое правление, нужна конституция, которая позволяет каждому индивиду занимать положение, определяющееся его способностями и умениями. Конституция призвана регулировать каждый политический институт, каждого политического деятеля и каждого гражданина. Шотландец рассматривает вопрос свободы с единственной целью – показать состояние свободы нравственно чистого человека и состояние свободного развращенного человека. Для него эти

¹ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. С. 142.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же. С. 157.

понятия антагонистичны. В некоррупцированном обществе человека сдерживает свобода, предоставленная ему государством, в испорченном его никто не сдерживает.

Таким образом, Адама Фергюсона можно назвать смельчаком своего времени. Он не побоялся показать цену прогресса цивилизованному миру. «Опыт истории гражданского общества» сделал его знаменитым не только среди шотландских literati, но и среди европейских просветителей.

НОТАРИАЛЬНЫЕ КНИГИ ДЛЯ ЗАПИСИ ДОГОВОРОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТОРГОВОЙ ЖИЗНИ КОЛОМНЫ 20-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Д. Е. Антонова
(МГОСГИ)

Система нотариата в Российской империи до «Великих реформ» не имела четкого оформления. Еще с петровских времен (Вексельного устава 1729 г.), нотариусы упоминались вместе с маклерами в законодательных актах, регулирующих различные виды предпринимательской деятельности. Наиболее подробным описанием полномочий нотариусов первой четверти XIX века является Указ о гербовом и крепостном сборах от 24 ноября 1821 года¹, где указаны нотариальные книги и требования к их оформлению. Тем не менее, при явной нечеткости нотариального законодательства документы, исходящие от нотариусов, могут значительно обогатить представления о социально-экономической жизни городов своего времени.

С этой целью была изучена «Книга для записи договоров нотариуса города Коломны Кислова Ивана» за 1825 год (далее – «Книга»), которая хранится в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГА Москвы, ф. 2034 – «Коломенский маклер Кислов Иван г. Коломна, Московской губ.»). Сохранность данного источника, впервые вводимого в научный оборот, хорошая. Записи сделаны от руки чернилами на листах с обеих сторон без помарок, листы прошиты и пронумерованы, записи следуют в хронологическом порядке по месяцам одного года.

Анализ содержания «Книги» позволил выявить три основные группы вопросов, с которыми жители Коломны обращались к нотариусу. Это: 1) наем и аренда торговых помещений в городе (17 записей), 2) подряды на перевозку товаров (8 записей), 3) приобретение крестьян у помещиков или же самостоятельное устройство на работу людей на определенный период (7 записей). Мини-группы (по 1–3 записи) относятся к распоряжению землей, строительству, персональному закреплению производства отдельных товаров. Незначителен

¹ ПСЗ. Собрание первое. Т. XXXIV. № 28814. С.918

перечень дел о размерах приданого дочерям, приобретении и пользовании наследством.

Рассмотрим содержание некоторых групп записей с учетом специализации Коломны, чьи жители, занимались, в основном, посредническими операциями по поставкам товаров в обе столицы (разумеется, часть товара и собственной продукции реализовывались и в городских торговых рядах).

Нотариальные записи первой группы, позволяют реконструировать детали процесса найма и сдачи в аренду торговых лавок, а также определить размеры, внутреннюю планировку и интерьер торговых помещений. Проиллюстрируем это содержанием договора аренды, заключенного хозяином лавки – коломенским мещанином Е. Е. Лахонькиным с крестьянином с. Дединова Л. И. Боровковым («по позволению родителя и по совету брата» выбравшего место). Объектом аренды выступала каменная лавка, расположенная в Житной линии торговой площади; она, кроме внешних преимуществ (пристройка, отхожее место и пр.), имела вполне пристойный внутренний вид. А именно: «полуциркульные шкафы, глухие комоды чистой лучшей столярной работы, выкрашенные приличною краскою под лаком, поперек лавки две комоды с дверкою в проходе на железных петлях и накладной доскою на петлях же, дверь со стеклами». В задней части лавки располагалась выкрашенная светелка с двумя печами: одна куточная, другая с лежанкой «изращатая»².

В договорах приведено место расположения лавок как относительно значимых городских ориентиров (Пятницкой башни, Спасской улицы и пр.), так и внутри коломенского торгового района (Рыбный, Москательный, Масленный ряды в Житной линии). Присутствует аренда лавок и на главной городской улице – Большой Астраханской³. Нередко адрес лавки определялся в документе через соседство с владельцами других лавок («посреди Гостинного двора, с одной стороны на Алексеевскую улицу, с другой к лавочке мещанина Макара Суранова»⁴). Такие сведения, несомненно, полезны при изучении топографии торговых объектов города XIX века, перестроенных, исчезнувших по ветхости или снесенных при новом строительстве.

² Нотариус г. Коломны. Книга для записей договоров по Коломне, 1825 г. // Центральный государственный архив г. Москвы, Ф. 2034. Оп. 1. Д. 14. Л. 14 об.

³ Нотариус г. Коломны. Книга для записей договоров по Коломне, 1825 г. // ЦГА г. Москвы, Ф. 2034. Оп. 1. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 12 об.

В нотариальных записях второй группы подробно расписан алгоритм выполнения подрядов по перевозке, с указанием: кто, на чем и куда повезет товар, стоимость товара и передача его по прибытии в пункт назначения. Эти записи дают возможность определить: персоналии купцов, торговавших со столицами, объемы и стоимость поставок, способы транспортировки товаров на место, действия поверенного в Коломне (при отсутствии купца в городе) и принимающего товар в Москве или Санкт-Петербурге. Примечательно, что в Коломне такие договоры заключались преимущественно зимой (с января). Это обуславливалось, во-первых, удобством зимнего пути для подвод, во-вторых, необходимостью быстрой перевозки скоропортящегося свежего мяса и рыбы. Все подводы, отправлявшиеся из Коломны в Санкт-Петербург, нанимались коломенскими и московскими купцами: С. А. Рудометкиным, М. В. Щукиным, В. Симониным, Ф. К. Шапошниковым и его приказчиком купцом П. Тулиновым. Наряду с купцами, на доставку подряжались крестьяне (Московской, Тверской, Новгородской, Рязанской губерний) и ямщики – все, разумеется, на своих подводах («поезд» включал до 30 подвод). В Коломне они получали половину стоимости перевозки, вторую часть – в Санкт-Петербурге. Купцы-заказчики включали в договор серьезные гарантии по благополучной доставке товаров: в случае порчи и утрате товара нотариально заверялась обязанность подрядчиков выплатить его полную стоимость, причем, по максимальной действующей цене на этот товар в Санкт-Петербурге. Укажем, что объем перевозок был весьма значителен для своего времени: мяса (свежего и солонины) 700–1800 пудов «за раз», рыбы 900 пудов. Стоимость доставки пуда мяса в среднем составляла 1 руб. 25 коп., а рыбы – 1 руб. 10 коп. При удачной сделке перевозчики получали приличный заработок: за прогон свыше 900 руб. на 4–8 человек (в зависимости от подряда). Здесь уместно подчеркнуть, что исследователями коломенской торговли ранее только упоминались размеры таких поставок; нотариальные же книги, как новый источник, ценны раскрытием обстоятельств подрядов, торговых сборов и сумм сделок в этой сфере.

Из нотариальных записей, посвященных внутригородской торговле, уделим внимание записи от 28 апреля 1825 года. Согласно ей, коломенский купец Григорий Сидоров Яковлев зарегистрировал продолжение своего управления важней⁵ на Житной (торговой) площа-

⁵ Важня – а) весы, б) строение, в котором помещаются валовые весы с принадлежностями, иногда и хлебные и др. меры, на торгах, базарах, биржах (производное: важник – весовщик).

ди (располагалась важня внутри «обывательских лавок»). Избрание Яковлева управляющим состоялось в Коломенской градской Думе в присутствии уездного казначея и стряпчего. Примечательно, что торги (за место) были троекратные и, по словам Яковлева, включали «переторжки». В результате, право на четырехлетнее обладание важней осталось за прежним управляющим. Конкурентная борьба за важню не случайна и демонстрирует значимость контроля за официальным и единственным местом в Коломне, где проходило завешивание товара «заклейменными гирями». Одновременно на Яковлева возлагался ряд обязанностей. Главное, сбор налога с товаров: 20–25 коп. – с привезенных на возах; не более 5 коп. – за «куль, припльвших на судах»; 2 коп. – за пуд меда, воска, дегтя, мыла, ягод, шерсти, туш свиных и бараньих, сала бараньего и свиного, груш, орехов, хмеля, масла; 10 коп. – за куль соли; 10 коп. – за продажу скотины крупной, 5 коп. с штуки – за продажу скотины мелкой, 2 коп. – с каждой из кож). Также владелец важней помогал устанавливать не имеющим лавок торговцам столы, полки, телеги и сани (при плате за торговое место не более 3 руб. в месяц). Как видим, управление важней носило монопольный характер и способствовало исключительному влиянию ее владельца на городскую торговлю. Не случайно Яковлев заплатил за это право в городскую казну значительную сумму – 12 600 рублей⁶.

Таким образом, нотариальные книги содержат важную, а в ряде случаев и уникальную информацию об экономической жизни Коломны 20-х годов XIX века, что позволяет в подробностях реконструировать многие аспекты городской торговли в преддверии промышленного переворота.

⁶ Нотариус г. Коломны. Книга для записей договоров по Коломне, 1825 г. // ЦГА г. Москвы, Ф. 2034. Оп. 1. Л. 13–13 об.

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В РКП(б) (1922–1923 гг.)

Д. И. Апальков
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Поворотным событием на пути к бескомпромиссной борьбе за власть в большевистских верхах можно считать момент, когда в мае 1922 г. с В. И. Лениным случился инсульт, поставивший вопрос о сохранении его жизни. Именно в эти летние месяцы 1922 г., когда вопрос о политическом преемнике Ленина мог в любой момент встать в практическую плоскость, и стала складываться «тройка», состоявшая из членов Политбюро Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и И. В. Сталина. Каждый из них имел притязания на лидерство в партии после ухода Ленина.

Основные усилия этого негласного союза были направлены против Л. Д. Троцкого и его сторонников. Выбор Троцкого в качестве политического противника был основан на логике борьбы за власть. Троцкий, занимавший должность председателя Реввоенсовета, имел заслуженную репутацию второго человека в русской революции. При этом его политические амбиции были более чем очевидны. В полной мере они проявились во время дискуссии о профсоюзах, развернувшейся в партии в конце 1920 – начале 1921 гг.¹

Наряду с этим историки отмечают и тот факт, что Троцкий, вступивший в большевистскую партию лишь накануне Октябрьской революции, оставался чужаком для «ленинской гвардии»². Недоверие к Троцкому со стороны многих «старых большевиков» еще более усиливалось в связи с их привычкой проводить аналогии с Великой французской революцией. Популярность и влияние Троцкого в Красной армии порождали опасения по поводу возможности повторения

¹ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929. М., 2008. С. 37–48.

² Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929. М., 2006. С. 48; Пайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 541.

сценария Великой французской революции, закончившейся установлением военной диктатуры Наполеона Бонапарта³.

Тактика «тройки» по отношению к Ленину сводилась к тому, чтобы не вступая с ним в открытый конфликт, по возможности отстранить его от принятия решений. В то же время «тройка» рассчитывала на его помощь в своем стремлении отсечь Троцкого от руководства. Соответствующее предложение Каменева было отвергнуто Лениным в резкой форме в записке, написанной им после возвращения в Москву 2 октября 1922 г.⁴

Как видно из анализа «Письма к съезду»⁵, Ленин не находил в своем окружении кандидатов, в полной мере достойных возглавить партию и государство. Но главные опасения Ленина были связаны с фигурой Сталина, использовавшего секретарскую должность для укрепления своих позиций во власти.

Сталин, избранный генеральным секретарем на пленуме ЦК 3 апреля 1922 г., сумел за короткий срок превратить Секретариат ЦК из организационно-технического органа в политический механизм. Вопрос о механизме сталинской власти достаточно подробно изучен в историографии⁶. Главным рычагом властных полномочий Сталина стала система подбора и назначения кадров через Учетно-распределительный отдел, находившийся в подчинении Секретариата ЦК. Партийные функционеры, получавшие назначение через Учраспред ЦК, становились «людьми Сталина». В целом в 1922–1923 гг. в партийном аппарате сложилась сталинская система патрон-клиентских отношений.

До осени 1923 г. борьба между «тройкой» и Троцким ограничивалась рамками Политбюро. В отсутствие Ленина Политбюро состояло из шести членов. Помимо «тройки» и Троцкого членами Политбюро являлись А. И. Рыков и М. П. Томский. Председатель ВЦСПС Томский стал политическим оппонентом Троцкого еще в период дискус-

сии о профсоюзах. В сложившейся ситуации Троцкий мог рассчитывать лишь на поддержку Рыкова по тому или иному вопросу. Таким образом, расстановка сил в Политбюро позволяла «тройке» провести любую резолюцию, отстранив Троцкого от принятия ключевых решений.

На сентябрьском пленуме ЦК 1923 г. «тройка» предприняла наступление на позиции Троцкого в Реввоенсовете. В результате 25 сентября Троцкий демонстративно покинул пленум⁷. В тот же день уже без участия Троцкого было принято постановление «О составе РВСР», предопределившее вхождение в состав Реввоенсовета К. Е. Ворошилова и М. М. Лашевича (первый – из окружения Сталина, второй – Зиновьева)⁸. Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что постановление «О составе РВСР» спровоцировало обострение внутрипартийной борьбы, положив начало дискуссии 1923 г.

Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим, что можно выделить два ее этапа. На первом, «верхушечном» этапе дискуссия ограничивалась рамками политической элиты (члены ЦК и ЦКК, а также «старые большевики»). Выступая против аппаратного бюрократизма и назначенства в партии⁹, Троцкий по существу повторил платформу «рабочей оппозиции», разгромленной ранее при его непосредственном участии. Черту под первым этапом дискуссии подвел октябрьский объединенный пленум ЦК и ЦКК, осудивший Троцкого и других представителей оппозиции за фракционную деятельность¹⁰.

Начало общепартийного этапа дискуссии было положено статьей Зиновьева «Новые задачи партии», появившейся в «Правде» 7 ноября 1923 г. Принятие местными партийными организациями нужных, угодных «тройке» резолюций обеспечивалось системой секретарской иерархии, возглавляемой Сталиным¹¹. Более того, первый помощник Сталина в Секретариате ЦК А. М. Назаретян, возглавивший в декабре 1923 г. отдел партийной жизни в редакции «Правды», использовал прямой подлог и фальсификацию поступающих резолюций¹².

³ Дойчер И. Указ. соч. С. 111.

⁴ Наумов В. П. 1923 год: судьба ленинской альтернативы // Коммунист. 1991. № 5. С. 36.

⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 345–346.

⁶ См., например: Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002. С. 50–75; Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 82–90; Роговин В. З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992. С. 44–47; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. М., 1990. С. 272; Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 246–247.

⁷ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 68.

⁸ Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. М., 2004. С. 147–149.

⁹ Там же. С. 159–160, 223–226.

¹⁰ Там же. С. 266–267.

¹¹ Там же. С. 350–351.

¹² Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 361–363.

Итоги общепартийной дискуссии подвела XIII партконференция, состоявшаяся 16–18 января 1924 г. Она приняла развернутую резолюцию, которая нанесла первый серьезный удар по политической репутации Троцкого и его сторонников. Впервые позиции Троцкого были квалифицированы как «попытка ревизии большевизма», «прямой отход от ленинизма» и «явно выраженный мелкобуржуазный уклон»¹³. Так было положено начало политической дискредитации Троцкого, его превращению из триумфатора революции и гражданской войны в политического еретика.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984. С. 156.

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВРАЧА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ И В ЦЕРКОВНЫХ ПРОПОВЕДЯХ В ПЕРВУЮ ЭПИДЕМИЮ ХОЛЕРЫ (1831 г.)

*К. С. Барабанова
(СПб ИИ РАН)*

Первая эпидемия холеры в Петербурге (14 июня – 5 ноября 1831 г.) стала той чрезвычайной ситуацией, когда обострились не только фобии горожан, но и проблемы в медицинской сфере. Представляется, что первую эпидемию холеры в Петербурге можно условно разделить на два периода. Первый – начало эпидемии и холерные бунты и второй период, когда происходит преодоление проблем, которые высветили холерные бунты.

В начале эпидемии была создана временная противоэпидемическая инфраструктура. Были разработаны правила принудительной госпитализации, которые в сочетании с неготовыми к приему пациентов больницами, вызвало к жизни слухи о том, что в больницы забирают здоровых и убивают.

Горожане были уверены, что медики состоят в заговоре с поляками, то есть «отравителями». Петербуржцы считали, что холеры как болезни не существует, но «отравители» подсыпают яд в колодцы и Неву. Врачи же были их главными сообщниками. На медиков нападали на улице, выкидывали из окон холерных больниц.

После Холерного бунта на Сенной городские власти начали предпринимать попытки преодолеть отрицательный образ врача и тем самым предотвратить повторение холерных волнений.

В конце июня городские власти начали уделять пристальное внимание целенаправленному формированию положительного образа медика. В статье, помещенной в «Северной пчеле», военный генерал-губернатор П. К. Эссен с похвалой отзывался о самоотверженной службе врачей во время эпидемии и призывал горожан их уважать. Нравоучительно звучит наставление о том, что преследование врачей «внушенное совершенным безумством и крайним невежеством, есть не только нарушение общественного порядка, но и самая постыдная неблагодарность к людям, которые посвятили все труды и усилия свои на пособие страждущему человечеству, на облегчение недугов и

спасение жизни своих ближних»¹. Было заявлено, что «подобные беспорядки и убийства ни под каким видом терпимы быть не могут, и что всякий, кто малейшим образом дерзнет оказать неповиновение полицейским или другим установленным от правительства властям, или же осмелится преследовать врачей или какого другого, подвергнется строжайшему, по законам, наказанию»².

В июле 1831 г. начинают появляться благодарности врачам, которые публиковались в газетах. 2 июля в «Северной пчеле» была опубликована благодарность титулярного советника Гинтера к инспектору 4-й Адмиралтейской части лейб-медику С. Ф. Вольскому. Вольский вовремя перевез пациента в учрежденную в Екатерингофе больницу, где он «получил совершенное исцеление»³. Гинтер в начале лечился дома под присмотром Вольского, а потом был им помещен в больницу в Екатерингофе. Титулярный советник Гинтер был также благодарен доктору Екатерингофской больницы старшему советнику Роде. Воздавая похвалы устройству и работе больницы, Гинтер сообщает, что «самые служители, солдаты Инженерного корпуса, являют пример редкого усердия и радушия, с каким они прислуживают больным»⁴.

Среди тех, о ком писали в газетах, была, в частности, Августа Шульц, дочь доктора медицины Шульца, прусская подданная, которой было тогда двадцать три года. После закрытия пансиона, в котором она служила гувернанткой, девушка стала ухаживать за больными женщинами, находившимися в лазарете лейб-гвардии Финляндского полка. От предложенного жалования в 300 рублей в месяц она отказалась. Шульц была отведена квартира в лазарете «но она является туда только для завтрака, проводя целые дни и ночи у больных»⁵. Самоотверженная работа Шульц была отмечена в городской прессе, как пример самоотверженной заботы медицинского персонала о страждущих. Известно, что инициатором этой публикации был император Николай I, который повелел: «дочери доктора медицины Августе Шульц, явившей опыт христианской любви к страждущему человечеству, производить в пенсion по смерти по тысяче двести рублей в год из

государственного казначейства, и о самом поступке ее публиковать в ведомостях»⁶.

15 июля в «Северной пчеле» был опубликован отрывок из письма в Москву к адресату, который скрывается за инициалами В. А. У. В своем исследовании «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии»⁷ Р. Уортман обращается к обращению Николая Павловича к москвичам в 1830 г. и петербуржцам в 1831 г. Уортман ссылается на эту статью в «Северной пчеле», где в форме корреспонденции воздаются похвалы Николаю I и чиновникам. Если Уортман делает акцент на личности императора, то мы обратимся к роли врачей и лекарей, освещенных в той же статье. Так, в статье есть призыв: «Внемлите гласу Божьему, и слушайте Врачей, имеющих более разума, чем вы»⁸. Вспоминая, А. Суворова автор говорит о доверии императора к медикам как к мастерам своего дела, призывая не бояться и обращаться за помощью в больницы.

Публикации благодарностей продолжались до конца эпидемии. Благодарность к «гг. медикам лазарета лейб-гвардии Финляндского полка за их пользование, заведующему лазаретом г-ну помощнику попечителя Васильевской части, его сиятельству князю Константину Яковлевичу Шаховскому»⁹ принес в сентябре 1831 г. Е. В. Кедров.

Еще одним средством к созданию положительного образа медика было использование потенциала православной церкви, на служителей которой была возложена обязанность по успокоению прихожан. 31 июля 1831 г. митрополиту новгородскому и петербургскому Серафиму было дано высочайшее повеление «о составлении пастырского увещевания православным христианам по случаю распространявшейся холеры»¹⁰. Митрополит должен был составить пасторское увещевание для чтения по окончании божественной литургии и распространения в напечатанном варианте. В увещевании требовалось объяснить прихожанам, что эпидемия холеры «есть наказание небесное»¹¹, которое было послано на Россию, но «благонамеренное и

¹ Северная пчела. 1831. № 141. 26 июня.

² Там же.

³ Там же. № 145. 2 июля.

⁴ Там же.

⁵ Там же. № 156. 15 июля.

⁶ Там же. № 151. 21 июля.

⁷ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002.

⁸ Северная пчела. 1831. № 156. 15 июля.

⁹ Там же. № 195. 1 сентября.

¹⁰ РГИА. Ф. 815 (Александров-Невская лавра Синода). Оп. 16. Д. 1016 (Увещевание православным христианам). Л. 1–2.

¹¹ Там же. Л. 1 об.

отеческое правительство принимает все средства к охранению от оной здоровых и к исцелению страждущих»¹². Подданные Российской империи должны были довериться и исполнять все предписания, «а тем паче сопротивление оным, есть тяжкий грех пред господом»¹³. Помня о том, что многие скрывают больных и боятся медиков, нужно было обязательно донести до прихожан, «что при первых признаках сей болезни, долг каждого повелевает немедленно искать помощи врача, и беспрекословно исполнять его предписания»¹⁴. Врачи жертвовали своими жизнями и «следовательно достойны всякого уважения и благодарности»¹⁵. Слухи о том, что «болезнь сия причиняется отравлением воды, хлеба, полей и т. п. есть ложная, ни на чем не основанная»¹⁶, распространяются врагами «людьми неблагонадежными и врагами общественного спокойствия»¹⁷. Митрополит Серафим написал пастырское увещевание доступным ярким языком, которое призывало уважать работу медиков и соблюдать все их распоряжения. Таким образом, власти использовали разные способы воздействия на горожан. Для образованных горожан в городской прессе публиковались благодарности медикам, которые спасли жизнь достойных горожан, а следовательно врачей не следует воспринимать как врагов и к ним надо обращаться за помощью. Для неграмотных обывателей ту же информацию доносили служители культа, делали они это более понятным языком.

Мне не удалось обнаружить сведения о том, награждались ли врачи, участвовавшие в борьбе с эпидемией. Возможно, что петербургские доктора награждались, но сведения об этом не сохранились в архивах, нам доступны только материалы о награждении ведомственных врачей и медиков, работавших в Петербургском уезде. Младший лекарь ведомства путей сообщения Турони за работу в Соминской временной больнице был награжден 300 руб.¹⁸ За работу в Шлиссельбурге

Турони был награжден орденом Св. Анны 3 степени¹⁹. Возвращаясь к работе Турони в Соминской больнице следует упомянуть, что 6 июля на нее напала толпа, целью которой было уничтожение медика. Воинская команда успела в последний момент, когда толпа почти схватила, прятавшегося на чердаке, врача. Под радостные крики врач был вывезен воинской командой из селения и отправлен к Ярославскому шлюзу. После чего в Сомну были введены дополнительные военные подразделения²⁰.

¹² РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 1016. Л. 1 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГИА. Ф. 200. Оп. 1 (Ч. 1). Д. 1825 (О назначении медицинских чиновников орденами и деньгами). Л. 41 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 1299. Оп. 16. Д. 294 (О награждении медицинских чиновников и лекарских учеников по разным губерниям за труды во время существования холеры). Л. 25.

²⁰ РГИА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 203 (О народных возмущениях случившихся в некоторых местах по случаю учреждения карантин). Л. 2.

СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА В СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1930-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ «КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ»)

*Я. Н. Бардина
(СмолГУ)*

Как известно, во время Великой Отечественной войны, председательство женщины в колхозе не было явлением незаурядным. Прежде всего, потому, что в эти годы сотни тысяч женщин заменили в системе народного хозяйства ушедших на фронт мужчин. Более одного миллиона колхозниц освоило профессии комбайнеров, трактористов, механиков, а также около 200 тысяч женщин смогли стать бригадирами и председателями колхозов¹.

Активно участвовать в колхозной работе, в том числе и занимать руководящие должности женщины начали задолго до военного времени, еще с начала 30-х годов XX века. Рассмотрим глубже природу данного явления.

Конец 1920-х – 1930-е гг. известны в нашей истории под названием «сталинской модернизации», и именно в рамках этого процесса и началась феминизация деревни. Советская власть уделяла активное внимание привлечению деревенских женщин в руководящие кадры колхозов. На XV съезде ВКП(б) был провозглашен курс на коллективизацию сельского хозяйства, а также было сосредоточено внимание на воспитании социалистического сознания женщин-крестьянок, среди которых рос интерес к общественной жизни². Свою роль в этом сыграли созданные в 1932 г. политотделы МТС, которые особое внимание уделяли работе женщин как механизаторами, трактористами, так и на руководящих должностях. По данным «Крестьянской газеты», в 1934 г. в Руднянском районе Смоленской области приказами политотдела на должности помощников бригадиров было выдвинуто

52 женщины, а на должности председателей колхозов 5 женщин, которые смогли вывести свои колхозы в передовые³.

Стоит заметить, что мнения и взгляды как отечественных, так и зарубежных исследователей на роль и место женщины в управленческом звене в деревне существенно различаются. Так, Л. А. Козлова считает, что появление женщин на управленческих должностях в деревне помогло им занять положение, практически равное мужчинам, изменить устоявшиеся патриархальные стереотипы, а также взгляды на роль женщины-крестьянки в обществе⁴.

Немного отличается мнение Скорика А. П. и Гадицкой М. А. – исследователей гендерных ролей женщин в деревне Юга России. По их выводам, несмотря на активное участие женщин в коллективизированной деревне, следует признать, что радикального, коренного изменения гендерных ролей в деревне так и не произошло⁵. Подобной точки зрения придерживается и Ш. Фицпатрик. Она отмечает, что женские управленческие ресурсы были гораздо скромнее мужских, прежде всего в силу меньшей образованности женщин. Также по-прежнему велика была роль приверженности деревенского общества патриархальным порядкам⁶.

Необходимо заострить внимание на том, что, почти всегда назначение женщины на руководящую должность в колхозе встречало неодобрение, как со стороны мужчин, так и со стороны самих женщин. В редакцию «Крестьянской газеты» поступило обращение от колхозницы одного из колхозов Смоленской области Симоновой Ксении Захарьевны. В письме описано, что за два года работы председателем колхоза, последний ею был поставлен на должный уровень, скот содержался в удовлетворительных условиях и был хорошей упитанности. Ксения Захарьевна неоднократно была премирована районным земельным

³ РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д. 128.

⁴ Козлова Л. А. Деятельность партии по привлечению женщин к социалистическому преобразованию сельского хозяйства // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., Мысль, 1981. С. 71.

⁵ Скорик А. П., Гадицкая М. А. Новые гендерные роли и повседневность женщин в колхозной деревне 1930-хх гг. (на материалах Дона, Кубани, Ставрополья) // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сб. ст. / Сост. Н. Л. Пушкарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 553.

⁶ Фицпатрик Ш. Сталинные крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 98.

¹ Вавилина В. Е. Женщины страны Советов. М., 1969 г. С. 121.

² Жиромская В. Б. Демографическая история России в 30-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 170.

отделом и президиумом райисполкома, а также три раза была на слете передовых председателей колхозов⁷. Но, несмотря на все это, «некоторые рвачи колхозники» мешали работе председателя. Описаны даже случаи рукоприкладства со стороны мужчин-колхозников. При этом, заявления о данных фактах, написанные Симоновой, были утеряны как участковых раймилиции, так и председателем сельского совета⁸. Сама женщина в своем обращении не строит предположений, почему ее деятельность, несмотря на успешные результаты, не встретила положительного отклика среди односельчан. Мы можем предположить, что в конце 1930-х гг. деревня еще не освободилась от патриархальных взглядов, выработанных веками, мужская половина колхоза считала унижением подчиняться «бабе», пусть и председателю. В обращении Симоновой как раз описывается, что одна из вспышек гнева в ее сторону произошла после того, как она приказала одному из колхозников разбивать навоз в поле, что, вероятно, считалось не самой почетной работой. Мужское население, несмотря на последовательную политику партии по привлечению женщин на руководящие должности, никак не могло принять факт того, что женщина вышла из зависимости от мужа, отца, свекра (которые раньше ее кормили), и теперь зависит только от трудодней. А, как известно, перед трудоднем были все равны.

Если реакция мужчин на феминизацию деревни была вполне естественна, то не может вызвать удивления отношение самих женщин к данному факту. В пример можно привести обращение в ту же «Крестьянскую газету» о травле стахановки Агеевой колхозницами бригады. Основная претензия женщин была следующей: «ты пришла к нам сюда указывать, мы без тебя работали и теперь обойдемся»⁹. Женское население не всегда желало выказывать солидарность с мнением тех, кто вчера еще работал с ними в поле на равных, а сегодня нарушал многовековой уклад патриархата.

Почему же руководство страны в рамках колхозного строительства встало на путь уравнивания женщин и мужчин в труде? Ш. Фицпатрик считает, что «власть в деревне питала предубеждение против мужчин в пользу женщин, поскольку отрицательные образы, например, кулака, всегда были мужскими, а положительные, например,

крестьянина-стахановца, – как правило, женскими»¹⁰. Позволим себе не согласиться в этом аспекте с исследователем. Некоторые письма, направленные в адрес «Крестьянской газеты» демонстрируют обратную ситуацию: встречаются неоднократные обращения, отражающие мнение общественности о том, что женщины-председатели колхозов и сельсоветов в большинстве случаев выходцы из кулацких семей («не из черной кости»), либо потомки церковников или торговцев¹¹. Один из колхозников так описывает ситуацию, сложившуюся в сельсовете, где председательствовала женщина: «Авторитетом среди колхозов и колхозников Кожемякина не имеет. Потому что она такого происхождения и отвратительно работает в с/с. районные организации знают все потому что не раз были заявки о ее происхождении и работе, но мер никаких не принимают к устранению»¹². В другом колхозе работники питали неприязнь к своему председателю, прежде всего из-за того, что руководить ее выучили ее братья, «которые работают один консулом, а другой инженером экспертом по пушнине на Комчатке Петропавловск»¹³. Зачастую, среди односельчан бытовали домыслы, что та или иная женщина смогла занять должность благодаря покровительству высокопоставленного лица мужского пола. Опираясь на эти данные, можно обоснованно предположить, что не вся общественность принимала образ женщины-руководительницы, активно пропагандировавшийся советской властью как лицо новой, коллективизированной деревни.

Что же касается самих женщин, – несмотря на то, что политика, выдвигавшая их на руководящие и передовые позиции в деревне, позволяла обрести определенную экономическую самостоятельность и гендерное равенство, по-прежнему, основными жизненными ценностями считали детей, семью и веру.

⁷ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 128.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., Российская политическая энциклопедия, 2001. С.

¹¹ РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д. 129.

¹² Там же.

¹³ РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д. 128.

«ЖУКОВСКОЕ ДЕЛО» КАК КУЛЬМИНАЦИЯ БОРЬБЫ ВЛАСТИ И ЦЕРКВИ В ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ

*В. С. Батченко
(СмоЛГУ)*

К концу 1920-х годов внешняя толерантность по отношению к вере и Церкви в СССР сменилась новой антирелигиозной политикой, практически не оставившей места для полутонов в отношениях власти и религии. Закон о религиозных объединениях от 8.04.1929 г. и последовавшие за ним инструкции и постановления планомерно сужали права и сферы деятельности общин верующих, церковники все чаще объявлялись пособниками кулака, контрреволюционерами.

5 января 1930 года постановлением ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» был объявлен курс на сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса. Одновременно с этим начало 1930 года стало кульминацией в борьбе с религией и ликвидацией молитвенных зданий.

В обращении Вяземского округа ко II областной партийной конференции Западной области, проходившей с 5 по 12 июня 1930 года, сообщается следующее: «...политические ошибки, «левые» загибы и заскоки в области коллективизации, недочеты в массовой работе и т. д. усугублялись теми головотяпствами по отношению церквей, религиозных чувств крестьян, которые были допущены в ряде мест, несмотря на то предупреждение, которое дал обком партии еще в январе с.г. в связи с т. н. Жуковским делом»¹. Кроме этого документа, наименование «Жуковское дело» больше не встречается нам ни в одном источнике, но известно, что в Жуковском районе Западной области в январе 1930 года было всего одно массовое выступление крестьян «по вопросу снятия колоколов и перехода на сплошную коллективизацию» и произошло оно в селе Белоглавой².

¹ Вяземский округ к партконференции // Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 133. Л. 108.

² Информационная сводка №1. Прокурору Западной области. 28.01.1930 г. // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14. Л. 66.

Село Белоглавая входило в состав Жуковского района Брянского округа Западной области, которая была образована в 1929 году слиянием Смоленской и Брянской губерний, части Калужской и Тверской и Великолукского округа. Материалы, которые мы изучили по Жуковскому делу, хранятся в Государственном архиве Смоленской области (далее ГАСО) в фонде Западной областной прокуратуры (ф. 2683) и Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО) в фонде Западного Обкома ВКП(б) (ф. 5).

В двух информационных сводках – прокурору Западной области и прокурору республики – все события описаны вкратце, но уже эти факты помогают представить целостную картину «дела»³.

Судя по материалам сводок, «13 января с.г. [1930] не подготовив общественности члены ВКП(б) и ВЛКСМ села Белоглавой приступили к снятию колоколов с Белоглавской церкви. Когда только представители ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ залезли на колокольню, то к церкви со всех сторон начала собираться толпа крестьян (300–400 чел.). Исполнитель (член ВКП(б) Корнеев) снятия колоколов пытались [пытался] уговорить толпу но эта попытка не увенчалась успехом толпа не позволила снимать колокола и заставила представителя прекратить снятие колоколов и избивала комсомольцев и угрожали убийством» (текст приводится в авторской орфографии и пунктуации)⁴. Казалось бы, обычная для того времени картина, но недовольства и выступления крестьян не ограничились одним днем: «После инцидента масса не успокоилась, всех присутствующих представителей не желали выслушать и настаивали на удаление комсомольцев из села. 20–21-го января сего года прибыли представители РИКа и Округа для улаживания конфликта то масса подстрекаемая местным попом и кулаками вооружившись кольями, вилами и т. д. пытались избить наших представителей. Вынуждены были в село Белоглавое выехать на место отряд милиции, ОГПУ, Зам. Нач. Окр. Отдела ОГПУ, Секретарь Округкома, член президиума КК–РКИ, Нарследователь Жуковского района, Представитель Окр.Прокуратуры»⁵.

³ Прим.: обе сводки имеют схожие сведения, поэтому далее приведем выдержки одной из них, наиболее полной. Вторая сводка имеет следующие выходные данные: Прокурору Республики. Информационная сводка № 1. О ходе весенней сельскохозяйственной кампании. // ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Трудно переоценить масштаб выступлений при таком внушительном списке привлеченного аппарата усмирения. Как ни странно, но ответ на все вопросы дает окончание сводки по вопросу состояния дел в селе: «Когда масса успокоилась было проведено собрание. На собрании крестьяне заявляли, что они за Советскую власть, но против сплошной коллективизации и снятия колоколов с церквей»⁶.

По делу было арестовано 30 человек, на момент составления сводки планировались еще аресты. Буквально через несколько дней после формального урегулирования конфликта Бюро Брянского окружкома ВКП(б) утвердило резолюцию по вопросу снятия колоколов и закрытия церквей в ответ на Жуковское дело: «...по ряду сельских местностей имели место случаи, когда массовая антирелигиозная работа подменялась голым администрированием, низовые общественные организации, вместо того, чтобы вести глубокую агитационно-пропагандистскую, антирелигиозную работу, ... стали практически разрешать эти вопросы, чем вызвали значительное недовольство и массовое выступление со стороны верующих, преимущественно женщин (Белоглавая, Крыжино Жуковского района; Морачево, Березовичи – Жирытинского района; Бучнево, Салтановка, Бутры – Навлинского района; Павловичи – Суземского района)»⁷, – заметно, что Белоглавские настроения прокатились волной выступлений по всему Брянскому округу.

Бюро Окружкома ссылается в своей резолюции на телеграмму Обкома партии «о немедленном и организованном прекращении работы по закрытию церквей и изъятию колоколов»⁸, соответственно, ситуация держала в напряжении, в том числе, и руководство области. В целом, резолюция призывала к тому, чтобы «закрытие церквей и изъятие колоколов стало результатом длительной массовой антирелигиозной работы», к немедленному использованию уже закрытых церквей, запрету метода социалистического соревнования в вопросе ликвидации молитвенных зданий и снятия колоколов и привлечении к партийной ответственности в случае допущения «административного наскока и голого командования в вопросе закрытия церквей и изъятия колоколов»⁹.

⁶ ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

⁷ Протоколы Бюро Брянского окружкома ВКП (б) №№41–42 от 28 января и 3 февраля 1930 г. // ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 811. Л. 6–7.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Начало 1930 года было насыщено выступлениями, подобными Жуковскому делу, но так исторически сложилось, что оно стало самой яркой и отправной точкой отсчета событий того периода в Западной области.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Е. В. Белокуров
(СПбГУ)

Общественные работы, организуемые центральными или местными властями и имеющие социально полезную направленность, широко практиковались и практикуются в различных государствах для поддержки необеспеченных слоев населения. Ранее к этому средству нередко прибегали и в годы продовольственных кризисов. Например, в нач. XX в. общественные работы во время неурожая и голода организовывались в Испании в 1904–1906 гг.¹, в Японии в 1905 г.² и т. д. Общественные работы применялись в Британской Индии³. В России общественные работы для помощи голодающим устраивались и до начала XX в., но широкого развития не имели⁴. В XVIII–XIX вв. в Российской империи сформировалась система помощи населению в случае голода, базирующаяся на других принципах. В ее основе лежали страховые запасы зерна в деревнях и городах, а также специальные денежные фонды (т. н. продовольственные капиталы – общественные, губернские, общеимперский и др.), которые формировались местным населением и находились (за исключением общеимперского) под контролем местной администрации (позже – и земств)⁵. Принципы помощи регламентировались уставами 1822 и 1834 гг., дополненными в дальнейшем рядом других законов (в частности, правилами

¹ *Harrison R. J.* The Spanish Famine of 1904–1906 // *Agricultural History*. 1973. Vol. 47. P. 306.

² *The Relief Work of Japan*. Tokyo, 1914. P. 103.

³ *Robbins R. G.* Famine in Russia, 1891–1892. The imperial government responds to a crisis. New York, London, 1975. P. 15.

⁴ См. Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. Ч. 2. СПб., 1913.

⁵ См. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России. Ч. 1–2. СПб., 1892–1893.

1900 г.). Голодающие получали ссуды, которые затем нужно было вернуть, наиболее бедным выдавали безвозвратные пособия. До голода 1891–1892 гг. вмешательство центральных властей в сферу «народного продовольствия» было минимальным. Однако острота продовольственного кризиса в эти годы заставила выделить на помощь голодающим 146,5 млн. руб. непосредственно из государственного бюджета. В дальнейшем такие ассигнования стали регулярными. За период с 1891 по 1908 гг. было выделено 0,5 млрд. руб.⁶ Часть долга казне была списана по случаю различных знаменательных событий, но и оставшаяся недоимка населением почти не возвращалась. Поскольку ссуды получали наиболее нуждающиеся, возратить долг они зачастую не имели возможности. К тому же, списания долгов заставили крестьян полагать, что ссуды являются безвозвратными пособиями⁷. Чрезмерные затраты на «народное продовольствие» заставляли власть изыскивать другие способы помощи населению во время неурожая. Одним из таких способов стали общественные работы, призванные обеспечить нуждающимся минимальный заработок. При такой системе задолженности государству и продовольственным капиталам не образовывалось. Кроме того, общественные работы, поощряя активность и предприимчивость населения, не способствовали социальному иждивенчеству, что хорошо согласовывалось с общим вектором реформ П. А. Столыпина.

После неурожая 1905 и 1906 гг. и старта аграрной реформы началась работа над новым продовольственным уставом. Его основные принципы, по словам П. А. Столыпина, заключались «...в предоставлении оборотных средств тем, для кого кредит посилен, в трудовой помощи [т. е. общественных работах – *Е. Б.*] тем, кто может отплатить за эту помощь только своим мускульным трудом и, наконец, в благотворительной помощи для лиц совершенно беспомощных»⁸. Проект документа был подготовлен к 1909 г., обсуждался земствами и специальными комиссиями в составе чиновников, земцев, местных землевладельцев и т. п. Однако он так и не был внесен на рассмотрение в парламент. Значительная роль системы продовольственной помощи

⁶ Подсчит. по: Отчет по продовольственной кампании 1909–1910 гг. СПб., 1911. С. 171–172.

⁷ *Ермолов А. С.* Наши неурожайи и продовольственный вопрос. Ч. 1. СПб., 1909. С. 143.

⁸ Журналы заседаний общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. 1910 г. Осенняя сессия. СПб., 1910. С. 2.

в жизни сельского населения страны, тесная связь проекта с аграрной реформой⁹, активное участие Столыпина в его разработке заставляют рассматривать реформу продовольственного дела как важную, хотя и нереализованную, часть реформаторского проекта премьер-министра.

Тем не менее, основные принципы нового продовольственного устава прошли проверку на практике. В 1911 г. недород охватил обширную территорию в Поволжье, Приуралье, Сибири, Средней Азии. Совет министров постановил организовать для нуждающегося местного населения общественные работы, продажу хлеба по заготовительной цене, ввести ряд тарифных льгот для хлебных грузов¹⁰. Заранее подготовленный план общественных работ при этом отсутствовал. К тому же, предстояла огромная работа по выявлению самых нуждающихся местностей. Качество урожайной статистики было низким, предварительные данные о сборе хлебов в августе 1911 г. давали «вилку» в 1,2 млрд пудов, не было даже понятно, выше сбор среднего за предыдущие годы или ниже¹¹. Однако и в этих условиях удалось провести самую масштабную кампанию по организации общественных работ за всю пореформенную эпоху, дополненную позже выдачей продовольственных и семенных ссуд и рядом других мер. На организацию общественных работ было выделено 45,5 млн руб., из которых 35,1 млн пошли непосредственно на плату рабочим. В общественных работах принимало участие свыше 3,2 млн чел. из 8,6 млн чел. всех полов и возрастов, признанных нуждающимися вследствие неурожая. Средний заработок одного работавшего составил 11 руб. Большую часть работ составляли работы дорожные: прокладка дорог, шоссе,

⁹ Летом 1910 г. на совещании по обсуждению нового проекта, состоящем из представителей Государственного Совета и Думы, МВД, местной администрации, земств, подчеркивалось, что «начало самодеятельности и предусмотрительности населения в деле борьбы с последствиями неурожая» вводится в соответствии с «новейшими течениями в земельном законодательстве» (Журнал Совещания для обсуждения проекта положения о мерах помощи населению в случае неурожая от 10 июля 1910 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 131. 1910 г. Д. 504. Л. 265). Разумеется, детальное рассмотрение продовольственной реформы – тема отдельного исследования.

¹⁰ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1911 год. М., 2002. С. 290–291.

¹¹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1912 год. М., 2004. С. 239.

постройка мостов и т. п., а также гидротехнические – устройство водоемов, плотин, дамб, рытье колодцев, осушение болот, укрепление берегов¹².

Отдельно стоит отметить работы, направленные на предупреждение засух: укрепление оврагов, облесение песков. Несмотря на то, что в кампанию 1911–1912 гг. число подобных проектов было невелико, именно они, по мнению чиновников, заслуживали «самого серьезного внимания»¹³. В августе 1913 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием П. Н. Игнатьев писал, что ГУЗиЗ предполагает провести в целях борьбы с неурожаями в ближайшем будущем ряд изыскательных работ и составление проектов сооружений, которые в ходе общественных работ могли бы быть построены местным населением¹⁴. Таким образом, общественные работы были нацелены не только на улучшение инфраструктуры (дороги, мосты и т. п.), но и на развитие сельского хозяйства, т. е. предупреждение продовольственных кризисов в будущем.

В ходе кампании 1911–1912 гг. власти столкнулись с массой трудностей: отсутствием четкого плана работ, злоупотреблениями среди технического персонала и низшей сельской администрации и т. п. Инспекции чиновников выявили множество недостатков: «Работы с технической стороны заставляют желать очень многого»¹⁵. Ответственностью работы (еще до их завершения) и вовсе были оценены как несомненный провал¹⁶. Однако такая сверхкритическая оценка представляется необоснованной. Несомненно, что работы помогли

¹² Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. Ч. 2. С. 73, 74–75, 81–85, 109.

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ П. Н. Игнатьев – заведующему продовольственным делом в империи В. Э. Фришу. 27 августа 1913 г. // РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. 1913 г. Д. 168. Л. 279.

¹⁵ Выписка из доклада начальника Управления Сельской продовольственной части В. В. Ковалевского А. А. Макарову // РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. 1912 г. Д. 371. Л. 277 об.

¹⁶ Оппозиционная газета «Русское слово» с осени 1911 г. и до окончания кампании 1911–1912 гг. публиковала в основном сообщения о злоупотреблениях, несчастных случаях и конфликтах в ходе общественных работ. Даже правое «Новое время» писало: «Стали наспех предпринимать работы вроде переливания из пустого в порожнее, да и таких никому не нужных работ не сумели ни придумать, ни организовать сколь-нибудь удовлетворительно» (1911 год // Новое время. 1912. 1 янв.)

смягчить продовольственный кризис. Смертность сельского населения в 50 губ. Европейской России в 1911 г. была ниже, чем в 1908, 1909 и 1910 гг., а в 1912 – ниже, чем в 1911¹⁷. Общественные работы применялись и в последующие годы (1912–1914 гг.), хотя и в гораздо меньшем масштабе (главным образом потому, что неурожаи носили сугубо локальный характер). В исторической перспективе кампании по организации общественных работ в начале XX в. следует признать достаточно успешными. Они показали потенциальную способность российской власти обеспечить минимальным заработком миллионы нуждающихся в годы кризисов и тем самым сохранить социальную стабильность.

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ВО ФРАНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

О. В. Белоусова
(МГЛУ)

В марте 2014 года ожидается принятие решения о строительстве высокоскоростной магистрали Москва-Казань. Помимо сторонников проекта, существует достаточно большое количество противников. Данный проект часто подвергается критике чиновниками и СМИ: он рассматривается как утопичный, как неприоритетный, как экономически неоправданный в силу своей чрезвычайной дороговизны на фоне низких темпов экономического роста страны. Сторонники проекта, наоборот, видят в нем возможность обновления российской экономики, источник роста и экономического развития.

В свете данных событий, особый интерес представляет изучение истории развития французских железных дорог. На фоне политической нестабильности и экономического спада конца 20-х – начала 30-х годов XIX века, возможность реализации достаточно масштабных железнодорожных проектов могла бы показаться утопичной и призрачной, но тем не менее такие проекты были реализованы и достаточно успешно. Сегодня мы имеем относительно высокий уровень развития науки и отраслей промышленного производства. Франции XIX века приходилось одновременно решать намного больший спектр задач. Не только железнодорожная, но и сопутствующие отрасли были на начальной стадии технологического развития, не была развита урбанистика, не было опыта строительства вокзалов и железнодорожной инфраструктуры. Но несмотря на это, объемы инвестиций в строительство французских железных дорог за 15–17 лет возросли в 260 раз¹, а протяженность увеличилась с 50 км в 1830 г. до 3-х тысяч

¹⁷ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 246.

¹ С 3 300 тыс.франков за период 1823–1829 до 787 965 тыс.франков за 1842–1847. Atlashistorique et statistique des chemins de fer français / Adolphe Joanne. Paris, Librairie de l’Hachette et C., 1859 p. 1

км к 1850². В итоге развитие железных дорог привело к положительной динамике и развитию экономики.

Доля участия государства в железнодорожных проектах была мала. До 1829 года финансирование осуществлялось за счет частного капитала, далее в форме государственно-частного партнерства с приоритетом частного капитала³, поэтому изначально развитие железных дорог не воспринималось как бремя для экономики страны.

Строительство железных дорог позволило снизить стоимость перевозки пассажиров и грузов, увеличить скорость передвижения и сделать передвижение более безопасным. Темпы роста показателей эффективности железнодорожного транспорта впечатляли людей просвещенных. Даже в своем примитивном варианте, лошадь могла перевезти в 8 раз больше груза, двигаясь по рельсам, а не по обычной дороге⁴.

Как только локомотив показал свою эффективность в промышленном производстве, он стал использоваться для пассажирских перевозок. Но зачастую необходимость развития железных дорог ставилась обществом под сомнение, так как вела к потере значимости других существовавших в то время способов передвижения. К 1834 году число только почтовых станций достигало 1548, а общее число лошадей на них – 20 тысяч⁵. Высвобождение столь большого количества ресурсов привело к критике развития железных дорог среди населения, часть которого потеряла работу.

Противники развития железных дорог, в основном городские жители, парижане, видели в развитии железных дорог совершенно другие опасности: противопоставляли мощь локомотива силам природы, видели в машине дьявольское создание, отрицали возможность доминирования человека над природой. Экономические перспективы

² *Suzanne Van Weddingen* Les révolutions romantique et industrielle. Le chemin de fer dans la littérature. Université de Haute-Alsace Mulhouse, 2004

³ В 1823–29 гг. частные инвестиции составили 3 300 тыс. франков. С 1830 по 1841 гг. частные – 172 098 тыс., госинвестиции 3 229 тыс. С 1842 по 1847 частные 509 411 тыс., государственные – 278 554 тыс. С 1848 по 1851 – частные 198 711 тыс., государственные – 298 417 тыс. С 1852 по 1854 частные – 646 690 тыс., государственные 51 187 тыс.

⁴ Sur les canaux et les chemins de fer / M. le docteur Herpin // Moniteur de l'industrie 1830/04

⁵ *Мильчина В.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь / Вера Аркадьевна Мильчина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 944 с.: ил. – с. 460.

были не столь очевидны для граждан, напротив, черный дым, грохот, исходящий от поездов, резкое изменение городского ландшафта, обилие металла, применявшегося для строительства железных дорог и мостов, наводило ужас. По мере ускорения НТП, креп социальный пессимизм французов, они зачастую рассматривали прогресс как трагедию века и сожалели о безвозвратно потерянном мире, идеализируя прошлое.

Развитие железных дорог повлияло на изменение картины мира французов и нашло отражение в периодике того времени, в литературе и в искусстве в целом. Образы поездов стали проникать в поэзию XIX века (Мюссе, Верлен, Рембо), литературу (Ламартин, Готье, Мопассан, Доде), живопись (Мане, Моне, Писсарро). Поскольку технология парового двигателя, первые локомотивы и образ железной дороги были принципиально новой реалией времени, полемика вокруг строительства железных дорог была чрезвычайно острой.

Вопреки скептическому отношению общества к развитию железных дорог и неразвитости технологий, связанных с процессом обеспечения строительства, дороги строились. Особый интерес представляет собой тот факт, что в литературе первой половины XIX века отсутствует образ промышленника, он еще не сформирован. Напротив, в произведениях 20-х – 40-х годов отчетливо вырисовываются образы ростовщиков, биржевых маклеров, спекулянтов, которых привлекает сиюминутная выгода, чей капитал бесплоден. Кому было выгодно строительство железных дорог при учете того, что такие проекты – это долгосрочные инвестиции с большим сроком окупаемости?

Железные дороги строились подчас благодаря исключительному энтузиазму инженеров, банкиров, предпринимателей, вдохновленных достижениями науки и идеями прогресса. Мотивы, движущие этими людьми – предмет серьезного исследования. Во многом на такой энтузиазм повлияли идеи французского философа Сен-Симона (1760–1825) и его последователей. Одной из его идей была идея о промышленном развитии как источнике благосостояния всего общества и основе равенства. Наука стала новой религией.

По сути, начав развивать железнодорожную отрасль, аграрная Франция получила мощнейший катализатор промышленного переворота. Помимо непосредственно строительства ж/д дорог, развивалась металлургия, а паровые машины сделали возможным процесс укрупнения промышленного производства.

ПОНЯТИЕ «НАРОДНЫЙ ДУХ» В КОНСЕРВАТИВНОМ И НАРОДНИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

Е. В. Бобровских
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

«Народный дух» принадлежит к ряду понятий, значение которых кажется слишком очевидным. Однако многообразие трактовок и интерпретаций убеждает нас в обратном. Считается, что «народный дух» является базовой категорией консервативной социально-политической мысли. Тем не менее, к «народному духу» в своих произведениях обращались представители целого спектра идейных направлений.

Понятие «народный дух» возникло в эпоху романтического национализма в Германии. В русской общественно-политической лексике данный термин стал впервые использовать Н. М. Карамзин. «Народный дух» он определял как некую «привязанность к особенному» у русского народа. Позже о «народном духе» в своих произведениях писали славянофилы. Славянофильское направление по ряду важных идейных оснований можно считать русским вариантом романтического национализма. Благодаря представителям данного течения (И. В. Киреевскому, К. С. Аксакову, И. С. Аксакову, Ю. Ф. Самарину), «народный дух» получил целый ряд синонимичных понятий в русском языке: «народность», «народная личность», «народная физиономия», «народная стихия». Творческие поиски славянофилов завершились признанием сложности и многогранности данного понятия, его многослойности и даже «неуловимости» для рационально-логического анализа.

Основы «народного духа», по мнению славянофилов, были сохранены в простом народе. И на него возложена особая, важная, но пассивная миссия. Народ, по К. С. Аксакову, «могущественный хранитель жизненной великой тайны». Высшие же сословия легко расстались с этой тайной после реформ Петра и теперь смотрят на народ с презрением и непониманием. Таким образом, после Петра I Россия разделилась надвое: на народ, хранящий в себе русскую земскую жизнь, и общество, отрешившееся от своей «народности».

С точки зрения представителей консервативной мысли, русский «народный дух» органически связан с православием. Упомянутый К. С. Аксаков считал православную веру главным столпом всей русской жизни, в которой заключена глубокая народная связь. М. Н. Катков писал: «Русский народ не может изменить Православной Церкви, в ней душа его, в ней святость его народности. В ней он возрос, в ней он воспитан, ею утверждена его самостоятельность и в ней вся его будущность. Православная Церковь есть наша народная Церковь, и такой она должна остаться»¹.

Л. А. Тихомиров связывал основы русского «народного духа» с сильной монархической властью. Монархия, с точки зрения Тихомирова, возникает только в нациях, «народных дух» которых содержит в себе значительный идеальный элемент, подчиняющий общественную жизнь нравственному идеалу. Основная задача монархии состоит не в выражении воли монарха, основанной на мнении нации, а в выражении народного духа. Народная воля склонна к отступлениям от народного духа и идеала. Именно поэтому монархия является наилучшей формой правления в большинстве случаев.

Влияние западных социально-политических идей подтолкнуло русских мыслителей к изучению своих национальных особенностей. Изучение «народного духа» сопровождалось в консервативном направлении русской социально-политической мысли идеализацией национальных черт, интересом к наиболее успешным историческим периодам, а также вниманием к языку и религиозной традиции.

В революционно-демократическом течении русской социально-политической мысли «Народный дух» приобретает новые очертания и дополняется новыми смыслами, отличными от консервативного понимания. Особенно внимательно к этой проблеме подошел П. Л. Лавров. Он не согласился с традиционным пониманием «народного духа» и отверг не только религиозную трактовку (как уникальные Богом данные черты характера, быта и творчества народа), но и его восприятие как совокупности исторически сложившихся самобытных особенностей народа. «Что такое дух народа? Физические особенности сообщили ряду поколений, живущему под влиянием некоторой сре-

¹ Катков М. Н. О свободе совести и религиозной свободе (римско-католическое исповедание) // Катков М. Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С.447.

ды, неизбежное природное основание народности?»². Лавров высказывался против «неизбежности», против вечной установленности и закостенелости характера. «Народный дух», по Лаврову, гибок, переменчив. Он эволюционирует вместе с народом. Главным источником его развития выступают отдельные личности. Такой взгляд на развитие «народного духа» был чужд и немецкому романтизму, и русскому консерватизму.

О роли личности в истории дискуссии велись давно. Консерваторами великие личности рассматривались как носители своего «народного духа». Лавров предлагает нам совершенно иной взгляд на данную проблему и переворачивает представление о соотношении «общественного и личного». Самобытные основы народа зарождаются, по Лаврову, не в самом народе. Народ сам по себе пассивен и способен лишь усваивать выработанные формы культуры. В этом вопросе ключевая роль отдается элитам и личностям. «Небольшое меньшинство из него [народа], жившее исторически, создало ему культуру, которая распространилась в разной степени и в разных формах на различные слои народа и, в своем многообразии, вошла в народные *привычки*, в народные предания. Время от времени появлялись личности, имевшие возможность действовать на меньшинство, а через него и на большинство. Эти личности вносили в прежние культурные формы новую *мысль* или изменяли некоторые культурные формы во имя другой культуры, иногда же производили эти изменения на основании новой мысли»³.

Неопределенность содержания «народного духа», отмеченную еще представителями консервативного направления, Лавров объясняет с точки зрения идейного и деятельностного развития. Причем ответственность за такое развитие также возлагается на личность. «Если личности мало мыслят и мало действуют, то привычка не изменяется в продолжение длинного ряда поколений; культура сохраняет свои особенности; цивилизация впадает более и более в застой; дух народа получает более и более определенные формы, которые можно описать почти так же, как описывают нравы животных. Если же личности деятельны и мысль их не ограничивается тесным кругом меньшинства, а стремится проникнуть и в большинство, то привычки едва успевают установиться; культура сменяется быстро в меньшинстве и несколько

медленнее распространяется на большинство; цивилизация рискует более сделаться непрочною, чем окоченеть»⁴. В «народном духе» Лавров выделяет несколько слоев, различающихся по скорости изменения. Важнейшее значение имеет тот факт, что изменения происходят перманентно. Именно поэтому невозможно точно определить черты «народного духа». Они зависят как от эпохи, так и от взгляда мыслителя, пытающегося выявить самобытность народа.

Лавров отрицает возможность выделения в национальной истории «золотого века», как это было принято в немецком романтизме. Он также отрицает возможность сравнения жизни нации с жизнью личности. Жизнь нации носит нелинейный характер. Смерть нации невозможна, кроме как в результате «исторической катастрофы» или насильственных действий со стороны другой нации. Здоровье общества и его прогрессизм напрямую связаны с возможностями развития личности в данном обществе: чем общественные формы лучше способствуют всестороннему развитию личности, тем здоровее общество.

Идея немецкого романтизма о «народном духе» крепко укоренилась в социально-политической мысли России XIX века. Вначале ее поддержали представители консервативного направления русской мысли. Сущность консервативного «народного духа» выражала известная триада С. С. Уварова: «православие, самодержавие, народность». Во второй половине XIX века данная тематика распространилась и в других идейных направлениях. «Политическая культура разночинной интеллигенции – это синтез идей рационалистической философии, освоение знаковых достижений научного знания. Однако в этой культуре ощущается и достаточно сильное влияние традиционалистских идей и ценностей»⁵. В теоретических построениях П. Л. Лаврова «народный дух» рассматривается с точки зрения рационализма и «субъективного фактора», не отвергая его при этом как народную ценность.

² Лавров П. Л. Письмо седьмое // Исторические письма. СПб, 1906. С. 133.

³ Там же. С. 133–134.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Шириняц А. А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 149

МАТЕРИАЛЫ ЦЕРКОВНОГО УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ СТРУКТУРЫ И СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ТВЕРСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ю. В. Бодрова, к.и.н.
(ТвГУ)

В дореволюционной России институт семьи находился преимущественно под юрисдикцией Русской православной церкви, что нашло отражение в формировании огромного массива материалов церковного учета населения, фиксирующих порядок заключения и расторжения браков, рождаемость и смертность населения.

Одним из основных видов церковных актов учета населения являлись метрические книги, введенные указами Петра I в фискальных целях государства¹.

Метрические книги заполнялись священниками ежегодно в хронологической последовательности по каждому церковному приходу. Каждая метрическая книга состояла из трех частей: «Часть первая: о родившихся», «Часть вторая: о бракосочетавшихся» и «Часть третья: о умерших».

Все части метрических книг имели достаточно четкий формуляр. Формуляр первой части «О рождающихся» состоял из семи граф: 1) порядковый номер, 2) дата рождения и крещения, 3) имя родившихся, 4) звание, имя отчество и фамилия родителей и их вероисповедание, 5) звание, имя, отчество и фамилия восприемников, 6) Имена священников, совершавших таинство крещения и 7) подписи свидетелей по желанию. Сведения первой части метрических книг содержат ценную информацию об уровне рождаемости и количественном составе чиновничьих семей. Данные о восприемниках, в роли которых выступали близкие родственники, сослуживцы и вышестоящее на-

чальство, позволяют реконструировать систему кровного и духовного родства в чиновничьей среде.

В формуляре второй части «О бракосочетавшихся» насчитывалось девять пунктов: 1) порядковый номер, 2) дата венчания, 3) звание, имя, отчество, фамилия, вероисповедание жениха, 4) возраст жениха, 5) звание, имя, фамилия, отчество, вероисповедание невесты, 6) возраст невесты, 7) имена священников, совершавших таинство, 8) поручители и 9) подпись свидетелей по желанию. Это наиболее информативная часть метрических книг, позволяющая определить половозрастную структуру семьи, средний брачный возраст, долю заключения повторных браков, сословное происхождение вступающих в брак. Сведения о поручителях, в качестве которых чаще всего выступали родственники, близкие друзья или сослуживцы жениха и невесты, дают представление о сети внутрисословных и межсословных связей.

Формуляр части третьей «О умерших» содержал графы: 1) порядковый номер записи (отдельно для умерших мужского и женского пола), 2) день смерти и день погребения, 3) звание, имя, отчество и фамилия умершего, 4) возраст умершего, 5) причина смерти, 6) имя исповедовавшего и 7) имя совершавшего таинство. Данные этой части дополняют комплекс сведений, необходимых для демографического анализа семьи. В частности, установить уровень смертности, среднюю продолжительность жизни и определяющие ее факторы в чиновничьей среде.

Потребность правительства в надежных данных о движении населения для административных нужд обеспечило хорошую сохранность метрических книг и минимальную для научного анализа точность².

Метрические книги Тверской губернии первой половины XIX в. представлены в полном объеме и хранятся в фонде Тверской Духовной консистории (Ф. 160) Государственного архива Тверской области.

Значимую группу материалов церковного учета населения составляют исповедные ведомости, введенные указом Синода 1737 г.³ с це-

¹ ПСЗРИ-I. Т. IV. СПб., 1830. С. 192; Там же. Т. VII. С. 266; *Елпатьевский А. В.* К истории документоведения актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // *Актовое источниковедение.* М., 1979. С. 57.

² *Миронов Б. Н.* О достоверности метрических ведомостей важнейшего источника по исторической демографии России XVIII-начала XX вв. // *Россия в XIX-XX вв.* СПб., 1998. С. 45.

³ ПСЗРИ-I. Т. X. СПб., 1830. С. 114; *Миронов Б. Н.* Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XX. Л., 1989. С. 102.

люю выявления раскольников. Ведомости составлялись приходскими священниками и учитывали явившихся и не явившихся на исповедь прихожан.

Формуляр включал подворное (посемейное) описание состава семей в следующем порядке: дворохозяин (глава семьи) с указанием имени, отчества, фамилии и возраста; жена, дети и проживавшие с ними остальные родственники, для которых указывались степень родства с главой семьи, имя и возраст; а также прислуга. В неполных семьях в качестве главы семьи могла выступать вдова или старший сын, зять. Семейное старшинство, вероятно, определялось правом собственности и ролью в материальном обеспечении. Материалы ведомостей содержат ценный материал для изучения демографических характеристик чиновничьей семьи – количественного состава, поколенной и половозрастной структуры.

Исповедные ведомости по Тверской губернии первой половины XIX в. в полном объеме отложились в фонде Тверской Духовной консистории (Ф. 160) Государственного архива Тверской области. Наличие данных за длительный период времени позволяет проследить генеалогию родов, социальную мобильность тверского чиновничества.

Ведение исповедных ведомостей приходским священником, который знал прихожан лично, вел записи рождений, браков и смертей в метрических книгах, позволяет сделать вывод о достаточной степени достоверности источника. Однако в записях довольно часто встречаются ошибки и разночтения в написании фамилий, имен, возраста. Зачастую встречаются неполные данные о семейном положении. Несмотря на отмеченные недостатки, их репрезентативность подтверждается сведениями других источников.

Интересным источником изучения семьи являются брачные обыски, которые представляют собой журналы регистрации заявлений для венчания в церкви с целью предотвращения незаконных браков (браков несовершеннолетних, неразведенных и т. п.). Согласно установленным Св. Синодом требованиям⁴ в брачном документе фиксировалась дата и место его составления; фамилия, имя, отчество, звание, чин, место службы, место жительства, исповедание жениха и невесты, их возраст, умственное здоровье, отсутствие родства, препятствующего браку, семейное положение, добровольное согласие на брак, наличие письменного согласия родителей, опекунов, попечителей (с указанием звания, чина, места службы, фамилий, имен, отчеств каждого

из них), наличие письменного разрешения на брак начальства жениха, результаты троекратного оглашения о предстоящем браке, дату предполагаемого бракосочетания; подписи жениха, невесты, трех или двух поручителей с каждой стороны, священнослужителей. Документы, подтверждавшие беспрепятственность брака, прилагались к книге⁵.

Данный вид источника, повторяя основную информацию второй части метрической книги, содержит ряд существенных отличий – место жительства брачующихся, официальное согласие на брак родителей либо опекунов, а также начальства чиновника. Однако из-за отсутствия до 1837 г. единой формы брачного «обыска» содержащиеся в них сведения долгое время оставались поверхностными и неполными.

Брачные обыски по Тверской губернии первой половины XIX в. сохранились не полностью и представлены несколькими тверскими приходскими за 1832–1855 гг.

Таким образом, материалы церковного учета населения являются первостепенным видом массового источника для изучения демографических характеристик чиновничьей семьи первой половины XIX в. Они позволяют рассмотреть состав, поколенную и половозрастную структуру семьи, ее жизненный цикл: брачность, рождаемость, разводимость, вдовство, долю повторных браков, смертность. Пристальный анализ церковных актов проливает свет на формирование посредством вступления в брак и восприимчивости системы социальных связей. Однако характер внутрисемейного и социального взаимодействия возможно определить с привлечением дополнительного комплекса источников.

⁴ ПСЗРИ-II. Т. XII. СПб., 1838. С. 947. ПСЗРИ-I. Т. X. СПб., 1830. С. 114

⁵ *Елпатьевский А. В.* Указ. соч. С. 71–72.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕЛИКОХОРВАТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В НАЧАЛЕ 20 ВЕКА

В. А. Болдин
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

К концу 19 – началу 20 вв. главной оппозиционной силой Австро-венгерскому господству в Хорватии становится «партия права»¹. Однако по сравнению со временами ее основателя и идейного вдохновителя А. Старчевича взгляды правашей претерпевают значительные изменения. Известный исследователь С. А. Романенко отмечает, что идеология хорватского национал-радикализма во все большей мере утрачивает свой демократический характер и становится, с одной стороны, опорой великоавстрийской политики в Хорватии, с другой – выражением крайнего хорватского этнического национализма². Все это в конечном итоге приводит к расколу в Партии права и к последующим идейным эволюциям различных ветвей и направлений хорватского национал-радикализма, многие из которых в дальнейшем сыграют огромную роль в истории Балканского полуострова.

После смерти А. Старчевича в 1896 году партию права возглавил активный деятель партии, адвокат Йосип Франк. Как отмечает балканист В. И. Фрейдзон, Франк взял на себя расходы по изданию газеты правашей, и партия постепенно превращалась в «партию Франка». Свою партию он называл «чистой» или «подлинной» партией права, подчеркивая ее верность монархии Габсбургов. Основным положением пропаганды Франка был пункт, согласно которому хорваты могли добиться решения своих проблем лишь в составе Австро-Венгерской империи, в то время как сербы, основные противники монархии Габсбургов, всеми силами мешали укреплению хорватского народа³.

¹ Подробнее см.: *Фрейдзон В. И.* Хорватский национальный радикализм (Великохорватская идеология) в 19 веке // *Славяноведение.* 1998, № 5. С. 18.

² *Романенко С. А.* Великая хорватская национальная идеология в начале 20 века // *Славяноведение.* 1998, №5. С. 24.

³ *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетея, 2001. С. 202.

Высказываемая Франком позиция значительно отклонялась от первоначального учения основателей партии права и вызвала бурю несогласия, что в конечном итоге привело к двум расколам: в 1903 году часть членов партии создали Хорватскую партию права (ХПП), перейдя на умеренно-либеральные позиции⁴; в 1908 году о своем выходе объявила группа Миле Старчевича, племянника основателя партии А. Старчевича, получившей название «милиновцы» по имени руководителя группы⁵.

Миле Старчевич в программе своей партии, вышедшей в 1909 году, провозгласил возврат к учению своего дяди. Ключевым отличительным пунктом программы стало признание возможности решения хорватских проблем вне границ монархии, что категорически отрицалось Й. Франком⁶. Романенко указывает на тот примечательный факт, что по сути дела программа «милиновцев» была программой переустройства монархии Габсбургов на основах триализма (повышение статуса Хорватии-Славонии до уровня Венгрии и Австрии), а главной же целью объявлялся разрыв всякой государственно-правовой общности Хорватии с Венгрией⁷.

Третьей силой в лагере хорватского национал-радикализма можно выделить быстро набиравшую популярность Хорватскую Народную крестьянскую партию братьев А. и Ст. Радичей (ХНКП), основанную в 1904 году. Братья Радичи выступали за федерализацию Австро-Венгерской империи и установление национально-культурной автономии Хорватии. Члены партии выступали за сотрудничество исключительно с другими славянскими народами империи, так как именно славяне составляли большинство населения империи Габсбургов. Более того ХНКП выступала за наделение всех славянских территорий политической и культурной автономией.

Стоит отметить, что, несмотря на различное отношение к монархии Габсбургов и ее территориальной целостности, идеологи великохорватизма по-прежнему крайне негативно относились к сербскому населению. Так «чистая» партия права вовсе отрицала существование

⁴ *Фрейдзон В. И.* Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине 19 века // *На путях к Югославии: за и против.* М. 1997. С. 227.

⁵ *Романенко С. А.* Великая хорватская национальная идеология в начале 20 века // *Славяноведение.* 1998. № 5. С. 25.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 26.

сербов на территории Хорватии как этнической и религиозной общности. По мнению ее идеологов, признание сербов автоматически означало признание власти сербской короны на территории Хорватии, а значит, несло прямую угрозу существованию хорватской нации и хорватского королевства. «Милюновцы» в свою очередь выступали с критикой столь резкой антисербской позиции своих бывших соратников, видя в сербах возможных союзников в борьбе с немецким гнетом, в то же время, следуя заветам А. Старчевича, «милюновцы» не допускали и мысли о возможности участия сербов в делах хорватского государства. Братья Радичи в своей риторике подчеркивали, что сербы и хорваты являются единой нацией, но в то же время отказывали сербам в праве на политическую индивидуальность и самостоятельность⁸.

Подводя итог эволюционным изменениям в идеологических построениях национал-радикалов, стоит указать на два основных отличия, которые претерпела идеология великохорватизма в начале 20 века: во-первых, это практически полный отказ от революционных методов борьбы за осуществление своих целей и значительный разворот к сотрудничеству с Австрией, что категорически отрицалось предшественниками. Во-вторых, значительное усиление антисербских настроений и отрицание права сербов на национально-политическую самоидентификацию. Во многом именно члены партий, являвшихся носителем идеологии великохорватизма, подготовили почву и являлись активными участниками движения усташей, оставившем свой кровавый след в истории 20 века.

⁸ Романенко С. А. Великая хорватская национальная идеология в начале 20 века. С. 26.

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА В ДОКУМЕНТАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*В. И. Бондаренко
(КубГУ)*

Авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая 26 апреля 1986 г., стала крупнейшей техногенной катастрофой XX в. В результате взрыва реактора на четвертом энергоблоке ЧАЭС радиационному загрязнению подверглись территории 39 районов РСФСР, Украины и Белоруссии, а также Прибалтийские республики и ряд европейских государств. Радиоактивные загрязнения на территории СССР составили 150 тыс. км², на которых проживало 6 млн 845 тыс. чел. Ликвидация последствий аварии на ЧАЭС стала масштабной героико-трагической эпопеей и потребовала беспрецедентной мобилизации сил и средств всей страны. В 1986–1991 гг. в работах по локализации Чернобыльской катастрофы в зоне бедствия приняли участие около 650 тыс. чел., из которых 340 тыс. военнослужащих. За этот период на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС было потрачено 25 млрд руб. Всего же общий ущерб от катастрофы вместе с затратами на аварийные работы составил примерно 175–215 млрд руб. (в ценах 1986 г.)¹.

Авария на ЧАЭС получила большой общественный резонанс и стала объектом пристального внимания ученых, журналистов, политиков. С момента катастрофы и до 1991 г. о данном событии было написано множество научной и публицистической литературы, сняты десятки документальных фильмов. С середины 2000-х гг. интерес к чернобыльской проблематике в мире постоянно возрастает. Пик внимания к аварии на ЧАЭС пришелся на 2011 г. и был связан с 25-летней годовщиной катастрофы, а также с трагическими событиями на АЭС Фукусима-1. Особый интерес к «Чернобылю» сегодня проявляет молодежь, для которой ЧАЭС носит ореол мистики и фантасти-

¹ Россия в борьбе с катастрофами / Под. общ. ред. С. К. Шойгу. М., 2007. Кн. 2. С. 120.

ки. В наши дни огромную популярность приобрели экскурсии в зону отчуждения. Кроме того, чернобыльская тема сегодня пользуется успехом в кинематографе, СМИ, художественной литературе, а компьютерные игры серии «Stalker» стали лидерами продаж. Отметим, что многие из этих «продуктов» массовой культуры не имеют ничего общего с аварией на ЧАЭС и формируют неправильное восприятие данных трагических событий.

Сегодня Чернобыльская катастрофа является предметом исследования специалистов разных отраслей гуманитарного и естественнонаучного знания. Отметим, что у историков авария на ЧАЭС долго не входила в число приоритетных объектов исследования. В наше время, в связи с увеличением интереса к данной проблематике, озвученная тема находит своих исследователей и среди представителей исторической науки.

Источниковая база изучения аварии на ЧАЭС и связанных с ней событий достаточно обширна: это различные документы, воспоминания очевидцев, публикации СМИ и др. Основной пласт документальных материалов находится в архивах России, Украины и Белоруссии. Большой блок документов, посвященных катастрофе, содержится в центральных архивных учреждениях этих трех стран: российских – ГАРФ, РГАН, РГАСПИ, РГАЭ, ЦА МО РФ, украинских – ЦДАГО, ГДА СБУ, белорусских – НАРБ и др. Учитывая тот факт, что авария на ЧАЭС затронула многие регионы СССР, а ликвидация ее последствий носила всесоюзный характер, интересные материалы по данной проблеме мы можем найти в ведомственных и региональных архивах многих стран СНГ.

Сотрудниками архивных учреждений и историками России, Украины и Белоруссии проделана значительная работа по выявлению и опубликованию документов, связанных с Чернобыльской катастрофой. Итогом этого труда стало издание сборников материалов по данной теме: в 1996 г. – «Чернобыльська трагедія: документи і матеріали», в 2006 г. – «Чернобыль. 26 апреля 1986 – декабрь 1991. Документы и материалы» и др.²

Большое количество документов, посвященных аварии на ЧАЭС, опубликовано в сети Интернет. Так, в 2006 г. была рассекречена часть материалов о катастрофе из архива Службы Безопасности Украины,

² Чернобыльська трагедія: документи і матеріали / уклад. Н. П. Барановська. К.: Наукова думка, 1996; Чернобыль. 26 апреля 1986 – декабрь 1991. Документы и материалы. Минск: НАРБ, 2006.

многие из которых мы можем найти сегодня на официальном сайте подразделения и других информационных ресурсах³. В 2011 г., к 25-летней годовщине аварии приурочена on-line-выставка документов, хранящихся в центральных архивных учреждениях России, Украины и Белоруссии⁴. Не менее интересна подборка материалов из архивов Гомельской области⁵.

Чернобыльская катастрофа привлекала к себе внимание общественности и спецслужб многих стран. Например, в недавнем прошлом ЦРУ рассекретило часть материалов, посвященных аварии на ЧАЭС, которые стали доступны в электронном виде на сайте управления⁶.

Еще один важный вид источников: воспоминания очевидцев и участников ликвидации последствий катастрофы. К сожалению, с каждым годом число людей – непосредственных свидетелей аварии на ЧАЭС и ликвидаторов, неуклонно уменьшается. Поэтому первоочередной задачей сегодня для историков должно являться накопление и расширение базы данного вида исторических источников, а также поиск документов в личных архивах.

Полезными для исследователей будут и материалы СМИ. Стоит сказать, что советская пресса и телевидение довольно хорошо освещали аварию на ЧАЭС и ликвидацию ее последствий в нужном для правительства СССР русле, но, несмотря на идеологическую направленность, в репортажах можно подчеркнуть множество ценной информации.

С первых дней Чернобыльская катастрофа стала объектом пристального внимания многих специалистов разных отраслей гуманитарного и естественнонаучного знания, в том числе и историков. Однако научный подход к исследованию аварии на ЧАЭС в рамках исторической науки начинает наблюдаться с начала 90-х гг. XX в. Первым археографическим обобщением работы историков на начальном этапе изучения данной проблемы стала статья Н. В. Маковской⁷. Интересными являются и исследования другого украинского

³ URL: http://www.sbu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?jsessionid=ECC663A27E746E75803AE001EB027ABC.app2?art_id=49046&cat_id=53036

⁴ URL: http://www.archives.gov.ua/Sections/Chornobyl_25/index.php

⁵ URL: http://gomeljust.by/virtualnaia_vystavka_chernobylskaia_katastrofa_25_let_spustia_.html

⁶ См. более подробно: URL: <http://www.foia.cia.gov/collection/reagan-collection>

⁷ Маковська Н. В. Політична ретроспектива Чорнобильської катастрофи в документах // Архіви України. 1993. № 1–3. С. 98–105.

историка – Н. П. Барановской, написавшей о Чернобыльской катастрофе более 40 научных работ. Наибольшего внимания заслуживает статья «Архівні джерела вивчення Чорнобильської катастрофи», где анализируются документы, собранные автором в архивах России и Украины⁸. Результатом многолетнего исследования Н. П. Барановской аварии на ЧАЭС явилось написание нескольких монографий и защита докторской диссертации⁹. Среди российских историков, занимающихся изучением Чернобыльской катастрофы, стоит выделить А. А. Дьяченко, в 2002 г. защитившему докторскую диссертацию по данной теме¹⁰. Большой вклад в сохранение исторической памяти о трагических событиях на ЧАЭС также вносит общественная организация «Союз Чернобыль».

Подводя итоги по вышесказанному вопросу, отметим, что в наши дни среди историков возрастает интерес к изучению природных и техногенных катастроф, включая и аварию на ЧАЭС. Сегодня для исследователей доступен большой пласт источников по данной проблеме, в том числе архивные материалы. Несомненно, что авария на ЧАЭС должна быть всесторонне изучена представителями исторической науки, а память о Чернобыльской катастрофе сохранена для будущих поколений.

⁸ *Барановська Н.* Архівні джерела вивчення Чорнобильської катастрофи // Архіви України. 2006. № 1–6. С. 170–183.

⁹ *Барановська Н. П.* Чорнобиль в новітній історії України: влада і суспільство : дис. ... д-ра іст. наук. К., 2006.

¹⁰ *Дьяченко А. А.* Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986–1991) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.

RAILWAY STATIONS AS A POLITICAL OBJECT AND A SYMBOL OF ECONOMIC, ADMINISTRATIVE AND INDUSTRIAL INTERESTS (1857–1865)

*Juan Camilo Vergara, PhD
(EHESS, France)*

Railways played a major role for the XIX century states, especially in territorial administration. They represented the political philosophies of the industrial revolutions in Europe and the United States, and proponents saw them as machines of progress. The state's need to supervise its territory pushed the western governments to establish control policies for the development of railways. Trains were simultaneously a symbol of new technologies and the motor of the industrial revolutions that changed the traditional order of land transport.

But their real influence is much more ambivalent than we usually admit. In Russia, the railways didn't immediately play the fabulous role that many imagine. Instead, after the construction of the first railway line in 1838 between St. Petersburg and Tsarkoe Selo, the question of Russian railways slowly adapted to the economic, political and social realities of the empire.

It wasn't until 1857, at the beginning of Alexander II's reforms, that the construction of the main Russian railway network started. This moment is represented by the foundation of the Main Society of Russian Railways (MSRR), a French company with an unprecedented capital of 275 million rubles, or 72 % of all capital invested in Russia up to that point. The Main Society, at the same time a private and foreign company, was a strange phenomenon after the Crimean war (1853–1856), when Russia fought against England, Savoy and France. This enterprise inserted itself deeply into Alexander's II reforms, during which the administration's effectiveness became a major priority.

The year 1857 marked a moment in which the Russian government finally decided to liberalize the railway industry. It represented the disengagement of the State from railway construction and the arrival of private groups to create a cohesive network. This change in the official policies opened the door to a competition among private companies, known as the first Russian railway boom. Apart from the MSRR, other

companies appeared in the Russian industrial environment. In 1861, Russians witnessed the opening of lines going from Dinaburg to Riga and from Moscow to Sergiev Posad. Later, in 1862, railways were developed in Finland and between the Volga and Don rivers.

The MSRR played a central part in private railway competition. Its nature placed it at the crossroads of several economic and political interests in Russia and in the world. As a matter of fact, this French society was the result of an international rivalry that took place in 1856 between the diplomatic and financial milieus of the United States, Prussia, England and France. In Russia, the company became a source of disputes and jealousy among Russian investors, who saw it as a threat to their individual interests. Russian elites, and the state sectors concerned by the railway construction, set their own political views on this French company.

The debates that came up as a result of the Russian railways were, indeed, the result of the politicization of the Russian space. They became evident when the Main Society burst into the urban landscape in 1857. It was precisely at this moment that the political situation acquired a physical form in the urban stations. Therefore, the debates around the construction of Russian railways were expressed not only intellectually through ideas, but also tangibly through passenger services the company offered and through buildings it raised.

Thus, the objective of our presentation is to understand how the visions of Russian railway stations materialized and expressed themselves, and how we can understand their politicization from 1857 to 1865. Railway stations became a source and symbol of economic, industrial and administrative interests during this period. This phenomenon became clear in the Baltic territories, but was particularly evident in Poland, from the foundation of the MSRR in 1857 until the end of the Polish revolt in 1865. That is why we will see, in the first part of the presentation, how the stations became the privileged face for private companies during those years. These places were charged with symbols of modernization, unification and power. Additionally, they staged the commercial rivalries that grew between the representatives of Russian and French companies. As we delve deeper into our examples, we will analyze, in the second part, how the Main Society's stations became the target of Polish rebel attacks, who saw in it a means for Russian authorities to centralize their power.

Let's begin with the rivalries between the private railway companies and the way in which they exposed their economic and industrial interests through their shared stations.

The rivalry between the MSRR and the Riga Company, the stations as the face of the railway company.

The MSRR was a strange object in the Russian environment. It had to deal with both powerful financial groups around the world, and with the antagonism of industrial and political groups inside Russia. Because of its private and foreign nature, this company represented an exceptional case that produced interesting reactions. The difficulties surrounding the Main Society, manifested themselves in ideas and in space. Its arrival in the urban landscape, thanks to the construction of the main railway stations, and its desire to impose a monopoly on the Russian railway system, resulted in the polarization of public opinion, set either "for" or "against" the French company.

Strife usually occurred when the MSRR had to link its own network to its rival's. Each company expressed its power, prerogatives and ambitions through the territory it occupied. When these areas of influence had to be superimposed on branch lines or shared stations for network integration, the rival companies started economic conflict in which we find political ambitions and important cultural differences between French and Russian representatives. These elements are an important part of the Russian railway debate between 1857 and 1870.

In shared stations private companies could show their effectiveness against their competitors. They used space as a scene and time as an argument for punctuality in their train schedules. By these means, a common resource of this period was to find criticism of customer service or complaints of delays in the competitor's train departures and arrivals. There are several reports that show us the relationship between the MSRR and other Russian companies, particularly with the railway company of Riga.

Even if the government liberalized the railway market in 1857, Russia didn't enter a new period of its railway history until 1862, when its network started to open its first lines. It was then that the private companies had to come to agreements to facilitate nonstop circulation of trains through their jurisdictions. For example, on 23rd May 1862, the administrators of the Main Society realized that they weren't able to integrate their line from St. Petersburg to Warsaw with the Riga Company trains. This Baltic Company, which was also private, had another type of wagons whose height didn't correspond with the station's platforms. Actually, the French engineers decided to establish these platform measures even though they knew in advance the technical specificities of Riga's trains. Indeed, the model for the foundation of the MSRR was precisely this Baltic company. There was a two foot difference between the train doors and the platform, making the reception of rival wagons at the stations almost impossible.

Solving this difference took several months of long negotiations to determine who would have to make the essential changes¹.

The rivalry over this question included 3 actors: the MSRR administrators, who believed that they had to impose a standard railway reference in Russia, the Riga Company, which saw that the French had undermined Russian investors' interests, and the State, who observed with concern how these difficulties put in danger the unification of the network. These 3 parties finally solved their differences on 3rd June of the same year, when the administrators of the Main Society declared that "observing the work completed in the railway line for the union of the 2 stations, it seems that everything will be ready for completing the route by 4th June at midday"².

But this was only the beginning, because the integration of the 2 companies' stations advanced slowly. In fact, the French society depended on its Riga competitors for access to the Baltic ports (see Annex 1), meaning that the geographical situation of Riga's company gave it the power to harm the Main Society's interests. In these disagreements, the two companies had to push each other to establish terms, as they did during the following two months, when they signed "a treaty between the administrations of the railway lines of Warsaw and Riga to settle direct traffic and a reciprocal circulation of equipment"³.

Paradoxically, the connection between the 2 companies produced new critics of the both services. For example, the MSRR criticized Riga's company because of its constant delays, which hindered the circulation of the Warsaw line⁴. In this way, the French company attempted to impose its departure schedules as a standard for the Russian railway network. The most important result was a new agreement between the companies, according to which "connecting trains would not wait more than 10 minutes for the arrival of delayed trains"⁵.

These difficulties resulting from the shared spaces between companies sometimes took years to solve. A rivalry was eventually established in the railway network, especially because the Council of Ministers assumed

¹ We can follow this discussion in the archives of the Main Society of Russian Railways at *Rossijskij Gosudarsvennyj Istoriceskij Arkhiv* (RGIA) in St. Petersburg: RGIA, fond 259, opis 1, delo 10.

² RGIA, f. 259, o. 1, d. 10, list 15.

³ RGIA, f. 258, o. 8, d. 960, l. 21.

⁴ Ibid., l. 17.

⁵ Ibid., l. 21.

the defense of different companies in Russia according to its own internal divisions. For example, the Minister of Foreign Affairs, Alexander Gorakov, and the Minister of Interior, Petr Valuev, were constant defenders of the French company, and the director of the Department of Means of Communication, Kostantin Čevkin, was a staunch supporter of the private Russian companies. He sought to shield the Russian investors from the entrance of foreign capital into Russia. K. Čevkin became close to the Slavophil milieu and the spokesman of powerful Russian investors, including Vassili Kokorev, Ivan Mamontov and Fedor Čiov.

The continual circulation through the different private and public railway lines wasn't established for many years due to the fierce defense each company made of its prerogatives. As we learn from several traveler complaints during the 1860's, the rivalries surpassed the technical framework and were evident in daily service. A letter from the Ministry of Means of Communication in November 1865, confirms this: the Minister reproaches the Main Society for trying to harm its rivals by preventing the travelers from buying tickets from other companies in its stations⁶.

The differences between these companies were also political, as the urban stations became symbolic places. Public opinion introduced political interest into the railway construction debate. The journals of this period created a figurative image of the French and Riga Companies. Russian leaders transferred the social debates between Slavophiles and Westernizers to the railway debate and made these companies an emblem for each group. For a segment of the Russian press, the Riga Company and its employees exemplified good Russianness, and the Main society's administrators became a model of French debauchery.

A Livonian noble, Vladimir Rotkirkh, offers an example of the way in which the railway rivalry materialized itself. He describes a meeting between the French company and Riga's administrators for the opening of a shared station. In his text, we read that "We, Russians, as patriarchal and religious people, give a particular attention to every inauguration and, without a prayer, without a cross, we do not start any business, any compromise or any engagement. On the contrary, French don't give any importance to prayers or consecrations; they never invite a priest for the opening of public buildings and, instead, prefer to organize feasts with high quantities of drinking... It was in this way that, at the end of 1859, the French constructed the railway line from St. Petersburg to Warsaw and decided to celebrate it in Dunaburg (at the junction with Riga's line, author's note)...

⁶ RGIA, f. 258, o. 8, d. 960, l. 21.

The priest and the deacon were dressed with robes, holding candles in front of the icons when, suddenly, a group of very well-dressed and elegant Frenchmen entered and, like grasshoppers, jumped on the table, making a terrible noise, shouting and laughing. They started to devour all the food with wolfish hunger. Some of them sat near the table, others directly on the table... They then turned themselves to read the journals, which they hide later in their folders. The guests left very surprised, hungry and cold... For a long time the people of Dunaburg remembered this episode from the opening of this section of the St. Petersburg – Warsaw railway, which was organized by Frenchmen”⁷.

The territorialization of political interests was not limited to the Baltic urban stations. Further examples permit us to study cases, like this Polish one, when the MSRR became the source of opposing visions of the Russians and Poles. Let’s observe now the example of the Polish revolt and the stations as a symbol of power and centralization.

The Polish Revolt: Stations as Symbols of Power and Centralization.

The special role urban stations played as political spaces where expressed through various means during the Polish revolt (1861–1864). The Main Society’s stations, though a French company, stood as an emblem of Russian State power and centralization in Poland. This perception explains why they suffered deterioration on numerous occasions during this period, when they became the target of strikes in the cities and when the railroads were damaged in the countryside. The reasons for these rebel actions weren’t solely strategic: the railways enter the Polish landscape as roads coming from the Russian center. The Main Society’s situation was far from ambiguous in this case because, from the Polish point of view, the company was a public service stemming from Russian power, when in reality it was private and French. In Russia, this society further became the target of fierce attacks which even accused it of sympathizing with the rebels. Under attack by critics from both sides, the administrators placed themselves solidly under the orders of the Russian army for supplying troops. The way in which rebels attacked the stations in Poland shows us that these urban buildings were political places where the realities of the Russian empire were visible.

The ideas of Poles and Russians concerning the MSRR came from real sources that are easily explained by three specific points. First, the company administrators were closely connected to Russian power before,

⁷ *Rotkirx V. A. Vospominanija Teobal’da, Vilna, M. P. Romma, 1890, volume 5, p. 66–69.*

during and after the Polish revolt. The minister Petr Valuev shows this in his diary, when he mentions on several occasions the presence of the company’s French and Russian administrators during meetings organized by the emperor. He describes, for example, how the empress gladly discussed railway affairs with them⁸.

The second reason for Poles to consider the MSRR an equivalent of Russian central power was in the nature of the company. Indeed, its main goal was to create a network which should slowly integrate the separated Russian regions. In this way, the company symbolized a will to give the imperial administration an effective tool during Alexander’s II reforms. The Main Society helped carry out the central government’s plans from 1861 to 1864.

The third reason for the politicization of the stations during the Polish revolt came from the development of the railway network during the 1850’s, when the link between Poland and Russia became one of the main goals of Nicolas I. The St. Petersburg – Warsaw line had acquired an emblematic charge when Nicolas I ordered its construction in 1851 using military strategic logic. On the contrary, for the French investors, the Warsaw line represented a direct commercial and land link between Russia and France. Many examples permit us to understand the specificities of railway stations in the Polish context.

The attacks against the MSRR in Poland became more concentrated on 14th March 1861. During an extraordinary meeting of the Council of Ministers, in which the emperor assisted, the debate revolved around the situation of the French company in Poland. The Council was worried to see that, during these disturbances, “there were broken windows at the train stations”⁹. The revolt was only beginning and the stations were already a privileged and symbolic target in the strikes.

The presence of the French administrators didn’t stop the rebels from attacking the company’s stations, which shows the political charge that these places of power accumulated. The attacks against the private company’s infrastructure were completely surprising to the Russian government, especially because they were spontaneous. P. Valuev, one of the strongest defenders of the Main Society, wrote on 24th of February that “they all lost their minds in Warsaw and, for two days, the Committee of

⁸ *Valuev P. A. Dnevnik, volume 1, 1861–1864, Akademija Nauka SSSR, Moscow, 1961, p 197, 26 December 1862.*

⁹ *Valuev P. A. Dnevnik, volume 1, 1861–1864, Akademija Nauka SSSR, Moscow, 1961, p 83, 14 mars 1861.*

citizens and inhabitants governed the city and took charge of police affairs. Obviously, there were many killed, most of them innocents, among which we count a French railway manager»¹⁰.

Not only did the urban stations and their employees become the target of attacks, but the rails were seen also as an object to erase from the landscape. The government perceived these actions against the transport system as very worrying revolutionary acts. P. Valuev gives us a very eloquent description about this situation, in which he mentions that “the news coming from Poland becomes worse every day. The acts of the Grand Duke are incomprehensible. No one cuts any more the wood along the railway, especially because the revolutionary leaders have forbidden any circulation of money or employees of the railway and telegraph companies”¹¹.

Unexpectedly, these attacks against the Main Society’s stations made French administrators become suspicious of the Russian elite. The groups of administrators blamed symbols of the private company, such as the urban stations, for alienating their French administrators. For example, we discover this precise fact in the obituary of Konstantin Čevkin, the former director of the Mains of Communication during the Polish revolt. The author, one of the director’s secretaries, wrote that the Main Society could have reacted properly to the revolt and the attacks against the urban stations, “but they only chose some of our engineers and architects and they brought the rest of the employees from France. Only 2 foreigners were honest engineers; all others weren’t more that scum (svolo’, author’s note) and rebels – Polish (in minuscule, author’s note) who in 1830 had already received amnesty. All these marauders behaved as in a conquered land”¹².

Political visions about the stations were actively expressed in Russia from 1857 to 1865. For the Polish rebels, the attacks against the MSRR weren’t only a matter of military strategy in Poland. They were carried out against its employees and its buildings in a spontaneous way, from the beginning until the end of the revolt.

Railway stations played a role that surpasses any technical consideration in the urban environment of this period. They were physical spaces that imposed their architecture and symbols on the city. The presence of

stations was usually central to the Russian Empire’s cities, which became conductors of political opinions. Their visibility helped the central power impose its presence and objectives, just as it helped its rivals and enemies attack a specific imperial symbol. For example, through the Main Society, the State tried to control the prices and quantity of wheat going in and out of Poland during the revolt. However, the impact of this phenomenon must not be exaggerated and should not become an absolute value for the whole Russian empire. The presence of foreign capital, in the case of Riga, or the presence of the imperial administration, in the case of Poland, show us only that the stations are interesting sources to analyze that feed the industrial, economic and politic debates in Russia.

¹⁰ Ibid. p. 75, 24 February 1861

¹¹ Ibid. p. 231, 21 July 1863.

¹² «Konstatin Vladimirovi Čevkin», in *Ruskaja Starina*, St. Petersburg, Bala eva, t. 45, 1885, p. 378.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗОВ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ 1917 ГОДА

А. А. Веселов, к.и.н.
(НИУ «МЭИ»)

Сложившаяся в России ситуация после Февраля 1917 г. привела художественную интеллигенцию к тому, что большинство творческих объединений стало распадаться. В интересах защиты своей деятельности актеры, музыканты, художники вынуждены были объединяться в профессиональные союзы уже на принципиально новой основе. Так возникли союзы театральных служащих, актеров, оркестрантов, художников и другие. Они были немногочисленными и в начале не связанными между собой. Это походило скорее на стремление сочетать дореволюционные принципы кружков творческой интеллигенции с новыми революционными веяниями.

Цели и задачи этих организаций были разными по своей сути: если профсоюзы работников искусств стремились защитить всевозможными средствами право деятелей культуры на творчество, помочь им в обеспечении сносных бытовых условий жизни, получении средств к существованию, то Союз деятелей искусств стремился определиться прежде всего как независимая от власти организация, которая могла бы взять в свои руки все художественное «устройство страны»¹.

В мае 1917 г. состоялся первый съезд культурно-просветительных организаций Московского Военного округа, создавший **культурно-просветительную Лигу**. По решению съезда она должна была существовать как автономное учреждение при Московском областном Бюро Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Совместно с культурпросветотделом Московского Совета Солдатских Депутатов Лига организовала «Лекторские курсы», где лекции по социализму вел А. А. Богданов².

¹ ЦГАМО. Ф. 5830. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.

² Там же.

Определенные шаги в области организации культпросветработы сразу же после революционных событий февраля 1917 г. предприняла Российская социал-демократическая партия (большевиков). 6 марта Петроградский Комитет большевистской партии, рассматривая вопрос о культурных организациях, постановил: «Предложить организацию таковых каждому районному комитету, причем предложить районным и подрайонным комитетам открыть социал-демократические рабочие клубы»³. Петроградская большевистская ячейка, имевшая большое влияние, дала разрешение на организацию в ближайшее время таких клубов в Нарвском, 1-м Городском, Выборгском, Московском и ряде других районов столицы. На первый план были выдвинуты требования обеспечения единого руководства культурно-массовой работой со стороны большевиков.

В августе 1917 г. состоялась 2-ая Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов, на которой А. В. Луначарский инициировал вопрос об объединении распыленной культурно-просветительной работы. В резолюции, принятой конференцией по его докладу, говорилось о необходимости «приступить к организации объединяющего центра, который контролировал бы всю культурную работу в рабочей среде и руководил ею сначала в Петрограде, а потом и по всей России»⁴.

Несколько ранее в двадцатых числах августа, в Москве состоялся съезд по школьному и внешкольному образованию фабрично-заводского населения. Одним из вопросов стало рассмотрение организации рабочих клубов. Свою точку зрения высказал докладчик А. А. Петров, считавший необходимым создание внепартийных клубов. Противоположную позицию занял В. Плетнев, один из будущих руководителей Пролеткульта. Он придерживался мнения, что целью клубов является развитие «классового самосознания рабочих в определенном социалистическом направлении»⁵. По его мнению, клубы явились предварительной ступенькой для развития партийного опыта, а значит, они должны были поднять личность рабочего на более высокий культурный уровень. Оба докладчика и, соответственно, выражаемые ими два направления решения вопроса сошлись на единой платформе: клубы должны быть социалистическими, но фракцион-

³ Правда. 1917. 8 марта.

⁴ ЦГАМО. Ф. 5830. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.

⁵ Известия культпросвет Лиги МВО при областном бюро С. Р. и С. Д. 1917. № 3–4. С. 26.

ными, ибо в противном случае их задачи будут сужены интересами какой-нибудь партии.

На съезде в выступлении делегата съезда И. О. Подпалова, посвященном организации социалистического клуба, где в числе задачи клубной работы были выделены образовательная и воспитательная. Осуществление данных направлений в культурно-просветительной деятельности пока еще носило хаотичный характер. Так, по инициативе лектора Лиги МВО Д. А. Мгебровского в Москве была создана «Ассоциация научных социалистических сил». Среди ее первых членов (а их было около 40) выделялись А. Богданов и С. Кривцов – в скором будущем пролеткультовцы. В Москве в период с 15 по 19 октября работал также II съезд культпросветорганизаций МВО. В докладе, сделанном руководителем Совета Лиги А. К. Конторовичем, отмечалось, что обращение в Моссовет С. Р. и К. Д. с инициативой объединения культурно-просветительных отделов не получило вообще никакого отклика был безнадежным, потому что «...даже в такой организации как МСРД конкурируют художественные комиссии и агитационно-пропагандистские»⁶.

Но, тем не менее, практически в эти же дни нашлись силы, способные объединить культурную работу. Пока они сконцентрировались в Москве, где 16, 17 и 19 октября 1917 года при активном участии председателя культпросветкомиссии ЦК РСДРП (б) А. В. Луначарского состоялась первая конференция культурно-просветительных организаций. Она положила начало созданию и деятельности Пролеткульта.

Так был создан объединяющий центр, о котором говорилось еще на второй конференции фабрично-заводских комитетов в августе 1917 г. В дальнейшем работа по формированию организационной структуры прошла много этапов, закрепленных решениями конференций, съездов, пленумов Пролеткульта. На этой же, самой первой конференции, было уделено много внимания политическому и духовному воспитанию рабочих, подчеркивалась важность развития творческой инициативы и просвещения.

На конференции культпросветорганизаций был создан Центральный Комитет. Его почетным председателем был избран А. В. Луначарский, председателем Исполнительного Бюро – М. И. Калинин. Ответственным организатором школьного отдела стала Н. К. Крупская, литературный отдел возглавил П. И. Лебедев-Полянский, театральный и кинематографический – В. В. Игнатов, организационный – С. И. Шульга.

⁶ ЦГАМО. Ф. 5830. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

Те решения, которые принимались на конференции, в перспективе должны были распространиться по всей России, но в первую очередь, ее центральным районам. Поэтому конференция в Петрограде дала серьезный толчок развитию пролеткультовского движения в стране.

Присутствовавшие на конференции представители Петроградского Комитета РСДРП(б), Советов рабочих и солдатских депутатов, профессиональных союзов, фабзавкомов Петроградского комитета Союза социалистической рабочей молодежи, городских и районных дум, полковых комитетов, крестьянских землячеств, Петроградского комитета партии эсеров поддержали резолюцию, в которой говорилось о необходимости «положить начало организации пролетарского культурно-просветительного движения в Петрограде, для согласования на этом поприще разрозненных усилий»⁷.

Через несколько дней после Петроградской конференции, 25 октября 1917 г. в Московской печати появилось сообщение, содержащее призыв к «интеллигентному пролетариату» и «пролетариату физического труда» объединить все социалистические силы в культурной работе, но при этом «не прибегая к помощи буржуазных элементов»⁸. В материалах конференции ни разу во время ее работы не было употреблено название Пролеткульт. Этот термин официально возник уже после Октябрьской революции, в ноябре 1917 г. Впервые название Пролеткульт содержится в Постановлении Исполнительного Бюро ЦК пролетарских культурно-просветительных организаций от 28 ноября 1917 г.⁹ Оно было предложено В. Игнатовым, секретарем бюро и было принято делегатами.

Несмотря на призывы в октябре-ноябре 1917 г. найти какое-либо общее основание для объединения с «пролетариатом физического труда», творческая интеллигенция не смогла фактически до 1919 г., когда постановлением сверху, административным путем, все союзы работников искусств были объединены во Всероссийский профессиональный союз работников искусств (Всерабис)¹⁰. Но до этого решения власти все профессиональные союзы действовали самостоятельно и пытались выработать свою линию действий в условиях гражданской войны.

⁷ Пролетарская культура. Известия. Пг., 1918. №1. С.3.

⁸ Известия культурно-просветительной Лиги МВО. 1917. №7–8. С. 14.

⁹ Там же. С. 3.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5508. Оп.1. Д. 4

ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ОБРАЗА ВНЕШНЕГО ВРАГА В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ» (1946–1956 гг.)

З. Н. Вишнякова
(РГАСПИ)

После окончания Второй мировой войны мир вступил в идеологическую борьбу между капиталистической и социалистической моделями развития общества. В результате на протяжении сорока с лишним лет мир оказался биполярным. На фоне этого противостояния каждая из сторон в качестве «механизма негативной мобилизации»¹ использовала образ внешнего врага. Была создана целая картина мира, в которой поляризация на «своих» и «чужих» сопровождалась постоянным противоборством, враг и «образ врага» стали неотъемлемой частью общества периода «холодной войны».

В настоящее время в научном сообществе существует несколько определений понятия «образ врага». Автор данной работы опирается на определение, предложенное А. В. Фатеевым: «образ врага – это динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества, который является идеологическим выражением общественного антагонизма»².

Известно, что средства массовой информации в советское время были проводником официальной – и только официальной – точки зрения. В частности, руководство страны рассматривало прессу как свое боевое оружие, «мощное средство организации, мобилизации и воспитания масс»³. Советской власти нужна была доступная форма передачи информации, язык, который был бы понятен всем слоям населения (в том числе неграмотным). Советская власть нашла этот язык в политической сатире и карикатуре, поскольку они в заострен-

ной форме помогают обличать пороки и недостатки, как отдельных лиц, так и общества в целом.

Аппарат агитации и пропаганды Советского Союза внедрял в общественное сознание идейные установки для неустанной готовности к борьбе с внешними врагами. Эти установки транслировались средствами массовой информации, в частности, сатирической периодической печатью, включая наиболее известное и многотиражное советское издание этого жанра – журнал «Крокодил» (1922–2008 гг.). Именно на его страницах в период с 1946 по 1956 гг. формируется карикатурный образ внешнего врага в лице «лагеря империализма», западных стран, ориентированных на капиталистическую модель развития.

Карикатура в журнале «Крокодил» занимает значительное место, наряду с плакатом, кинематографом, телевидением она сочетает визуальный и вербальный ряд, тем самым быстро и точно производит на реципиента нужное впечатление. Изображения внешних врагов на страницах журнала состоят из двух частей: вербальной и визуальной. При этом каждая карикатура посвящена определенной теме: тема войны, тема денег, тема американских нравов⁴, тема всемирного господства, тема беззакония⁵ и т. д. Анализ карикатур журнала позволил определить и систематизировать ряд визуальных особенностей изображений.

Одежда и внешний вид персонажей. Глядя на карикатуру, зритель определял внешних врагов по нескольким признакам, и самый главный – это подчеркнуто «буржуазная» одежда, вызывавшая ассоциации с довоенными образами врагов. Фраки, смокинги, жилеты, начищенные до блеска ботинки, галстук-бабочка, аксессуары (украшения, пенсне, очки, трость, шляпа), трубка, сигара – все это атрибуты внешнего врага, абсолютно чуждые советскому человеку. Показательна и обувь внешнего врага: остроносые, вычищенные ботинки отчетливой формы, сильно выделяются на фоне растоптанных советских башмаков.

Так или иначе, в одежде врага присутствуют элементы расцветки флага государства, гражданином которого он является, что облегчает его идентификацию. Чаще всего цвета флага изображались на

¹ Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага: сб. статей / сост. Л. Гудков. М., 2005. С. 191.

² Фатеев А. В. Советский вариант образа врага: 1945–1954 // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. 2002. С. 112.

³ Там же. С. 4.

⁴ Рис. Ю. Узбякова. «Американский нравы» // Крокодил. 1952. № 1. С. 10.

⁵ Рис. Б. Ефимова. «В редакции одной заокеанской газеты» // Крокодил. 1946. № 25. С. 3.

галстук-бабочке⁶, который в Советском Союзе не носили, так как этот аксессуар считался признаком «загнивающего буржуазного строя».

Враги-капиталисты изображались в головном уборе, причем хорошего качества. У американцев это широкополая шляпа (иногда «ковбойская», стетстоновская), у англичан фетровая шляпа или шапокляк, а вот у французов – цилиндр. В Советском Союзе образцовый гражданин мог позволить себе только кепку, шапку-ушанку либо небольшую, ничем не примечательную шляпу.

Следовательно, одежда и внешний вид персонажа имели важное маркирующее значение, это признак по которому можно отличить «своего человека» от врага. Как известно человеческий взгляд фокусируется, прежде всего, на чем-то новом и необычном, поэтому советский человек считывал визуальную информацию следующим образом: в СССР такой одежды нет, поскольку хороший человек не станет носить дорогие вещи. Тем самым, осуществлялась идентификация внешнего врага.

Физиологические особенности. Следующим признаком, по которому зритель определял внешнего врага, является искажение черт лица, а также фигуры. «Карикатура не претендует на документальную правдивость, в ней важна узнаваемость»⁷ и смысл изображаемого. Поскольку ей свойственны нарушения пропорций тела человека, все изображения внешнего врага на страницах журнала «Крокодил» намеренно преувеличены, а сам он представлен в угрожающей позе. Однако на страницах «Крокодила», враг уже далеко не так страшен, как его предшественник с военных плакатов. Внешние враги на карикатуре периода «холодной войны» – это слабые духом, больные люди. Они не способны напугать, могут лишь вызвать отвращение.

Так, например, художники-карикатуристы на страницах «Крокодила» обращаются к форме носа для различения врага по национальному признаку: нарочито длинные носы у французов⁸, птичий (загнутый) нос у американцев⁹, нос-картошка у англичан¹⁰ и т. д. Так-

же гиперболизировано изображались рты врагов, которые искажены злобным оскалом, ухмылкой или открыты от изумления¹¹.

Фигура внешнего врага преувеличена и изуродована. Неотъемлемым символом капиталиста являются толстяки¹² (чаще всего с лысиной). К тому же их образ дополняется сигарой, что соответствует традиционному представлению о богатом и жестоком колонизаторе, но встречаются и неправдоподобно худые, высокие и сутулые персонажи¹³.

Третьим признаком, по которому зритель определял внешнего врага, являются *гендерные и возрастные различия*, так как враг на страницах «Крокодила» имеет свой возраст и пол. Так, среди них нет детей и молодежи (не считая солдат), чаще всего это те, кому от 40 лет и более. Особенно популярен образ внешнего врага в виде обрюзгшего старика с длинными костлявыми руками. Его изображение символизирует абсолютное физическое и нравственное бессилие.

Крайне редко встречается образ женщины врага¹⁴. Ее отличительной чертой является наличие дорогих, массивных украшений, изысканной одежды, хорошего маникюра и прически, что было абсолютно чуждо советской женщине. На страницах «Крокодила» женщины изображались в качестве двойников известных состоятельных дам или же, как символ – образ войны¹⁵.

Четвертым признаком, определяющим врага, являются *окружающие его предметы*. Как известно, враг без оружия – это не враг. Поэтому в период «холодной войны» внешний враг изображался в окружении оружия, либо с оружием в руках: пулеметами, снарядами, бомбами¹⁶ и т. д. Но помимо этого у капиталистов было и другое оружие – деньги. Американцы, французы, англичане изображаются в окружении золотых монет, на элементах их одежды часто присутствует знак доллара¹⁷.

¹¹ Рис. В. Горяева // Крокодил. 1947. № 1. С. 2.

¹² Рис. Ю. Ганфа // Крокодил. 1947. № 4. С. 1; Рис. К. Елисеева // Крокодил. 1949 № 23. С. 3.

¹³ Рис. Кукрыниксы. «Зависть палача» // Крокодил. 1952. № 8. С. 1.

¹⁴ Рис. Кукрыниксы. «Хозяева» // Крокодил. 1952. № 1. С. 9.

¹⁵ Рис. Кукрыниксы. «Любовь до гроба» // Крокодил. 1949. № 33. С. 8.

¹⁶ Рис. В. Коновалова. «Армия мира» // Крокодил. 1951. № 5. С. 1; Рис. Б. Ефимова. «Политико-экономическая дуэль на Ближнем Востоке» // Крокодил. 1947. № 36. С. 5.

¹⁷ Рис. К. Елисеева // Крокодил. 1949 № 23. С. 3.

⁶ Рис. В. Фомичева. «АккордеООН» // Крокодил. 1951. № 7. С. 1.

⁷ Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 183.

⁸ Рис. Л. Бородаты. «После выборов в французский совет республики» // Крокодил. 1948. № 33. С. 2

⁹ Рис. М. Черемных // Крокодил. 1947. № 1. С. 5; Рис. Б. Ефимова. «Мир... понятие растяжимое» // Крокодил. 1951. № 35. С. 1.

¹⁰ Рис. Ю. Ганфа // Крокодил. 1947. № 4. С. 1.

Олицетворение стран-«врагов». Визуальные признаки внешних врагов помогают определить типологические особенности этих образов на страницах журнала «Крокодил». Как известно, в начальный период «холодной войны» у Советского Союза было три основных противника: Америка, Великобритания, Франция. На страницах «Крокодила» художники-карикатуристы наделяли эти страны антропоморфными чертами, а именно представляли каждую из них в виде отдельного персонажа. Америка была представлена в собирательном образе Дяди Сэма, Великобритания – Джона Буля, а Францию олицетворял собой Шарль де Голль. Но помимо этих персонажей присутствуют и другие образы (Чан Кайши, Мао Цзедун и т. д.). Типологизация образов упрощает восприятие официальной информации о международной обстановке, передаваемой со страниц журнала «Крокодил». Отсутствие в какой-то момент в карикатуре имени того или иного персонажа в дальнейшем не создавало трудностей для его идентификации. Рожденные однажды, образы раз и навсегда сохранялись в памяти зрителя.

Каждому историческому периоду соответствует некий образ «идеального» врага, который со временем не исчезает без следа, а трансформируется в соответствии с запросами новой эпохи, а также определенной политической ситуации. Так, прототипом образа внешнего врага периода «холодной войны» был образ фашистской Германии, однако в соответствии с особенностями ведения «холодной войны», этот образ не вселял в зрителя тот характерный ужас и страх, а демонстрировал слабость, физическое и нравственное вырождение Запада. Читая визуальную информацию той эпохи, можно отметить, что внешние отличия врагов, такие как цветовые контрасты, одежда, выражение лиц, окружающие предметы и т. д. говорят, прежде всего, о моральной составляющей этого образа. Враг не должен быть художественно привлекательным, поэтому внешний враг в журнале «Крокодил» – это уродец в дорогой одежде.

ИСТОРИОГРАФИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БАСЕЙНА РЕКИ ПРОТВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

*Н. М. Волхонская
(РГАСПИ)*

Анализ топонимии играет важную роль при изучении истории той или иной территории. Особенно это касается дописьменного периода, о котором мы можем судить только по материалам археологии и лингвистическим данным. Несмотря на ряд сложностей интерпретации, лингвистические данные, в том числе топонимические, считаются одними из самых древних источников, при этом менее многозначными, чем археологические¹. Особенно это актуально для крупных гидронимов – названий крупных водных объектов, которые в силу своей важности для деятельности человека могут жить чрезвычайно долго, сохраняясь тысячелетиями зачастую в не сильно трансформированном виде². На них мы обратим особое внимание.

Исходя из важности лингвистических данных в разнообразных исследованиях, их использование было и остается актуальным практически всегда, с того времени, как начали интересоваться историей вообще. Район бассейна р. Протвы не стал исключением. Он входит в бассейн р. Оки, который вообще является одним из самых изученных регионов России во всех аспектах. Современный бассейн р. Протвы охватывает части 3 районов Московской области: Можайского, Нарофоминского и Серпуховского – и 5 районов Калужской области: Боровского, Медынского, Малоярославецкого, Жуковского и Тарусского³.

¹ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

² *Седов В. В.* Этногенез славян по данным гидронимики (История проблемы и современное состояние) // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1991: Материалы симпозиума. Псков, 1992. С. 80.

³ *Калуцков В. Н., Шломова Е. В.* Избранная топонимия Боровского края и бассейна реки Протвы: Гуманитарно-географический словарь-справочник. М.: Сатино, 1995. С. 5.

В данной статье мы кратко проследим основные тенденции, которые повлияли на исследования топонимов рассматриваемого региона.

Изучение топонимии рассматриваемого региона во второй половине XX века проходило в основном в рамках исследований балто-славянских языковых отношений. В 1962 г. вышла книга О. Н. Трубачева и В. Н. Топорова «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», занявшая, пожалуй, самое видное место среди исследований гидронимии Верхнего Поднепровья и Поочья. Топоров являлся выдающимся филологом и балтистом, и это сыграло немалую роль в формировании представления исследователей о данном регионе. Многие исследователи использовали его выводы. Однако впоследствии его работы подверглись критике, как представляется, заслуженной. При этом книга «Лингвистический анализ...» все же оказала сильное влияние на ход исследований, которые были нацелены на как можно большее расширение границ расселения балтов на основе распространения балтских топонимов.

Вскоре появились работы В. В. Седова с обоснованием его теории о балтском населении бассейна р. Протвы. Поначалу автор отмечал ненадежность лингвистических данных в отрыве от археологических⁴. Седов создал свою теорию расселения балтов, определяя Волго-Окское междуречье как ареал Мощинской археологической культуры. Бассейн Протвы находится в пределах этого ареала, а из сообщения за 1147 г. Повести временных лет известно, что в юго-западных районах Подмосковья, на реке Протве жило племя голядь. В 1970-е гг. В. В. Седов продолжил исследования гидронимии голяди; он выдвинул тезис о его западнобалтском, а не восточнобалтском происхождении. В это же время ряд исследователей продолжил критику книги «Лингвистический анализ...», связанную с использованием авторами нерепрезентативных источников⁵.

В 1970-е годы Топоров продолжает исследовать балтизмы в Поочье. Однако за основу части своих исследований Топоров взял каталог И. А. Здановского 1926 г.⁶ В них видно намерение автора убедить

⁴ Седов В. В. Гидронимика и археология // Конф. по топонимике Северо-Западной зоны СССР: Тез. докл. и сообщ. Рига, 1966. С. 14–15.

⁵ Напр.: Попов А. И. К изучению гидронимии Украины // Питання гідроніміки: Матеріали III Республіканської ономастичної (гідронімічної) наради. Київ, 1971. С. 37.

⁶ Здановский И. А. Каталог рек и озер Московской губернии: С приложением гидрографической карты Московской губернии в масштабе 6 верст в дюйме. М., 1926.

читателя о наличии очень большого количества балтизмов на данной территории. Каталог же Здановского не подходит для лингвистических исследований. Он является черновиком, на основе которого собраны материалы впоследствии должны были составить более удовлетворительную карту и каталог речной сети Московской губернии. Карты, использованные для создания каталога, датируются не ранее середины XIX в. Название реки чаще всего вписывалось по данным двухверстной карты Военно-топографического отдела. Многие названия закодированы номерами, а старые варианты названий вообще не приводятся⁷.

В 1970-х годах Седов продолжил исследования древних археологических пластов в этом регионе⁸. Он признавал ненадежность лингвистических данных в отрыве от археологических. Есть вопросы и к собственно гидронимическому анализу самого Седова. Поскольку он не является специалистом в этой области, его анализ не выглядит очень убедительно⁹. Во многом он основывается на исследованиях В. Н. Топорова. Топоров характеризует гидронимический анализ Седова как недостаточно строгий, что привело последнего к ряду очевидных ошибок¹⁰.

В 1970-е гг. появляются и работы Г. П. Смолицкой. В отличие от В. Н. Топорова, Смолицкая занималась анализом гидронимии Поочья в контексте исследований славянских языков. В 1976 г. вышел ее обширный каталог гидронимов бассейна Оки¹¹. До сих пор он является наиболее полным собранием гидронимов Поочья, поэтому широко используется исследователями гидронимии бассейна Оки и практически всегда оценивается положительно. Однако в нем присутствуют серьезные недочеты, на что обращают внимание и современные исследователи. Во-первых, это такие ошибки, как неправильное указание притока: напр., р. Песочня, левый приток р. Суходрев, названа

⁷ Там же. С. 11–17.

⁸ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян М., 1979. и др.

⁹ Седов В. В. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. Мат-лы и исследования по археологии. №184. М., 1971. С. 102–108.

¹⁰ Топоров В. Н. Galindai-Galindite-Голядь (Балт. *Galind- в этнолингвистической и ареальной перспективе) // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980. С. 135.

¹¹ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). М., 1976. 403 с.

правым¹². Во-вторых, присутствуют неправильные названия рек, возникшие в результате ошибок копирования, или просто из-за неверного прочтения: р. Легойка вместо р. Нечайны и т. п.¹³ Таким образом, этимологические исследования на основе подобного каталога могут содержать ошибки независимо от исследователя.

В 1988 г. Топоров начал публиковать серию статей с полным набором балтизмов в Поочье. Предполагалось охватить все балтизмы в бассейне Оки, однако до своей смерти Топоров успел опубликовать только три части, которые охватили лишь часть верхнего левобережного Поочья¹⁴.

В 1990-е годы продолжают исследования распространения балтских гидронимов как в Поочье, так и в других регионах. Например, В. Э. Орел попытался отодвинуть западную границу расселения балтов по данным гидронимики дальше на запад¹⁵. В 2000 г. выходит статья Седова о голяди, в которой он обобщает всю информацию об этом племени по письменным, археологическим, топонимическим источникам¹⁶.

В 2000-е годы гидронимия бассейна Оки не остается без внимания. К ней обратился Ю. В. Откупщиков, который ранее занимался этимологией топонимов других регионов¹⁷. Он использует в качестве источника каталог Смолицкой и во многом опирается на исследова-

ния Топорова и Седова. Часть приведенных им примеров этимологии гидронимов вызывает сомнения¹⁸.

Итак, на изучение топонимии бассейна р. Протвы более всего повлияли исследования балто-славянских языковых отношений и этнической истории региона дописьменного периода. На основании данных археологии и гидронимики была сформулирована на первый взгляд убедительная гипотеза о том, что в верховьях Оки проживало западно-балтское по происхождению племя голядь. Однако при подробном рассмотрении топонимических исследований было выявлено, что их авторы пользовались источниками, не совсем подходящими для лингвистических исследований, а стремление найти балтизмы повлияло на выводы исследователей. Можно сделать основной вывод, что даже в настоящее время топонимические исследования сами по себе не могут быть основанием для серьезных выводов о древнем населении территорий бассейна р. Протвы. Исследователи ощущают потребность сопоставлять данные своих исследований с результатами археологических и других исследований. Поэтому они могут быть использованы лишь в контексте других исторических дисциплин.

¹² Там же. С. 42.

¹³ *Хоруженко О. И.* Палеографические особенности бытования топонимов писцовых книг XVI–XVII вв. // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Мат-лы XXIII Междунар. науч. конф. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 449–452. В этой работе также приведены примеры того, как на основе этих неправильных форм гидронимов исследователи, в частности Ю. В. Откупщиков, строили свои выводы относительно балтского происхождения гидронимов.

¹⁴ *Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования, 1986. М., 1988. С. 154–213. и др.

¹⁵ *Орел В. Э.* Балтийская гидронимия и проблемы балтийского и славянского этногенеза // Советское славяноведение. 1991. № 2. С. 83–86.

¹⁶ *Седов В. В.* Голядь // I baltų kultūros istorijos: skiriama Adolfo Tautavičiaus 75-mečiui. Vilnius, 2000. P. 75–83.

¹⁷ *Откупщиков Ю. В.* Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования, XVI: сб. науч. трудов. М., 2004. С. 83–114.

¹⁸ Напр., р. Кушелевка и р. Лож – см. *Хоруженко О. И.* Палеографические особенности бытования топонимов писцовых книг XVI–XVII вв. ... С. 451–452.

ПОЛЬСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПО ВОПРОСУ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ В 1955–1965 гг.

Л. В. Гавриловец, к.и.н.

*(Мозырский государственный педагогический университет
им. И. П. Шамякина, Беларусь)*

Неудача Берлинской и Женевской конференций в 1954–1955 гг. по вопросу объединения Германии, фактическое углубление разделения Германии в результате вхождения ФРГ в НАТО, а ГДР в ОВД, стремление ФРГ к ликвидации ГДР как отдельного государства и включение его в состав Федеративной Республики, выдвижение территориальных претензий в отношении ПНР, а также стремление ФРГ к приобретению атомного оружия – все это факторы, которые обусловили эволюцию проблемы объединения двух германских государств на протяжении 50–60-х гг. XX в.

Польское правительство отвергало различные концепции западных государств, касающиеся решения проблемы объединения Германии через ликвидацию ГДР¹, а также критиковало западные предложения в деле объединения Германии, основывавшиеся на т. н. решениях «свободных выборов», и одновременно поддерживало предложения, изложенные правительством ГДР. Что касается первой проблемы, то польское правительство выдвигало следующие аргументы: «свободные выборы» как метод объединения Германии нереалистичны в связи с фактом существования двух германских государств, а попытки объединения на западном базисе стали бы нарушением баланса сил и могли бы привести к возникновению нового конфликта.

Рассматривая вторую проблему, польское правительство считало целесообразным и возможным поддержать некоторые начальные шаги, которые, не затрагивая прав и интересов кого-либо со сторон,

могли бы исправить к лучшему взаимоотношения и установить доверие между ГДР и ФРГ².

В заявлении польского правительства от 30 января 1955 г. рассматривалось два варианта решения германской проблемы. Во-первых, установление партнерских отношений с двумя германскими государствами, и в первую очередь с ФРГ, чтобы укрепить польско-германскую границу. Во-вторых, не исключалась возможность «объединения Германии на демократических основах»³. Постановлением от 18 февраля 1955 г. Государственный Совет ПНР объявил о том, что «будет продолжать усилия в деле мирного урегулирования германской проблемы в интересах мира и безопасности Польши и других европейских народов»⁴. Этот тезис был подтвержден 16 марта 1955 г. и в специальной декларации ПНР «О внешней политике»⁵.

Таким образом, предложения по урегулированию германской проблемы носили формальный, во многом декларативный характер с обеих сторон. Ни СССР, ни западные державы, ни политические элиты обоих германских государств, по существу, не были заинтересованы в объединении Германии, хотя исходили при этом из разных соображений. Великие державы не хотели терять «свою» часть Германии, лидеры ФРГ и ГДР стремились сохранить сложившуюся систему.

Большое значение имели предложения, выдвинутые правительством ГДР 27 июня 1957 г. в документе «Путь немецкой нации к обеспечению мира и воссоединения Германии». Правительство ГДР предложило создать конфедерацию двух государств на основе международного договора; договориться о запрещении размещения и изготовления атомного оружия на территории Германии; о выходе обоих

² Skowroński A. Polska a problem Niemiec / A. Skowroński. W-wa: KiW, 1967. S. 158–160.

³ Oświadczenie rządu PRL w sprawie pokojowego uregulowania problemu niemieckiego, Warszawa, 30 stycznia 1955 r. // Polityka i dyplomacja polska wobec Niemiec, T. 1 1945–1970. / Wstęp, wybór i opracowanie dokumentów M. Tomala. W-wa: DWELIPSA, 2005. S. 81–82.

⁴ Uchwała Rady Państwa Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej o zakończeniu stanu wojny między Polską a Niemcami, Warszawa, 18 lutego 1955 r. // Polska w stosunkach międzynarodowych, 1945–1989. Wybór dokumentów / J. Zajac. W-wa: UW, 2005. S.129.

⁵ Deklaracja Sejmu PRL na temat polityki zagranicznej, Warszawa, 16 marca 1955 r. // Dokumenty i materiały do stosunków Polski z Niemiecką Republiką Demokratyczną T. 1 październik 1949 – maj 1955. Wrocław; W-wa; Gdańsk; Łódź: WPAN, 1986. S. 503–504.

¹ Problem samostanowienia i zjednoczenia Niemiec // Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (AMSZ). Z. 26. W. 5. T. 41. L. 129.

германских государств из НАТО и ОВД; об отмене всеобщей воинской повинности и взаимном соглашении о численности войск⁶.

Правительство Польши выразило свое согласие с планом ГДР, подчеркнув, что его осуществление привело бы к упрочению мира в Центральной Европе, а также в заявлении от 3 августа 1957 г. отмечало, что «объединение Германии – это вопрос, который никто, не исключая боннского правительства не знает как решить, чтобы создать единое германское государство»⁷.

Как отмечало польское правительство, в 50-х гг. XX в. особое место в западногерманской пропаганде занимал аргумент о лишении германского народа прав на самоопределение и требований реализации этого права. Ссылаясь на право самоопределения, правительство ФРГ выдвигало территориальные требования в отношении польских западных и северных земель, а также стремилось провести политику, направленную на ликвидацию и поглощение ГДР. Польское правительство отрицательно отнеслось к боннской интерпретации права на самоопределение и подчеркнуло безосновательность требований Бонна. Оно отметило, что на польских западных землях не проживает немецкое население, а население ГДР уже осуществило свое право на самоопределение⁸.

Выдвигая аргументы против требований ФРГ по вопросу самоопределения, правительство Польши указывало на необходимость окончательного признания существующих границ Германии и на факт существования уже двух германских государств. Следует отметить, что в 1960-е гг. изменились некоторые аспекты отношения Польши к вопросам разделения и объединения двух немецких государств. Польские политики в своих выступлениях все реже касались проблемы перспективной возможности объединения Германии, или эту перспективу чаще всего упоминали в формулировке «эту проблему решит история»⁹.

⁶ Путь немецкой нации к обеспечению мира и воссоединения Германии // Правда. 1957. 2 авг. С. 5.

⁷ Гомулка В. Выступление в Народной палате Германской Демократической Республики 19 октября 1962 г. / В. Гомулка // Избранные статьи и речи 1961–1964. М.: Политиздат, 1965. С. 186–203.

⁸ Problem samostanowienia i zjednoczenia Niemiec // AMSZ. Z. 26. W. 5. T. 41. L. 130.

⁹ Stolarczyk M. Zagadnienie zjednoczenia dwóch państw niemieckich w polityce zagranicznej Polski w latach 60 / M. Stolarczyk // Wybrane problemy polskiej

В существовавшей в то время политической ситуации немецкая двугосударственность рассматривалась как одна из гарантий безопасности Польши и мира в Европе, но следует подчеркнуть, что в правительственных документах выдвигался тезис о праве немецкого народа на государственное единение и самостоятельность. Так, в 1965 г. В. Гомулка утверждал, что «объединенное германское государство может возникнуть, как мирное государство, демократическое, которое откажется от милитаризма и станет созидательным элементом мира в Европе. Дорогу к такому государству указывает ГДР, и только такое государство может быть признано социалистическими странами и Европой»¹⁰.

Таким образом, в 1955–1965 гг. польские политики поддерживали концепцию объединения Германии на конкретно-определенных условиях: создание конфедерации между ГДР и ФРГ на основе международного договора и отвергали те концепции ФРГ, согласно которым «за объединение Германии любой ценой боннское правительство готово признать польско-германскую границу по Одер-Нейсе». Вхождение Польши в ОВД не оставляет никаких сомнений, что на ее позицию в этом вопросе во многом влияла, проводимая СССР внешняя политика, направленная на признание «германской конфедерации».

polityki zagranicznej lat sześćdziesiątych pod red. J. Przewłockiego. Katowice: Uniwersytet Śląski, 1989. S. 33.

¹⁰ Gomułka W. Przemówienie W. Gomułki 8 maja 1965 r. we Wrocławiu / W. Gomułka // O problemie niemieckim. Artykuły i przemówienia. 2 wyd. rozsz. W-wa: KiW, 1971. S. 271.

ПРОЕКТ НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКА В ДОКТРИНЕ АМЕРИКАНСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Р. Р. Гареев
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Еще со времен Вавилона мировой порядок сложился таким образом, что крохотная правящая олигархия контролировала финансовую систему с целью извлечения собственной выгоды и контроля над народной массой. Позже центрами подобного рода империй стали Венеция, Амстердам и, наконец, Лондон. Посредством центральных банков, находящихся в частных руках, а также используя колониальные компании: Голландскую и Ост-Индскую, они контролировали мировую торговлю. Американские отцы-основатели сумели вырваться из пут древней олигархической системы и основать первую в мире республиканскую форму управления, учредив национальную банковскую систему и систему общественного кредита.

Власть англичан в колониях Северной Америки во многом основывалась на создании денежной империи вокруг частного Банка Англии. Этот банк монополизировал ведение всех денежных операций на континенте и лишила колонии возможности суверенного контроля над своими финансами. В такой ситуации становится очевидно, что создание общественного кредита и национальной банковской системы неотделимы от государственного суверенитета. Человеком, разработавшим концепции обеих систем, стал юный соратник Вашингтона Александр Гамильтон. Будущий министр финансов считал, что общественный кредит способствует росту промышленности, увеличению количества товаров и росту сельского хозяйства. По мнению Гамильтона, обеспечить кредитом население и правительство способен только государственный банк: «Только Национальный банк дает инструменты для создания полноценного, твердого и полезного бумажного кредита».

В 1789 г. президент Вашингтон назначил Гамильтона, уже имевшего опыт по созданию Банка Северной Америки, на пост министра финансов Соединенных Штатов. Первым шагом Гамильтона было предоставление кредиторам гарантий, что американское правительство выплатит все свои долги. Этот весьма непопулярный ход был

сделан для укрепления доверия к кредиту правительства США. Суммировав долги штатов и создав огромный государственный долг, министерство финансов, по мнению Гамильтона, превратило долг в «общественное благо», поскольку сертификаты этого долга стали надежным источником расширения денежной массы и способствовали росту экономики страны. Этому способствовало получение новых кредитов для погашения старых, приводящее к росту инфраструктуры и промышленности.

В своих трех докладах Конгрессу в 1790–1791 годах: Докладе об общественном кредите, Докладе о Национальном банке и Докладе о мануфактурах, Гамильтон ясно выразил свою цель: сделать развитие экономики США основой государственного суверенитета. Поступательно к своей цели он стал двигаться после смерти Бенджамена Франклина в 1791 году, выступавшего категорически против создания центрального банка. Именно в 1791 году законопроект Гамильтона по Национальному банку был принят Конгрессом США. Гамильтон писал Конгрессу, что банк должен быть «национальным банком, который, объединяя влияние и интересы денежных людей с ресурсами правительства, единственный сможет давать последнему длительный и обширный кредит, в котором оно нуждается». Новый банк существенно улучшил финансовый климат в стране и позволил появиться капиталу даже в самых отдаленных уголках страны. Возможно это стало благодаря протекционистским методам, предложенным Гамильтоном. Создание федерального банка много значило и для структуры государства, получившего, наконец, вершину пирамиды денежных отношений Соединенных Штатов.

Несмотря на то, что банк Гамильтона был федеральным, 80 % из десятиmillionного капитала банка принадлежало частным инвесторам. Из 25 членов совета директоров банка 20 избирались акционерами. Таким образом, банк по сути являлся частным, лишь пятая часть капитала контролировалась правительством США. Стоит отметить, что большинство акционеров были родом из Англии, что не могло не вызывать раздражения у населения страны, недавно освободившейся из-под власти метрополии и теперь попавшей уже в экономическую зависимость от Лондона. Рупором недовольства выступил Томас Джефферсон, обративший внимание, что Конституция США ясно декларировала, что Конгрессу должен принадлежать контроль над национальной валютой. Это было сделано для того, чтобы американская денежная масса не оказалась в руках частных банкиров, а была в руках избираемого Конгресса, который, по мнению Джефферсона, является

«самой республиканской из трех властей». В то же время англичане, обеспокоенные возможной экспансией республиканских принципов и системы общественного кредита на континент, решили во что бы то ни стало подорвать американскую независимость. Одним из главных агентов английской короны выступил Аарон Бэrr, занимавший видные посты в американской политике (в том числе должность вице-президента). Бэrr создал Манхэттенский частный банк, по сути занимавшийся подрывом деятельности Национального банка США. Все эти манипуляции привели к конфликту Бэrrа с Гамильтоном, окончившимся гибелью последнего на дуэли в 1804 году. Оставшись без своего идейного вдохновителя, Национальный банк был обречен. В 1811 году американский Конгресс добился отмены полномочий Национального банка США с перевесом в один голос в обеих палатах.

В 1812 году испортившиеся отношения Великобритании и США привели к войне. В новых условиях американское государство столкнулось с серьезными экономическими проблемами. Государственный долг вырос в три раза, а страну накрыла волна инфляции. Группа заинтересованных частных банков убедила Конгресс учредить Второй Банк Соединенных Штатов. В 1816 году он был создан на схожих условиях с проектом Гамильтона: те же частные инвесторы с контрольным пакетом акций, и лишь 20 % государственного капитала. Очень важно, что банк получил право создать единую валюту страны и покупать значительную часть правительственного долга. Этот банк имел все возможности для того, чтобы управлять финансовой системой страны.

Президент Эндрю Джексон (1829–1837) подверг структуру Национального банка критике за то, что он дает слишком большую власть зарубежным инвесторам и благоволил банкам Новой Англии в ущерб южным и западным аграрным частям страны. В 1836 году полномочия Второго Банка Соединенных Штатов не стали продлеваться. Долгие годы после этого в стране, столкнувшейся с бурным экономическим ростом и катастрофой Гражданской войны идея единого банка витала в воздухе. Окончательно она оформилась в 1913 году с учреждением Федеральной Резервной системы, укрепившей финансовое могущество США и существующей по сей день.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ СОЛЯНОГО ОТРЯДА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII вв.

*Н. А. Гефке
(РГАДА)*

На рубеже XVII–XVIII вв. на южной границе Западной Сибири сохранялась напряженная обстановка. В этой связи организация ежегодных поездок в среднее течение Иртыша на Ямышевское озеро для добычи поваренной соли сопровождалась рядом трудностей, преодолевать которые приходилось руководителям соляных отрядов.

Тема добычи соли на Ямыш-озере в XVII–XVIII вв. неоднократно поднималась в научной литературе¹. Но о главах соляных отрядов до сих пор сказано было мало. Наказ тобольскому дворянину Федору Никитичу Фефелову, отправившемуся за солью весной 1699 г., является наиболее полным источником, раскрывающим обозначенную нами тему².

Основной задачей главы отряда являлась добыча поваренной соли. Осуществить ее следовало, не нарушив хрупкого мира на границе.

¹ *Андреев А. И.* Примечание к §84 шестой главы Истории Сибири Г. Ф. Миллера // История Сибири. Т. 2. М.; Ленинград, 1941. С. 559–560; *Бахрушин С. В.* Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII в. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 256, 270; Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 124, 130, 131; *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 88, 91, 92; *Уманский А. П.* О начале нерудных разработок в верхнем Приобье // Ползуновские чтения. Барнаул, 1991. С. 44–45; *Уманский А. П.* Телеуты и их соседи в XVII – первой половине XVIII века. В 2 ч. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 151; *Пестерев В. В.* Организация населения в колонизируемом пространстве (очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв.) Курган, 2005. С. 109; *Шерстова Л. И.* Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII – XX вв. Новосибирск, 2005. С. 17–18; *Резун Д. Я.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 245; *Александров В. А.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 159–160.

² Архив СПбИИ РАН. К. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–39об.

В наказе 1699 г. тобольская администрация прописала три варианта развития событий во время поездки, обозначив четкий порядок действий в каждом из них.

Наиболее благоприятной, но маловероятной, для соледобытчиков была ситуация, в которой они не сталкивались с иноземцами. По прибытии к месту назначения, полагалось построить несколько временных укреплений, чтобы обезопасить путь от озера до Иртыша. После окончания добычи, отряд должен был, не мешкая, выдвинуться обратно³.

Второй вариант предусматривал встречу с джунгарами. Узнав о близком расположении юрт, Ф. Н. Фефелову предписывалось выслать вперед отряд разведчиков. В случае благоприятного настроения кочевников, глава отряда мог вступить в переговоры и предложить им государево жалование. Мирный настрой предполагал принесение шерти, выдачу аманатов, а также помощь в добыче соли. По сложившемуся ранее порядку, рибывшие к озеру тайши выделяли своих верблюдов и лошадей для перевозки тяжелого груза от месторождения к дощаникам. Но даже при таком раскладе руководитель отряда не терял бдительность и не забывал об обеспечении безопасности. Окончание работ по перевозке и упаковке соли знаменовалось торгом⁴.

Если кочевники были настроены агрессивно, служилым должно было погрузить соли столько, сколько возможно в краткий срок, и постараться мирно уйти. Служилые люди были хорошо вооружены, но применять силу им не рекомендовалось⁵.

Организация добычи соли была основной, но не единственной функцией главы соляного отряда. Также он обязывался:

- проводить внешнюю разведку – останавливать и допрашивать всех встреченных на пути людей⁶;
- налаживать дипломатические отношения с кочевниками⁷;
- наводить порядок на пограничной территории среди обьясаченного населения⁸;

- закупать ценные товары для казны⁹;
- выкупать русских пленников¹⁰;
- следить за сбором таможенной пошлины во время торга¹¹;
- предотвращать продажу калмыкам и бухарцам запрещенных товаров – оружия, металлов, пушнины, ревя, табака, «шар-травы»¹²;
- отлавливать контрабандистов, выезжавших в Китай без государева указа¹³.

Постоянной обязанностью Ф. Н. Фефелова была организация строгой дисциплины среди подчиненных, количество которых превышало 750 человек¹⁴. Служилым людям воспрещалось употреблять алкоголь, курить табак, играть в азартные игры, ссориться между собой, воровать и драться. Во встреченных на пути населенных пунктах они не должны были грабить, убивать и «насиловать». Проступками считались также склонение кочевого населения к православной вере и покупка их жен и детей¹⁵. Недопустимы были ссоры с калмыками, которые могли привести к военному столкновению.

Ряд запретов затрагивал основную цель поездки. Так, служилым людям не разрешалось добывать «собинную» соль (предназначенную для личного пользования) и перевозить ее на государевых дощаниках. Глава отряда мог строго наказать за это: конфисковать продукт и оштрафовать. В дальнейшем нарушитель лишался «премии» в виде повышенного соляного жалования¹⁶. Также следовало поступать с лицами, совершившими кражу и перепродажу государевой соли во время обратной дороги в Тобольск.

Кроме служилых людей, глава соляного отряда заботился о торговцах и «промышленных» людях, которые присоединялись к отряду для самостоятельной добычи соли и обмена товарами близ Ямыша. Он следил за тем, чтобы в дороге эти люди не отстали от отряда и на них

³ Архив СПбИИ РАН. К. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–9.

⁴ Там же. Л. 9–18.

⁵ О вооружении соляного отряда см.: Архив СПбИИ РАН. К. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 39–39об.

⁶ Там же. Л. 5–5об.

⁷ Там же. Л. 9–18.

⁸ Там же. Л. 33–33об.

⁹ Там же. Л. 35об.–36.

¹⁰ Там же. Л. 37–37об.

¹¹ Там же. Л. 20–22об.

¹² Там же. Л. 18об.-20.

¹³ Там же. Л. 34–35.

¹⁴ Именной список участников соляного отряда см.: Архив СПбИИ РАН. К. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–52. Кроме названных лиц, в Таре к отряду должны были присоединиться порядка 150 человек.

¹⁵ Архив СПбИИ РАН. К. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 36об.-37.

¹⁶ Там же. Л. 30–31.

никто не напал, также внимательно смотрел за таможенными целовальниками, которые иногда злоупотребляли своими полномочиями.

Второй обязанностью главы отряда было сохранение в целостности вверенного ему имущества. Заготовленную и сложенную на дощаники соль следовало надежно упаковать, покрыть рогожами так, чтобы не затопила дождевая вода. Упаковка закреплялась «мотоузами», которые опечатывались. На обратной дороге Ф. Н. Фефелов должен был регулярно проверять целостность груза. Также бережно ему предписывалось смотреть за сохранностью денежной казны, полученной от сбора пошлин, государевым жалованием для кочевников, дощаниками, парусами, мешками для переноски соли, за расходом боеприпасов¹⁷.

Разумеется, руководитель соляной экспедиции не мог единолично уследить за всем происходившим вокруг. На помощь ему приходили сотники и пятидесятники из других городов, которые получали свои собственные наказания от воевод¹⁸.

Таким образом, для исполнения возложенных задач и обязанностей, главы соляных отрядов наделялись широким кругом полномочий и могли напрямую влиять на отношения России с кочевым населением пограничных территорий юга Западной Сибири. Именно поэтому тобольским воеводам следовало весьма серьезно подходить к вопросу их назначения.

¹⁷ Архив СПб ИИ РАН. К. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 39–39об.

¹⁸ Сохранились упоминания о наказах, выдававшихся руководителям служилых людей, выдвигавшихся к Ямышу из Тюмени в 1705 г. См.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1180. Л. 2об.-3; О должностных обязанностях руководителей соляных отрядов Кузнецкого уезда см.: *Гефке Н. А.* Поставка поваренной соли в Кузнецкий уезд в 1720-е гг. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. М., 2013. С. 154–159.

ДИСПОЗИЦИЯ СИТУАЦИОННОЙ ВЛАСТИ И ЧЕЛОВЕКА В ИДЕЯХ К. ЯСПЕРСА

Д. А. Голдинова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Карл Ясперс прежде всего в связи с существованием в определенной исторической действительности, примечательной рассветом (и упадком) нацизма и становлением послевоенного мироустройства, – оставался небезучастным к политике, среди его идеалов: правовое государство, демократия, мировой порядок; интеграция Европы.

Не менее существенным нам представляется рассмотрение его взглядов на взаимообусловленность существования личности и государства. Данная проблема рассматривается им в контексте онтологии, поэтому резонно будет обратиться к его политической философии как той инстанции, которая, по мнению Л. Штрауса, есть «с одной стороны, попытка выявить истинную природу политических вещей, а с другой, узнать, что собой представляет правильный или хороший политический порядок»¹. Сам Ясперс, приверженец экзистенциальной традиции, принимал «действующую» философию, то есть для него «философствовать – значит вспоминать, но не о довременном опыте души, а о реальной современности, которую я философски понимаю и не понимаю, тем самым подготавливая возможность новой реальности»². Из чего ясно: его философия не могла обойти анализа социально-политических аспектов бытия.

К. Ясперсу мир политического видится состоящим из двух плоскостей: (1) субъективное (индивид – самобытие) и (2) объективное (государство как институт).

1. Человек, способный к осуществлению самобытия (экзистирующий), – духовно свободный, саморефлектирующий, имеющий совесть как ограничитель эгоистического своеволия. «Внутренняя деятель-

¹ Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 11.

² Хайдеггер М. Ясперс К. Переписка, 1920–1963. М.: Ad Marginem, 2001. URL: http://royallib.ru/book/haydegger_martin/martin_haydegger_karl_yaspers_perepiska_1920_1963.html

ность есть деятельность, предшествующая внешней и определяющая ее»³. Внешняя деятельность экзистирующего всегда направлена на участие в построении объективного: только тогда возможно становление подлинной личности, перманентно преодолевающей напряжение в контакте с себе подобными. Цельное самобытие оформляется, когда «оно бывает в состоянии умело выстроиться в нечто объективное, не разрушаясь...»⁴.

2. Объективное в лице государства представляет из себя «конденсированную силу общества, рождающая возможность деятельности, которая принимает решение о целом». Понимание государства К. Ясперсом исходит из понятия о неустойчивости государства как образования по причине его погруженности в состояние борьбы не только с другими государствами, но и внутри себя за определение идентификации; его хаотической природы, подвижной обстоятельствами исторического процесса, техническими возможностями среды и деятельностью ответственных волей.

Тем не менее, государство является единственным оплотом стабильности для существования человечества, нуждающегося в порядке и слаженности социального бытия. Динамичность и изменчивость общественного процесса не предполагает допустимость построения идеального государства: К. Ясперс в духе господствующей тенденции общественно-политической мысли XX века не может представить государство утопическим или статичным (как «пчелиный улей»), ибо его развитие не обладает имманентной конечностью; оно лишь, существуя, руководствуется идеей. Определению господствующей идеи⁵, помогающей государству преодолевать «безнадежную монотонность и бессмысленную опасность»⁶, по мнению К. Ясперса, должно быть посвящено особое внимание управляющих. Для философа идея – точка вхождения субъективного в объективное: на данной стадии экзистирующая личность принимает государство гарантом собственных прав и свобод, выражающего требования для исполнения и повиновения. Идеи сопровождают человека первостепенно в учебных заведениях.

³ Ясперс К. (трехтомная книга) *Философия. Книга 2. Просветление*. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. С. 327.

⁴ Там же. С. 360.

⁵ Из истории, например, марксизм или теология.

⁶ Ясперс К. (трехтомная книга) *Философия. Книга 2. Просветление*. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. С. 387.

Личность, сознательно легитимирующая государство через принятие идеи, должна не забывать об экзистенции и выработке собственных ориентиров: у нее всегда есть право на сопротивление навязываемой объективной воле. «Как возможная экзистенция я наделен также силой сопротивляться всякому объективно фиксированному, высказанному в виде закона долженствованию, если оно достигает меня не так, как то долженствование, которое я сам для себя есть»⁷. В том же русле, но в более радикальной форме о значимости свободы и результате отказа от субъективации бытия высказывался философ Мартин Хайдеггер: «Мысль, идущая наперекор ценностям, не утверждает, что все объявляемое ценностям – культура, искусство, наука, человеческое достоинство, мир и Бог – ничемно. Наоборот: пора понять, наконец, что именно характеристика чего – то как ценности лишает так оцененное его достоинства. Это значит: из-за оценки чего-либо как ценности оцениваемое начинает существовать только как предмет человеческой оценки»⁸.

Экзистирующему человеку (в мире объективного) угрожают две крайности: первая из них есть «рассеяние» себя в общественной жизни с приобретением «веры в регламентацию как в панацею от всех бед, означающую путь нивелирования, которое ведет от подчинения бюрократов к тотальному подчинению всех людей без какой-либо возвышающей конкретной идеи. Усложнение предписаний, превращение людей в несовершеннолетних заставляет их вместе с тем поставлять все большую рабочую силу для проведения бюрократических установлений»⁹; вторая – аполитичность, приводящая к изоляции, самопроизволу, отрицающему объективное и борющемся со всеми¹⁰.

Возвращаясь к теме разделения границ в мире политического между личностью и государством, отметим, что подлинно субъективное и объективное пребывают в неразрывной связи. Как «в ориентировании в мире следует признавать обусловленность субъектом всякой

⁷ Там же. С. 362.

⁸ Хайдеггер М. *Письмо о гуманизме*. М.: Республика, 1993. URL: <http://philosophy.ru/library/heideg/humanism.html>

⁹ Ясперс К. *Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат, 1991. С. 178.

¹⁰ Такой выбор приводит человека и к разрыву с Трансценденцией (Богом), которая является наивысшим духовным ориентиром.

объективной предметности»¹¹, так и «каждый из нас обусловлен в своем существовании политическими и хозяйственными процессами, как природными стихиями»¹².

Экзистирюя, человек обречен на то, чтобы принимать государство во имя безопасного бытия, с другой стороны – он сам не ограничен в способности к конструированию политической реальности, устранению управленческого механицизма.

Опасностью является разрушение экзистенциальной коммуникации между человеком и государством, приводящее к диктатуре или псевдодемократии¹³, проявляющейся вследствие возникновения требований формальной свободы от безответственного и не имеющего потребности к самоуглублению человека.

«Люди действуют как бы в густом тумане, если не приходит к господству и не становится значимой сама воля человека, которая происходит из иных истоков и противопоставляет себя общему порядку существования»¹⁴. Здесь надо иметь в виду скорее не тотальное сопротивление человека государственной власти, а призыв к критическому мышлению.

¹¹ Ясперс К. (трехтомная книга) *Философия. Книга 2. Просветление*. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. С. 346.

¹² Там же. С.383.

¹³ Ясперс имел в виду в данном случае парламентскую демократию ФРГ, установленную в 1949 году.

¹⁴ Там же. С. 334.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА СРЕДНЕЙ И НИЖНЕЙ ВОЛГИ В 1942 г.¹

*О. А. Гоманенко, к.и.н.
(ВолГУ)*

В период Великой Отечественной войны, особенно в 1942 г., проблема снабжения промышленности и транспорта страны кадрами стала одной из главных. На 1942 г. отсрочка от призыва в армию предоставлялась всему плавающему составу речного флота, квалифицированным работникам портов, пристаней, участков пути, заводов, управлений пароходств и пути. Снабжение речного транспорта кадрами производилось из различных источников: привлекались члены семей речников, молодежь и пенсионеры, военнослужащие; на судах в течение всей навигации проходили производственную практику учащиеся школ фабрично-заводского обучения, ремесленных училищ и студенты первых курсов речных техникумов; на флот переводились рабочие с промышленных предприятий. Многие команды работали при двухсменной вахте, а во время Сталинградской битвы – при одной. Кроме этого, пополнение, главным образом, береговыми рабочими происходило как за счет свободного найма, так и трудовой мобилизации.

На рабочих и служащих Народного комиссариата речного флота (НКРФ) распространялось действие Указа от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий»². Однако, Указом, принятым 27 февраля 1942 г.³ предоставлялась отсрочка исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта⁴.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ); проект № 14-31-01003 «Волжский речной транспорт в 1934–1948 годы и его влияние на развитие народного хозяйства СССР».

² Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июнь 1944 г. М., 1944. С. 231–232.

³ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июнь 1944 г. С. 223.

⁴ Но это не касалось преступлений, предусмотренными Указом 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую

Приказом НКРФ от 30 июля 1942 г. на судах Нижневолжского речного пароходства (НВРП) учреждалась должность комиссара, а 26 октября Наркомат разослал по пароходствам закрытое письмо «Об укреплении дисциплины на речном транспорте»⁵. Теперь речники считались военнообязанными, за ними закреплялись те суда, на которых они работали прежде.

К навигации 1942 г. Саратовская пристань Средневолжского речного пароходства (СВРП) не была обеспечена достаточным количеством работников, в частности грузчиками. Кадров не хватало на всех крупных волжских пристанях, особенно на Сталинградской НВРП. Так, в навигацию 1942 г. на Сталинградскую пристань требовалось более 1700 человек – на 35 % больше работников, чем на Саратовскую⁶. Плавсостав пристани Саратов был укомплектован почти наполовину⁷, береговой состав – на 37 %⁸. Если к началу 1942 г. Саратовская пристань была обеспечена грузчиками менее чем на треть⁹, то в течение навигации наличие грузчиков увеличилось до 45 %, треть которых составляли женщины¹⁰.

К открытию навигации 1942 г. в целом по пароходству Средней Волги в основном не хватало матросов пассажирского флота. Среди командного состава не доставало помощников капитанов буксирного флота. В период навигации отдел кадров и военный отдел Средневолжского пароходства разбронировал часть плавающего состава. В итоге на 1 сентября 1942 г. недостаток в кадрах для флота выражался в количестве 547 человек¹¹. Если на 1 мая и 1 июня пристани СВРП были обеспечены грузчиками на 40 и 50 %, то к 1 июля потребность в грузчиках была перекрыта вдвое. Это произошло в результате мобилизации населения и выделения военнообязанных районными

неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

⁵ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 11418. Оп. 1. Д. 4. Л. 18–24; Д. 17. Л. 1.

⁶ Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 4815. Оп. 1. Д. 14. Л. 11 об.-12; ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 37. Л. 126.

⁷ ЦДНИСО. Ф. 4815. Оп. 1. Д. 22. Л. 58.

⁸ ЦДНИСО. Ф. 4815. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

⁹ ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3014. Л. 31.

¹⁰ ЦДНИСО. Ф. 4815. Оп. 1. Д. 22. Л. 58.

¹¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9469. Оп. 6. Д. 25. Л. 31.

военкоматами. Однако производительность труда прибывших работников являлась очень низкой. Около 20 % человек из-за непригодности были отправлены обратно, столько же использовались на других работах. Из более 1300 поступивших новых рабочих менее 10 % приходилось на долю женщин¹².

По транзитному флоту Средневолжского речного пароходства женский труд составлял 42 %. Такие специальности как коки, проводники были исключительно женскими. После снятия с судов семей команд более трети женщин ушло с флота, в итоге процент женского труда снизился до 33 %. В навигацию 1942 г. именно за счет женщин (551 человек) пополнялись кадры массовых профессий в СВРП. Кроме того, поступило 284 студента техникума и 340 учащихся речных училищ¹³.

По состоянию на 1 февраля 1942 г. на флоте и предприятиях Нижневолжского речного пароходства работало 1950 женщин, что в 1,6 раза больше, чем до войны¹⁴. К началу навигации 1942 г. количество женщин в НВРП увеличилось на 40 %¹⁵. Причем численность женщин, работавших на флоте, возросла более чем в 2,5 раза по сравнению с февралем. Значительно возросло количество женщин, занимавших командные должности. Возможность большего использования женщин в пароходстве ограничивалась в том числе недостаточным количеством детских учреждений.

К навигации 1942 г. по флоту и пристаням НВРП не хватало свыше 940 человек. В результате подготовки кадров по состоянию на февраль 1942 г. доставало уже более 200 речников¹⁶. Следует отметить, что в течение 1942 г. количество таких береговых работников как механизаторы и приемосдатчики резко уменьшилось, вследствие ограниченной в них потребности в результате разрушения механизации Сталинградского порта и Красноармейской пристани во время военных действий¹⁷.

Обеспечение речного транспорта и в целом народного хозяйства рабочей силой и создание на этой базе постоянных коллективов в

¹² РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 6. Д. 25. Л. 31 об.

¹³ РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 6. Д. 25. Л. 32.

¹⁴ ЦДНИВО. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 6. Л. 24 об.

¹⁵ ЦДНИВО. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 16. Л. 10–11.

¹⁶ ЦДНИВО. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

¹⁷ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.

годы войны затруднялось текучестью кадров. Неподготовленность предприятий, в том числе речного флота к приему нового пополнения (неудовлетворительная организация питания, обучения, расстановки в пароходстве, низкая оплата труда и др.) влекла за собой уход людей с работы. К тому же недостаточно было жилищной площади, особенно на основных крупных пристанях Нижневолжского пароходства¹⁸.

До эвакуации на 1 августа 1942 г. на флоте в портах и пристанях НВРП насчитывалось 4548 речников¹⁹. В это число входили также рабочие, поступившие по трудовой мобилизации. Если к открытию навигации плавсостав пароходства был укомплектован на 66 %, то к августу количество работавших на флоте сократилось на 12 %²⁰. Если флот в большинстве своем не прекращал работы в период Сталинградской битвы и за это время плавсостав НВРП уменьшился на 23 %, то порты и пристани утратили почти весь личный состав рабочих²¹.

В период обороны города численность работников сократилась: из НВРП эвакуировалось до 1140 человек²² (в основном специалистов, работавших на оборудовании, демонтированном и вывезенном). Помимо этого в ходе военных действий погибло 157 работников НВРП. В Верхневолжском и Средневолжском пароходствах вместе взятых потери личного состава были в два раза меньше, чем в Нижневолжском²³.

Итак, количество рабочих и служащих речного флота Средней и Нижней Волги на протяжении 1942 г. постоянно менялось. При этом именно Нижневолжское пароходство испытывало наибольшие трудности в обеспеченности кадрами. Пополнение рабочей силой происходило из различных источников, как за счет свободного найма, так и трудовой мобилизации.

¹⁸ Гоманенко О. А. Материально-бытовое положение и культурное обслуживание работников речного транспорта Нижневолжского пароходства в годы Второй мировой войны // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции. г. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. Челябинск, 2009. С. 247.

¹⁹ ГАВО. Ф. Р-1419. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 302. Л. 21.

²¹ ГАВО. Ф. Р-1491. Оп. 1. Д. 33. Л. 3–3 об.

²² РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 6. Д. 47. Л. 65 об.

²³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 2. Д. 356. Л. 22.

ХАННА АРЕНДТ КАК ВДОХНОВИТЕЛЬ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ В ГЕРМАНИИ

*А. В. Горобий, к.и.н.
(ТвГУ)*

Ханна Арендт (1906–1975), немецко-американский мыслитель, политический теоретик, была одной из самых влиятельных фигур в интеллектуальных кругах Запада послевоенного времени. При этом в большинстве работ, посвященных творчеству Ханны Арендт¹, несколько в тени остаются методологические и источниковедческие аспекты ее взглядов, а именно, ее влияние на историю понятий как специфически немецкую парадигму гуманитарных исследований. **Цель данного доклада** – представить вклад Ханны Арендт в идейный фундамент истории понятий, прежде всего, во взгляды основателя данного направления Райнхарта Козеллека (1923–2006).

Исходным моментом творчества Ханны Арендт была попытка понять катастрофический опыт XX века, выявить его «генеалогию». Для этого она обращается к языковым понятиям, проводит их семантический анализ и стремится описать беспрецедентный политический опыт современности адекватными ему понятиями – прежде всего, с помощью понятия «тоталитаризм».

Чтобы постичь разрыв между настоящим и прошлым, произошедший в XX в., Арендт пытается проследить его истоки вплоть до античности². Она утверждает, что в новое время отчуждение индивида в «массовом обществе» привело к разрушению прежнего пространства

¹ Глинский А. В. Понимание и политика: теория тоталитаризма Ханны Арендт в контексте ее философско-герменевтической программы: автореф. дис. ... канд. философских наук. М.: Мос. гос. педагогический ун-т, 2010; Гуляев Р. В. Революция или диктатура: Ханна Арендт и Карл Шмитт о сущности политического: автореф. дис. ... канд. философских наук. М.: Высшая школа экономики, 2013; Саликов А. Н. Рецепция идей Канта в учении о способности суждения Ханны Арендт: автореф. дис. ... канд. философских наук. Калининград: Российский государственный университет им. Иммануила Канта, 2008.

² Arendt H. Vom Leben des Geistes. München: Piper, 1979. Bd. 1: Das Denken. S. 208.

политики. Политика возможна только в масштабах конкретных сообществ людей, в масштабах наций, а империализм в интересах экспансии капитала раздвинул границы наций до масштабов всего мира³. Арендт рассматривает империализм, жестко разделяющий людей на господ и слуг, друзей и врагов, как почву возникновения тоталитаризма. Тоталитарная власть – совершенно новая политическая форма. В отличие от обычных диктатур она пронизывает все сферы жизни человека и опирается не на государство, народ или классы, а на массы. Симпатии масс завоевываются с помощью идеологической пропаганды. Далее массы удерживаются в подчинении с помощью «террора», который есть культ насилия, пренебрежение всякими правовыми и моральными нормами⁴.

Арендт полагает, что главной проблемой истории нового времени является ее «натурализация»⁵. Из-за этого современные историки совсем не занимаются каузальностью, а только анализируют события, раскладывают их на элементы⁶. Арендт отвергает философию истории нового времени в духе немецкого идеализма: «С тех пор, как Гегель увидел во въезжающем в Йену Наполеоне не правителя Франции, не завоевателя Пруссии, не сына французской революции и не ее души-теля, т. е. никого из того, кем Наполеон в том момент действительно являлся, а увидел в нем «мирового духа на коне» – с тех пор историческая наука считает свою задачу по изучению того или иного события выполненной только тогда, когда она обнаружит в этом событии экспоненту чего-то иного, невидимого и непостижимого»⁷. В связи с этим Арендт считала неправильным оправдание морали трансцендентальными категориями, поскольку они легко могут быть использованы для манипулирования сознанием⁸.

Неприятие современного понятия «истории», вызвавшего кризис исторической науки, побудило Ханну Арендт выделить антропологические условия (категории) истории и политики:

³ *Arendt H.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996. С. 185–187, 225.

⁴ Там же. С. 597.

⁵ *Arendt H.* Denktagebuch. In 2 Bänden. München: Piper, 2002. Bd. 1. S. 415.

⁶ *Ibid.* – S. 96.

⁷ *Arendt H.* Geschichte und Politik in der Neuzeit // *Arendt H.* Zwischen Vergangenheit und Zukunft. – München [et al.]: Piper, 1994. S. 80.

⁸ *Arendt H.* Von der Menschlichkeit in finsternen Zeiten // *Arendt H.* Menschen in finsternen Zeiten. München [et al.]: Piper, 1989. S. 11–42.

– «способность к рождению и умиранию», «жизнь» сама по себе и «земля», на которой живут люди;

– «действие и говорение»;

– «прощение и обещание»⁹.

В 50-х годах в Германии с Ханной Арендт лично встречался основатель истории понятий Райнхарт Козеллек, который в своих работах ссылается на ее труды¹⁰. Как и Арендт, Козеллек начал свое творчество с осмысления того разрыва с прошлым, который сделал возможной беспрецедентность мировых катастроф середины XX в.¹¹ Он также говорил о расколе буржуазного общества – об отделении политики от государства, произошедшем в эпоху Просвещения, когда политика стала ареной манипуляции сознанием масс. В духе Арендт Козеллек связывал этот раскол с новыми понятиями, возникшими в новое время, прежде всего с понятием «история».

Для Козеллека критика буржуазного общества становится основой, на которой он развивает свою методологию истории понятий (*Begriffsgeschichte*), в полной мере отражавшую его стремление к синтезу истории, философии и лингвистики. Метод истории понятий основан на поиске бинарных оппозиций (*Gegenbegriffe*), которые облегчают конкретно-исторический и контекстуальный анализ употребления понятий, состава их носителей и полемических мотивов последних¹².

На Съезде историков в Кельне в 1970 г. Козеллек сделал свой знаменитый доклад «Зачем еще нужна история?», в котором призвал к созданию «метаистории, изучающей не само движение, а возможность движения, не изменения, а возможность изменений»¹³. Теория истории (*Historik*), по мысли Козеллека, должна – после крушения

⁹ *Arendt H.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2000. С. 228–328.

¹⁰ *Hoffmann S.-L.* Zur Anthropologie geschichtlicher Erfahrungen bei Reinhart Koselleck und Hannah Arendt // *Begriffene Geschichte: Beiträge zum Werk Reinhart Kosellecks* / hrsg. von H. Joas und P. Vogt. 1. Auflage. Berlin: Suhrkamp, 2011. S. 187.

¹¹ См. кандидатскую диссертацию (Promotion) Козеллека: *Koselleck R.* Kritik und Krise: ein Beitrag zur Pathogenese der bürgerlichen Welt. Freiburg [et al.]: Alber, 1959. X, 229 S.

¹² *Koselleck R.* Richtlinien für das Lexikon politisch-sozialer Begriffe der Neuzeit // *Archiv für Begriffsgeschichte*. Nr. 2. 1967. S. 82, 87–88.

¹³ *Koselleck R.* Wozu noch Historie? // *Historische Zeitschrift*. Nr. 212. 1971. S. 1–18.

философии истории – изучать метаисторические условия возможности истории¹⁴. С его точки зрения языковые понятия – это мостик к доязыковым, антропологическим условиям исторического опыта, которые имеют свои структуры повторяемости¹⁵. В частности, Козеллек обнаруживает следующие группы бинарных оппозиций:

«раньше – позже», «рождение – смерть», «способность убивать – способность производить потомство», «мужчина – женщина»;

«внутри – снаружи», «друг – враг» и их варианты – «публичность – секретность» и «победитель – побежденный»;

«верх – низ», «господин – слуга».

Сравнительный анализ взглядов Ханны Арендт и Райнхарта Козеллека обнаруживает их очевидную теоретико-методологическую близость. В научной литературе Арендт, как правило, считают либеральным мыслителем, а Козеллека консервативным автором, однако мы видим, что они схожим образом критикуют буржуазное общество и на этой основе следуют эпистемологическому вектору к изучению понятий и далее к описанию неких базовых антропологических констант и структур.

¹⁴ Koselleck R. Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft // Koselleck R. Zeitschichten: Studien zur Historik. 1. Auflage. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 300.

¹⁵ Koselleck R. Einleitung // Koselleck R. Zeitschichten. S. 13.

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО ТРАНСПОРТА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

*А. В. Горшенин
(ПГСГА)*

За годы Великой Отечественной войны в связи с эвакуацией промышленных предприятий, а вместе с ними и рабочих с семьями, численность населения Пензенской области значительно увеличилась. Основное население сосредоточилось в городах – Пензе и Кузнецке.

После окончания войны, город продолжал развиваться: строились новые заводы, микрорайоны, создавалась инфраструктура. Следует подробно остановиться на развитии транспорта в годы первой послевоенной пятилетки.

Воссоздать развитие городского транспорта Пензенской области помогают разнообразные виды источников. Основные из них сосредоточены в таких архивах, как Государственный архив Пензенской области (ГАПО) и Самарский филиал Российского государственного архива научно-технической документации (филиал РГАНТД).

Наиболее подробно осветить развитие городского транспорта первых послевоенных лет позволяет фонд Пензенского транспортного управления ГАПО¹. Большую часть документов этого фонда составляет делопроизводственная документация. В ней выделяются разновидности: распорядительная (приказы и решения по Пензенскому областному автотресту), отчетная (отчеты: годовые, статистические, по труду), нормативная (инструкции) и деловая переписка (в основном – с министерством автомобильного транспорта РСФСР).

Так, из документов данного фонда можно узнать о состоянии транспортного парка Пензенского областного автотреста. В январе 1946 г. Пензенская автотранспортная контора (с 1946 г. стала называться Автоколонной № 53) имела три автобуса ЗИС-16 и один автобус ЗИС-8 и 70 грузовых автомобилей следующих марок: ГАЗ-АА, ЗИС-5, ГАЗ-42, ЗИС-21 и ЯГ-4. А Кузнецкая АТК в своем рас-

¹ ГАПО. Ф. Р-2450. Пензенское транспортное управление.

поряжении имела два автобуса ГАЗ-АА и 13 грузовых автомобилей тех же марок, что и Пензенская АТК за исключением автомобилей ЯГ-4².

В документах указанного фонда были выявлены интересные факты, касающиеся послевоенной трудовой жизни. Как известно, в связи с окончанием Великой Отечественной войны и перехода на нормальные условия работы Совет Министров и ВЦСПС запретили практику сверхурочных работ, но, несмотря на это, в автоколонне №53 на протяжении всего 1946 г. велись данные работы. Только за июль-август 1946 г. группа шоферов и ремонтных рабочих незаконно переработала 980 сверхурочных часов³. Своеобразная ситуация сложилась с выдачей трудовых книжек. Еще в 1938 г. СНК СССР принял постановление «О выдаче трудовых книжек», но в транспортном предприятии Пензенской области, несмотря на наличие специальных бланков, большое число рабочих их не имело. Так, к январю 1947 г. в автоколонне №53 (г. Пенза) не имели трудовых книжек 68 работников, а в автоколонне № 101 (г. Кузнецк) – 24 человека⁴.

В материалах данного фонда сосредоточены также приказы и циркуляры министерства автомобильного транспорта РСФСР, некоторые из них непосредственно касаются Пензенского облавтогостреста. На основе этих документов можно установить, что уже в первые послевоенные годы, несмотря на разруху, работникам городского автотранспорта повышали заработную плату. Так, в сентябре 1946 г. были повышены месячные должностные оклады рабочих и служащих автохозяйств в следующих размерах: при окладе до 300 руб. включительно прибавка составляла 110 руб., при зарплате до 500 руб. – 100 руб., те, кто получал до 700 руб. получили прибавку в 90 руб., а зарабатывающие до 900 руб. – 80 руб.⁵

Стоит обратить внимание на то, что зарплата шоферов и кондукторов зависела от вместимости автобуса, на котором они работали. Так, автобус марки ЗИС-8 имел вместимость от 20 до 32 пассажиров, а водители, работавшие на нем, получали оклад 600 руб., кондукторы – 310 руб. Автобус марки ЗИС-16 обладал вместимостью 32 и бо-

лее пассажиров, поэтому водитель получал зарплату уже 640 руб., а кондуктор – 335 руб.⁶

Из годовых отчетов фонда транспортного управления можно узнать о структуре городского автотранспортного предприятия, о показателях работы за отчетный год. Опираясь на содержание пояснительной записки, можно реконструировать структуру областного автотреста. К 1946 г. в систему Пензенского облавтогостреста входили следующие хозяйственные предприятия: автоколонна № 53, расположенная в г. Пензе, автоколонна № 101 – в г. Кузнецке, контора АВТОТЕХСНАБ, контора АВТОТЭК и шиноремонтный завод⁷.

Работа городского транспорта Пензенской области в первые послевоенные годы оставляла желать лучшего. Одной из основных причин этого являлось то, что благоустроенных дорог в Пензе в 1946–1947 гг. вообще не было, кроме проходящей через область одной магистрали Куйбышев – Москва. В г. Пензе и г. Кузнецке мостовые требовали капитального ремонта, а часть из них вообще была непригодна для проезда. Поэтому автомобили и автобусы работали преимущественно по избитым грунтовым дорогам⁸. Другой причиной неудовлетворительной работы городского транспорта выступала нехватка автомобильного парка. Городские перевозки по Пензе осуществляли 5 автобусов, а по Кузнецку – всего 2⁹.

Стоит обратить внимание на фонд исполкома Пензенского Горсовета¹⁰. В основном в нем находятся протоколы заседаний исполкома, различные справки, отчеты, а также переписка с Советом Министров и профильными министерствами. Согласно данным документам, за несколько послевоенных лет работа городского транспорта немного улучшилась. В 1945–1948 гг. увеличилось количество маршрутов городского автобуса с 2 до 4. В 1948 г. по решению исполкома Пензенского горсовета были организованы еще три новых маршрута автобу-

⁶ Там же. Л. 110.

⁷ Годовой отчет по основной деятельности за 1946 г. // ГАПО. Ф. Р-2450. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Годовой отчет по основной деятельности за 1946 г. // ГАПО. Ф. Р-2450. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

¹⁰ ГАПО. Ф. Р-453. Исполнительный комитет Пензенского городского совета народных депутатов.

² Приказы по Пензенскому областному автотранспортному тресту за 1945–1948 гг. // ГАПО. Ф. Р-2450. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

³ Там же. Л. 75.

⁴ Там же. Л. 95 об.

⁵ Приказы и циркуляры министерства автомобильного транспорта за 1946–1949 гг. // ГАПО. Ф. Р-2450. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.

са: №4 (ул. Шевченко – клуб им. Кирова), №5 (Госцирк – ст. Пенза II) и №6 (ул. Тамбовская – завод «САМ»)¹¹.

Информацию о проектах строительства троллейбусной линии в Пензе можно почерпнуть из материалов фонда треста «Дортранспроект»¹², который занимался проектированием всех видов городского и пригородного транспорта и связанных с ним предприятий. Преобладающей документацией являются годовые отчеты. В них содержится информация о договорах, которые заключал трест с разными городами на строительство различных видов городского транспорта и связанной с ним инфраструктуры. Трест сотрудничал с Пензенской областью относительно строительства троллейбусной линии в г. Пензе. В работах по составлению проекта можно выделить 4 стадии: изыскания, проектное задание, технический проект и рабочие чертежи. В 1946 г. Дортранспроект выполнил проектное задание по троллейбусному депо, вагоноремонтной мастерской, контактного оборудования и высоковольтной линии на сумму 46 890 руб.¹³ К 1947 г. были выполнены три стадии, и уже завершалась четвертая – по рабочим чертежам. Управление строительства Пензенского троллейбуса в связи с этим заключило договор с Дортранспроектом на сумму 51 098 руб.¹⁴

Важным источником, позволяющим изучить историю городского транспорта области в 1946–1950 гг., является местная периодическая печать – газеты «Сталинское Знамя» и «Молодой Ленинец». В них широко освещались вопросы, связанные со строительством и открытием троллейбусного сообщения в г. Пензе. Так, из газетных материалов известно, что большую помощь в строительстве троллейбуса оказали промышленные предприятия города. «Завод им. Фрунзе изготовил всю арматуру для контактной сети, помогал материалами и квалифицированными кадрами специалистов. Трест «Пензамашпри-

¹¹ Протоколы № 48–54 заседаний исполнительного комитета Пензенского городского совета (3 ноября – 28 декабря 1948 г.) // ГАПО. Ф. Р-453. Оп. 1а. Д. 222. Л. 73.

¹² Филиал РГАНТД. Ф. Р-852. Государственный институт по проектированию дорожно-транспортных сооружений «Гипрокоммундортранс» министерства коммунального хозяйства РСФСР и его предшественники, г. Москва.

¹³ Годовой отчет треста Дортранспроект за 1946 г. // Филиал РГАНТД. Ф. Р-852. Оп. 2–6. Д.10. Л. 54 об.

¹⁴ Там же. Д.12. Л. 118.

борстрой» построил тяговую подстанцию и оборудовал приборами все сооружения городского троллейбуса»¹⁵.

Таким образом, документы регионального и федерального архивов – ГАПО и филиала РГАНТД, а также материалы местных газет дают возможность воссоздать картину развития городского транспорта Пензенской области в первые послевоенные годы. Анализ разнообразной документации транспортных предприятий и местных органов власти позволяет сделать выводы о функционировании городского транспорта в 1946–1950 гг., состоянии его материально-технической базы, установить причины его неудовлетворительной работы и выявить меры, которые применялись для улучшения городской транспортной сети.

¹⁵ Сталинское Знамя. 1948. 5 ноября С. 2.

СОВЕТСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ 1920–30-х ГОДОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАННЕСОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Е. М. Григорьев
(РГАСПИ)

Практики привлечения и анализа фильмов, как и других видов технических медиа (радио, фотография, телевидение), в качестве исторических источников прочно вошли в обиход ученых-гуманитариев. Произведения советского кинематографа, официально признанного «важнейшим из всех искусств», могут рассматриваться не только как артефакты своей эпохи и продукты творчества их создателей, но и как средства трансляции взгляда власти на различные стороны политики и быта. Интерес представляет и изучение реакции власти на фильмы (рецензии, цензурные запреты, премирование и т. п.). С учетом этих факторов в данной работе будет предпринят анализ игровых фильмов 1920–1930-х гг. как источника по истории раннесоветской национальной политики: ее специфики, идеологии и эволюции на примере «русского вопроса».

Уже первые внятные попытки артикуляции советского официального дискурса о кино несли в себе важнейшие элементы идеологической матрицы, легшей в основу советской национальной политики. Речь идет об антиколониалистском пафосе большевиков, комплексе идей, связанных с «мировой революцией», «пробуждением Востока» и т. д. В ленинских «директивах о киноделе» (1922) содержатся указания на то, что Наркомпросом для каждого сеанса «должна быть установлена определенная пропорция: а) увеселительные картины, специально для рекламы и для дохода (...) и б) под фирмой «из жизни народов всех стран» – картины специально пропагандистского содержания, как-то: колониальная политика Англии в Индии, работа Лиги наций, голодающие Берлина и т. д.»¹.

Очевидно, мысли вождя о новом жанре «фильмы из жизни всех народов» уходят своими корнями в идею о «мировой революции»,

оказавшую заметное влияние на формирование национальной политики советской России. Об этом прямо говорил в 1920 г. Л. Б. Каменев: «Наше решение национального вопроса стало центром притяжения громаднейших масс индийцев, китайцев и других народов, с которыми раньше никто не считался, они были слишком бедны и слишком отстали, у них не было вождя. Этот вождь есть теперь в лице Советской России, и, конечно, степень доверия к нам со стороны этих многомиллионных масс... будет зависеть от того, как мы решим у себя национальный вопрос»². Об этом же, применительно к задачам кинематографа, писал член коллегии Наркомнаца М. Л. Вельтман: «Наряду с обыкновенной своей работой пролетарское кино должно служить интересам Востока, прояснению сознания трудящихся масс всего колониального и полуколониального мира Азии... Не менее важны фильмы, рисующие пробуждение женщин Востока и антирелигиозные»³. В 1923 г. зампред Главполитпросвета М. С. Эпштейн предлагает наркомскому просвещению А. В. Луначарскому шире использовать возможности кино для практического воплощения решений партии по национальному вопросу: «Борьба в первую очередь и главным образом с великодержавным шовинизмом за устранение фактического неравенства – не всегда «приемлется». Я считаю, что чрезвычайно полезно было бы приспособить кино к обслуживанию задачи просвещения масс в этой области... Обращаюсь к Вам с предложением поставить на очередь вопрос об организации кинематографических съемок быта и жизни культурно-слабых национальностей, дабы наглядным путем, на примерах нищенской жизни инациональных народных масс, доказать правильность нашей политики в этом вопросе!»⁴ Конструктивная деятельность по «выравниванию» отсталых национальностей идет здесь рука об руку с провозглашением первоочередности борьбы с «великодержавным шовинизмом»⁵. В этой связи любопытно проследить эволюцию образа русских в их взаимоотношениях с другими народами на советском экране 1920–30-х гг.

Картина Н. Шенгелая «Элисо» (1928) посвящена насильственному выселению чеченцев из родных аулов в середине 60-х годов XIX в.

² ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 102.

³ *Лебедев Н. А.* Кино. Его краткая история. Его возможности. Его строительство в советском государстве. М., 1924. С. 201.

⁴ *Летопись российского кино: 1863–1929.* М., 2004. С. 411–412.

⁵ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 17–19, 30–31.

¹ Самое важное из всех искусств. Ленин о кино. М., 1973. С. 42.

Попытки казаков при поддержке царского правительства захватить земли аула Верди составляют основную сюжетную линию фильма, на которую накладывается романтический сюжет любви чеченки Элисо и хевсура Вагия. Предваряют ленту титры с перепиской генерала М. Т. Лорис-Меликова и кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича о заселении горских земель казаками и выселении чеченцев⁶.

Первая сцена: собрание чеченских старейшин, где они отказывают хевсурам в сдаче в аренду своих пастбищ, что практиковалось из поколения в поколение, объясняя это запретом русского генерала. Пастбища, как выясняется, предназначены для сунженских казаков. Вскоре на экране появляются казаки. Они с удовлетворением наблюдают за выселением одного аула, поводом для чего стали найденные у чеченцев ружья. Но казакам нужно больше земли, и взор их падает на обезоруженный аул Верди. Далее следует одна провокация за другой: подкупленные бандиты пытаются угнать чеченский скот; в дом старейшины подбрасывают ружья; наконец, казачий начальник прошение чеченцев с просьбой о невыселении переводит на русский как прошение о добровольной высылке в Турцию. Особенностью фильма является отсутствие дифференцированного, этносоциального характера при изображении русских: и простые казаки, и казачье начальство, и генералитет выступают как единая, враждебная горцам «гяурская» сила. Рядовые казаки выступают в роли массовки, теснящей свободолюбивых горцев. В главной экшн-сцене фильма Вагия легко справляется с толпой русских солдат и офицеров, заставляя генерала подписать нужные ему бумаги. Единственный, не считая казачьего начальника и генерала, выделяющийся из русской массы человек, штабной писарь, изображен как неопрятный и прожорливый трус. Таким образом, драматургия фильма иллюстрирует утвердившиеся в 1920-х гг. представления о Российской империи как «тюрьме народов» и реакционной роли казачества, служа идеологическим обоснованием кампаний расказачивания и депортаций казачьего населения юга России. Отметим, что фильм «Элисо» был удостоен похвал всех центральных газет Советского Союза, а в 1930 г. открывал программу 1-й Всесоюзной Олимпиады искусств в Москве.

⁶ В киноведческой литературе бытует ошибочное мнение, что в титрах приведена «подлинная царская телеграмма». См.: Гусев А. «История»: фильм // Сеанс. № 33/34. URL: <http://seance.ru/blog/history-film/>.

Иная реакция ждала снятую на студии «Украинфильм» в 1935 г. картину И. Кавалеридзе «Прометей». Действие картины происходит в сер. XIX в. Полковник Свечка сдает крепостного Ивася в солдаты на Кавказ (сцена проводов в армию идет под аккомпанемент горестных песен и нелестных слов о «Москве» и «москалях»), а его невесту Катерину делает любовницей. Кавказская война представлена картинами неудачных для царских войск сражений: в одном случае показан поток горной реки, уносящий головные уборы утонувших русских солдат; мизансцена другого эпизода с лежащими на поле боя телами – аллюзия на картину В. М. Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами». Ивась же под влиянием пропагандиста Гаврилова становится революционером и во главе отряда, состоящего из украинцев и представителей кавказских народов, возвращается на родину и поднимает восстание.

«Антимоскальскую» составляющую идеологии фильма заметили и подвергли резкой критике. В заключении ГУКФ было подчеркнуто, что «фильм совершенно проходит мимо эксплуататорской роли польских и украинских панов и заостряет свою направленность только против помещиков, русских крепостников, приобретая тем самым лишь антимоскальский характер»⁷. Статья в «Правде»⁸ подвела черту под обсуждением картины. Как отмечают исследователи, «Прометей» стал «в высшей степени пригодным объектом для создания прецедента»⁹. С одной стороны, запрет фильма явился очередным ударом по мифологемам «школы Покровского», с другой – послужил одним из симптомов отказа от политики тотальной украинизации, интенсивно проводившейся до середины 1930-х гг. История создания (работа над фильмом широко освещалась в прессе, предпоказы вызвали одобрение, в «Правде» публиковались кадры со съемок) и запрета «Прометея» свидетельствует и о том, что политика сталинского руководства в сфере идеологии и межнациональных отношений не отличалась последовательностью. «Великое отступление» в этих областях, датируемое историками периодом с 1933 г. и приведшее к отказу от идей «мировой революции» и крайностей политики коренизации, утверждению метафор «дружбы народов» и русского народа как «старшего брата», не было одномоментной акцией и не означало

⁷ Марголит Е., Шмыров В. Изъятое кино. М., 1996. С. 45.

⁸ Правда. 1936, 13 февраля. С. 4.

⁹ Марголит Е., Шмыров В. Указ. соч. С. 44.

завершения политики «позитивной дискриминации» русских в пользу национальных меньшинств.

Так, в вышедшем на экраны в 1937 г. фильме М. Ромма «Тринадцать» интернациональный отряд красноармейцев в песках Средней Азии принимает на себя удар превосходящих сил басмачей, пытаясь выиграть время до подхода основных частей. В составе отряда бойцы Акчури, Мурадов, Тимошкин, Левкоев, Петров, Кулиев, Журба, Баландин, командир Журавлев, его жена Марья Николаевна и старый геолог Александр Петрович. Охраняют они практически высохший колодезь, но басмачам, которым после многодневного перехода нужна вода, это неизвестно. Командир гибнет, и отряд возглавляет смекалистый Акчури. В разгар боя находится один боец, проявивший малодушие. «Его фамилия – Петров. Он играет на балалайке. И именно он в критическую минуту хочет крикнуть осаждающим, что в колодезе нет воды, хочет, чтобы враги отошли и, тем самым, подарили им жизнь. Акчури пытается убедить Петрова не делать этого. Балалаечник не слушает рассудительного татарина, бежит и падает, сраженный акчуринской пулей». Киновед С. А. Лаврентьев не без оснований усматривает в этой сцене «проявление советского недоверия к русским», а в образе красноармейца Петрова – «кинематографическое подтверждение сходящей на нет борьбы с “реакционностью великороссов”»¹⁰. Любопытно и то, что, хотя руководит басмачами неуловимый Ширматхан, главным антагонистом героев выступает его советник, русский подполковник Скуратов.

Финал фильма: поцелуй двух оставшихся в живых красноармейцев Акчурина и Мурадова, торжественные похороны павших бойцов и произносимые нерусским начальником красного эскадрона слова на его родном языке «Иоттан чкармарс олари», о точном смысле которых зрителю остается только догадываться. Вообще, использование нерусской речи и, как правило, отсутствие перевода иноязычных фраз и разговоров было широко распространено в советском кино 1930-х. Историк кино Е. Я. Марголит насчитал не менее десятка примеров использования многоязычия в картинах 1930–1936 гг.¹¹ «Одно из воз-

можных объяснений этого явления, – пишет он, – связано... с тем, что экранная модель советского кино постулирует себя как идеальный образ мира, движущегося к коммунизму... Соответственно, ни один из наличных языков, включая и русский, не может претендовать на статус языка межнационального общения в возводимом бесклассовом обществе»¹². Происходит частичное вытеснение русского языка, который лишается в пространстве этих фильмов своего монопольного статуса и выступает в роли элемента языка будущего.

При рассмотрении этого феномена уместной представляется параллель с одной из наиболее характерных кампаний раннесоветской национальной политики – борьбой за латинизацию алфавитов рубежа 1920–30-х гг., сопровождавшейся деколонизационной риторикой, острие которой было направлено на русский язык. Председатель подкомиссии по латинизации русского алфавита Н. Ф. Яковлев писал: «Русский гражданский алфавит в его истории является алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма, что в особенности проявляется в русификаторской роли этого алфавита по отношению к национальным меньшинствам... На смену унаследованной национально-буржуазной графике должен прийти алфавит социалистического общества. Речь идет... о едином международном латинизированном алфавите социализма»¹³. И апогей кампании по латинизации, и расцвет полилингвизма в советском кино приходятся на одно и то же время и могут считаться родственными феноменами, далеко не ограничивающимися сферами языка и культуры.

Таким образом, анализ советских художественных фильмов 1920–30-х гг. позволяет говорить о плодотворности привлечения этого вида исторических источников для понимания идеологических основ и нюансов эволюции национальной политики большевиков, а также особенностей формирования и интерпретации этнических образов в указанный период.

¹⁰ Лаврентьев С. А. Красный вестерн. М., 2009. С. 35.

¹¹ К списку Е. Я. Марголита можно добавить «Песнь о счастье» и «Романтиков» М. Донского, «Арсена» М. Чиаурели и др. К стати, «Арсен» вышел на экраны в 1937 г., «Романтики» – в 1941 г. Это позволяет подвергнуть сомнению утверждение исследователя, что «прощание с многоязычием» в советском кино состоялось после выхода на экраны комедии «Цирк» в 1936 г. См.:

Марголит Е. Я. Проблема многоязычия в раннем советском звуковом кино (1930–1935) // Советская власть и медиа. СПб., 2005. С. 385.

¹² Там же. С. 378, 382.

¹³ Мартин Т. Указ. соч. С. 277.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ТВОРЧЕСТВЕ Д. И. ПИСАРЕВА.

М. Д. Гудзенко
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

При рассмотрении положения женщин в России XIX века можно смело заключить, что всю первую половину столетия общество фактически узаконивало экономическую и юридическую зависимость женщин от мужчин. Женщина не могла иметь высшее образование; женские учебные заведения давали ей лишь знания в соответствии с так называемым «женским предназначением», которое никак не предполагало активного участия в общественной жизни и созидательной деятельности. Женщина не имела права вести дела без согласия мужа и жить отдельно от него; все общественные должности занимали мужчины.

Но именно в 60-е годы XIX века в русском обществе впервые появляются женщины, демонстрирующие новые формы гендерного поведения: они отказывались от традиционных женских нарядов в пользу скромного платья и короткой стрижки, в их среде было неприлично подчеркивать женскую красоту. «Новые женщины» интересуются «мужскими» науками, осваивают «мужские» профессии; пока университеты не разрешали женщинам их посещать, они уезжали за границу для того, чтобы освоить желаемые дисциплины. Таких женщин было немного, однако именно под их натиском в обществе вспыхнул интерес к «женскому вопросу». В полемике 1860-х годов ставится вопрос о сущности «женского начала», об интеллектуальных и нравственных способностях и качествах женщины, о ее предназначении. При этом женщине приписывались как положительные черты, так и отрицательные – на последних настаивало большинство участников дискуссии. Против этого большинства выступил один из выдающихся критиков-шестидесятников – Дмитрий Иванович Писарев.

В своей статье «Реалисты» (1864) Писарев отрицает какие бы то ни было «природные» объяснения подчиненного положения женщины в обществе: «В природе женщины нет ничего такого, что отстраняло бы женщину от деятельного участия в решении насущных задач нашего времени; но в воспитании женщины, в ее общественном положении, словом, в тех условиях, которые составляют искусственную сторону

ее теперешней жизни... есть очень много препятствий»¹. Ее положение является социально обусловленным, причем прогресса в завоевании ею прав личности почти не наблюдается. В доказательство Писарев сравнивает три исторические ситуации: «Грек дуется на свою жену за ее неразвитость, которую он же сам поддерживает в ней своим обращением с нею. Мусульманин колотит свою одалиску за неверность, которую он же сам вызывает своею невнимательностью. Литераторы наши ругают женщин за их ветреность, за их пустоту, которая поддерживается складом всего общества и в которой виноваты одни мужчины, как единственные деятельные члены этого общества»².

Писарев возлагает ответственность за положение женщины на мужчин, «потому что мужчины дирижируют оркестром общественных убеждений». Валить же ответственность на существо, находящееся в зависимости всю свою жизнь, как минимум несправедливо и неблагоприятно.

Положение женщины не может оставаться таким, каким его застал Писарев. Женщина должна всеми силами бороться за улучшение своих условий существования. Сначала ей нужно побороть саму себя, а точнее то, что ей внушило окружение; далее, нужно побороть семейную власть, которая, в большинстве случаев, будет препятствовать ее эмансипации. Наконец, женщина должна вступить в борьбу с общественным мнением, с насмешками и сплетнями, через которые ей придется пройти. Конечно, Писарев замечает, что борьба эта будет трудной, и нужно либо особое стечение обстоятельств, либо потрясающая сила характера женщины, чтобы бороться против подавляющей ее общественной системы, которая в ответ на противодействие будет всячески осмеивать и затыкать восставшую женщину. И ни в коем случае нельзя порицать женщину, проигравшую эту битву – «если она изнемогает и падает, мы должны ей сочувствовать как мученице; когда она одолевает препятствия, мы должны прославлять ее как героиню»³.

¹ Писарев Д. И. Реалисты // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И. Ю. Демин, А. А. Ширинянц; подг. текстов: А. В. Мыркова, А. М. Репьева; под. ред. А. А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. 896 с.

² Писарев Д. И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859–1862. / Д. И. Писарев. М.: Гослитиздат, 1956.

³ Там же.

Однако борьба эта – дело стоящее и необходимое. Смирившиеся со своей участью женщины «уже перестали жить»⁴.

Не только своим трудом должна женщина одолевать патриархальность общества в борьбе за равноправие. Мужчины также должны менять свое отношение к женщине. Писарев призывает «мужской» мир пустить женщин в университеты наравне с мужчинами. Полумеры здесь неуместны, как не имеет смысла и обращение к традициям. «Не давая книг и запирая двери университета [от женщин], мы самым грубым образом посягаем на чужую свободу. [...] Неужели для разрешения такого вопроса нужно обращаться к истории, уяснять значение семейного начала или ссылаться на права женщины перед Сводом законов?»⁵.

Писарев критиковал точку зрения, согласно которой женщинам необходимо образование исключительно для того, чтобы сочувствовать интересам своего мужа. Женщина должна получать образование, чтобы лучше жить в этом мире, хотя путь образованных женщин в современном обществе тернист. Писарев, следует отметить, обращает внимание на роль женщины в семье, в рождении и воспитании детей, однако он постулирует необходимость равноправия в браке, интеллектуального и эмоционального, на котором базируются взаимопонимание и взаимное уважение.

Проблемы, на которые обращал внимание общественности Дмитрий Писарев, актуальны и по сей день. Женщина, посягающая на сферу сугубо мужской деятельности, как ее определяет современный менталитет, встречает множество преград на своем пути в лице недоброжелательного общественного мнения, отсутствия работодателя, готового взять женщину на «мужскую» работу, даже если она отлично справляется с нею. Более того, в последние два года, как реакция на консервативную политику правительства в социальной сфере, возобновились дискуссии о положении женщины в обществе и о ее роли. В данном контексте идеи Дмитрия Писарева могут стать ответами и на поставленные современностью вопросы.

⁴ Писарев Д. И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859–1862. / Д. И. Писарев. М.: Гослитиздат, 1956.

⁵ Писарев Д. И. Схоластика XIX века // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И. Ю. Демин, А. А. Шириянец; подг. текстов: А. В. Мырикова, А. М. Репьева; под. ред. А. А. Шириянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. 896 с.

СЛУХИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*А. Б. Елисеев, к.и.н.
(Минский филиал МЭСИ, Беларусь)*

Нельзя оставить без внимания и объяснения то обстоятельство, что мемуарные источники, созданные современниками революционных событий в России, погружают исследователя в мир слухов. Некоторые из таких источников в буквальном смысле являются ничем иным, как собранием всевозможных, в том числе явно ложных и абсурдных, слухов. Чего стоит, например, следующая запись, сделанная И. А. Буниным в дневнике 16 февраля 1918 г. по следам слуха о взятии немцами Петрограда: «Возвращались с Чириковым. У него самые достоверные и новейшие сведения: генерал Каменев застрелился; на Поварской – главный немецкий штаб; жить на ней очень опасно, потому что здесь будет самый жаркий бой; большевики работают в контакте с монархистами и тузами из купцов; по согласию с Мирбахом решено избрать на царство Самарина...»¹.

Иногда Бунин как будто бы приходит в себя. «Вероятно, восторженное создание хамской фантазии», – записывает он по поводу услышанного в магазине разговора пьяного солдата о том, что командующий Московским Военным Округом Н. И. Муралов «на днях пропил двадцать тысяч царскими». Но тут же добавляет: «Хотя, черт его знает, – может, и правда»². Несомненно, Бунин хочет, чтобы это было правдой. В другом месте, по поводу слуха о занятии Одессы немцами: «Вероятно, дикий вздор, но все-таки взволновался до дрожи и холода рук»³. И поэтому снова: «Хожу, прислушиваюсь на улицах, в подворотнях, на базаре»⁴. Каждая трезвая реакция на слух: «понимаю всю чушь этих слухов», сменяется мгновенным опьянением: «и все-таки

¹ Бунин И. А. Окаянные дни. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 100.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 203.

верю и пишу дрожащими, холодными руками»⁵. Наконец, Иван Алексеевич объясняет, зачем нужно это «самоодурманивание»: «Не единая душа не может не солгать, не может не прибавить и своей лжи, *своего* искажения к заведомо лживому слуху. И *все это от нестерпимой жажды, чтобы было так, как нестерпимо хочется*. Человек бредит, как горячечный, и, слушая этот бред, весь день все-таки жадно веришь ему и заражаешься им. Иначе, кажется, не выжил бы и недели»⁶.

Потребность, описанная здесь И. А. Буниным, фигурирует в специальной литературе как эмотивная функция слухов. Она заключается в стремлении человека с помощью слухов разрядить собственные сильные негативные переживания, получить эмоциональную поддержку⁷. При этом для того, кто передает слух, большое значение имеет реакция адресата на полученное сообщение, позволяющая получить облегчение. Пример такой реакции мы находим у того же Бунина: «Вечером, с видом заговорщика, пришел А. В. Васьковский, притворил дверь и шепотом наговорил таких вещей, так настаивал, что все, о чем говорили днем, есть сущая правда, что Петр разволновался до красноты ушей, потом слазил под лавку и вытащил две бутылки вина»⁸. Судя по поведению Петра, услышанное им было типичным слухом-желанием, отражавшим ожидания этого человека. Реплика Бунина, сделанная вслед за описанием этой сцены («Ах, мщениа, мщениа!») свидетельствует о том, что переданный Васьковским слух выдавал резко негативное отношение всех троих к объекту, фигурирующему в сюжете слуха. Очевидно, что таким объектом могли быть только большевики. Из других мест дневниковых записей Бунина видно, с каким восторгом он воспринимал каждый новый слух о неудачах большевиков.

К этому времени слухи уже на протяжении нескольких лет оказывали большое влияние на формирование мнений, настроений, поведения людей. С началом Первой мировой войны страну наводнили слухи об императорской семье, шпионах, немецком засилье, изменах в высших эшелонах власти и армии. Хотя и было бы преувеличением сказать, что трехсотлетний трон Романовых свалили слухи, их роль падении монархии в России пора признать значительной.

Современники обращали самое пристальное внимание на слухи как инструмент дискредитации императорской власти. Один из них, генерал А. И. Спиридович, был убежден, что слухи и сплетни были фактором, который подготовил необходимую атмосферу для революции⁹. На массовость и вездесущность слухов указывали и многие другие свидетели предреволюционных событий в России. Об этом же свидетельствуют и документы полиции. В октябре 1916 г. Петроградское охранное отделение фиксировало нарастание тревожных ожиданий: «...Все без исключения выражают определенную уверенность в том, что “мы накануне крупных событий”, в сравнении с коими “1905 год – игрушка”»¹⁰, а еще через четыре месяца, в январе 1917 г., оно уже било тревогу: столичная публика «продолжает жить в области слухов», «слухи растут с каждым днем», «всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр., – не видно конца даже всем этим слухам, которыми живет изо дня в день столица», «слухи о “ближайших событиях” создали ту почву, на которой теперь наблюдается странное ожидание обществом “событий первой важности”, приуроченных то к 9-му января, то к 12-му, то к 24-му, то к 1 февраля, 8, 14 и т. д.» и, наконец, «слухи заполнили собою обывательскую жизнь: им верят больше, чем газетам, которые “по цензурным условиям не могут открыть всей правды”»¹¹.

В качестве объекта слухов фиксируется, прежде всего, императорская семья и ее окружение. Пальму первенства уверенно на протяжении всех лет войны удерживает императрица Александра Федоровна, за ней следуют Г. Е. Распутин и император Николай II. В феврале 1916 г. в сводке московского охранного отделения констатировалось, что «сейчас грязные сплетни о царской семье стали достоянием широкой улицы»¹². Полиция отмечала чувство «крайнего неуважения к особе государыни императрицы Александры Федоровны», «чувство озлобления в отношении ее, как к “немке”», а также острое и глубокое раздражение «против особы государя императора»¹³. Распространением слухов начинают бахвалиться. Одна дама делилась впечатлениями:

⁹ Спиридович А. И. Великая Война и Февральская революция 1914–1917 г.г. Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960. Кн. II. С. 123.

¹⁰ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. С. 129.

¹¹ Там же. С. 125–126.

¹² Там же. С. 77.

¹³ Там же. С. 78, 77.

⁵ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 139–140.

⁶ Там же. С. 138.

⁷ Караяни А. Г. Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 49.

⁸ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 139.

«Сегодня мы распускаем слухи на заводах, как императрица спаивает Государя, и все этому верят»¹⁴.

Слухи как инструмент дискредитации продолжали циркулировать и после падения монархии. В ряду самых известных их них – слухи о большевиках как «немецких шпионах», о бегстве В. И. Ленина в июле 1917 г. на миноносце, в другой версии – на подводной лодке, в третьей – на аэроплане, в Германию. Не случайно их появление точь-в-точь совпало с антиправительственными выступлениями во главе с большевиками 3–5 июля 1917 г. В июле эти слухи действовали настолько, что вчерашние сторонники большевиков сегодня разводили руками: «...Мы не знали, что большевики – германские шпионы»¹⁵.

Победа большевиков в октябре 1917 г. породила новые слухи. На этот раз, содержанием слухов стали сроки, которые молва отводила большевикам «до падения». 31 октября 1917 г. барон А. П. Будберг записал в дневнике: «Осмелевший правительственный комиссар обрадовал нас сообщением, что уже весь Петроград занят правительственными войсками, а бунтовщики укрылись в Петропавловской крепости и в Смольном; Ленину удалось, однако, бежать»¹⁶. Актриса немого кино и художница В. А. Судейкина в дневниковых записях августа 1918 г. зафиксировала разговоры людей своего круга о том, «что будет в Петрограде и Москве в ближайшее время»: «к 15-му августа старого стиля власть уйдет, и хлопанья дверьми не будет», «большевики уйдут в октябре, и уход будет ужасен. Кремль взорвут. Две тысячи человек в день казнят», «в сентябре конец большевиков, будут резать перед концом – террор», «все кончится в продолжение августа, но перед тем Россия зальется кровью, и сейчас же будет монархия», «через две недели большевики кончатся», «России, как политического целого, не будет. Будет колония»¹⁷.

Ни один из этих слухов не подтвердился, зато новые возникали снова и снова. Война и революция создали идеальную среду для распространения слухов. Они всегда возникают на переломных этапах

жизни общества. С психологической точки зрения слухи удовлетворяли потребность в информации в условиях неопределенности, в эмоциональной поддержке, снижении уровня тревожности. С социологической точки зрения они являлись инструментом межгруппового противостояния, достижения определенных целей. Дискредитация оппонентов, формирование настроений, побуждение масс к определенным действиям – все то, что достигалось в русской революции в том числе с помощью слухов.

¹⁴ Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М.: Советский писатель, 1990. С. 161.

¹⁵ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 2. С. 414.

¹⁶ Дневник барона Алексея Будберга // Архив русской революции. М.: «Терра»: Политиздат, 1991. Т. 11–12. С. 237.

¹⁷ Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919: (Петроград – Крым – Тифлис). М.: Русский путь, Книжница, 2006. С. 216.

ОСОБЕННОСТИ ИНКОРПОРИРОВАНИЯ НОВОРОССИИ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII в.)

*К. В. Еремина
(ИАИ РГГУ)*

Новороссийский край, занимая окраинное положение на карте Российской империи, отнюдь не значился на ее задворках в плане своей стратегической и экономической значимости. Более того, это был тот самый лакомый кусочек, которого долго время не доставало торту России. Именно поэтому следует обратить особое внимание не только на колонизацию и состав населения этих земель (эти аспекты уже получили широкое освещение в трудах историков¹), но и то значение, которое верховная власть придавала этой новоприобретенной территории, характер ее вхождения в состав империи и меры, которые применялись в ходе этого процесса.

Прежде всего, стоит отметить, что России, в отличие от Западной Европы, в принципе был характерен совершенно иной подход к расширению своих территорий. Политическая зависимость и национальное неравноправие преобладали здесь над колониальной эксплуатацией. Отсюда вытекает еще одна немаловажная особенность – в XVIII – XIX вв. Российская империя руководствовалась скорее геополитическими, а не экономическими мотивами присоединения к себе различных окраин. Кроме того, приобретая тем или иным способом новые земли, государство больше вкладывало в их развитие собственных средств, нежели извлекало из них.

Как известно, наибольший вклад в освоение Новороссийского края сделал Г. А. Потемкин, который в 1776 году специальным указом

императрицы был назначен «главным командиром» и генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний². Получив неограниченные полномочия в управлении этими землями, Потемкин не испытывал недостатка ни в материальных, ни в денежных, ни в людских ресурсах. Поэтому вполне справедливо замечание Д. И. Багаля, что вся Россия в это время буквально несла специальные повинности в пользу светлейшего князя³.

Принимая во внимание тот колонизаторский опыт, который Российская империя уже имела, инкорпорацию Новороссии можно сравнить с освоением устья Невы и основанием Санкт-Петербурга Петром I в начале столетия. И если «борьба за воду» на северных границах империи завершилась в пользу России уже в начале XVIII века, то проблема выхода в Черное море еще долго оставалась актуальной. Новороссия должна была стать оплотом имперских границ на юге. Не случайно Екатеринослав, в соответствии с замыслом Потемкина, должен был стать равным столице по своему великолепию и уровню развития.

Если же учитывать характер колонизации Новороссийского края, то ее можно сравнить с процессом освоения Слобожанщины, которая за век до этого из Дикого поля постепенно превратилась в крупный торговый узел и надежный форпост. Однако в отличие от Слобожанщины, в процессе колонизации Новороссии чрезвычайно важную роль играли иностранные поселенцы⁴. Лица, стоявшие во главе местного управления (сначала Г. А. Потемкин, а потом П. А. Зубов и А. де Ришелье), стремились к быстрому заселению этого пустынного края и применяли для достижения своей цели всевозможные средства. Одним из них и стало привлечение различными льготами иностранных поселенцев. Россия того времени не обладала большим излишком населения, поэтому при естественном движении одного русского населения к югу, колонизационный процесс замедлился бы в значительной степени.

¹ *Щебальский П. К.* Потемкин и заселение Новороссийского края. М: Университетская типография (Катков и Ко), 1868; Миллер Д. П. Заселение Новороссийского края и Потемкин. Х: Паровая Типо-Литография М. Зильберг и С-вья. 1901; Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М: Наука, 1976.

² Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 1. Т. XX. Отд. I. С. 436.

³ *Багаля Д. И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. – Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. С. 40.

⁴ *Скальковский А. А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса: в тип. Л. Нитче, 1850–1853. С. 223–225.

Как следствие, совершенно иную форму здесь приобретала ассимиляция, которая, по отношению к другим завоеванным территориям, всегда трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации. Стандартная модель выглядела следующим образом: территория с уже сколько-нибудь устоявшейся системой управления, своими обычаями, языком и культурой постепенно подвергалась унификации и русификации. Именно поэтому зачастую присоединение новых территорий влекло за собой ущемление местного населения и даже его депортация, тогда как русский элемент, который активно сюда внедрялся, получал всевозможные привилегии. В Новороссии же возникает уникальная ситуация – иностранцы здесь получали привилегий гораздо больше, чем русские подданные, и активно этим пользовались. По всей вероятности, власти в данном случае руководствовались тем соображением, что русские поселяне, как более знакомые с местной культурой, менее нуждались в субсидии от казны. Но такое суждение было справедливо только наполовину: на самом деле и русские поселенцы, на первых порах, нуждались в разных льготах. Не получая их, они долго не могли достичь прочного материального благосостояния.

На руку иностранным колонистам играл еще один фактор. В Российской империи, как и в других многонациональных государствах, до новейшей эпохи такие этнические факторы как язык, культура и, как правило, даже религия играли подчиненную роль. Важнейшими элементами легитимации и организации являлись государь и династия, сословный порядок общества и имперская идея. Лояльность по отношению к государю и империи и сословная принадлежность имели большее значение, чем принадлежность к этнической или конфессиональной группе⁵. Овладевая новыми территориями, верховая власть всегда стремилась опереться, прежде всего, на местную элиту в деле ассимиляции. Здесь же состав высшего сословия и вся административная система фактически генерировалась самой властью. Так, на руководящие должности назначались люди, пользовавшиеся личным доверием монарха.

Итак, ключевой целью политики Российской империи на окраинах являлась интеграция присоединяемых народов и территорий в ее состав как необъемлемых составных частей с общеимперским законодательством и системой управления. Однако в случае с обретением

Новороссии, монархии не пришлось принимать специальные меры по ассимиляции местных жителей, поскольку население этих земель представляло собой настоящую национальную мозаику из великороссов, малороссов, сербов, хорватов, болгар, черногорцев, поляков, евреев, молдаван и других. Таким образом, Новороссийский край можно было назвать окраиной только с точки зрения его географического расположения; административное деление и местное управление создавались здесь по образу и подобию обычной великорусской губернии. Несмотря на то, что эти земли никогда не принадлежали Российской империи до этого, практически сразу они стали восприниматься как исконно русские, также как и завоевание выхода к Черному морю – закономерным окончанием длительной борьбы.

⁵ *Кантелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии российской империи [Электронный ресурс] // Изборник. URL: <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz11.htm> (Дата обращения: 28.02.2014).

ОСОБЕННОСТЬ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА ПРИ НИКОЛАЕ I НА ПРИМЕРЕ РАССМОТРЕНИЯ СМЕТЫ НИКОЛАЕВСКОГО ДВОРЦА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

*А. А. Ефимов
(СПбГУ)*

Министерство императорского двора при Николае I вело активную работу в области застройки Санкт-Петербурга. При этом в исследовательской литературе при обращении к проектам, выполненным Придворным ведомством, наибольшее внимание уделяется или собственно периоду строительства какого-либо здания, или его архитектурным особенностям. При этом зачастую не обращается внимания на «закулисье», в частности на подготовку и рассмотрение проектно-сметной документации и участие в этом первого лица Российской империи.

В настоящем сообщении на материалах фондов Российского государственного исторического архива будет рассмотрена дискуссия о проектно сметной документации по строительству Николаевского дворца между автором проекта А. И. Штакеншнейдером и профессорами Императорской Академии художеств и роли в ней Николая I.

Представленные архитектором А. И. Штакеншнейдером летом 1853 г. сметы на работы и материалы по строительству дворца для великого князя Николая Николаевича были по распоряжению министра уделов графа Л. А. Перовского¹ переданы для рассмотрения и проверки комиссии, в которую вошли профессора Императорской Академии художеств К. А. Тон, А. П. Брюллов, Р. А. Желязевич и Р. И. Кузьмин. При этом глава ведомства рекомендовал обратить особое внимание на указанные в сметах суммы и количество материалов².

¹ В 1852 г. Департамент уделов, входивший в состав Министерства императорского двора, был выделен в отдельное министерство. Это разделение просуществовало до 1856 г.

² По рассмотрении сметы на постройку дворца для великого князя Николая Николаевича // Российский государственный исторический архив

По результатам проведенной проверки был составлен пространственный отчет, в котором представители Академии художеств указали на возможность значительного сокращения расходов на ряд работ и поставок. В общей сложности, по мнению комиссии, следуя высказанным рекомендациям, удалось бы добиться экономии средств на сумму не менее 450 000 руб.³

По распоряжению министра архитектору А. И. Штакеншнейдеру были переданы предложения профессоров Академии художеств с рекомендацией внести соответствующие изменения в сметы, которые затем могли быть представлены на одобрение императору.

Однако зодчий не согласился с выводами комиссии и представил свои возражения, которые были переданы Л. А. Перовским профессорам Академии художеств для анализа и составления новых рекомендаций. Ознакомившись с выдвинутыми зодчим контраргументами, члены проверочной комиссии представили новый доклад⁴.

Чиновники Кабинета Е. И.В., рассмотрев аргументы обеих сторон, пришли к выводу, что предложения членов комиссии вполне обоснованны. Они были переданы А. И. Штакеншнейдеру с рекомендацией переделать сметы с учетом всех представленных поправок и представить новые расчеты в Кабинет Е. И.В. для последующего представления на утверждения государю⁵.

По результатам произошедшей дискуссии между архитектором А. И. Штакеншнейдером и комиссией профессоров Академии художеств, чиновниками Кабинета Е. И.В. был составлен сводный доклад⁶, по которому принятие предложений комиссии могло по предварительным расчетам дать возможность сэкономить около 225 000 руб.⁷

(РГИА). Ф. 480. Оп. 1. Д. 878. Л. 1–7об.; О разногласии касательно употребления некоторых материалов для дворца великого князя Николая Николаевича. 12 ноября 1853 г. // РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 878. Л. 37–38об.

³ По рассмотрении сметы на постройку дворца для великого князя Николая Николаевича // РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 878. Л. 1–7об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ О разногласии касательно употребления некоторых материалов для дворца великого князя Николая Николаевича. 12 ноября 1853 г. // РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 878. Л. 37–38об.

⁷ Там же.

11 ноября 1853 г. этот доклад был представлен министром уделов графом Л. А. Перовским Николаю I, который, подробно рассмотрев каждый пункт представленного документа, сделал свои замечания. Во-первых, государь одобрил предложение членов Академии художеств об использовании кирпича и штукатурки для наружных украшений. Особо оговорив при этом, что причиной недостаточной надежности штукатурных элементов являлось слишком раннее начало этих работ, производившихся до полной готовности стен, а также то обстоятельство, что в ряде случаев работы по оформлению карнизов начинались еще до того, как были оштукатурены стены.

Во-вторых, император потребовал уточнить, какими данными подкрепляется мнение профессоров Академии художеств относительно удобства и надежности использования металлических полос для перекрытий и стропил, а также существуют ли какие либо примеры практического применения схем устройства крыши по размерам, ими предложенным. Ознакомившись с третьим предметом, по которому разошлись мнения комиссии и архитектора А. И. Штакеншнейдера, Николай I выразил свою поддержку выдвинутой академиком идее об использовании нового материала – оцинкованного железа, несмотря на предполагавшееся увеличение затрат на 10 000 руб.⁸

Составленная по требованию императора пояснительная записка была представлена ему 23 ноября 1853 г. Ознакомившись с приведенными аргументами, Николай I выразил свое принципиальное согласие на применение полосового железа, указав, что ответственность за надежность этой конструкции будет целиком полностью лежать на авторах предложения⁹. Ответственными за металлические перекрытия, используемые при строительстве дворцовых зданий, стали А. П. Брюллов, К. А. Тон и Р. А. Желязевич¹⁰.

26 ноября 1853 г. управляющий Кабинетом Е. И. В. министр уделов Л. А. Перовский своим письмом членам Кабинета Е. И. В. ознакомил их с окончательным решением государя по внесенным профессорами Академии художеств изменениям в сметы и проект строительства дворца великого князя Николая Николаевича. Также А. И. Штакенш-

нейдеру было передано распоряжение подготовить новые сметы, согласно распоряжению государя¹¹.

В настоящем сообщении на примере подготовки проектно-сметной документации Николаевского дворца в Санкт-Петербурге была показана важнейшая особенность деятельности Придворного ведомства в области градостроительства при Николае I, когда государь вникал во все вопросы и давал свои рекомендации по архитектурным проектам и порядку ведения работ.

⁸ РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 878. Л. 37–38об.

⁹ О железных стропилах и балках для дворца великого князя Николая Николаевича. 16 ноября 1853 г. // РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 878. Л. 44–44об.

¹⁰ *Белякова З.И.* Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. СПб., 2002. С. 74.

¹¹ Распоряжение министра уделов графа Л. А. Перовского Кабинету Е.И.В. 26 ноября 1853 г. // РГИА. Ф. 480. Оп. 1. Д. 878. Л. 45–46об.

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ЭНОКУЛЬТУРНОГО СУБСТРАТА НА ФОРМИРОВАНИЕ СИНКРЕТИЧЕСКОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

О. В. Забельникова, к.и.н.

(Национальный институт образования, Беларусь)

Латинская Америка представляет собой синкретическую цивилизацию, формирование которой происходило в условиях сложного взаимодействия этнокультурных факторов. Историческая встреча в Новом Свете трех народов, трех рас – европеоидной или евразийской (европейцы), монголоидной или азиатско-американской (индейцы) и некоторое время спустя негроидной или экваториальной (африканцы) – положила начало комплементарному процессу образования смешанной культуры и цивилизации. Представители каждой из них были не только носителями генотипа, обусловленного принадлежностью к расе, но также определенных культурных традиций, религиозных представлений, мировоззрения и мироощущения. Встреча цивилизаций стала отправной точкой сложного расово-этнического и религиозно-культурного взаимодействия, положившего начало формированию метисных категорий населения и синтезной культуры, и навсегда изменила демографический, антропологический, этнический, религиозный и культурный облик континента. Результатом синкретических процессов стало появление на карте мира новой цивилизационной общности – Латинской Америки.

Одним из привнесенных элементов стал европейский субстрат, значительно определивший этнокультурную картину региона. В современной Латинской Америке «белые» составляют порядка 20 % населения. Существует ряд стран (например, Аргентина, Коста-Рика и Уругвай) с преобладанием европейского населения, относимых исследователями к так называемой «Евроамерике»¹ – региону, где ев-

¹ *Мамонтов С. П.* Единство в многообразии или многообразие в единстве? / С. П. Мамонтов // *Культура Латинской Америки: Проблема национального и общерегионального: сб. науч. ст.; редкол.: В. А. Кузьмищев (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1990. 176 с., С. 12.*

ропейский этнокультурный компонент определяет не только этническую картину, но и своеобразие местных национальных культур, в которых явственно прослеживаются европейские (в первую очередь иберийские) истоки и традиции.

Роль европейского этнокультурного элемента в формировании латиноамериканской цивилизации рассматривается специалистами с различных позиций. Сторонники европоцентризма склонны к абсолютизации роли европейцев, европейской культуры в формировании Латинской Америки, рассматривая последнюю как результат цивилизаторской миссии государств Старого Света. Европоцентристы полагают, что современная латиноамериканская культура принадлежит культурному универсуму Запада, следовательно, о подлинной самобытной культуре, возникшей на основе синтеза различных культурно-этнических начал, говорить не приходится.

Некоторые ученые постулируют концепцию тотального преобладания европейской традиции в формировании латиноамериканской цивилизации и культуры. Так, Э. О'Торман называет Америку «эманацией Европы» (ее изобретением) и считает, что действительность Латинской Америки изначально вторична по отношению к европейской культуре². Вторичность обусловлена господствующим положением европейской (испанской и португальской) культуры, занятым в ходе победной конкисты, уже на этапе которой европейский этнокультурный компонент стал доминировать в политическом, экономическом и культурном планах.

Сторонники латиноамериканизма напротив склонны расценивать роль европейского этнокультурного фактора сугубо с негативных позиций, ограничиваясь ретроспекцией отрицательных последствий конкисты и колонизации – уничтожения местного населения и уникальной доколумбовой культуры³. Выступая за тотальное отрицание испанского прошлого, повергшее в историческое небытие индейские народы и их культуру, они подчеркивают «право первородства» индейцев на собственной земле, воспринимают все европейское как навязанное насильственным путем, а метисацию (процесс возникновения смешанных категорий населения) считают неизбежным злом, причиной всех бед Латинской Америки. Так, Х. Васконселос при-

² *Шемякин Я. Г.* Концепции латиноамериканского цивилизационного типа / Я. Г. Шемякин // *Латинская Америка. 1998. № 11. С. 80.*

³ *Рего Баррос до С.* Навстречу скрытому за горизонтом / С. Рего Баррос до // *Латинская Америка. 1991. № 7. С. 85.*

общение коренного населения к чуждой европейской культуре объясняет единственно возможным в тех условиях способом выживания для индейцев, рассматривает метисацию как важнейший механизм возникновения новой расы человечества – «космической расы», зародившейся именно в Латинской Америке⁴.

Сторонники примирительной концепции анализируют историю Латинской Америки с историко-культурных позиций взаимодействия европейских, индейских и африканских народов. Они убеждены, что современную латиноамериканскую цивилизацию невозможно представить как однородное цивилизационное образование. Расовая и межэтническая метисация, которая началась на континенте вместе с приходом завоевателей, до конца не завершена. Латинская Америка стала своеобразным полем для уникального исторического эксперимента. На ее территории происходило и по сей день происходит не только расовое и межэтническое смешение народов, но и формирование новой мегакультуры, которая вобрала в себя лучшие элементы европейских, индейских и африканских культурных традиций.

Все исследователи так или иначе признают: европейские модели завоевали привилегированное положение в Латинской Америке, а европейская культура заняла место культуры-победительницы. Представители Европы открыли Новый Свет и организовали его жизнь по европейским лекалам. Экономическая система, социальная структура общества, законодательство, общественно-политическая жизнь – все было принесено в Новый Свет из Старого. Кроме того, в Латинской Америке преобладает креольская культура – культура латиноамериканизированных выходцев из Испании и Португалии, обосновавшихся в Америке и ревностно сохраняющих свои традиции, имеющие европейские истоки. Как следствие, мировая историография подчеркивает: иберийский этнокультурный субстрат стал основополагающим в процессе формирования латиноамериканской цивилизации.

Российская историческая наука относится к Латинской Америке как к культурно-историческому феномену, в становлении которого системообразующую роль сыграл европейский этнокультурный фактор. Российскими латиноамериканистами признается господствующая роль иберийской культуры в Латинской Америке, также как и подчиненное положение индейской и африканской. Российские ис-

следователи убеждены, что основой латиноамериканской цивилизации была и остается европейская культурная традиция, перенесенная в Америку и переосмысленная, а европейский этнокультурный элемент является системообразующим. Европейская культура и западные модели общественно-политической жизни укрепились в Латинской Америке в качестве ключевых, поскольку создание и закрепление норм европейского образца на завоеванных землях являлось логическим следствием колониальной политики⁵. Ученые сходятся во мнении, что такие элементы европейской культуры, как языки (языки метрополий), материальная, духовная, политическая культура преобладают в цивилизационном процессе Латинской Америки.

Рассматривая роль европейского этнокультурного элемента в целом, ряд российских латиноамериканистов приходит к выводу, что пограничная иберийская культура, являющаяся результатом средиземноморского евразийско-африканского культурного синтеза, приняла на себя функции системообразующего пласта латиноамериканской культуры. Будучи пластичной, вобравшей в себя достижения иных народов, с которыми она контактировала на протяжении длительного периода, иберийская культура стала основополагающим субстратом латиноамериканской цивилизации и сыграла собирательную роль в Америке⁶.

Таким образом, на формирование облика Латинской Америки оказали влияние этнокультурные факторы (автохтонный индейский и два привнесенных – европейский и африканский), которые определили ее синкретический характер. Ученые сходятся во мнении, что в Латинской Америке более пяти столетий продолжают процессы межэтнической и межрасовой метисации, результатом чего стало появление новых этнических групп населения. Отдавая должное влиянию автохтонного и африканского этнокультурным компонентам в процессе формирования латиноамериканской цивилизации, мировая историческая наука, тем не менее, преобладающее значение отводит европейскому этнокультурному субстрату, сыгравшему иницирующую, моделирующую роль в цивилизационном процессе Латинской Америки.

⁴ *Васконселос Х.* Роль метисации в формировании латиноамериканской цивилизации / *Х. Васконселос* // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. 555 с., С. 444–445.

⁵ Иберо-Америка в мировом цивилизационном процессе (круглый стол) // *Латинская Америка*. 1999. № 5–6. С. 135.

⁶ *Семенов С. И.* Идеи гуманизма в ибероамериканских культурах: история и современность / *С. И. Семенов* // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 173.

ВЛИЯНИЕ СТАРШЕГО НАУЧНОГО ПОКОЛЕНИЯ И СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГРЕССИВНЫХ ИДЕЙ У НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВВ.

*Е. С. Захаров
(РГАСПИ)*

Российская наука на рубеже XIX–XX вв. претерпевала значительный подъем, основной особенностью которого было признание многих достижений ученых нашей страны за рубежом. Однако именно этот небывалый расцвет в науке совпал с переломными моментами в истории нашей страны, связанными, прежде всего, с ключевыми событиями русского революционного движения, происходившими в нашей стране в начале XX в.

Целью данной статьи является рассмотрение основных факторов, повлиявших на политическое мировоззрение крупнейших ученых различных сфер научного знания.

Для достижения этой цели нами были отобраны несколько представителей научно-технической интеллигенции, определявшие своей деятельностью развитие целых направлений, как в науке, так и в промышленности. Этими людьми были: В. П. Горячкин, Я. С. Голицын, М. А. Бонч-Бруевич, В. Е. Грум-Гржимайло.

Несмотря на то, что в царское время существовали определенные сословные, религиозные и национальные ограничения при поступлении в высшее учебное заведение, данные факторы никак не отразились при поступлении этих людей в учебные заведения.

Не стоит сомневаться в том, что все они с отличием окончили высшие и средние учебные заведения и были ориентированы на дальнейшую научную работу. Однако период их обучения в разных учебных заведениях совпал с активным подъемом революционного движения в России конца XIX начала XX вв., что не могло не сказаться на их судьбе. Одними из центров революционных идей являлись на тот момент крупнейшие учебные заведения страны.

О том, как повлияли эти идеи на жизнь и деятельность отобранных нами ученых, свидетельствуют факты из личной жизни таких деяте-

лей, как В. П. Горячкин, Я. С. Голицын¹, которые усвоили прогрессивные взгляды на будущее страны именно в период студенчества, включающие понимание отсталости самодержавного строя и необходимости социальных (и политических) преобразований.

Об одной из причин формирования у Горячкина прогрессивных идей писал его ученик А. А. Дубровский: «Московский сельскохозяйственный институт еще со времен Петровской с/х академии после реформы 1861 года был одним из центров прогрессивного общественной мысли. Именно тогда за академией утверждается репутация революционного гнезда. Когда Горячкин пришел в институт, то конечно знал его историю и был знаком с уже ставшими традицией революционными настроениями внутри МСХИ»². Наряду с той средой, в которую попал Горячкин в период своего студенчества, стоит упомянуть и о факторе наставничества. Немалую роль в формировании у Горячкина идей прогрессивного толка сыграл один из выдающихся ученых своего времени, создатель аэродинамики как науки – Николай Егорович Жуковский.

Мы можем наблюдать, что почти аналогичный процесс происходил у Я. С. Голицына, в формировании его мировоззрений большую роль так же сыграл учитель – профессор Анатолий Иванович Сидоров. Стоит отметить, что если в предыдущем случае наставничество учителя несло с собой формирование не только научных знаний, но и прогрессивных идей, то влияние учителя Голицына не выходило за рамки научного знания, т. е. его взгляды и политические симпатии к той или иной идеологии складывались уже в студенческой среде³.

Немного иная ситуация была у М. А. Бонч-Бруевича⁴. Ввиду того, что он учился в таких военно-учебных заведениях, как Санкт-

¹ Горячкин В. П. (1868–1935 гг.) – своими работами в области сельскохозяйственной техники заложил научные основы в новой сфере знаний – теории с/х машин.

Голицын Я. С. (1880–1953) – крупный ученый в области изучения сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения, параллельно с научно-практической деятельностью занимался изучением истории металлургической промышленности, машиностроения и пчеловодства.

² Дубровский А. А. Академик В. П. Горячкин. Биограф. очерк. М. 1960. С. 11, 13.

³ Биографические документы Голицына Я. С. // РГАЭ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 367. Л. 102.

⁴ М. А. Бонч-Бруевич – родоначальник радиотехники в СССР на основе радиоламп, руководитель первого НИИ в стране (Нижегородской Радиолaborатории).

Петербургское инженерное училище и Офицерская электротехническая школа, то его соприкосновение с революционными идеями было намного меньше чем в гражданских, ввиду строгости внутренних порядков. Однако, несмотря на консервативный взгляд руководства этих учреждений на воспитание молодых офицеров, полностью оградить своих учащихся от влияния прогрессивных идей оно не смогло. Важную роль в этом сыграл учитель Бонч-Бруевича В. К. Лебединский, именно он повлиял на понимание молодым учеником необходимых перемен в стране. Впоследствии уже ученик М. А. Бонч-Бруевича В. Ю. Рогинский вспоминал о политических предпочтениях учителя: «Он не был революционером, но ему была ясна неизбежность революционного переворота... он ожидал его с надеждой на оздоровление общественных отношений, как ожидали этого многие люди России, впоследствии отдавшие свой труд на благо Родины. Перед взором этих людей постепенно открылись широкие перспективы построения нового общества»⁵. Поэтому мы можем сказать, что Бонч-Бруевич относился к той части научно-технической интеллигенции, которую можно обозначить, как «сочувствующие» революционному движению.

Противоположный Бонч-Бруевичу результат, можно наблюдать у В. Е. Грум-Гржимайло⁶, который в период студенчества был занят только научной работой.

В. Е. Грум-Гржимайло, в период своего обучения в Петербургском горном институте (1881–1885 гг.), как и все его сверстники увлекался народнической литературой, однако, детально ознакомившись с ней, не принял теории и методов оппозиционной силы того времени. В 1920-е гг., вспоминая то время, он писал: «Политикой я не занимался. Прочел как-то номера «Земли и Воли» и сказал сестре, принесшей их: «Ну, стоит ли таскать под полой такое вранье?» Я хорошо знал историю, и история французской революции, написанная «для народа», меня глубоко возмутила. В своих красных товарищах я никогда не встречал ума и искренности»⁷. Основная особенность учителя

Грум-Гржимайло состояла в том, что его влияние не касалось научного знания и прогрессивных идей. Особую роль в его становлении как ученого и педагога сыграл Константин Павлович Поленов, который не являлся крупным ученым или изобретателем, а был всего лишь обычным управляющим двух заводов Нижнесалдинского и Верхнесалдинского, на которых работал после института В. Е. Грум-Гржимайло. Впоследствии В. Е. так вспоминал о влиянии своего учителя: «Это был человек большой воли, хороший хозяин. Под его влиянием я привык хорошо думать раньше, чем делать, додумывать до конца, чтобы не сесть в лужу, когда К. П. Поленов кончит свой допрос»⁸.

Из всего вышеизложенного мы можем сделать несколько выводов:

Все представленные в данной статье ученые с отличием окончили высшие учебные заведения, усвоили прогрессивные взгляды на будущее страны, включавшие понимание отсталости самодержавного строя и необходимости социальных (и политических) преобразований;

В период их обучения и роста, как ученых, они находились под воздействием разных социальных групп, повлиявших на их дальнейшее общественно-политическое мировоззрение;

Немалую роль в формировании их мировоззрений сыграло старшее научное поколение. Однако это вовсе не означает, что наставничество старшего поколения целенаправленно формировало у нового поколения понимание неизбежности социальных перемен. Приоритетным фактором было, прежде всего, постижение моральных качеств, включавших такие черты, как трудолюбие и добросовестность к своей работе.

Они были по-разному включены в общественно-политическую жизнь. Поэтому, на основе биографических свидетельств отобранных ученых, мы можем выявить основные группы, относящиеся к представителям всей научно-технической интеллигенции: 1) сочувствующие революционному движению; 2) полностью принявшие прогрессивный взгляд на будущее страны; 3) отрицавшие резкие и стремительные изменения в общественно-политической жизни страны, приверженцы эволюционного подхода.

⁵ Рогинский В. Ю. М. А. Бонч-Бруевич. М.; Л., Наука. 1966. С. 51.

⁶ В. Е. Грум-Гржимайло (1864–1928) – один из крупнейших ученых в сфере тяжелой промышленности, руководил первым НИИ в области металлургии «Стальпроект», специализировавшийся над проектами по введению новых печей в производство, педагог, создатель фундаментального курса по металлургии.

⁷ Грум-Гржимайло В. Е. Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело: Из жизни металлурга. УрГУ. Екатеринбург, 1994. С. 10, 11.

⁸ Там же. С. 11

ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (НА МАТЕРИАЛАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

*А. В. Зольникова, С. В. Монахова
(СмолГУ)*

В условиях проходящего в России структурного реформирования всех сторон жизни современного общества возрастает необходимость изучения опыта проведения преобразований в области просвещения в прошлом. В условиях сегодняшней смены методологических ориентиров и увеличения вариативности трактовок общественного развития, возрастающего плюрализма мнений, появилась возможность создания политически беспристрастного комплексного исследования проблем становления новой системы государственного образования и взаимоотношения власти и общества в сфере просвещения в первой половине XIX века на региональном уровне.

Цель настоящего исследования – изучение и анализ взаимоотношения власти и общества периода становления и формирования государственной системы образовательных учреждений в Смоленской губернии первой половины XIX века.

В основу исследования положен системный подход, совокупность принципов комплексности, историзма, объективности, научности. В работе широко применяется конкретно-исторический и историко-сравнительный методы исторического исследования.

Отечественная историография развития системы образования в Смоленской губернии первой половины XIX века представлена как общероссийскими, так и региональными работами¹. В целом, изучен

¹ *Рябов Г. Т.* Смоленский край в период феодализма (вторая половина XVII – первая половина XIX вв.). Смоленск, 1984; *Андреев Н. В.* Очерки по истории культуры на Смоленщине. Очерк первый. История развития образования и школ в Смоленском крае с IX столетия до начала XIX века // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1952. Вып. 1. С. 148–152; *Куро Т. И.* Народное образование в Смоленской губернии в первой половине

широкий круг специальной научной литературы, которая содержит необходимый фактический материал для анализа заявленной проблемы.

Исследование основано на анализе целого комплекса исторических источников, которые можно разделить на две группы по видовой принадлежности. К первой группе можно отнести опубликованные в дореволюционный период работы, которые написаны на основе исследования недоступных нам сегодня источников, поэтому их можно рассматривать в качестве достоверного материала, иллюстрирующего историю становления образовательных учреждений Смоленской губернии первой половины XIX века².

Ко второй группе относятся отложенные в Государственном архиве Смоленской области документы текущего делопроизводства, не введенные еще в широкий научный оборот, сосредоточенные в фондах Канцелярии Смоленских губернаторов (ф. 1), Дирекции народных училищ Смоленской губернии (ф. 45).

Реформы в сфере народного образования конца XVIII – первой половины XIX вв. способствовали появлению в Российской империи значительного числа грамотных и образованных людей, способных решать поставленные временем задачи. В связи с этим была впервые создана централизованная государственная система народного образования. Смоленская губерния в данный период не стала исключением. Большинство проблем, не способствующих быстрому процессу реформирования системы образовательных учреждений, в Смоленской губернии было обусловлено общероссийскими проблемами. В Смоленской губернии этот процесс проходил крайне неравномерно.

К особенностям складывания системы государственного образования в губернии следует отнести низкие темпы и значительную временную протяженность реформирования, незначительное число учебных заведений и учеников в них. В 1812 г. из 7 малых народных училищ были преобразованы в уездные только 5, из них 1 (в Смоленске) соз-

XIX века // Ученые записки Смоленского педагогического института. Вып. V. Смоленск, 1957. С. 284–308; *Трофимов А. Я.* Просвещение и культура на Смоленщине (XIX – начало XX веков). Смоленск, 1999; *Купченко К. В., Никитина Н. В.* История городского самоуправления на Смоленщине в XVIII – первой половине XIX вв. Смоленск, 2011.

² *Мурзакевич Н. А.* История города Смоленска. Смоленск, 1903; *Аксенов М. В.* «Класс коммерции» при Смоленской губернской гимназии. Историческая справка. Смоленск, 1909.

дано вновь³. В 1817–1821 гг. Малые народные училища в Белом, Сычевке и Дорогобуже были преобразованы не в уездные, а в приходские училища. Уездные училища в этих городах появились только в 30-х гг. XIX века. В малых городах Юхнов, Ельня, Красный и Духовщина в первой половине XIX века уездных училищ не было создано, в них существовали только городские приходские училища. Значительный вклад в развитие народного просвещения Смоленской губернии внес гражданский губернатор И. В. Капнист (1842–1844). В своем отчете о состоянии Смоленской губернии он писал: «Я нахожу степень обучения в Смоленской губернии не соответствующей потребности и вменяя себе в обязанность открыть в четырех городах – Красный, Духовщина, Ельня и Юхнов, хотя бы начальные училища»⁴.

В 1822–1832 гг. число учеников в Смоленской гимназии сократилось на 30 %, уездных училищах – на 16 %. Причина такого положения дел скрыта в скудности материальной базы и недостаток учительских кадров, введением в 1817 г. платы за обучения в гимназии.

Главной причиной медленного роста числа учебных заведений в Смоленской губернии был недостаток государственного финансирования. В 1820-х гг. из 13 приходских училищ Смоленской губернии 3 (в Смоленске, Сычевке и Белом) содержались на средства Смоленского приказа общественного призрения из-за отсутствия финансирования со стороны горожан. Училища в Гжатске, Дорогобуже и Рославле находилось на содержании городских обществ и дворянства. Приходские училища в Вязьме и Поречье первоначально существовали на деньги, выделяемые городскими думами, однако с 1818 г. из-за недостатка благотворительных средств жалование учителям выплачивалось из средств Смоленского приказа общественного призрения. В сельской местности приходские училища содержались из средств организаторов (духовенства, помещиков), прекращали свою деятельность по желанию владельцев или в связи с их смертью.

Сохранение прежней схемы финансирования учебных заведений после введение в действие «Устава гимназий и училищ уездных и приходских» 1828 года продолжала сдерживать рост числа учебных заведений. С 1833 по 1855 год число государственных учебных заведений в Смоленской губернии выросло с 17 до 25, а число учеников такой школы увеличилось на 46 % (с 751 до 1090 человек).

³ 1812 г. // ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1.

⁴ 1842 г. // ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 63.

Серьезные испытания выпали на долю системы народного просвещения в связи с разрушительными итогами Отечественной войны 1812 года. После военных действий и разорения значительной части купечества и мещанства, дворянская корпорация некоторых уездов Смоленской губернии оказана значительная помощь денежная уездным училищам.

Реформы указанного периода способствовали началу женского образования в губернии, а также началу специализации среднего образования (открытие «класса коммерческих наук»). В 1838 году в Гжатске было открыто второе приходское училище, обучение в котором могли проходить только девочки. Это учебное заведение можно считать первой государственной начальной школой в губернии. В 1848 году по предложению директора гимназии Кологривова в Смоленском приходском училище был открыт женский класс⁵. В целом, число учащихся женского пола с 1833 по 1855 год выросло в 6 раз.

Особенностью развития общего среднего образование в Смоленской губернии и свидетельством начала его специализации стало создание при губернской гимназии класса «коммерческих наук» – единственного подобного учебного заведения в губернии в начале XIX века. Это учебное заведение существовало с декабря 1804 по июнь 1812 года. За это время обучение в нем прошли 9 мальчиков из небогатых мещанских семей Гжатска, которые получили подготовку для работы в торговых заведениях⁶. После Отечественной войны занятия в классе «коммерческих наук» не возобновились из-за отсутствия финансирования и разорения благотворителей (гжатское купечество).

Необходимо отметить, что в этот период появляется значительное число благотворителей из среды дворянства (И. И. Барышников, А. И. Барышников, Г. Г. Энгельгардт, Г. А. Друцкой-Соколинский, В. Н. Друцкой-Соколинский, А. И. Геннади, Н. А. Геннади)⁷, купечества (З. Ф. Пивоваров)⁸, духовенства (священник П. Сущевский, епископ Тимофей) и мещанства (Н. Н. Лелянов)⁹, которые стремились

⁵ 1847 г. // ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 723. Л. 34, 38.

⁶ *Никитина Н. В.* Новые данные о деятельности класса «коммерческих наук» при Смоленской губернской гимназии в начале XIX века // Известия Смоленского университета. Вып. 5. 2008. С. 189–193.

⁷ 1833 г. // ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 86. Л. 43; 1836 г. // ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 176. Л. 47; 1846 г. // ГАСО. Ф. 45. Оп. 2. Д. 15. Л. 22–23 об.

⁸ 1849 г. // ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 817. Л. 18, 29.

⁹ 1852 г. // ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1130. Л. 28, 30.

помочь представителям всех сословий. Они на собственные средства открывали и содержали приходские училища, оказывали материальную помощь уездным училищам и гимназии, выплачивали стипендии способным ученикам из бедных семей.

Таким образом, в работе прослежена динамика создания разных типов государственной школы, проанализированы причины неравномерности этого процесса, оценен вклад общества, местных благотворителей на ход развития образования в Смоленской губернии в первой половине XIX века.

СВОБОДА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В УЧЕНИИ А. БЕРГСОНА

П. В. Иванова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Вопрос о связи индивидуальности и общества волнует великие умы человечества на протяжении многих столетий. Наглядную иллюстрацию этого отношения представляет Умберто Эко¹. Появление на свет и последующую социализацию индивида он сравнивает с просмотром кинофильма человеком, опоздавшим на сеанс: множество событий свершилось до его прихода, и ему приходится приспосабливаться к текущим действиям, домысливать их причины. «Мы рождаемся в момент, когда уже произошло множество событий на протяжении сотен тысяч лет, и важно понять, что же случилось до нашего рождения», – так описывает автор наше восприятие истории. Человек, адаптируясь к окружающей его реальности, невольно чувствует на себе давление всего предшествующего хода исторического развития.

Но каковы пределы господства этой исторической необходимости? До какой степени внешняя и внутренняя жизнь индивида определяются социальным порядком? И, наконец, каковы границы той свободы, которая остается во владении человека? Своеобразно отвечает на эти вопросы А. Бергсон.

По словам Н. В. Мотрошиловой, «первым и последним словом-паролем в философии Бергсона была свобода»². Однако в его учении эта категория носит довольно специфический характер, прежде всего в силу ее неразрывной внутренней связи с социальным императивом. По этому поводу Н. О. Лосский пишет: «Защищаемая Бергсоном сво-

¹ Эко Умберто. Дорогой внук, учи наизусть («L-Espresso», Италия) [Электронный ресурс] // «L-Espresso», Италия. 24/01/2014. URL: <http://inosmi.ru/world/20140124/216819572.html> (Дата обращения: 26.02.2014.).

² История философии: Запад-Россия. Кн. 3. 2-е изд. / под ред. проф. Н. В. Мотрошиловой и проф. А. М. Руткевича. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина. 1999. С. 144.

бода ... только относительно, т. е. в одном отношении это свобода, а в другом – необходимость, т. е. несвобода»³.

Истоки такого подхода лежат в особом понимании философом природы человека. Бергсон исходит из идеи фундаментального разделения личности на Я социальное и Я индивидуальное⁴. «Социальная жизнь была включена в структурный план человека как вида так же, как и в план пчелы, ... она носила необходимый характер»⁵, – утверждает философ, желая продемонстрировать изначальное намерение природы организовать в обществе такой же порядок, какой царит в вещах⁶. Человек не способен выйти за рамки общества⁷ и внушаемого его властью долга: «Никто и не смог бы избавиться от присутствия в себе общества, даже если бы захотел, потому что его память и воображение живут тем, что общество поместило в них»⁸.

Таким образом, социальный порядок оказывает на индивида существенное давление в виде набора привычек, способ функционирования которых близок к инстинктивному⁹: «Общество проложило дорогу; мы находим ее открытой и движемся по ней»¹⁰. Но какое место занимают индивидуальность и свобода в этом отчетливом механизме социальной обусловленности?

Как ни парадоксально, но свободу А. Бергсон связывает с обязанностью, и в отношении современных цивилизованных обществ справедливо отмечают, что «само выполнение обязанности предполагает здесь свободу»¹¹.

Заслуживает внимания тот факт, что А. Бергсон обнаруживает принципиальное различие между необходимостью, царящей в природе и обязанностью, внушаемой индивиду обществом. В частности, предпринявшая попытку освободиться клетка организма была бы неизбежно вновь захвачена необходимостью. Человек же, напротив, может не только отринуть, но и уничтожить обязанность, лишь ими-

тирующую необходимость, «в создание которой он внес некоторый вклад, но воздействию которой он главным образом подвергается»¹². Таким образом, обязанность приобретает оригинальный оттенок значения как «чувства ... необходимости, сопровождаемое осознанием возможности от нее уклониться»¹³. Но что же явилось непосредственным стимулом возникновения этой возможности?

Связано это, по мнению А. Бергсона, с развитием человеческого интеллекта, которое фактически есть решающий фактор в истории противостояния социального порядка и индивидуальной воли. Разум, по словам И. И. Блауберг, «восстав против намерений природы, ... принес с собой способность к инициативе, независимости и свободе, а тем самым – опасность и угрозу социальному состоянию людей»¹⁴. Именно ум пробудил в человеке понимание, осознание обязанности и, следовательно, ответственность. Теперь сама возможность отклонения от исполнения требования уже доказывает наличие некоторой субъективной воли, свободного решения.

Таким образом, определение обязанности может быть сформулировано как «необходимость, с которой спорят и которая сопровождается, следовательно, умом и свободой»¹⁵. Примечательно, что без двух последних условий невозможно перерождение необходимости в обязанность, без чего, в свою очередь, не может существовать и индивидуальной свободы в противовес социальной обусловленности.

Итак, все вышесказанное можно свести к следующей формуле, изложенной А. Бергсоном: «Любое существо чувствует себя обязанным, только если оно свободно, и каждая обязанность, взятая отдельно, сама по себе, заключает в себе свободу»¹⁶. И это – тот способ, которым философ разрешает извечную дилемму о взаимозависимости свободы и социального порядка.

³ Лосский Н. О. Интуитивная философия Бергсона. СПб.: Издательство «Учитель». 1922. С. 41

⁴ Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон. 1994. С. 12

⁵ Там же. С. 301

⁶ Там же. С. 10

⁷ Блауберг И. И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-традиция, 2003. С. 530

⁸ Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон. 1994. С. 13

⁹ Блауберг И. И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-традиция, 2003. С. 527

¹⁰ Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон. 1994. С. 17

¹¹ Блауберг И. И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-традиция, 2003. С. 529

¹² Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон. 1994. С. 11

¹³ Там же.

¹⁴ Блауберг И. И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-традиция, 2003. С. 532

¹⁵ Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон. 1994. С. 98

¹⁶ Там же. С. 29

ЭЛЕМЕНТЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЯРОСЛАВЛЯ В ПЕРИОД 1785–1870 гг.

А. Н. Ионов
(ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

Период действия «Жалованной грамоты» (1785–1870 гг.) – «краеугольного камня законодательства о городах»¹ – является важным этапом муниципальной истории России. Впервые государство разрешило создавать общегородские органы управления – думы, наделив их рядом властных полномочий. Русские города получили первый опыт общественного самоуправления, хозяйственной и финансовой деятельности.

Вместе с тем, для рассматриваемого времени можно говорить лишь об отдельных элементах самоуправления, в большей степени заложенных в законодательстве и, в меньшей, реализованных на практике.

«Опыт» работы ярославских городских учреждений в рамках действия «Жалованной грамоты» позволяет рассмотреть эти элементы более пристально.

Наиболее значимым признаком «нарождающегося самоуправления» в 1785–1870 гг. стала выборность и сменяемость городских чиновников, закрепленная в 30–33, 156, 165 ст. «Жалованной грамоты»².

Законодательство 1785 г. вводило разветвленную сеть выборных городских учреждений и должностей, преподносимых Екатериной II, как независимые субъекты.

Во главе города были поставлены: «Собрание общества градского» и две думы – Общая и Шестигласная (усеченный вариант Общей, своеобразный «совет» при голове для постоянного решения дел). «Лицом» города, главным выборным чиновником стал городской голова.

В Ярославле, в отличие от ряда российских городов³, были созданы и Общая, и Шестигласная думы – два основных взаимодополняю-

щих субъекта городского управления в соответствии с «Жалованной грамотой». Причем реализация законодательства была осуществлена в достаточно сжатые сроки, в чем была большая заслуга генерал-губернатора А. П. Мельгунова – новые органы городского управления Ярославля начали работу 10–11 ноября 1785 г. (в Москве и Нижнем Новгороде – 15 января 1786 г. и 5 июля 1787 г.)⁴.

Практически сразу же выявились местные особенности.

Так, в первые годы действия «Грамоты» достаточно высока была периодичность заседаний Общей думы: в 1786 г. – 32 раза, в 1787 г. – 51, а в 1788 г. – 50⁵. В то же время, гораздо реже собиралась Шестигласная дума (хотя в соответствии с «Грамотой» должна была быть в присутствии «всякою неделю однажды» – ст. 174): в 1786 г. – порядка 20 раз, в 1787 г. – 10, а в 1788 г. – 15 раз⁶.

Однако в дальнейшем единственным главным субъектом городского управления осталась Ярославская шестигласная (городская) дума. Общая же дума, являвшаяся, по сути, более «народным» субъектом власти (в ее собраниях участвовало до 20–25 человек) перестала собираться начиная с 1796 г.

Важным «упущением» зарождающегося самоуправления в Ярославле стала значительная выхолощенность идей о широком общественном представительстве в городских думах, заложенных в «Грамоте».

По мысли Екатерины II в работе Дум должны были участвовать представители основных категорий городского населения: гильдий или купцов, настоящих городских обывателей, посадских, цехов, иностранных и иногородних граждан, именитых горожан. Реализовать это в полной мере в Ярославле не удалось.

В течение 1785–1870 гг. в составы Городской (Шестигласной) думы ни разу не избирались представители иностранных граждан и иногородних обывателей, а также именитых горожан. В то же время, губернским властям вопреки твердому желанию генерал-губернатора Е. П. Кашкина, так и не удалось привлечь к участию в городском управлении дворян и представителей духовенства⁷.

¹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России: В 2 т. Т. 1., СПб.: типография П. П. Меркулева, 1875. С. 505.

² ПСЗ–1. Собр. I. Т. 22. № 16187. 21 апреля 1785 г.

³ Кустова Е. В. Органы самоуправления в структуре провинциального города дореформенной России: На материалах деятельности Вятской городской думы 1793–1870 гг.: дис. к. и. н. / Удмурт. гос. ун-т. Киров, 2004. С. 43

⁴ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 501. Оп. №1. Д. 1. Л. 1; Селезнев Ф. А. Создание нижегородской городской думы (1785–1787) // Вестник НГУ. 2009. № 3.

⁵ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 501. Оп. №1. Д. 3, 6, 8, 11.

⁶ Там же. Д. 7, 9, 12.

⁷ Там же. Д. 14. Л. 11.Об.

Вместе с тем, достаточно быстро всесословное по законодательству городское управление превратилось в городское управление «купцов и мещан».

На протяжении действия «Грамоты» более 87 % гласных городской думы были делегированы купцами и мещанами Ярославля. А отдельные думские созывы, как например, в 17 трехлетии (1827–29 гг.) целиком оказывались заполненными представителями купечества⁸.

Причем, в Думу гильдии проходили и по другим избирательным категориям, в том числе в нарушение законодательства, – от мещанства⁹. Поэтому, вполне справедливо в делопроизводственной документации коронных властей городские выборы именуются «купеческими», что отражало реальный расклад сил в ярославском городском обществе.

На протяжении 1785–1870 гг. ключевую роль в управлении Ярославля играли купеческие династии Желутковых, Матвеевских, Соболевых, Оловянишниковых, Гнуздьевых и др.

Независимость дум, декларированная императрицей в ст. 7 «Грамоты» на практике оказалась урезанной всесторонней властью губернаторов, наделенных практически неограниченными возможностями действий в отношении их.

Обнаружив формальный повод, губернатор мог легко санкционировать разбирательство в отношении любого из гласных, либо предложенных к выборам кандидатов, а с 1802 г. все жалобы на органы городского управления поступали, минуя городской магистрат, напрямую в губернское правление. Существенным являлся факт невозможности баллотировки и открытия думы без официального разрешения на то губернатора. Итоги выборов признавались действительными лишь после их утверждения губернатором.

Достаточно часто, в противовес все той же 7-ой статье, «власть имеющие места и лица» налагали тягости и вмешивались в принятие решений.

На баланс городского бюджета Ярославля без согласия гласных был переведен ряд важнейших повинностей (постоянная, пожарная, содержание полиции).

Многочисленные конфликты, возникавшие между Думой и властными структурами, решались, в основном, не в пользу города.

Так, летом 1787 г. Ярославская дума под страхом строжайшего взыскания должна была организовать поставку 157 лошадей при 79 извозчиках «для высочайшего шествия в Полоцкую губернию»¹⁰.

Ярославской думе на протяжении периода 1785–1870 гг. приходилось решать достаточно разноплановые задачи в сферах городского благоустройства, капитального строительства, поддержания транспортной инфраструктуры, содержание пожарной и полицейской охраны.

Однако если в сфере благоустройства органы ярославского городского управления достигли определенных успехов, то их вклад в развитие здравоохранения и народного образования был несравненно меньшим. Например, в отдельные годы дума полностью исключала из своих расходов деньги на уездное и приходское училища¹¹.

Причиной большинства подобных «неудач» в Ярославле, как и в большинстве провинциальных городов, была достаточно узкая финансовая база органов городского управления, обремененных отправлением тяжелых повинностей.

Таким образом, можно подытожить, что в Ярославле в 1785–1870 гг. хотя и были реализованы основные задумки Городового положения, однако уровень его наиболее демократических элементов неуклонно снижался.

«Жалованная грамота» размытая и по своей сути, имевшая массу недосказанностей, на практике трактовалась достаточно свободно – все зависело от воли губернских властей и разумности их решений.

Вместе с тем, «Жалованная грамота» стала отправной точкой для будущего развития ряда важнейших элементов системы городского управления.

⁸ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 501. Оп. №1. Д. 379. Л. 3.

⁹ Там же. Д. 1031. Л. 225–240.

¹⁰ Там же. Д. 3. Л. 71–74.

¹¹ Там же. Д. 430. Л. 54.

ИШУТИН И ИШУТИНЦЫ: НЕОДНОЗНАЧНОЕ ЛИДЕРСТВО В МОСКОВСКОМ ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ 1860-х гг.

В. Л. Кириллов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Имя Н. А. Ишутина (1840–1879), создателя московского революционного кружка 1860-х гг., не нуждается в представлении. Факт первого в истории России террористического акта, совершенного членом его общества Каракозовым, повлиял на восприятие небольшой подпольной группы как серьезной организации. Значение личности Ишутина в революционном движении преувеличивалось как современниками, так и исследователями¹. Нередко Ишутину сравнивали с С. Г. Нечаевым².

Вероятно, представление о революционном подполье 1860-х гг. как полноценной контрсистеме, противостоящей власти, во многом является отголоском прежних историографических традиций; в рамках такого представления было естественно искать в ишутинском кружке четкую иерархию, лидеров и т. п. Однако свидетельства современников показывают, что лидерство Ишутина было не столь однозначным. Участники тайного общества даже не называли себя ишутинцами. Наиболее близкая Ишутину группа товарищей именовалась «ипатовцами», поскольку они жили в доме Ипатова³.

Оказавшись под следствием после покушения Каракозова, ишутинцы нелестно отзывались о главном лице кружка. О. А. Мот-

¹ См., например: *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1866 год. М., 1897. С. 448; *Клевенский М. М.* Ишутинский кружок и покушение Каракозова. М., 1927. С. 11.

² *Клевенский М. М.* «Европейский Революционный комитет» в деле Каракозова. // Революционное движение 1860-х годов. М., 1932. С. 165; *Шилов А. А.* Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Пг., 1919. С. 31; Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М., 1997. С. 189.

³ См., например: Покушение Каракозова. Т. 1. М., 1928. С. 113, 175, 209; Там же. Т. 2. М.; Л., 1930. С. 36, 51, 62.

ков утверждал, что «все разговоры Ишутина отличались крайней бесвязностью», вспоминая, как он рассказывал о «будто бы быстром и успешном ходе революционной работы повсюду в России»⁴.

Знакомый Ишутину Л. Е. Оболенский иронично называл его «квасным либералом», подразумевая «такой тип людей, которые требуют чистой свободы и очертя голову бросаются на всякое предприятие, кажущееся сколько-нибудь либеральным», – писал он⁵. Очевидно, эту характеристику Оболенский дал на основании несерьезности, необдуманного увлечения свободолюбивыми идеями, что, по его мнению, было характерно для Ишутина. Историк Э. С. Виленская, однако, писала, что под термином «квасной либерал» подразумеваются сторонники политической революции, обратив внимание, что Оболенский охарактеризовал подобным образом А. А. Козлова, знакомого ишутинцев, которого она относила к московским конституционалистам; об упоминании Оболенским Ишутина она умолчала⁶.

Негативные оценки частично могли быть вызваны обидой на человека, вовлекшего их в преступную деятельность. Но были и свидетельства, что знакомые начали критиковать Ишутину задолго до ареста. Например, когда с целью отбора и подготовки членов будущей организации ишутинцы попытались создать «клуб», в котором опытные старшие товарищи беседовали бы с новичками, пришедшие в этот «клуб» Гернет, Черкезов, Розанов и Алексеев начали обсуждать и даже осуждать Ишутину, который, по их мнению, безотчетно тратил деньги своего товарища Ермолова и вообще был недобросовестным человеком⁷.

⁴ Производство Высочайше учрежденной в Петербурге под председательством члена Государственного Совета генерала от инфантерии графа Муравьева следственной комиссии о покушении на жизнь Его Императорского Величества 4 апреля 1866 г. (далее – Производство). Т. 2. 8–27 апреля 1866 г. // ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 11. Л. 451 об.; Производство. Т. 6. 27 мая – 8 июня 1866 г. // ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 15. Л. 195 об.

⁵ Производство. Т. 3. 28 апреля – 6 мая 1866 г. // ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 322–322 об.

⁶ *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 436.

⁷ Производство... Т. 7. 8–20 июня 1866 г. // ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 171 об.-172, 418.

Д. Л. Иванов вспоминал, как О. В. Малинин говорил об Ишутине: «Его, подлеца, надо куда-нибудь под кучку»⁸. А. П. Полумордвинов свидетельствовал, что В. И. Соболев «враждебно относился к Ишутину», а Д. А. Воскресенский «постоянно острил над предложениями, деланными в „Организации“ и смеялся также над „ипатовцами“»⁹. Эти и многие другие примеры нельзя объяснить попытками оправдаться перед следствием, списав свое участие в тайном обществе на случайное общение с якобы неблизким и неприятным человеком, поскольку многие современники, не имевшие такого интереса, характеризовали Ишутину подобным же образом.

Так, петербургский революционер И. А. Худяков впоследствии писал, что «Ишутин не был способен к роли серьезного заговорщика». «Причиной такой распушенности его было естественное доверие к товарищам, соединенное, может быть, с некоторой дозой тщеславия», – считал Худяков¹⁰. Свидетельство Е. К. Брешко-Брешковской позволяет говорить о возможных принципиальных разногласиях между Ишутиным и ишутинцами: как отмечала революционерка, против предложения Каракозова совершить цареубийство протестовали все – кроме Ишутина¹¹.

Судя по воспоминаниям Е. И. Козлиной, она пренебрежительна и иронично относилась к Ишутину, считая его взгляды мальчишеством и глупостью¹². По ее наблюдениям, «мрачный и озлобленный» «завистник» Ишутин, мечтая создать «обстановку крупного революционного кружка, в котором он надеялся играть главенствующую роль», не был настоящим вожаком по сравнению с отставным поручиком и преподавателем П. А. Спиридовым (Свиридовым), за которым всегда следовала «свита студентов»¹³.

В связи с этими оценками сопоставление Ишутина с Нечаевым представляется некорректным. Нечаев с присущим ему цинизмом сознательно и успешно манипулировал участниками подполья; Ишутин

же напоминает фантазера-мистификатора, бежавшего от скучной повседневности в революционное подполье, много рассуждавшего о революции и крови, но не готового к реальным жертвам.

Гораздо правдоподобнее выглядит сравнение Ишутина, скажем, с Н. П. Сунгуровым, сплотившим вокруг себя в начале 1830-х гг. кружок московских студентов. Сунгуров убеждал их в том, что многие декабристы остались на свободе, рассуждал о возможностях вооруженного восстания в Москве в случае эпидемии холеры и т. п. Его действия отличались непоследовательностью и ситуативностью: оказавшись под арестом, Сунгуров то представлял себя добровольным провокатором, то пытался бежать и даже покончить с собой¹⁴.

Ишутин также напоминает эмигранта М. К. Элпидина, создавшего в 1860-е гг. в Женеве русскую типографию. Элпидин был склонен к фантазиям и мистификациям, мог заподозрить в любом эмигранте шпиона III отделения, отличался эгоцентричным поведением. Например, в 1868 г. он рассказал недолго жившему у него И. Г. Розанову о якобы существующем заговоре в крупнейших городах России, участники которого готовы похитить представителя царской семьи и выдвинуть требование провести ряд реформ¹⁵. Поскольку целей личной выгоды Элпидин не преследовал, вероятно, он хотел ввести в заблуждение малознакомого человека ради шутки.

Итак, отношение к Ишутину среди современников было не однозначным; плохие организаторские способности и склонность к мистификациям также не позволяли ему исполнить роль волевого лидера. Этот вывод контрастирует с представлением о революционерах как целеустремленных деятелях с конкретными политическими целями и позволяет иначе взглянуть на проблему формирования подполья 1860-х гг., в процессе которого политические стремления могли иметь меньшее значение, чем социально-психологические мотивы.

⁸ Производство. Т. 7. 8–20 июня 1866 г. // ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 185 об.

⁹ Особые показания, данные в следственной комиссии. 1866 г. // ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 48 об.

¹⁰ Худяков И. А. Записки каракозовца. М.; Л., 1930. С. 109.

¹¹ Брешко-Брешковская Е. К. Из моих воспоминаний. СПб., 1906. С. 10.

¹² Козлинина Е. И. За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 61–65.

¹³ Там же. С. 45, 47, 62.

¹⁴ См. подробнее: Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 227–258.

¹⁵ См. подробнее: Козьмин Б. П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929. С. 58–61, 70–79, 111–113 и др.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА В ТЮРЬМЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А. А. Киселев
(ОмГПУ)

На современном этапе, постоянное развитие исторической науки ставит перед научным сообществом все новые и новые задачи интерпретации прошлого.

В результате появляются новые методы и направления для изучения различных исторических эпох. Одним из таких «новых» направлений является «история повседневности». Многие актуальные научные проблемы, благодаря этому направлению получили «новую жизнь», новый исследовательский интерес.

Одной из таких проблем является история революционного движения в России. Использование «истории повседневности» в качестве основного подхода в исследовании позволяет пересмотреть привычные трактовки и характеристики революционного движения.

Революционное движение можно рассматривать как «отдельный мир», то есть как специфическую субкультуру.

Одним из компонентов повседневной жизни российского революционера являлось его пребывание в тюрьме. Многие из них провели долгие годы в заключении. В своих воспоминаниях революционеры отводили особое место жизни в тюрьме, своей тюремной повседневности.

По мнению самих революционеров, именно заключение формировало настоящего революционера.

Детально описывая в своих воспоминаниях тюремную повседневность, революционеры в первую очередь отмечали тяжелые условия существования¹.

¹ См. подробнее: *Спиридонова М. А.* Из жизни на Нерчинской каторге // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 453–462.; *Радзиловская Ф.* Мальцевская вольная команда (1909–1911) // Каторга и ссылка, 1930, № 2.; *Радзиловская Ф., Орестова Л.* Мальцевская женская каторга

Например, описание камер, которые имели «очень убогий вид», а также были очень холодными, в результате чего у многих революционеров возникали проблемы со здоровьем. Также были охарактеризованы питание и медицинское обслуживание, которые оставляли желать лучшего.

Помимо тяжелых бытовых условий, тюремная повседневность российского революционера характеризовалась тяжелой психологической обстановкой. Трансформация восприятия пространства и времени лишь один из элементов². Другой составляющей являлось постоянное психологическое давление. Это было связано со специфической пенитенциарной системы, направленной на максимальную изоляцию представителей революционной субкультуры друг от друга, а также на подавление личности революционера³.

Находиться в такой психологической обстановке, быть очевидцем различного рода издевательств над заключенными, например телесных наказаний, ожидать подобного насилия над собой, все это существенно меняло психологический облик революционера. Одни сходили с ума, у других возникали мысли о самоубийстве, как своеобразной форме протеста и некоторые из революционеров действительно их совершали⁴. И это было связано не столько с желанием уйти из жизни, сколько с «падением духа», они были психологически сломлены. Еще одним примером измененной психологии может служить тот факт, что после освобождения часть революционеров покинула ряды «борцов за свободу», а также не смогли вернуться к обычной жизни.

Но это лишь одна сторона медали. Помимо создания негативного образа царских тюрем, в своих мемуарах революционеры описывали и положительные черты тюремной жизни.

1907–1911 гг. // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 500–542.

² *Градский В.* Шлиссельбургская каторга // Былое. №27–28., 1924.

³ См. подробнее: *Гершуни Г. А.* Из недавнего прошлого, Париж, 1908.; *Градский В.* Шлиссельбургская каторга // Былое. №27–28., 1924.; *Школьник М.* Жизнь бывшей террористки // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 237–324.

⁴ См. подробнее: Это я виноват... Эволюция и исповедь террориста: Письма Егора Созонова с комментариями. М., 2001.; *Спиридонова М. А.* Из жизни на Нерчинской каторге // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 453–462.

Например, для многих революционеров тюрьма являлась своеобразным «университетом». Именно в заключение некоторые революционеры поменяли свое мировоззрение. Жизнь «коммуной» не только формировало единый быт, единые принципы жизни, но и способствовала постоянному тесному общению, что позволяло молодым революционерам учиться у своих старших товарищей.

Длительное нахождение в заключении позволяло создавать свои собственные способы адаптации к тюремной действительности. Например, в Мальцевской женской тюрьме заключенные занимались самообразованием, культурной деятельностью (театр), а некоторые даже создали свой собственный цветочный сад⁵. Скучность питания компенсировали посылками от родственников, в которых получали необходимые продукты: сладости, овощи, фрукты. Иногда процесс адаптации приводил к тому, что революционеры «забывали» о том, что они в тюрьме.

В результате формируется двойственное мнение относительно тюремной повседневности российского революционера. С одной стороны создается негативный образ тюрьмы, через описание тяжелых условий существования, позволяющий формировать в молодых революционерах еще большую ненависть к царской власти. С другой стороны тюрьма описывается как важный этап революционной жизни. Тюрьма становится, вследствие длительных сроков заключения, а также неизбежного процесса социальной адаптации, «вторым домом», а революционеры «семьей», отрыв от которой тяжело переживался даже после освобождения.

⁵ Радзиловская Ф., Орестова Л. Мальцевская женская каторга 1907–1911 гг. // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 500–542.

ПРОБЛЕМА БЮРОКРАТИИ В «ИСПОВЕДИ»

М. А. БАКУНИНА

А. М. Козлова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Михаил Александрович Бакунин – выдающийся политический мыслитель XIX столетия, один из самых ярких приверженцев анархизма. Его теоретические и публицистические труды многогранны и часто отличаются непоследовательностью. В своем идейно-политическом развитии Бакунин прошел долгий путь от стойкого апологета государственности до яркого революционера-анархиста.

Активная творческая и практическая позиция Бакунина не осталась без внимания властей. В мае 1849 года он принял участие в дрезденском восстании, которое окончилось поражением революционеров. Бакунин был арестован и заключен в тюрьму. В марте 1851 г. его перевели в крепость Ольмуц, где несколько месяцев продержали прикованным к стене как особо опасного преступника. 15 мая был вынесен новый смертный приговор, замененный затем пожизненным заключением.

В конце мая по требованию русского правительства, Бакунин был передан российским властям и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Для Николая I Бакунин был живым источником информации о европейских событиях и, прежде всего, о польских событиях.

В 1851 году Бакунин пишет свое знаменитое и противоречивое произведение «Исповедь». Находясь в Петропавловской крепости Бакунин, по требованию Николая I, пишет труд, в котором подробно излагает свой взгляд на революционное движение и славянский вопрос. «Исповедь» была опубликована только после революции 1917 года и до сих пор вызывает много споров.

В произведении «Исповедь», которое носило форму покаяния перед государем, Бакунин изложил свой взгляд на революционные события в Европе, а также признал свое участие в них. Рассуждая о европейских революциях, Бакунин плавно переходит к критике существующего положения вещей в России. И винит в этом не царя, а бюрократию, которая, не стесняясь, грабит российское государство.

«Везде воруют и берут взятки и за деньги творят неправду! – и во Франции, и в Англии, и в честной Германии, в России же, я думаю более, чем в других государствах. На Западе публичный вор редко скрывается, ибо на каждого смотрят тысячи глаз, и каждый может открыть воровство и неправду, и тогда уже никакое министерство не в силах защитить вора»¹.

Но в России ситуация совсем иная. Ворует каждый, но все все знают о воре, все знают, но все молчат, т. к. и за ними грехи есть. Все заботятся только об одном, чтоб не узнал министр и царь. «А до царя далеко, государь, так же как и до бога высоко! В России трудно и почти невозможно чиновнику быть не вором. Во-первых, все вокруг него крадут, привычка становится природою, и что прежде приводило в негодование, казалось противным, скоро становится естественным, неизбежным, необходимым; во-вторых, потому, что подчиненный должен сам часто в том или другом виде платить подать начальнику, и наконец, потому, что если кто и вздумает остаться честным человеком, то и товарищи и начальники его возненавидят; сначала прокричат его чудачком, диким, необщественным человеком, а если не исправится, так пожалуй и либералом, опасным вольнодумцем, а тогда уж не успокоятся, прежде чем его совсем не задавят и не сотрут его с лица земли»².

Такая круговая порука распространяется и на молодежь, таким образом, «воровство и неправда и притеснения в России живут и растут, как тысячеленный полип, которого как ни руби и ни режь, он никогда не умирает»³. Каждый чиновник запутан в этой паутине лжи и каждый утешает, что слухи о его воровстве никогда не дойдут до царя.

Бакунин видит выход из сложившейся ситуации только в воспитании таких качеств в чиновнике как «благородство чувств, самостоятельность мысли, гордая безбоязненность чистой совести, уважение человеческого достоинства в себе и в других, а, наконец, и публичное презрение ко всем бесчестным, бесчеловечным людям, общественный стыд, общественная совесть!»⁴ Но эти качества, утверждает писатель, можно воспитать только в свободном обществе, а не там, где преобладает рабство и страх.

«Исповедь» стала последним произведением, которое подвело итог его революционной деятельности в Европе. Результатом скитаний Михаила Александровича стала активная антигосударственная пропаганда, которая воплотилась в работах анархистского периода жизни Бакунина, но уже вдалеке от России.

¹ Бакунин М. А. Исповедь. М. «Азбука-классика», 2010. С. 93.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 94.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКО-БРИТАНСКОГО БРАТСТВА

М. С. Комкова
(МАТИ им. К. Э. Циолковского)

Одним из механизмов формирования образа Новой России в Великобритании в 20-е гг. XX века было Русско-британское братство. Формируемый им образ нельзя назвать объективным в силу многих обстоятельств, но, тем не менее, это один из «портретов» Новой Советской России, который повлиял на дальнейшее формирование представлений англичан о нашей стране, породил те или иные мифы, заблуждения и укрепил, те или иным стереотипам.

Часть фонда, созданного за время работы братства хранится в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва). В нем содержится информация о деятельности общества с 1917 г. по 1922 г.

Члены союза выступали за спасение России из бедственного положения, в котором она оказалась, поскольку видели в ней дальнейшего союзника Великобритании¹. В письме говорится о возможной поддержке казаков и Корнилова. А так же подчеркивалось, что «реорганизация дел в России должна прийти изнутри»².

По мнению Братства, казаки являются единственной силой, которая может справиться с большевиками, и именно поэтому Союзники должны оказать им финансовую поддержку³.

Своего рода концепцию деятельности братства можно свести к: «Идите в Россию, пока не стало слишком поздно!»⁴

В деле находятся как печатные, так и рукописные документы. Как мы видим, часть документов имеют черновой вариант (рукописный) на русском языке и печатный перевод на английском (в некоторых текстах есть ряд ошибок, что свидетельствует о том, что набирали английский текст так же русские). В частности представлен рукописный

текст выполненный черными чернилами (скорее всего пером) черными чернилами – это черновой вариант, скорее всего выступления, которое приведено далее⁵. Позднее представлен документ, набранный на машинке с блеклой черной краской на английском языке, что свидетельствует о том, что автором является русский (вполне возможно, что последующий перевод делал не сам)⁶.

Среди активных членов братства можно выделить Павла Гавриловича Виноградова⁷, крупнейшего историка-медиевиста и правоведа, либерального в своих убеждениях. С 22 декабря 1903 года – профессор сравнительного правоведения Оксфордского университета. Вернулся в Московский университет в 1908 году (сохраняя профессорскую должность в Оксфорде, каждый осенний семестр читал лекции и проводил семинары в Московском университете в качестве сверхштатного ординарного профессора всеобщей истории). В 1911 году в знак протеста против увольнения ряда профессоров навсегда покинул университет. В начале 1917 года удостоен звания рыцаря Англии. В 1918 году стал британским подданным.

Как видно из фонда основными мероприятиями стали встречи с русскими или англичанами, недавно выехавшими из Советской России. Например: приглашение встретится с генералом Пулем, руководившем военной миссией в России, который недавно вернулся в Великобританию⁸.

Эти и другие материалы указного фонда показывают большой вклад русских, живших в Великобритании в формирование образа Новой Советской России, правда этот образ далек от объективного, но все же нашел отклик в умах многих британцев того времени.

⁵ Черновой вариант рукописного текста (скорее всего публичного выступления) посвященного российско-британским отношениям // ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–14.

⁶ Тот же вариант текста только набранный на печатной машинке // ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–17.

⁷ Список российских Представителей на Заседании, состоявшемся в среду, 11 июля // ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

⁸ Приглашение членов братства на ужин // ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

¹ Письмо F. W. Salisbury-Jones // ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп.1. Д. 1. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Письмо президенту США от июня 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-4649. Оп.1. Д. 1. Л. 7.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА (1948–1956 гг.)

Н. А. Комочев, к.и.н.
(ИАИ РГГУ)

История советской археографии, несмотря на наличие специальных работ¹, рассматривалась неравномерно. Восьмилетие с 1948 по 1956 гг. является одним из самых насыщенных в истории археографии и вместе с тем именно оно остается пока наименее изученным.

В историографии прочно утвердилось мнение, что во второй половине 1950-х гг. начинается бурный подъем археографии. В 1955 г. выходят новые «Правила издания исторических документов» (предыдущие вышли в 1945 г.). В 1956 г. была восстановлена Археографическая комиссия, начавшая с 1957 г. выпуск «Археографического ежегодника». В это же время в МГИАИ создается кафедра археографии (1957), выходит первое общее методическое пособие по археографии² (1958) и специальное – по актовой археографии³ (1959), пособия по теории⁴

¹ См.: Селезнев М. С. Из истории развития археографической мысли в 1917–1920 гг. // Тр. МГИАИ. М., 1962. Т. 15. С. 147–155; История советской археографии. М., 1966–1967. Кн. 1–6.; Советская археография в период развитого социализма. 1960–1980. Археографическая деятельность архивных учреждений СССР. М., 1985.; Степанский А. Д. Развитие отечественной археографической мысли в 1980–1990 гг. // Вестник архивиста. 1999. № 4/5. С. 214–226.; *Он же*. Отечественная археографическая мысль 1920–1930 гг. // Вестник архивиста. 2004. № 3/4. С. 79–90; № 5. С. 63–78; *Он же*. Археография отечественной истории XX века: Учеб. пособ. М., 2004; *Он же*. Отечественная археографическая мысль середины 1940–1950 гг. // Вестник архивиста. 2005. № 3. С. 84–98; *Он же*. Отечественная археографическая мысль середины 1950-х – 1960-х гг. и ее ведущие представители // Вестник РГГУ. Серия «История». Документоведение, архивоведение. М., 2008. № 8/08. С. 54–89.

² Методическое пособие по археографии / Под ред. М. С. Селезнева, Е. М. Тальман. М., 1958.

³ Зимин А. А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959.

⁴ Селезнев М. С. Предмет и вопросы методологии советской археографии. М., 1959.

и истории археографии⁵. В Институте истории АН СССР возникает сектор публикации источников (еще в 1953), аналогичный сектор появляется и во ВНИИДАД. С 1956 г. при Архивном управлении МИД СССР действует Комиссия по изданию дипломатических документов. С 1955 г. начинает выходить журнал «Исторический архив»⁶. Далеко не случайно то, что все эти события происходят почти одновременно. Но они несколько заслонили собой то, что происходило ранее и что подготовило ту почву, на которой взрос «золотой век советской археографии» (термин А. Д. Степанского), по сравнению с которым «предыдущие десятилетия выглядят как предыстория»⁷.

Между тем советская археография середины 1950-х – середины 1980-х гг. представляет собой сложившуюся систему, и, как всякая система, она достаточно предсказуема. Предшествующие годы, время становления, таят больший простор для исследователей.

Отправной точкой рассматриваемого этапа можно считать выход в свет монографии С. Н. Валка «Советская археография»⁸. Это была первая специальная монография, посвященная вопросам археографии. Несмотря на сравнительно небольшой объем книги, С. Н. Валку удалось в ней обобщить опыт археографии первой половины столетия (с экскурсами вглубь XIX и даже XVIII вв.) и определить исследовательские направления, получившие в дальнейшем свое развитие. Монография содержит анализ публикаторской деятельности всех основных археографических центров и методической литературы по вопросам археографии. Кроме того, автору удалось осуществить обзор публикаций источников с древнейших времен до второй половины 1940-х гг. Книга С. Н. Валка оказалась вполне свободна от идеологических штампов и очень насыщена по материалу.

Своей монографией С. Н. Валк определил три главных направления развития археографии как науки: изучение археографической

⁵ Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. Краткий очерк. М., 1957; Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России: Учеб. пособ. М., 1969.

⁶ Журнал был вновь закрыт в 1961 г.

⁷ Степанский А. Д. Археография отечественной истории XX века: Учеб. пособ. М., 2004. С. 59.

⁸ Валк С. Н. Советская археография. М., 1948. См. также: *Он же*. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991.; Шмидт С. О. С. Н. Валк и развитие археографической культуры // *Он же*. Археография, архивоведение, памятниковедение. М., 1997. С. 180–192.

деятельности учреждений (партийных, государственных, архивных) и отдельных лиц; изучение методических вопросов (методики и практики изданий); изучение содержания публикаций (то есть того, что позже А. Д. Степанский обозначал как «археографическая база»). Первое направление относится к истории археографии, второе представляет археографию «в чистом виде», третье – тесно смыкается с источниковедением.

В последующие годы делались шаги во всех трех направлениях. Историей археографии и методическими вопросами активно занимались в Историко-архивном институте. В том же 1948 г. выходит статья П. Г. Софинова⁹, составителя «Основных правил публикации документов ГАФ СССР» 1945 г. В статье закладываются основы истории археографии в XIX в., ее материал войдет затем в упоминавшуюся выше монографию того же автора.

В 1955 г. выходит (на правах рукописи) первая в истории хрестоматия по археографии, подготовленная как пособие для студентов Историко-архивного института¹⁰. Хрестоматия включает документы, относящиеся к истории археографии, выдержки из предисловий к основополагающим изданиям.

В начале 1950-х гг. в МГИАИ проходят первые защиты диссертаций по археографии: И. И. Корневой о деятельности Археографической комиссии в 1830–1850-е гг. (1950), М. С. Селезнева (1950) об отборе документов для публикации (на материале фабзавкомов 1917–1918 гг.), Д. М. Эпштейн о деятельности Русского исторического общества (1951), Т. В. Ивницкой о публикациях периода Гражданской войны (1953) и др. Методам передачи текста исторических источников посвятил свою диссертацию В. А. Черных (1955).

Таким образом, именно к 1948–1956 гг. следует отнести основные исследовательские разработки в сфере археографии, затем обобщенные в виде учебных пособий, складывание коллектива (на кафедре теории и практики архивного дела), который впоследствии станет кафедрой археографии.

Если обратиться к изданиям, вышедшим в этот период, то многие из них по праву стали классическими. Особенно это касается изданий

источников по истории средневековой Руси. С конца 1940-х гг. выходят фундаментальные издания русских актов, такие как: «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (1949), «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.» (1950), «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. I–III (1951–1961), «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.», т. I–III (1952–1964). Разработанные в названных изданиях принципы публикации остаются до сих пор основой актовой археографии¹¹. В 1952 г. выходит академическое издание сводов средневекового законодательства – Судебников¹². С этого же времени берет свое начало ценное издание – «Памятники русского права», включающее собрание законодательства и актов до первой четверти XVIII в. включительно¹³.

Таким образом, рассматриваемый период может считаться своего рода «золотым веком» для изданий источников по истории древней и средневековой Руси. Конечно, это заслуга историков, осуществлявших издания: С. Б. Веселовского, И. А. Голубцова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина и многих других. В последующие годы продолжали выходить начатые издания, но публикаторский накал рубежа 1940–1950-х гг. оставался труднодостижимым.

Безусловно, известный XX съезд и последовавшие за ним политические и общественно-культурные настроения повлияли на развитие археографии. Но быстрый взлет археографии (в количественном смысле) объясняется тем, что к середине 1950-х гг. она была готова к нему и все необходимые предпосылки уже сложились. Настоящий толчок развитию археографии дали издания и исследования источниковедов и археографов послевоенных лет, которые в трудных условиях, преодолевая негативные последствия 1920–1930-х гг., возводили фундамент исторической науки.

⁹ Софинов П. Г. Развитие русской археографии в первой четверти XIX в. // Труды МГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 217–244.

¹⁰ Хрестоматия по археографии. Пособие для студентов Московского государственного историко-архивного института / Под ред. Г. Д. Костомарова. М., 1955. На обложке обозначена дата 1956 г.

¹¹ Капшанов С. М. Актовая археография. М., 1998. С. 104–138.

¹² Судебники XV–XVI вв. / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

¹³ Памятники русского права. М., 1952–1961. Вып. 1–8.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ ВЕЩЕВЫМ ИМУЩЕСТВОМ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 гг.

*М. А. Коневская
(РГВА)*

В 2014 г. – годовщина начала советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Последнее время интерес к событиям указанной военной кампании возрос. Обсуждению подлежат политические вопросы, а также вопросы, связанные с военным планированием, стратегией и тактикой боевых действий. Аспекты снабжения Красной армии в указанный период остаются малоизученными. При этом именно организация снабжения является показательной в вопросах взаимоотношений власти и человека (бойца).

Известно, что, в декабре 1939 г. командование не много внимания уделяло обеспечению войск. Непростой ситуация была в области вещевого снабжения. Из-за просчетов командования военную операцию планировалось провести в сжатые сроки, ограничившись незначительными материальными ресурсами. Для полного обеспечения Красной армии по состоянию на 1 октября 1939 г. не доставало шинелей – 1 120 000, шаровар суконных – 419 000, шлемов зимних – 1 200 000, рубах теплых – 717 000, рубах суконных – 383 000, рубах летних – 680 000¹.

Из приведенных выше цифр видно, что недостача в предметах обмундирования по армии в целом не была катастрофической. Однако не был учтен климатические особенности карело-финского театра военных действий. Климат района боевых действий холодный и сырой с большим количеством осадков. Морозы часто доходили – до –40. Бойцы нуждались в теплом белье, свитерах, полушубках и валенках².

Резервы теплых вещей, находившиеся на складах округа, не могли обеспечить даже тот людской состав, который изначально прибыл на войну с Финляндией 1939–1940 гг. Численность войск по опублико-

ванным данным в начале операции составляла до 425 000 человек³, на протяжении боевых действий в действующие армии прибывало большое пополнение.

К началу военной кампании в ЛВО было в наличии 258 000 пар валенок. Доставить резервы валенок из других военных округов не удалось по причине плохой организации снабжения. Пришлось изготавливать валенки в Ленинграде. Отпуск частям зимнего обмундирования затянулся до января 1940 г⁴.

Согласно оперативным сводкам НКВД, 15 декабря 1940 г. в эвакуприемник г. Териоки поступили 400 человек, из них – 150 человек с обмороженными руками и ногами. Поступившие в лечебное учреждение красноармейцы объясняли данное обстоятельство отсутствием теплых портянок и рукавиц⁵.

8 декабря 1939 г. в войска поступило распоряжение Наркома обороны о выяснении наличия в войсках зимней обуви⁶. 16 декабря 1939 г. оперативной группой НКВД был задержан красноармеец 147 стрелкового полка тов. Воробьев, направлявшийся из госпиталя в часть босиком. К 27 декабря 1939 г. некоторые бойцы все еще не имели валенок, шли в бой в ботинках с обмотками⁷.

С января 1940 г., после структурных реорганизаций органов снабжения, ситуация с обеспечением Красной армии улучшилась. Однако не хватало материала на пошив обмундирования, войлока для ремонта валенок⁸. Согласно справке-докладу начальника военно-хозяйственного снабжения 9 армии, до окончания военных действий армия непрерывно испытывала затруднения в обеспечении войск об-

³ Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940 / Под общ. ред. В. А. Золотарева. СПб., 2002. С.7.

⁴ Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И. В. Сталин и Финская кампания. Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1999. С. 167–179.

⁵ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД: по материалам архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / Сост.: С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2010. С.142.

⁶ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. СПб., 2000. С.159.

⁷ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД: по материалам архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / Сост.: С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2010. С.161.

⁸ РГВА. Ф. 37860. Оп.1. Д. 193. Л. 207.

¹ РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 154. Л. 25–41.

² Там же. Оп. 14. Д. 56. Л. 3.

мундированием и теплыми вещами, вследствие несвоевременной отгрузки вещей⁹.

Ориентируясь на доклад о состоянии вещевого снабжения частей 8 армии от 6 января 1940 г. и данные по численности войск армии к началу операции – 112 285 человек¹⁰, а также учитывая прибывшее за этот период пополнение, следует отметить, что, к указанному времени армия была обеспечена шинелями и теплыми рубашками не более чем на 2/3, фактически не была обеспечена теплыми кальсонами и менее чем наполовину обеспечена рукавицами¹¹.

При наличии подобного факта стоит учесть, что финский солдат, одетый строго по уставной форме выглядел бы еще несчастнее, чем наши бойцы, так как небольшие ресурсы финской промышленности были исчерпаны. Фабрики Финляндии не могли обеспечить воюющую армию надлежащим образом. При этом спасением финской армии был «домашний фронт», поставлявший на передовую теплую одежду, собранную у гражданского населения. В армии Финляндии никогда не относились к соблюдению уставной формы слишком ревностно, главное, чтобы солдат мог согреться¹².

Согласно сводной ведомости недостатков вещевого имущества в 7 и 13 армиях, от 1 марта 1940 г. положение с вещевым снабжением в этих армиях было значительно лучше, чем в армиях северных направлений¹³.

Многие бойцы Красной армии подкладывали в валенки солому и одевали по две пары портянок для тепла¹⁴. Есть факты, когда красноармейцы, напротив, носили валенки без портянок, одевая их на босую ногу. На протяжении военных действий руководству Красной армии поступали просьбы о замене маломерных валенок. Представлялись заявки на отпуск командному составу шинелей рядового состава взамен шинелей-маломерок, которые были тесны, чтобы одевать на них на телогрейку. Также звучали просьбы об отпуске ватных телогреек для командного состава с целью замены неосмотрительно выданных белых полушубков, демаскировавших на поле боя. Финские снайпе-

ры упорно и в связи с указанным обстоятельством вполне успешно охотились на советских командиров¹⁵.

В январе 1940 г. некоторые части Красной армии все еще не были снабжены маскировочной одеждой. Известен факт обстрела финскими солдатами своих сослуживцев, из-за отсутствия у тех маскхалатов. Финские солдаты приняли своих однополчан за советских бойцов¹⁶.

Не хватало медальонов, в которые должны были вкладываться записки с персональными данными бойцов. Медальоны неизменно следовало носить с собой. Надо сказать, что их нехватка в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. сильно затруднила учет потерь в действующих армиях.¹⁷

Как видно из приведенного материала, печальные казусы в обеспечении действующих армий возникали достаточно часто. К началу боевых действий между СССР и Финляндией 1939–1940 гг. командование Красной армии проблемами вещевого снабжения особенно озабочено не были, а у бойцов проблема была одна – они замерзали. Вопрос обеспечения красноармейцев вещевым имуществом обнаружил себя лишь с середины декабря 1939 г., при выяснении руководящими органами истинной ситуации с вещевым снабжением на фронте. Возникла необходимость в корректировке существующих образцов и норм снабжения. Обнаружились большие трудности в обеспечении действующих армий имуществом в условиях суровой зимы. Реализация мер по улучшению вещевого снабжения в условиях боевых действий протекала трудно. В первую очередь она легла на плечи мирного населения, привлеченного на промышленные предприятия в целях обеспечения Красной армии.

⁹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 14. Д. 42. Л. 19(об)–21.

¹⁰ Там же. Оп. 7. Д. 43. Л. 154.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 276. Л. 20–22.

¹² Якимович К. На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале. М., 2010. С. 154.

¹³ РГВА. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 256. Л. 60–61.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 269. Л. 2–3.

¹⁵ РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 269. Л. 212. То же: Иринчеев Б. Оболганная победа Сталина. Штурм Линии Маннергейма. М., 2009. С. 313.

¹⁶ Якимович К. На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале. М., 2010. С. 154, 175.

¹⁷ Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И. В. Сталин и Финская кампания. Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б). М., 1999. С. 167–179.

БОЛЬШЕВИКИ И ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ В НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ ЮСТИЦИИ (ДЕКАБРЬ 1917 – МАРТ 1918 гг.)

И. А. Концевой
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Характерной чертой политической системы первых лет Советской России была двухпартийность, основанная на сотрудничестве партий большевиков и левых социалистов-революционеров. В ноябре – начале декабря 1917 года между представителями большевиков и левых эсеров проводились переговоры о создании правительственной коалиции. Ключевую роль в формировании союза большевиков и левых эсеров сыграли Чрезвычайный и II Всероссийский крестьянские съезды, в результате которых левые эсеры приняли решение о вхождении в состав Совета народных комиссаров¹. По условиям соглашения между большевиками и левыми эсерами, семеро членов ПЛСР вошли в состав правительства, став народными комиссарами и членами коллегий наркоматов с правом решающего голоса на заседаниях СНК.

В советское время К. В. Гусев, А. И. Разгон, М. П. Ирошников неоднократно поднимали вопросы, связанные с деятельностью большевиков и левых эсеров в правительстве, однако инициативы левых эсеров в СНК трактовались однобоко². Основные моменты споров левых эсеров с большевиками об организации системы советской юстиции и ВЧК рассматривались только с позиции большевистской партии. В современной историографии изучение данной проблемы на новый уровень вывели работы А. Рабиновича и С. В. Леонова³. Опираясь на

¹ Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России: (Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996. С. 213.

² Гусев К. В. Крах партии левых эсеров М., 1963; Разгон А. И. Правительственный блок большевиков и левых эсеров (октябрь 1917 – январь 1918 г.) // Исторические записки. Т. 117. М., 1989; Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 – январь 1918 гг. М.; Л., 1966.

³ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007; Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1997.

широкий круг источников, они анализируют деятельность СНК через призму взаимодействия большевиков и эсеров.

Народный комиссариат юстиции стал одним из ключевых наркоматов, во главе которого оказался левый социалист-революционер. Его возглавил один из лидеров ПЛСР Исаак Захарович Штейнберг⁴. 19 декабря 1917 г. был сформирован состав коллегии Наркомюста, в которую входили большевики М. Ю. Козловский, П. И. Стучка, П. А. Красиков и левые эсеры В. А. Алгасов и А. А. Шрейдер⁵.

В иерархии первого советского правительства наркомат юстиции занимал важное место. Ликвидация судебной системы, доставшейся большевикам в наследство от Временного правительства и царской России, и создание советской юстиции составляли одну из главных задач государственного строительства. Отношения большевиков и левых эсеров в Совнаркоме по данным вопросам складывались непросто и сопровождались многочисленными конфликтами. Штейнберг стремился упорядочить работу наркомата и внести определенную ясность в процедуру арестов, которые проводили в тот период всевозможные следственные комиссии и ВЧК. Об этом говорит приказ наркомата юстиции от 15 декабря 1917 г., согласно которому создавались особые комиссии для проверки обоснованности арестов, совершенных следственными комиссиями⁶.

Такая политика Штейнберга привела к столкновению между ним и большевиками, составлявшими большинство в СНК. Конфликт начался 18 декабря 1917 г. после решения Совнаркома арестовать собравшихся на заседание членов Союза защиты Учредительного собрания, которые в тот же день были задержаны ВЧК⁷. И. З. Штейнберг, прибыв на место происшествия вместе с членом коллегии НКЮ левым эсером В. А. Карелиным, освободил задержанных, не поставив в известность ВЧК⁸. Действия левых эсеров подверглись жесткой критике на заседании Совнаркома, на котором большевики квалифицировали освобождение задержанных «по существу дела неправомерным»⁹.

⁴ Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета 2-го созыва М., 1918. С. 142.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства 1917–1918 гг. М., 1942. С. 183–184.

⁶ Там же. С. 141.

⁷ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 142.

⁸ Ленин и ВЧК. Сборник документов. М., 1987. С. 26.

⁹ Там же.

Однако этот конфликт не устранил противоречия между большевиками и левыми эсерами. Камнем преткновения стал вопрос о полномочиях ВЧК, который рассматривался на заседании СНК 21 декабря 1917 г. Левые эсеры пытались добиться контроля над деятельностью комиссии Дзержинского со стороны Наркомюста, но не преуспели в этом. Согласно принятой резолюции, ВЧК обязывалась только информировать наркома юстиции об арестах «имеющих выдающее политическое значение»¹⁰.

Чтобы проконтролировать работу ВЧК нарком юстиции Штейнберг выдвинул предложение о включении левых эсеров в состав Чрезвычайной комиссии. Первоначально отказав левым эсерам, большевики все же пошли на уступки, включив представителей ПЛСР в состав комиссии и сделав левого эсера П. А. Александровича заместителем Дзержинского¹¹. Однако введение левых эсеров в состав ВЧК полностью не исключило возможность неправомерных действий чекистов.

Кроме конфликтов, объяснявшихся противоположными взглядами левых эсеров и большевиков на производство следственных мероприятий, между ними происходили столкновения, имевшие в большей степени межличностный характер. Так, обвинения, выдвинутые фракцией левых эсеров в СНК против большевиков П. А. Красикова и М. Ю. Козловского, членов Следственной комиссии при Петроградском совете, обернулись серьезным скандалом. Вопрос о злоупотреблениях в комиссии рассматривался на заседаниях СНК, в ходе которых происходили бурные споры между большевиками и левыми эсерами¹². Несмотря на требования Штейнберга и его заместителя А. А. Шрейдера признать членов комиссии виновными, руководство Совнаркома встало на сторону Козловского и Красикова¹³.

Напряженные отношения между большевиками и левыми эсерами в Наркомюсте могли вылиться в более крупный конфликт, однако после заключения большевиками Брестского мира левые социалисты-революционеры вышли из правительства и были исключены из коллегии НКЮ. Попытка А. А. Шрейдера, сложившего с себя обязанности заместителя наркома, восстановить свое членство в коллегии наркомата привела к столкновению с большевиками, признавшими невоз-

можность дальнейшего сотрудничества с левыми эсерами в рамках коллегии¹⁴. Вероятно, на такое решение повлиял конфликт Шрейдера с наркомом юстиции П. Б. Стучкой из-за дела Следственной комиссии. Его просьбы о возвращении в состав коллегии оказывались на повестке дня заседаний СНК 8 и 13 апреля 1918 года, но их рассмотрение было отложено¹⁵. По-видимому, ЦК ПЛСР отказался от борьбы за участие левых эсеров в центральном аппарате наркомата юстиции, ограничившись тем, что члены ПЛСР занимали несколько постов народных комиссаров в Союзе коммун Северной области¹⁶.

Деятельность левых эсеров в СНК и наркомате юстиции и их конфликты с большевиками о компетенции ВЧК и по другим вопросам повлияли на повседневную практику работы Совнаркома. В период правительственной двухпартийности большевики были вынуждены считаться с мнением левых эсеров при принятии решений. Коллегиальные обсуждения декретов и резолюций, в том числе и по вопросам организации советской юстиции, создавали систему противовесов и сглаживали некоторые негативные последствия политического преобладания большевиков.

¹⁰ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР (ноябрь 1917 – март 1918 гг.) М., 2006. С. 454.

¹¹ Ленин и ВЧК. С. 36.

¹² Протоколы заседаний СНК. С. 226, 253, 380.

¹³ Там же. С. 382.

¹⁴ Протокол заседания коллегии Народного Комиссариата юстиции от 28 марта 1918 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

¹⁵ Протоколы заседания Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 апреля 1918 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.19. Оп. 1. Д. 91. Л. 3; Протокол заседания СНК РСФСР от 13 апреля // РГАСПИ. Там же. Д. 95. Л. 2.

¹⁶ Рабинович А. Указ соч. С. 408.

СОВЕТСКАЯ МОДА: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ЗАГРАНПОЕЗДОК СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ВО ФРАНЦИЮ)

О. В. Корниенко

*(Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина,
Украина)*

В условиях расширения экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между странами с различным общественным строем мода в 1960-х гг. стала одним из объектов творческой интеграции, который влиял на жизнь юношества, диктовал эталоны красоты, эстетики костюма, поведения и общения¹.

С официальной точки зрения, советская мода пропагандировала социалистический образ жизни, коммунистическую нравственность. В свою очередь, мода Запада пыталась через модные эталоны создать иллюзорные картины преимуществ капиталистического строя именно в таком аспекте, как их представлял себе западный человек. Советские исследователи единодушно утверждали, что западная пропаганда стремилась навязать людям мещанские взгляды и представления, потребительское сознание. Страницы журналов, экраны кинофильмов были заполнены фотографиями и описаниями вещей, рекламой, и служили не только коммерческим, но и идеологическим институтом². Таким образом, социалистическая и западная моды по своему социальному содержанию являлись «классовыми антиподами».

Однако следует отметить, что, несмотря на официальные негативные идеологические установки в области западной моды, в повседневной жизни СССР происходил ряд заграничных командировок советских специалистов легкой промышленности, художников-модельеров, как в социалистические, так и в капиталистические страны с целью заимствования передовых достижений и обмена опытом в сфере лег-

кой промышленности. Об этом свидетельствуют архивные материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), положенные в основу нашего исследования. Так, в годовом отчете Общесоюзного дома моделей одежды (ОДМО) за 1967 год указывалось, что «постоянное изучение и использование зарубежного опыта работы по моделированию, конструированию и технологии одежды, тесное общение специалистов легкой промышленности зарубежных стран и СССР оказывают большое влияние на выработку единой стилиевой направленности в моделировании, на совершенствование методов конструирования и технологии на уровне международных требований»³. Таким образом, общение со специалистами зарубежных стран, изучение их опыта работы способствовало повышению квалификации наших специалистов, расширяло творческие возможности – для создания ансамблей одежды на международном уровне⁴. Показ модной продукции Советского Союза поднимал престиж страны за рубежом, а также способствовал взаимопониманию и установлению дружеских контактов между народами всех стран⁵.

Подбор специалистов и оформление их в установленном порядке для командирования в зарубежные страны осуществлялось по представлению и согласованию с соответствующими министерствами союзных республик, отраслевыми управлениями и отделами Министерства и всесоюзными объединениями при Министерстве легкой промышленности СССР. Перед поездкой в зарубежные страны специалисты проходили соответствующую подготовку, изучали материалы по тематике командирования, состояние данного вопроса в стране, куда они направляются, и в Советском Союзе, используя для этих целей имеющиеся в научно-исследовательских институтах, центральной научно-технической библиотеке литературу и информацию, а

³ Годовой отчет за 1967 год Общесоюзного Дома моделей одежды // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 221. Л. 23.

⁴ Годовой отчет за 1966 год Общесоюзного Дома моделей одежды // РГАЭ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 211. Л. 35; Годовой отчет за 1967 год Общесоюзного Дома моделей одежды // РГАЭ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 221. Л. 24.

⁵ Отчет Министерства легкой промышленности о выполнении плана научно-технического сотрудничества СССР с зарубежными странами в 1975 году и мероприятий по внедрению результатов сотрудничества // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 2785. Л. 26.

¹ *Забелло В. И.* Людина і мода. Київ, 1979. С. 4.

² *Стельмашук Г. В.* Проблемы образа жизни в современной идеологической борьбе. Л., 1978. С. 8.

также отчеты о состоявшихся ранее командировках; перед выездом за границу командируемые специалисты проходили инструктаж в соответствующих управлениях развития подотраслей легкой промышленности, управлениях и всесоюзных объединениях⁶.

Как правило, отчеты и предложения специалистов о результатах командировок за границу обсуждались на советских ученых советах институтов, на секциях научно-технических советов министерств. Многие отчеты и мероприятия рассматривались у заместителей Министров, а некоторые на коллегиях Министерств. Отчеты и мероприятия по результатам заграничных командировок рассматриваются на коллегиях Министерств легкой промышленности Украинской ССР, Белорусской ССР и других республик⁷.

Материалы фондов РГАЭ (Ф. 523 «Общесоюзный Дом моделей одежды МЛП СССР», Ф. 9480 «Государственный комитет по науке и технике Совета Министров СССР») и РГАНИ (Ф. 5 «Аппарат ЦК») 1950–1960-х годов дают важный материал о поездках советских специалистов в области моды во Францию. Первая зафиксированная поездка представителей ОДМО произошла в 1957 году⁸. По мнению директора ОДМО Н. Никифорова, эта командировка была особенно необходимой «в связи с тем, что в 1958 году предполагается демонстрация советских моделей одежды на десяти международных выставках (в том числе на Всемирной выставке в Брюсселе и на международном конгрессе моды в Бухаресте)»⁹. Просьба о командировке основывалась на официальном приглашении от представителей Ассоциации высокой моды Парижа, посетивших ОДМО 24 августа 1957 года. Исходя из этого факта, можно предположить, что французские специалисты в области моды также были заинтересованы в посещении своих советских коллег в изучении их методов работы. Необходимо отметить, что презентации коллекции считались самыми главными событиями в мире моды, возможность присутствия на которых была ограничена¹⁰. Сам факт того, что советские модельеры были допущены в замкнутые

круги мира моды, будучи приглашенными на просмотр коллекции, говорит о положительном восприятии французскими специалистами своих советских коллег. В качестве продолжения контактов советские модельеры получили приглашение в Париж на январь 1960 года, на презентацию новой коллекции весна-лето. 13 января 1960 г. ЦК разрешил выезд двух представителей Дома моделей во Францию на 10 дней¹¹. Цели делегации состояли в изучении всей системы организации производства и распространения модной одежды во Франции, они должны были отобрать лучшее для последующего применения на родине. Таким образом, происходила ориентация на «буржуазную» моду, которая официально рассматривалась как чуждая советской идеологии. Следующая поездка советских модельеров в Париж состоялась в марте-апреле 1965 года¹². В составе советской делегации было 5 человек, она пребывала во Франции в течение 19 дней. Основными задачами поездки было «ознакомление с организацией вопросов моды на фирмах и предприятиях, занимавшихся выпуском модной продукции; влияние моды и экономики на ассортимент, его сменяемость и эстетический уровень одежды населения; изучение системы работы фирм, моделирующих одежду и сопутствующие ей предметы»¹³. По возвращении на родину, советские специалисты составили подробный отчет (58 страниц) об организации и системе управления французской модой, а также внесли свои выводы и предложения. Так, в выводах советские специалисты подчеркнули, что «в работе всех предприятий следует отметить великолепную организацию производства, четкую отчетность, реальный план выпуска, обеспеченный необходимым сырьем»¹⁴. С точки зрения советских специалистов, в парижской моде (видимо, речь идет не о *haute couture* – «высокой моде») не было ничего чуждого и бесполезного для советской моды: «Ничего нет такого, чтобы подлежало какому-то осуждению или было неприемле-

⁶ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 2785. Л. 28.

⁷ Там же. Л. 29.

⁸ Переписка с министерствами, ведомствами и другими организациями по вопросам заграничных командировок во Францию (30 декабря 1957 г. – 7 сентября 1958 г.) // РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 3. Д. 1417. Л. 80–83.

⁹ Там же. Л. 81.

¹⁰ Захарова Л. В. «Каждой советской женщине – платье от Диора!» // Социальная история. М., 2004. С. 351.

¹¹ Отдел промышленности товаров широкого потребления и продовольственных товаров ЦК КПСС // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 43. Д. 77. Л. 1.

¹² Отчет о поездке во Францию группы специалистов с целью ознакомления с моделированием и производством одежды, а также выпуском новых рисунков и структур тканей для швейной промышленности (март-апрель 1965 года) // РГАЭ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 205. Л. 1–58.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 49.

мым для нас»¹⁵. Таким образом, можно отметить, что концептуальные различия между «социалистической» и «капиталистической» модой, принадлежащие официальному взгляду, не имели большого значения в реальной практике советских модельеров.

КАК НИКОЛАЙ I В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ БЕРЛИНЦЕВ ИСКАЛ¹

*Т. В. Костина, к.и.н.
(Архив РАН, Санкт-Петербург)*

В рассказе казанского журналиста И. И. Михайлова, опубликованном в «Русской старине», до нас дошел занимательный эпизод: 20 августа 1836 г. Николай I посетил Казанский Императорский университет. «В то время между профессорами было еще много монстров, оставшихся от старого времени. Такими допотопными созданиями наполнены были словесный и юридический факультеты; им давали время на выслугу полного пенсионера. Государь во время представления, соскучившись вероятно созерцанием этих ученых чудовищ, вдруг спросил: “А где мои берлинцы?” т. е. те профессора, которые довершали свое образование в Берлинском университете»².

Фраза, брошенная Николаем I, вызвала легкое замешательство у попечителя учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина – он представил ему пять профессоров: математика П. И. Котельникова, ботаника П. Я. Корнух-Троцкого, врача Н. А. Скандовского, востоковеда А. К. Казембека и ботаника и зоолога Э. А. Эверсмана. В действительности, из перечисленных профессоров только Котельников и Скандовский незадолго до приведенного эпизода после обучения в Профессорском институте в Дерпте стажировались в Берлинском университете: первый с 29 июня 1833 г. до 1835 г., а второй с 15 января 1834 г. по 15 марта 1835 г.³ Оттуда 31 октября 1834 г. Скандовский высылал донесение, опубликованное в Журнале министерства народного просвещения⁴. Первую половину стажировки он провел в Вене,

¹ Работа выполнена по гранту Президента Российской Федерации МК-5957.2014.6

² Казанская старина. Ив. Ив. Михайлов. Сообщ. С. Н. Кулябко // Русская старина. 1899. октябрь. С. 109

³ Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005. С. 356

⁴ ЖМНП. 1834. Ч. 4. С. 451–452.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 523. Оп.1. Д. 205. Л. 7.

где учился и упомянутый Корнух-Троцкий. Казембек, несмотря на крайне занимательную биографию, попал в Берлин только в 1869 г., уже в конце своей жизни посвящая несколько месяцев водолечению. Э. А. Эверсман прослушал в Берлине курс зоологии у М. Г.К. Лихтенштейна в 1810 г. С 1816 г. в России и во время сложного путешествия в Бухару в 1820–1821 гг. он собирал коллекции, преимущественно зоологические, которые, в основном, отсылал в Берлинский университет, за что 13 июля 1823 г. был избран членом Берлинского общества испытателей природы⁵.

Какими бы тесными связями с Берлином не обладал Эверсман, Николай I интересовался другими «берлинцами» – профессорской элитой второй половины 1830-х – 1840-х гг., прошедшей специальную подготовку под пристальным вниманием высших сановников империи. Видимо, Мусин-Пушкин это понимал, потому что в отчете-донесении министру народного просвещения С. С. Уварову он указал на интерес, проявленный императором только к двум профессорам, – к Котельникову и Скандовскому⁶.

Уже к середине 1820-х гг. для высших чиновников Министерства народного просвещения, наиболее заинтересованных профессоров и общественных деятелей стал очевиден глубокий кадровый кризис, поразивший российские университеты. Об этом свидетельствуют многочисленные проекты реформирования университетов, в которых кадровому вопросу уделялось большое внимание⁷. Кризис коснулся всех университетов и имел сложную структуру: имелись хронически пустующие кафедры (например, по русскому праву); было распространено совместительство; преобладали престарелые и «доморощенные» профессора, преподавание которых не соответствовало уровню быстро развивающихся в первой половине XIX в. наук; низкое жалованье, размер которого был зафиксирован еще довоенным уставом

⁵ Костин А. А., Костина Т. В. Эверсман Эдуард (Федор) Александрович // Иностранные профессора Российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.) Биографический словарь / под общ. ред. А. Ю. Андреева; сост. А. М. Фефанов. М., 2007. С. 192–195

⁶ Долгов Е. Б. Император Николай I в Казани в 1836 г. // Эхо веков. 2006. № 1. С. 241

⁷ См., например, Петров Ф. А. Формирование системы высшего образования в России. Т. 3. Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М., 2003.

1804 г., способствовало оттоку претендентов на кафедры в службу по другим ведомствам.

Кадровая политика стала одним из важных направлений деятельности Комитета по устройству учебных заведений, что ранее почти не обращало на себя внимания исследователей. Большой управленческий опыт членов упомянутого комитета способствовал появлению трех важных институтов поиска и подготовки кадров. Князь К. А. Ливен и С. С. Уваров курировали Профессорский институт в Дерпте, давший университетам наибольшее количество новых профессоров; М. М. Сперанский организовал подготовку правоведов при II отделении Е. И.В. канцелярии; барон С. Г. Строганов выискивал и поддерживал своим влиянием молодых людей в России, способных к написанию докторской диссертации. Все подготовленные профессоранты должны были сдать экзамен, написать и защитить диссертацию на степень доктора и занять кафедру в одном из российских университетов. Для этого была разработана специальная облегченная и сокращенная по срокам процедура, по сравнению с существовавшим на тот момент законодательством и практикой его применения.

После окончания обучения за границей стипендиаты были распределены по четырем русским университетам: Петербургскому, Московскому, Харьковскому и Казанскому, причем, как впервые было установлено в результате специального исследования, из упомянутых университетов была уволена «по реформе» треть профессоров и адъюнктов. Сокращение было проведено в 1835–1837 гг. при введении в действие Университетского устава 1835 г.⁸ Прибывший в Казань Николай I находился там непосредственно в период проведения реформы.

Из всех попечителей учебных округов Мусин-Пушкин оказал наибольшее сопротивление Министерству в стремлении последнего провести увольнение. Сначала он пытался сохранить почти всех профессоров и адъюнктов при местах, да еще и с повышением. Не обращая внимания на министерские предписания, попечитель развернул борьбу крючкотворства. Он писал: ординарных профессоров предназначается в Казанский университет 33, экстраординарных 4. Рядом с такими его заявлениями чиновник канцелярии министра выводил ка-

⁸ Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–37 гг. // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т. Н. Жуковская, отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-история, 2012. С. 234–242

рандашом: «по штату ординарных профессоров 26, экстраординарных профессоров занимающих кафедры 13⁹. Вероятно, Мусин-Пушкин понимал, что удерживать и морально поддерживать первоклассных профессоров в провинциальном, отдаленном от других научных центров университете будет не так просто. Так, в январе 1836 г. из Казанского университета, воспользовавшись личными связями, уже «сбежал» в Московский университет выпускник Дерптского профессорского института медик Г. И. Сокольский. Такая позиция попечителя, однако, не помешала Министерству настоять на проведении увольнений, в результате которого «по реформе» университет покинули 10 из 30 профессоров и адъюнктов.

Описанный казанский эпизод не только зафиксировал интересный момент последовательно проводимой Комитетом по устройству учебных заведений кадровой реформы российских университетов – этап, когда в университеты начали прибывать профессора, прошедшие особую подготовку при Профессорском институте в Дерпте, при II отделении Е. И. В. канцелярии и за границей. Он вскрывает даже акцент, который делался на Берлинский университет при переговорах с Николаем I об отправлении за границу профессорантов. Стажировки пришлось на период, когда в связи с революционными событиями 1830 года в Западной Европе подданным Российской Империи, находящимся за границей, рекомендовано было вернуться на родину. Вместе с тем, он наглядно демонстрирует личную вовлеченность Николая I в процесс кадрового реформирования университетов Российской империи в середине 1830-х гг.

«ЛОЖНАЯ ЕВРОПА»: ОБРАЗ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ (1912–1914 гг.)

Б. С. Котов
(ИВИ РАН)

В данном докладе на основе изучения наиболее влиятельных либеральных и консервативных газет и журналов России кануна Первой мировой войны будет проанализирован образ Австро-Венгрии в восприятии российского общественного мнения и его роль в российском политическом дискурсе того времени. Поскольку Австро-Венгрия являлась великой европейской державой, одним из главных соседей России на западе, эту роль невозможно понять без учета отношения российского общества к концептам «Европа» и «Запад». Как верно указывает социолог Л. Д. Гудков, «Европа» на протяжении не одного века являлась важнейшим компонентом национальной идентификации русских. «Европа» представляла собой внутреннюю инстанцию самоотождествления русских, конфигурацию представлений “о себе” глазами авторитетного и значимого “Другого”¹. При этом для российского общественного сознания характерно противоречивое, неоднозначное восприятие Запада. Фактически в России существовали и продолжают существовать множество образов Запада – Запад как партнер и как противник, как носитель определенных ценностей, институтов и культурных норм и как образец привлекательных стандартов жизни. В этой парадигме Запад предстает одновременно и устрашающим, и притягательным.

Вся амбивалентность восприятия Запада в России проявляется в концептуальной антитезе «истинной» и «ложной» Европы, которая впервые была описана норвежским специалистом по международным отношениям И. Нойманном в книге «Россия и идея Европы»² и подробно разработана петербургским исследователем В. Е. Морозовым в

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 183. Л. 5 об.

¹ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 125.

² Neumann I. B. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London, New York, 1996.

монографии «Россия и Другие»³. По мнению Нойманна и Морозова, оппозиция «истинной» и «ложной» Европы свойственна российскому политическому дискурсу на протяжении нескольких веков и является базовой при определении роли и места России в мире. В рамках данной конструкции некоторые европейские страны, политические силы и институты, в силу тех или иных обстоятельств враждебные России, трактуются как утратившие истинно европейские ценности, порвавшие с истинно европейскими традициями, одним словом – не вполне европейские. Россия же оказывается в роли защитника подлинно европейских ценностей, которые находятся под угрозой.

В основе дихотомического противопоставления «истинной» и «ложной» Европы лежит стремление утвердить статус России как настоящей европейской державы. В условиях, когда ее европейская идентичность упорно подвергается сомнению на Западе, данная концепция позволяет установить отношения эквивалентности между Россией и Европой, добиться признания России неотъемлемой частью европейского сообщества наций путем исключения из него всех элементов, враждебных России и отрицающих ее принадлежность к европейской цивилизации. Несмотря на то, что в российском политическом пространстве существуют альтернативные дискурсы, выстраивающие другие отношения между ключевыми означающими «Россия» и «Европа» (напр., евразийство), постулат о принадлежности России к европейской цивилизации доминирует как в российском общественном сознании, так и в риторике российской власти.

На наш взгляд, концепция «истинной» и «ложной» Европы позволяет лучше понять образ Австро-Венгрии, создаваемый российской прессой в преддверии мирового вооруженного конфликта 1914 г. В российском общественном сознании того времени империя Габсбургов явно выступала в роли «ложной» Европы: она воспринималась как политический субъект, который противостоит Европе, попирает основные европейские нормы и ценности и проводит политику, направленную против европейских интересов. Во время Балканских войн 1912–1913 гг. в российской прессе преобладала точка зрения, что все европейские державы, вне зависимости от блоков, едины в своем стремлении сохранить мир, и только Австро-Венгрия готова превратить разгорающийся балканский пожар в общеевропейское побоище. Разочарованные неудачными попытками европейской дипломатии

³ Морозов В. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009.

предотвратить военное столкновение между Турцией и ее противниками, газеты и журналы России создавали образ «недальновидной», «растерянной» и «беспомощной» Европы, испытывающей страх перед международными осложнениями и потому стремящейся локализовать балканский конфликт. Этой бессильной Европе, преисполненной «наивной веры в чудодейственное перерождение Оттоманской империи» после Младотурецкой революции, противопоставлялся образ энергичной, целеустремленной и наглой Австрии, готовой поставить европейский мир под угрозу ради достижения сиюминутных выгод.

Важным механизмом противопоставления Австро-Венгрии Европе являлась *ориентализация* образа этой страны через уподобление ее Османской империи или другим восточным странам. В данной связи следует отметить, что Турецкий Восток оставался одним из важнейших «конституирующих иных» для европейской системы государств на протяжении всей ее истории. Противопоставление «варварскому Востоку», отталкивание от него служило главным средством утверждения западной идентичности, формирования представлений о Европе как о едином культурно-цивилизационном пространстве⁴. Ориентализируя образ Австро-Венгрии, российская пресса, таким образом, фактически ставила под вопрос ее статус как цивилизованного государства: австрийские и венгерские порядки отождествлялись с азиатскими, что выводило империю Габсбургов за пределы понятия «Европа» и наделяло ее варварскими чертами.

В преддверии мировой войны на страницах российских газет часто проводились аналогии между тяжелым положением христианского населения в турецкой Македонии и жизнью православных русин в австрийской Галиции и прикарпатских комитатах Венгрии. Попытки релятивизировать принадлежность Австро-Венгрии к европейскому сообществу через надделение ее образа восточными чертами стали особенно заметны во время Мармарош-Сигетского судебного процесса над православными русинскими крестьянами и священником Алексеем Кабалуком. Некоторые российские издания, возмущенные вынесением обвинительного приговора русинам, вся вина которых заключалась в переходе из унии в православие, даже призывали к уста-

⁴ См.: Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

новлению «международной опеки» над Австро-Венгрией как «бывшей цивилизованной страной», не способной обеспечить элементарных гражданских прав подвластным народам.

Сходство между Австро-Венгрией и Турцией российская пресса усматривала и в отношении двух этих держав к международному праву, в их готовности отказаться от взятых на себя обязательств и нарушить любые международные соглашения и конвенции, в том случае, если их условия не устраивали венских и стамбульских политиков. По мнению российских наблюдателей, действия Австро-Венгрии, аннексировавшей Боснию и Герцеговину в нарушение Берлинского трактата 1878 г., мало чем отличались от поведения Османской империи, которая на протяжении многих лет саботировала реализацию реформ в своих балканских вилайетах, обещанных великим державам и зафиксированных в ряде международных договоров. Тем самым на страницах российских газет и журналов австрийцы представляли такими же лживыми и ненадежными партнерами, как турки, а восточное лицемерие оказывалось важной чертой образа Дунайской монархии.

Риторический прием уподобления Австро-Венгрии «варварскому» Востоку широко использовался в российской прессе в период двух Балканских войн 1912–1913 гг., в ходе которых произошел заметный рост антиавстрийских настроений в России. Австрийское давление на Сербию и Черногорию сравнивалось с натиском диких кочевников, угрожавших некогда миру и спокойствию Европы. Так либеральная газета «Русское слово» в разгар австро-сербского противостояния из-за Албании отождествляла австрийцев с гуннами, а рупор октябристской партии газета «Голос Москвы» называла Австрию «черной иезуитской ордой», призывая правительство России сделать все, чтобы Константинополь и Святая София не стали ее трофеем⁵. Иногда для того, чтобы подчеркнуть азиатский характер Австро-Венгрии, в российской прессе обыгрывалось восточное происхождение венгров, перекочевавших в Центральную Европу в IX в. с территории Южного Урала. Так, либеральная газета «Русские ведомости» называла этот народ «родней турок, пришедшей в качестве завоевателей в Европу несколькими веками раньше»⁶.

Механизм ориентализации образа Австрии облегчался тем, что на Балканах австрийцы поддерживали мусульман – турок и албанцев – в их противостоянии с православными государствами Сер-

бией, Болгарией, Грецией и Черногорией. Империя Габсбургов, традиционно позиционировавшая себя в качестве оплота христианства, а на деле поддерживавшая старый турецкий порядок на Балканах, который обрекал миллионы христиан на бесправное существование, обвинялась в коварстве и двуличии. Возмущенная вмешательством Вены в процесс перераспределения турецкого наследства на Балканах, газета «Русское слово» в ноябре 1912 г. писала, что «Австро-Венгрия готовится заступить место Турции и стать очагом заговоров и интриг против европейского мира»⁷.

Очень часто варварские черты в образе Австро-Венгрии подчеркивались во время Июльского кризиса 1914 г. Негодование российской общественности вызвали начавшиеся после убийства Франца Фердинанда сербские погромы в Боснии и Герцеговине, которые были приравнены к армянским погромам в Турции. Предъявление Сербии ультиматума с заведомо невыполнимыми требованиями, нарушавшими сербский суверенитет, было расценено прессой как дикая выходка, не имевшая аналогов в дипломатической истории Европы. Этим актом Австро-Венгрия, по мнению российских изданий, окончательно вычеркнула себя из числа цивилизованных стран. После объявления австрийским правительством войны Сербии подчеркивание «варварства» Австрии стало доминирующим приемом репрезентации образа этой страны в российских СМИ: австрийцы, начавшие карательную экспедицию против сербов, отождествлялись то с албанскими «дикарями», для которых кровная месть есть обычный инструмент разрешения конфликтов, то с азиатами-японцами, вероломно напавшими на Россию в 1904 г.

Таким образом, в преддверии мировой войны 1914 г. концепт восточного варварства стал неотъемлемой частью российского дискурса об Австро-Венгрии и одной из важнейших составляющих российской австрофобии. На наш взгляд, попытки либеральных и консервативных политических сил дореволюционной России поставить под сомнение статус Австрии как цивилизованного государства были самым тесным образом связаны с желанием интегрировать Россию в европейское сообщество через противопоставление ему ориентального «Другого» (в роли которого и выступала Австрия). Не трудно заметить, что создаваемый российской прессой ориентализированный образ этой страны был зеркальным отражением (полу)азиатского образа России, распространенного на Западе.

⁵ Русское слово. 1912. 24 нояб.; Голос Москвы. 1912. 31 окт.

⁶ Русские ведомости. 1912. 1 нояб.

⁷ Русское слово. 1912. 13 нояб.

Со страниц российских газет Австро-Венгрия подвергалась наиболее жесткой критике именно за те нелицеприятные явления политической жизни, которые западной общественностью часто ставились в вину самой России: притеснение национальных меньшинств, погромы (еврейские погромы в России – сербские погромы в Австро-Венгрии), скандальные судебные процессы, превращавшиеся в обвинения целых народов (киевский процесс над Менделем Бейлисом – Мармарош-Сигетский процесс над православными русинами). Эти явления российская пресса проецировала на «Другого» (Австрию) и уже в качестве чужого зла подвергала нещадному бичеванию. Третирование Австрии как «ложной» Европы, игнорирующей выработанные на Западе нормы международного права, готовой ввергнуть Европу в разрушительную войну и нарушающей права национальных меньшинств, позволяло утвердить статус России как истинно европейской страны, приверженной международному праву, борющейся за «интересы Европы» (под которыми подразумевалось сохранение мира на континенте) и отстаивающей права угнетаемых национальностей (т. е. православных подданных других стран). Тем самым русские претензии на «европейскость» подкреплялись через контрастное противопоставление Европе «варвара-австрийца».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЦИК И СНК РСФСР «О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

*А. С. Кочетова, к.и.н.
(РГАСПИ)*

Рубеж 1928–1929 гг. является переломным в государственно-конфессиональных отношениях. Это было связано с изменением и ужесточением самого курса религиозной политики советского государства. Его определил и общий курс ЦК ВКП(б), направленный на свертывание НЭПа, насильственную коллективизацию и обострение классовых отношений в городе и деревне¹. 1929 г. – начало периода «воинствующего безбожия» и войны с религией. Государство пыталось крайне радикальными мерами решить проблему религиозного вопроса.

Однако, несмотря на активное проведение антирелигиозной политики, направленной на полное уничтожение религиозных пережитков, правящие круги понимали, что за короткий срок изжить в умах людей религиозное мировоззрение не удастся. В условиях хозяйственного строительства, нуждавшегося в поддержке населения, прежде всего сельского, в большинстве своем верующего, стало определенно ясно, что у власти нет иного пути как путь «мирного сосуществования» с религиозными общинами как частью советского общества.

Задачи, стоявшие перед страной, диктовали необходимость не только выстраивания новых государственно-конфессиональных отношений, но и их регулирования, которое, бесспорно, могло быть только при наличии соответствующего законодательства. Именно поэтому параллельно с усилением антирелигиозной работы и «чеканки» партийных директив разрабатывался проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях»². Оно явилось рас-

¹ Шкаровский М. В. Русская православная Церковь в XX. М.: Вече, Лента, 2010. С. 118.

² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. // Васильева О. Ю. Русская православная церковь

шифровкой, продолжением и углублением Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Согласно исследованию А. Г. Далгатова, разработка постановления ВЦИК и СНК РСФСР началась в 1927 г.³ Однако М. И. Одинцов придерживается иного мнения. Он считает, что в 1927 г. были первые попытки создания уже союзного законодательства, и это далеко не проект постановления «О религиозных объединениях». Среди материалов Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) М. И. Одинцову удалось обнаружить проект «Положения о культах и культовом имуществе», состоящем из 33 пунктов⁴. В нем было уделено внимание порядку организации групп верующих и их правам, правилам пользования культовыми зданиями и имуществом, проведению религиозных шествий и обрядов и т. п. В целом проект не вносил ничего нового, а лишь повторял Декрет от 23 января 1918 г. Однако следует отметить, что в некоторых пунктах он ужесточал меры по отношению церкви. Так, например, в нем исключалась возможность религиозного обучения частным образом. Кроме того, разрешалось существование лишь такой формы объединения как группа верующих, следовательно, стремились ввести запрет на существование религиозных и церковных обществ. Но НКВД признал ненужность проекта «Положения о культах и культовом имуществе», так как он «не вносит чего-либо нового в основной закон от 23 января 1918 г. (Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» – А. К.) и не выявляет каких-либо особых положений, требующих своего разрешения в законодательном порядке»⁵.

В конечном итоге от создания общесоюзного законодательства на время отказались. Вместо этого был разработан проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Самый ранний проект, найденный нами, датирован 30 ноября 1928 г. Он и

и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Библейско-богословский институт Святого Апостола Андрея, 1996. С. 250–261.

³ Далгатов А. Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям: октябрь 1917-конец 1930 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб, 2004. С. 462–464.

⁴ Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от контрреволюции к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // Перестройка: гласность, демократия, социализм. На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 39.

⁵ Там же.

был представлен П. Г. Смидовичем на заседании Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) (далее АРК) 2 февраля 1929 г. Однако его обсуждение было решено перенести на следующее заседание, а проект был разослан всем членам АРК для ознакомления⁶. В результате на заседании 2 марта 1929 г., где, ввиду отсутствия Е. М. Ярославского, председательствовал П. Г. Смидович, было решено «поручить Смидовичу внести проект во ВЦИК на предмет утверждения» с определенными поправками⁷.

25 марта проект постановления «О религиозных объединениях» был одобрен фракцией ВКП(б) Президиума ВЦИК. Окончательная же его редакция поручалась комиссии в составе П. А. Красикова, П. Г. Смидовича и Галкина. Для завершения данной работы ей отводился недельный срок⁸.

После всех вышеназванных процедур 8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК принял решение (путем открытого опроса членов Президиума) утвердить проект постановления. Все поправки (всего их 23), вносимые на протяжении разработки проекта, были вынесены на обсуждение и одобрены, в том числе и те, которые ранее приняли Антирелигиозная комиссия.

В соответствии с принятым постановлением государство признавало существование религиозных объединений в количестве не менее 20 человек, достигших 18-летнего возраста. Каждое объединение обязано было зарегистрироваться в административном отделе местного исполкома или горсовета⁹. Только зарегистрированное объединение имело право получить в бесплатное пользование «специальное молитвенное здание» и «предметы, предназначенные для культовых целей». Религиозное объединение обязано было избирать свой исполнительный орган. Регистрирующие же органы имели «право отвода» его состава.

⁶ Протокол №108 заседания Антирелигиозных комиссий ЦК ВКП(б) от 2 февраля 1929 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 28.

⁷ Протокол №109 заседания Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) от 2 марта 1929 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 30.

⁸ Выписка из протокола №71/с Фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК от 25 марта 1929 г. // ГАРФ Ф. 1235. Оп. 141. Д. 6. Л. 10.

⁹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. // Васильева О. Ю. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Библейско-богословский институт Святого Апостола Андрея, 1996. С. 250–261.

Согласно постановлению, религиозные объединения (общество и группа) «не пользовались правом юридического лица». Следует отметить, что изначально в проекте это положение прописано не было. Данное изменение было внесено после обсуждения проекта на заседании Антирелигиозной комиссией¹⁰ и одобрено Президиумом ВЦИК¹¹. Документ содержал все запреты, налагавшиеся на религиозные объединения. В частности, запрещалось организовывать любые специальные религиозные собрания, устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни. Многие запреты были внесены после обсуждения. Так, если в проекте религиозным объединениям запрещалось «создавать кассы взаимопомощи»¹², то после обсуждения на заседании Президиума ВЦИК им запрещалось создавать также «кооперативы, производственные объединения». Кроме этого, религиозные объединения не имели права «пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей», «организовывать санитарную и лечебную помощь»¹³.

Следует подчеркнуть также, что из проекта были вычеркнуты два пункта, напрямую касавшиеся внутренней религиозной жизни. Так, исчезло положение о возможности, на основе особых разрешений, «сбора добровольных пожертвований среди не членов религиозного объединения». Из проекта был исключен и тезис, согласно которому «постановления религиозных съездов, постановления и предложения исполнительных органов этих съездов не могут иметь обязательного характера»¹⁴. Подобная редакция сводила на нет важность религиозных съездов в контексте государственно-конфессиональных отношений.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», было опубликовано в Сборнике узаконений и распоряжений РСФСР, а также в «Известиях». После его принятия и публикации появилось большое количество заявлений и пожеланий местных ор-

ганов власти и ячеек СВБ об изменении данного законодательства в сторону еще большего усиления ограничения деятельности религиозных объединений¹⁵. Так, СВБ требовал ввести арендную плату за пользование культовыми зданиями, административный отдел Леноблисполкома выступил за сокращение срока обжалования решений местных органов власти по поводу закрытия культовых зданий с одного месяца до семи суток, предоставление административным органам права ликвидировать церковные библиотеки. Местные органы власти настаивали на запрете молитвенных собраний вне стен церковных зданий, строительства новых зданий культа, съездов религиозных объединений, ограничении перемещения епископата. Тем самым стремились ограничить деятельность епархиальных учреждений¹⁶.

22 февраля 1930 г. на заседании Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК было принято решение признать «необходимым разработать новое Положение о религиозных объединениях». При этом она сама должна была разработать и его проект и инструкцию к нему¹⁷. Но на заседании 26 февраля 1930 г. обсуждение вопроса было отложено¹⁸.

В это же время появился проект, разработанный «Союзом воинствующих безбожников», который 4 апреля 1930 г. приобрел статус проекта постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Положения о религиозных объединениях» в качестве дополнения к Декрету СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹⁹. Согласно данному документу, все религиозные объединения должны были зарегистрироваться в течение года после принятия данного акта. В противном случае они считались ликвидированными. Народные комиссариаты обязаны были в «месячный срок отменить все свои инструкции, циркуляры, распоряжения и разъяснения, противоречащие данному Положению». НКВД поручалось разработать

¹⁰ Протокол №109 заседания Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) от 2 марта 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 30.

¹¹ Выписка из протокола №105 Президиума ВЦИК от 8 апреля 1929 г. // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 6. Л. 25–26.

¹² Проект Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 30 октября 1928 г. // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 6. Л. 1–9.

¹³ Выписка из протокола №105 Президиума ВЦИК от 8 апреля 1929 г. // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 6. Л. 25–26.

¹⁴ Проект Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 30 октября 1928 г. // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 6. Л. 1–9.

¹⁵ Далгатова А. Г. Указ. соч. С. 464.

¹⁶ Там же. С. 465.

¹⁷ Выписка из Протокола №41 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 22 февраля 1930 г. // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 141. Д. 6. Л. 31

¹⁸ Протокол №8 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 26 февраля 1930 г. // ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

¹⁹ Проект Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Положения о религиозных объединениях» от 4 апреля 1930 г. // ГАРФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 20. Л. 75.

инструкцию по его применению. Заметим, не Комиссии по вопросам религиозных культов, а именно НКВД. Это еще раз подтверждает отношение СВБ и его председателя Е. М. Ярославского к Комиссии по вопросам религиозных культов и ее деятельности. И, наконец, согласно новому положению, отменялись также шедшие вразрез все постановления и циркуляры ВЦИК, среди них и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г.²⁰

Однако заметим, проект нового Положения о религиозных объединениях так и не стал законом. Работа в этом направлении вскоре была приостановлена²¹. Почему так произошло – отечественной историографии не удалось установить.

Стоит отметить, что в 1932 г. по просьбе Главного управления милиции и уголовного розыска при СНК РСФСР в Комиссии поднимался вопрос об изменении «действующего законодательства о религиозных объединениях», но лишь на возможный период военного времени. Начальник ГУ РКМ Усов обратился с просьбой сообщить – «намечено ли изменение закона» на военное время и «в какой мере предполагается участие РК милиции в регулировании этого вопроса»²². Было решено его проработку Воробьеву и Полянскому, а также представителям Наркомата юстиции и военно-морского флота²³. Однако в дальнейшем этот вопрос больше не обсуждался.

Таким образом, Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» по-прежнему оставалось основой религиозного законодательства и, несмотря на вносимые указами Президиума Верховного Совета в него поправки, оно продолжало действовать до 1990 г.²⁴

²⁰ Проект Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Положения о религиозных объединениях» // ГАРФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 20. Л. 75.

²¹ Протокол №9 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 6 апреля 1930 г. // ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

²² Докладная записка начальника ГУ РКМ при СНК РСФСР Усова Смидовичу П. Г. от 9 февраля 1932 г. // ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 13. Л. 50.

²³ Протокол №1 заседания Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК от 19 февраля 1932 г. // ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.

²⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных культах» от 8 апреля 1929 г. // Законодательство о религиозных культах / Под ред. Куроедова В. А. / Сборник материалов и документов. М: Юридическая литература, 1971. С. 83–97.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РАБОЧИХ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ ТУЛЬСКОГО ПАТРОННОГО ЗАВОДА)

Е. И. Краюшкина
(ТГПУ им. Л. Н. Толстого)

Модернизация промышленности Российской империи, активно проходившая на рубеже XIX–XX веков, повлекла за собой значительные качественные изменения социальных отношений между рабочими и предпринимателями. Одним из важных аспектов социально-экономического развития Российской империи этого периода стало постепенное введение обязательного социального страхования рабочих на предприятиях, что явилось значимым этапом в развитии социального и трудового законодательства страны.

В советской историографии дореволюционная система социального обеспечения рабочих на предприятиях рассматривалась исключительно в рамках классовой борьбы и признавалась неспособной удовлетворить реальные потребности рабочих¹. Между тем, большинство современных авторов считают, что введение социального страхования на предприятиях в 1903–1912 гг. явилось важным шагом на пути повышения материальной защищенности рабочих и качественного изменения социальных отношений на производстве².

¹ См.: Краткая история рабочего движения в России (1861–1917 гг.). М., Госполитиздат, 1962; Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М. «Наука», 1982; *Лаврычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., «Мысль», 1972; *Шельмагин И. И.* Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., Госполитиздат, 1952.

² См. например: *Ашмарина С. В., Бородкин Л. И.* Травматизм и страхование горнозаводских рабочих в России в начале XX в.: количественный анализ // Экономическая история. Обозрение. Вып. 9 / Под ред. Л. И. Бородкина. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 44–59; *Бельшев И. С.* Страхование фабрично-заводских рабочих и служащих России: 1912 – февраль 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004; *Герасюнина Ю. Н.* Страхование рабочих от несчастных случаев в России в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006; *Морозов А. В.* Больничные кассы и страхование рабочих в Казанской губернии 1912–1919: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000.

В данной статье предпринята попытка проследить эволюцию системы социального страхования рабочих, сложившейся в 1903–1912 гг., и ее реализацию на примере акционерного общества Тульских Меднопрокатных и Патронных заводов (современного Тульского патронного завода). Завод начал работу в 1881 г. и являлся одним из крупнейших предприятий губернии.

Одним из первых мероприятий заводской администрации на пути введения мер социального обеспечения рабочих на предприятии явилось создание в 1885 году Общества вспомоществования при Тульских меднопрокатных и патронных заводах³. Денежный фонд общества образовывался из добровольных пожертвований членов общества и владельца предприятия. Рабочим и членам их семей оказывались единовременные и долговременные пособия в случае тяжелого материального положения, выдавались денежные займы, оказывалась врачебная помощь. В 1900 г. на общих собраниях членов общества впервые прозвучали предложения по организации кассы взаимопомощи на случай смерти рабочих, служащих и их близких родственников, открытию яслей для детей рабочих и библиотеки; несколько позже была открыта начальная школа, заводская лавка, пекарня и столовая⁴. В период Первой мировой войны общество выдавало пособия семьям рабочих, призванных на войну⁵. Несмотря на определенные финансовые трудности в 1897–1899 гг., связанные с выходом многих членов из состава общества уменьшением размера денежного фонда, общество просуществовало вплоть до 30 мая 1917 г., когда собранием ликвидационной комиссии было постановлено ликвидировать дела общества и передать его в руки рабочих⁶.

Еще одним важным источником финансирования социальных пособий рабочим являлись заводской и общеимперский штрафные капиталы. После принятия 3 июня 1886 г. законодательных норм, ограничивавших статьи расхода штрафного капитала на фабриках⁷,

³ Протоколы общего собрания членов общества вспомоществования при Тульском патронном заводе. 1885–1917 // Государственный архив Тульской области. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 22, 40, 55.

⁵ Там же. Л. 100.

⁶ Там же. Л. 109.

⁷ Ст. 39 Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленно-сти и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих. ПСЗ РИ 1886. Т. VI. №3769.

эти средства могли быть направлены исключительно на выдачу единовременных пособий рабочим, потерявшим навсегда способность к труду и в период временной нетрудоспособности в связи с болезнью или несчастным случаем на производстве, пособий по беременности и родам, в случае болезни или смерти членов семьи рабочего, утраты или порчи имущества от пожара и т. д. Существовал и общеимперский штрафной капитал, средства которого формировались из штрафных капиталов закрывшихся заводов и также направлялись на нужды рабочих. Рабочие Тульского патронного завода активно пользовались пособиями как из общеимперского, так и заводского штрафных капиталов⁸. Тем не менее, зачастую имело место значительное уменьшение суммы пособия от изначально запрашиваемого (иногда более чем в 2 раза), что, вероятно, было вызвано опасением возможной недостаточности средств фондов для последующих выплат.

С принятием законодательных актов 1903–1912 гг.⁹ система социального обеспечения рабочих на предприятиях стала более упорядоченной. Было введено обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве за счет предпринимателя; на предприятиях учреждались больничные кассы, бравшие на себя выплаты рабочим в случае болезни, родов и смерти их или членов семьи. Впервые был введен принцип обязательности выплат пособий, установлена более детальная регламентация правил оказания врачебной помощи и т. д. Однако в процессе реализации законов на местах возникали сложности. В частности, на Тульском Патронном заводе была общепринятой практика замены ежемесячных пенсий вечным рабочим единовременным вознаграждением, в результате чего они получали

⁸ Переписка с Харьковской фабричной инспекцией по выдаче пособий из общеимперского капитала за 1906 г. // ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 105. Л. 9–14; Переписка с владельцами промышленных предприятий Тульской области о выдаче рабочим пособий из сумм штрафного капитала. 1907 // ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 111. Л. 20–46, 100, 139; Переписка о несчастных случаях с рабочими. 1912 // ГАТО. Ф. 89. Оп. 1. Д. 160. Л. 20, 53, 56, 67, 76, 87, 90, 116, 130.

⁹ Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной, горнозаводской промышленности». ПСЗ РИ. Собрание третье. Том XXIII. №23060; Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «О страховании рабочих от несчастных случаев»; Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. закон «Об обеспечении рабочих на случай болезни // Устав о промышленности. Свод законов Российской империи. Том XI, часть II.

меньше, чем могли бы¹⁰. Зачастую заводские врачи занижали степень утраты трудоспособности рабочих вследствие произошедших с ними несчастных случаев, а также отказывались признавать профессиональные заболевания (грыжи и т. д.) возникшими вследствие работ на предприятии. Конфликты рабочих и администрации по поводу выдачи пособий перерастали в многолетние судебные разбирательства¹¹.

Таким образом, в процессе модернизации и индустриализации на рубеже веков, приведших к нарастанию социальной напряженности на промышленных предприятиях особую значимость приобретал механизм разрешения конфликтов между рабочими и владельцами предприятий. Зачастую их причинами являлись вопросы охраны труда на заводах и фабриках. В условиях отсутствия системного законодательного регулирования социального обеспечения на местах складывалась система помощи рабочим, на основе которой впоследствии была образована система обязательного социального страхования рабочих.

¹⁰ Расписки рабочих за получение единовременных вознаграждений за увечье // ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 3. Л. 1–17.

¹¹ Дело по искам рабочих к обществу о выдаче пособий за увечья // ГАТО. Ф. 92. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–487.

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ТЕРРИТОРИИ СССР И ПОДХОДЫ К ЕЕ РЕШЕНИЮ: АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ, НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЗАЦИЯ (1918–1991 гг.)

*В. Н. Круглов, к.и.н.
(ИРИ РАН)*

Рациональное устройство территории страны – одна из тех тем новейшей истории России, которые сохраняют свою актуальность уже без малого столетие. Масштабность территории всегда была причиной многочисленных сложностей в управлении страной. Каждый политический режим должен был формулировать свое видение решения данной проблемы.

Ее важность определяется тем, что фактически посредством административно-территориального устройства и осуществляется управление страной. От степени его совершенства напрямую зависит эффективность действий центральной и местных властей, успешность претворения в жизнь поставленных перед ними задач. Для советского периода отечественной истории, неотъемлемой характеристикой которого является плановый порядок управления экономикой и многими другими сферами жизни, решение проблемы территориальной организации имело особое, по сути – определяющее значение.

Устройство Российской империи по ряду причин оказалось неприемлемым для новой власти с ее революционными идеями. Практически сразу был поставлен вопрос о коренном изменении административно-территориального деления. Однако преобразования 1920-х гг. (районирование) стали лишь первым шагом в этом направлении. Фактически на протяжении первых десятилетий советской власти происходила постоянная корректировка территориального устройства страны. Причем ни один из выделяемых подходов – административное деление, экономическое районирование, национальная автономизация – не был единственным, имело место их сочетание в различных формах.

Первый подход предполагал образование административно-территориальных единиц исходя из потребностей управления обшир-

ной территорией страны, а также политических задач. Второй заключался в оформлении территорий для достижения целей экономической политики. Третий занимал особое место в проводимой региональной политике: он служил цели осуществления одного из важных пунктов программы правящей партии, способствуя одновременно укреплению и поддержанию ее господствующего положения.

Историю территориальной организации обширного пространства советского государства можно разделить на несколько этапов – весьма неравных по временной протяженности. Если до середины 1950-х гг. предпринимались активные действия на указанном направлении (создание новых единиц, преобразование, дробление или упразднение старых), то затем наступил период фактической консервации сложившегося к тому моменту устройства. Новое руководство страны, по сути, отказалось от каких-либо серьезных действий, вследствие чего окончательно проблема создания оптимальной территориальной структуры решена не была. Вместо этого сложилась дробная, неоднородная и весьма громоздкая структура административно-территориального деления, с количеством единиц, значительно превышавшим возможности центральных управленческих структур. Это привело к нарастанию внутренних противоречий. В конце 1980-х гг., в условиях гласности и либерализации политического режима, противоречия вышли наружу, став одним из важнейших катализаторов разрушительных сепаратистских процессов, которые, в свою очередь, привели к распаду СССР.

Причиной такого исхода автору видится то, что большевики пришли к власти, не имея сформулированного позитивного плана преобразования административно-территориального устройства страны. Поэтому их политика носила ситуативный характер, будучи направлена, прежде всего, на упрочение своего положения, контроль над обширной территорией с не вполне лояльным населением. Однако, несмотря на выработку в начале 1920-х гг. амбициозной программы районирования, фактически ситуативность как основа действий советского руководства в сфере АДТ сохранилась. Подходы к организации территории страны изменялись со сменой направления политического и экономического развития, причем, как правило, достаточно радикально, с серьезными последствиями для структур управления, как в центре, так и на местах. Можно даже предположить, что руководство страны и не испытывало потребности в четко определенных программах по части регионального управления, предпочитая стратегическим действиям тактические.

В этом видится причина того, что, по мнению специалистов, большинство единиц высшего звена – области, края – фактически сохранились со времен Российской империи, либо возродились в близком к историческому виде, с прежними центрами. Далеко не все из созданных в советский период новых административно-территориальных единиц смогли сохраниться на карте РСФСР. И главной новацией следует признать не их, а многочисленные национально-территориальные образования: автономные республики, области, округа.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ В МОСКВЕ В 1920–1930-е гг.

*Е. Н. Крякин
(ГУУ)*

Вопрос политической миграции в России всегда имел особую историческую значимость. Эмиграционные волны XX века, отток трудоспособного населения, представителей художественной интеллигенции, по политическим либо экономическим причинам, зачастую способствовал созданию негативного образа России на Западе. В противовес этому Россия по возможности вела политику протектората политическим иммигрантам, приезжающим к нам из-за рубежа.

Особенно ощутимым был приток мигрантов после становления в России советской власти в октябре 1917 года и по окончании гражданской войны. Рабочие, а также политические деятели разных стран были заинтересованы призывами советской власти к осуществлению марксистских идей и созданию государства равенства и справедливости. Многие ехали в Советскую Россию по искренним убеждениям, в поисках новой жизни, иные иммигрировали, опасаясь преследований в своих странах по их политическими либо даже уголовным мотивам.

Чаще всего иммигранты выбирали своим новым местом жизни столицу – центр сосредоточения общественно-политической жизни страны. В Москву ехали мигранты, испытывавшие желание продолжать активную позицию, быть в центре событий. Для того, чтобы прибывшие коммунисты были включены в строительство нового государства, в СССР были созданы специальные организации, например, Интернациональный клуб политических эмигрантов им. Загорского, действовавший под руководством Московского Комитета ВКП(б); также вопросом интеграции политических эмигрантов в социокультурную жизнь страны занимался отдел Национальных меньшинств при МК партии. На международной арене поддержкой революционерам занималась Международная организация помощи борцам революции (МОПР), имевшая помимо СССР отделения еще в 20 странах. В ведении МОПР СССР до середины 1930-х гг. находилась выдача советских виз. Государственные органы и организации, занимающиеся вопросами мигрантов, видели ситуацию следующим образом: «...уси-

лившаяся в буржуазных странах реакция с каждым днем увеличивает число политэмигрантов, которые вследствие преследования со стороны властей вынуждены бежать в Советскую Россию – единственное пока убежище революционных и политических преступников»¹. В силу сложности втягивания в новые условия быта, зачастую незнания не только русской культуры, но и языка, участие мигрантов в общественно-политической жизни России было ограниченным.

В 1923 г. в Москве насчитывалось примерно 2000 мигрантов из разных стран мира: Германии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Польши, США, Югославии, Греции, Италии, Турции, Франции². Для молодой Советской республики, непризнанной еще многими странами, это была весомая цифра. Среди мигрантов было большое количество коммунистов, участвовавших в революционных событиях и деятельности заграничных коммунистических партий. Например, основная часть оказавшихся в тот момент в Москве венгров состояла из участников венгерской революции, в их числе был и лидер революции Бела Кун, бежавший после поражения Венгерской советской республики.

Другим путем попадания в СССР было направление от Центрального Комитета коммунистических партий других стран. В 1922 г. ЦК Компартии Италии отослал в Москву итальянского коммуниста Данте Карнелия для прохождения учебы в Институте Красной Профессуры. Как указывалось в сопроводительном письме от кого: «...22 апреля 1922 года Карнелий в конфликте с фашистами убил их коменданта»³. Проявив себя в революционной деятельности, он был отправлен в СССР во избежание расправы над ним.

Оказавшись в новой для себя среде, далеко не все мигранты успешно влились в новые культурные и политические реалии, на многих негативно сказалась изоляция от участия в политической жизни, к которой они привыкли у себя на родине: «...лишенные возможности участвовать в политической жизни России вследствие незнания русского языка, они подвержены опасности деморализации и разложения. Зарегистрированы случаи самоубийства и сумасшествия. Масса прибывает сюда с высокоморальным настроением, но под влиянием целого ряда факторов впадает в разочарование и обывательщину,

¹ Материалы по делам политэмигрантов при ЦКМОПР. Докладная записка. 1925 г. // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 196. Л. 11.

² Там же Л. 9.

³ Отдел по делам национальных меньшинств при МК РКП(б). Итальянская группа. // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 185. Л. 11.

живет сплетнями»⁴. В этих условиях с 1923 г. в Москве началась работа по развитию политической жизни мигрантов, «забота ложится на Центральный Комитет по средствам устройства клубов, экскурсий, бесед»⁵. Особое место отводилось их общению с рабочими, демонстрации «реальной» жизни в СССР: «...каждая проведенная экскурсия много разъясняет мигранту, здесь на заводе он в конкретной обстановке, встречаясь с самими строителями советского хозяйства, знакомится с условиями социалистического строительства»⁶.

Вновь прибывшие мигранты объединялись в национальные группы, численность которых доходила до 300 человек, затем в национальные клубы. При клубах действовали ленинские и марксистские кружки, читались лекции, выступали с докладами, проводились курсы. Для этой работы были привлечены квалифицированные преподаватели Института Красной Профессуры.

Были случаи, когда мигранты не селились в Москве, а предпочитали сельскую местность. Село выбирали мигранты, приезжающие в Советский Союз группами, с целью создания этнических трудовых поселений-коммун. В начале января 1925 года в Подольском уезде Московской губернии, в 40 верстах от Москвы, была организована трудовая коммуна американских евреев «Герольд». Им в пользование было предоставлено 4 колхоза с имуществом: колхозы «Ася», «Барыбино», «Уварово» и «Денисово». Первоначально в коммуне состояло 37 семей, всего 70 едоков, из них 18 женщин и 20 детей от 3 до 16 лет. Переселенцами были этническими евреями, гражданами США и Канады⁷.

Среди въезжавших в СССР в 1920-х гг. граждан других стран были представители разных социальных групп, носители различных профессий. Мигранты имели различный уровень достатка и образования, неоднородным было их вероисповедание, национальность и возраст. Однако подавляющее большинство иммигрантов оказалась в Советском Союзе по политическим мотивам. Для многих эта была не экономическая необходимость, а искренняя идейная убежденность, на-

дежда на возможность жить в государстве всеобщей справедливости. В 1920-е гг. молодая Советская республика давала такую надежду. Период конца 1920-х гг. для части въехавших в страну стал переломным моментом. Основной поток мигрантов в СССР прекратился в конце 1920-х гг. в связи с изменением политических условий в стране. Многие мигранты уехали из СССР к началу 1930-х, но многие специалисты продолжали успешно работать в СССР в период индустриализации: трудились на производстве, строили первую линию московского метрополитена.

В конце 1930-х гг. большое число мигрантов, живших в Москве, не избежало политических репрессий. Но при этом они внесли большой вклад в развитие страны, сыграли значительную роль в жизни советского общества и Москвы также в 1920–1930-х гг.

⁴ Материалы по делам политэмигрантов при ЦКМОПР. Докладная записка. 1925 г. // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 196. Л. 12.

⁵ Там же.

⁶ Доклад о коммуне «Герольд». 1925 г. // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 269 Л. 82.

⁷ Доклад о коммуне «Герольд». 1925 г. // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 269 Л. 82.

ПРОБЛЕМА ВИТАЛИЗМА И МЕХАНИЦИЗМА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА САМЮЭЛЯ БАТЛЕРА

А. Ф. Кулясова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Атмосфера индустриальной Англии XIX века была полна противоречий: бурный экономический рост порождал всеобщую нищету, городской образ жизни конфликтовал с деревенским, декларированная нравственность обнажала повсеместный духовный голод и деградацию. Индустриализация, то есть внедрение машин в повседневную практику миллионов людей, также дала новый импульс противостоянию между витализмом и механицизмом. Следует напомнить, что сторонники витализма рассматривали жизнь как проявление некоей нематериальной силы («души», «энтелехии» и пр.), сторонники же механицизма считали, что механическая форма движения является единственно реальной, и именно она привела к появлению жизни на планете.

Отношения между механикой и жизнью стали центральной проблемой в трудах одного из критиков Викторианского общества Самюэля Батлера (1825–1902). Батлер был эссеистом и писателем, чей роман «Едгин» (1872)¹ предрекал крах британской веры в бесконечный прогресс.

Времена луддитов (1811–15 гг.), громивших ненавистные им машины как порождение зла, прошли. Их протест был инстинктивным, основанным на страхе быть ненужными системе. В искусстве попыткой осмыслить новые «механические» реалии стал, например, роман «Франкенштейн, или современный Прометей» (1818) Мэри Шелли о монстре, порожденном человеческим разумом. Батлер же был одним из первых, кто увидел в механизации процесс, способный привести к порабощению человечества машинами, и вынес эту проблему в публичность того времени. Интересно отметить, что сам Батлер со стороны наблюдал складывающуюся в Англии систему и анализировал ее возможные угрозы – получив блестящее образование в Кэмбридже и

отказавшись от карьеры священнослужителя, он иммигрировал в Новую Зеландию и обзавелся овечьей фермой. Правда, позже все-таки вернулся на Родину.

В 1863, спустя четыре года после публикации работы Дарвина «Происхождение видов», в газете «Пресса», издававшейся в Новой Зеландии, вышла статья «Дарвин среди Машин»², подписанная именем «Целлариус». Ее настоящим автором был Самюэль Батлер. В статье Батлер, вдохновленный теорией Дарвина, сравнивал эволюцию человечества с эволюцией машин, предвещая, что однажды машины возьмут над людьми верх: «Спустя какое-то время мы обнаружим себя подавленной расой»³. В настоящее время эти идеи, впервые высказанные Батлером, активно обсуждаются сторонниками концепции *технологической сингулярности*, согласно которой однажды наступит момент, когда технический прогресс станет настолько быстрым и сложным, что окажется недоступным ни пониманию, ни, тем более, контролю человека.

Сегодня ученые и философы также обсуждают вопрос, могут ли компьютеры и роботы стать сознательными (проблема искусственного интеллекта) и взаимодействовать на естественных началах, подобно людям и другим живым существам. Батлер же в свое время утвердительно ответил на данный вопрос, считая, что машины разовьют сознание путем естественного отбора, не искусственно, так как обладают определенным уровнем автономии, которую можно считать природной.

Несмотря на воспитание (а, может, и *вопреки ему*) в семье, где несколько поколений посвятили себя служению Церкви, Батлер без сомнений разделял взгляды Дарвина на происхождение жизни. Но, хотя Дарвин и оказал значительное влияние на идеи Батлера, тот все же выработал собственную точку зрения в вопросе соотношения жизни и механики. Если для Дарвина развитие – это случайная борьба разных особей за жизнь, то для Батлера – это осознанный выбор живых существ, ставящих своей целью выжить. Там, где у Дарвина – вероятность, у Батлера – усилия какой-то части живых организмов. Мир Батлера технологичен и механистичен, но, в отличие от Дарвина, не оставляющего миру цели, Батлер привнес телеологию в развитие

¹ Butler S. Erehwon. Jonathan Crane, London, 1921.

² Butler S. Darwin among the machines. [Электронный ресурс]. 1863. URL: <http://www.peopleagainstmachines.com/Darwin%20Among%20The%20Machines.php>.

³ Butler S. Ibid.

жизни на Земле. При этом он отдавал право целеполагания не Богу, а жизненной силе внутри живых существ и между ними. Можно сделать вывод о том, что мировоззрение Батлера основано на сплаве механицизма и витализма. Человечество способно взять под контроль прогресс и предотвратить свое порабощение машинами, однако для этого придется жить в мире без машин, практически полностью их уничтожив. Картину подобного мира можно увидеть в романе Батлера 1872 года «Едгин»⁴.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СССР В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПЬЯНСТВА В 1960-х гг.¹

*А. С. Лапаева
(ЧелГУ)*

За все время существования СССР на его территории не раз проводились антиалкогольные кампании, наиболее известная из которых проводилась в рамках Перестройки, но компания, которая началась с принятием в 1958 г. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками», изучена гораздо хуже.

Алкоголизм воспринимался как пережиток прошлого, который приводит к травмам, авариям, смертям. А так же в эпоху «развернутого строительства коммунизма» пьяницы воспринимались как тормоз на пути к светлому будущему². Помимо мероприятий со стороны государственных и партийных органов в борьбу с алкоголизмом и самогонованием включались и общественные организации.

Общественные инициативы и организации появились далеко не в 1950–1960-е годы, но именно в это время, провозгласившее «единую линию на постепенную передачу многих функций, выполняемых ранее государственными органами, в ведении общественных организаций», они обрели второе дыхание³.

В борьбе с пьянством участвуют многочисленные общественные формирования, имеющие различное правовое положение, наделенные различными правами и обязанностями. Одни, например, выявляют пьяниц, находящихся в общественных местах, и принимают меры к их удалению, другие посредством лекционной работы ведут антиал-

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК–1509.2014.6).

² *Фокин А. А.* «Коммунизм не за горами»: образы коммунистического будущего у власти и населения СССР в 1950–1970-х гг. Челябинск, 2012. С. 58.

³ *Жидкова Е.* Практики разрешения семейных конфликтов: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 268.

⁴ *Butler S. Erehwon.* Jonathan Crane, London, 1921.

когольную пропаганду, воспитывают людей в духе трезвости, неприимости к употреблению спиртного.

Одним из важных средств воздействия на лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и, как следствие, нарушающим трудовую, производственную и общественную дисциплину является обсуждение их поведения на товарищеском суде.

Первые народные суды при домоуправлениях появились еще в 1931 году. В 1960-х, с момента утверждения Указом Президиума ВС РСФСР 3 июля 1961 г. нового Положения о товарищеских судах, открылась следующая страница в истории этих организаций. Главной задачей этого выборного общественного органа, призванного воспитывать в советских гражданах бережное отношение к труду и социалистической собственности, являлось предупреждение правонарушений, проступков, нарушающих правила социалистического общежития, создания обстановки нетерпимости к антиобщественным поступкам, в том числе пьянству и алкоголизму. Эта линия прослеживается во всех указах и постановлениях, в большей или меньшей степени направленных на борьбу с пагубным явлением, распространяющимся в советском обществе.

По материалам, направленным в товарищеский суд органами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях, судом, прокурором, товарищеский суд обязан сообщить этим органам о результатах рассмотрения дела в десятидневный срок.

Рассмотрение дел в товарищеских судах производится по месту учебы, работы или жительства. На предприятиях заседания товарищеского суда используются, прежде всего, как воспитательное средство. О предстоящем заседании в проходной вывешивается объявление, кроме того, оповещаются рабочие и служащие по цехам. Поскольку посещаемость конференц-зала, где заседал суд, была невысокой, товарищеский суд стал проводить заседания непосредственно в цехах, в присутствии почти всех рабочих цеха.

После рассмотрения обстоятельств дела данная общественная организация может вынести одну из мер в качестве наказания, которые не ограничиваются обычным предупреждением или общественным порицанием. Моральное воздействие сочетается с воздействием материальным. К более серьезным мерам, которые могут применить товарищеские суды, относятся: наложение денежного штрафа; перевод виновного на нижеоплачиваемую работу, о понижении в должности или увольнении с согласия руководства предприятия; возбуждение вопро-

са о выселении виновного из занимаемой квартиры при невозможности совместного с ним проживания или хищническом его отношении к жилому фонду⁴. Так например, слесарь С. в течение нескольких дней дважды попал в медвытрезвитель. По представлению товарищеского суда администрация завода лишила нарушителя премиальной доплаты к месячному заработку (35 % заработка), а также 13-й зарплаты. Кроме того, виновный был оштрафован органами внутренних дел⁵.

Успех профилактической работы товарищеского суда и других общественных организаций, деятельность которых направлена на борьбу и искоренение пьянства, зависит от координации действий между организациями. Одна из самых массовых форм участия трудящихся в борьбе с пьянством и алкоголизмом – добровольные народные дружины по охране общественного порядка (ДНД).

В постановлении от 30 марта 1960 г. «Об утверждении положения о добровольных народных дружинах РСФСР по охране общественного порядка» подчеркивалась значимость ДНД в осуществлении задач по укреплению общественного порядка и законности.

Народные дружины создаются трудовыми коллективами на предприятиях, в учреждениях, организациях, а также по месту жительства на добровольных началах. Организация и руководство народными дружинами и их штабами осуществляются партийными органами. ДНД активно взаимодействуют с государственными органами охраны порядка: комсомольскими, профсоюзными и другими общественными организациями, милицией, прокуратурой и судами, которые, в свою очередь, должны, согласно Положению, оказывать содействие работе народных дружин.

Обычно дружинники в группах по несколько человек патрулировали улицы городов, периметр территории предприятий и следили за порядком в общественных местах. Участвуя совместно с работниками милиции в рейдах по борьбе с пьянством, дружинники выявляют лиц, занимающихся самогонварением, продажей самогона и других крепких спиртных напитков домашней выработки.

Участие дружинников в борьбе с пьянством выражается также в их работе в составе экипажей патрульных машин медвытрезвителя. Кроме того, они работают в медицинских вытрезвителях. Вместе с ра-

⁴ Об утверждении Положения о товарищеских судах // Указ Президиума ВС РСФСР от 03.07.1961 URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5707.htm

⁵ Попов Л. Л., Розин Л. М. Общественность в борьбе с пьянством // Правовые меры борьбы с пьянством. М., 1987. С. 159.

ботниками Государственной автомобильной инспекции дружинники осуществляют надзор за соблюдением правил дорожного движения, выявляют нарушения этих правил водителями транспортных средств и пешеходами, в частности управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

К формам участия трудящихся в борьбе с пьянством и алкоголизмом относятся также общественные сельские, уличные, квартальные комитеты, а также собрания, сходы граждан по месту жительства. Среди многих вопросов на общих собраниях рассматриваются также вопросы воспитания у граждан нетерпимости к пьянству и связанными с ним последствиями.

Общественные советы при домоуправлениях и уличных комитетах выступали проводниками принятых партией решений, охватывали достаточно широкие массы населения. Только в городах Куйбышевской области в домовых общественных советах участвовали около 30 тыс. человек⁶. поступление дела обычно происходило по предложению административных органов или в результате «сигнала общественности».

Например, вот как был проведен сельский сход в селе Каменный Лог Ошмянского района Гродненской области. Выяснилось, что молодой шофер Ш. сел за руль, выпив в честь дня рождения сына полстакана самогона. Собрание строго осудило его поступок. До этого у Ш. была хорошая репутация. Но, учитывая необходимость предостеречь виновного от таких поступков в будущем, решили просить начальника милиции на год лишить его водительских прав⁷.

Законодательные меры и меры общественного воздействия по большей мере были направлены на устранение последствий пьянства и алкоголизма, а не вызвавших их причин. Это связано со сложностью устранения широкого спектра причин, которые способствовали распространению этого явления. Внутренняя политика, проводимая в данный период, отчасти направлена на ликвидацию причин алкоголизации населения, например, улучшение жилищных условий. Но таких примеров немного, государство, не имея возможности или желания, справиться с происхождением проблемы распространения пьянства, боролось хотя бы со следствиями.

⁶ Жидкова Е. Указ. соч. С. 281.

⁷ Попов Л. Л., Розин Л. М. Указ. соч. С. 163.

ПОИСКОВЫЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАМИ ЛИЧНОГО ФОНДА А. В. ФЛОРОВСКОГО В АРХИВЕ РАН

Т. Н. Лантева
(Архив РАН)

Путь архивного документа к статусу исторического источника не всегда прост. Часть документной архивной информации на протяжении многих лет остается вне сферы знания исторической науки. Среди основных факторов, влияющих на эффективное использование документов и характеризующих их исследовательский потенциал можно назвать

- сохранность материалов и их читабельность;
- технические (поисковые) возможности архива;
- репрезентацию документной информации.

Предлагаю рассмотреть действие двух последних из названных факторов на примере документов личного фонда историка, автора работ по истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г., русско-чешских отношений, католического влияния в России и внешней политики Петра I Антония Васильевича Флоровского (1884–1968).

Научное описание документов личного фонда А. В. Флоровского, хранящихся в Архиве РАН, было завершено в 1982 г. Сегодня поисковые возможности исследователей в отношении этих материалов обусловлены развитием электронных поисковых средств архива.

Архив РАН предлагает возможность ознакомиться с научно-справочным аппаратом фонда как традиционным способом – посредством путеводителя и описей, так и современным – при помощи программно-информационного комплекса архивной сети Российской академии наук «Информационные системы Архива РАН» (www.isaran.ru). Все документы личного фонда А. В. Флоровского были оцифрованы и присутствуют в базе данных¹. С графическими изо-

¹ URL: <http://www.isaran.ru/?q=ru/fund&guid=495F24F7-C495-1077-5781-075B3DA85351&ida=1>

бражениями документов можно ознакомиться также на портале Российской академии наук <http://www.ras.ru/> в разделе «Действующие научные системы РАН»². Таким образом, архив предоставляет исследователям самые современные технические возможности для использования документов, позволяют знакомиться с информацией на уровнях: «архив», «фонд», «опись», «дело», «документ».

Исследовательские возможности фонда А. В. Флоровского очень широки. Расширение спектра методологических приемов исторических исследований требует от архивистов учета разнообразия поисковых запросов исследователей. Поэтому при обзоре документов необходимо учитывать дифференциацию современной исторической науки на отрасли³. Среди исследовательских отраслей, использующих традиционные методологические подходы, следует назвать исследования истории науки и биографические исследования о жизни, научных трудах и роли А. В. Флоровского в истории русской научной эмиграции. Документы позволяют проследить судьбу ученого, начиная от дня крещения до самой смерти⁴, изучить его научные труды, обстоятельства высылки за границу⁵, отношения с чешскими государственными органами и научными учреждениями⁶, финансовое положение⁷, познакомиться с иконографическим рядом. Документы представляют А. В. Флоровского как ученого, активного деятеля русского зарубежья, его бытовую и семейную и жизнь.

В более широком плане материалы фонда характеризуют науку, культуру, научную и образовательную инфраструктуру, быт, межличностные отношения во всем мире русского зарубежья. Документы освещают различные стороны и аспекты жизни русской диаспоры в

² Действующие научные системы РАН, Архив А. В. Флоровского. URL: <http://www.ras.ru/avflorovsky/about.aspx>.

³ О необходимости разностороннего подхода к изучению феномена русской эмиграции российские ученые заявляли неоднократно. См., например, *Волошина В. Ю.* Ученый в эмиграции. Проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Издательство Омского государственного университета, 2010. С. 8.; *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 17. и др.

⁴ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 149–224.

⁵ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 157, 158, 171.

⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 160, 164, 166, 167, 168, 170.

⁷ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 163, 173, 174, 176, 177, 178, 180, 181.

Чехословакии: способы решения жилищной проблемы, публикации научных трудов, условия ведения преподавательской работы и участия в международных научных собраниях, обучение русских студентов. Большой массив документов посвящен работе многих научных эмигрантских институций: Русского народного (свободного) университета, Русского исторического общества в Праге и других.

Из новых отраслей исторического знания можно выделить историко-антропологическое, гендерное, церковно-историческое направления исследований. Для изучения проблемы русской научной эмиграции с точки зрения понимания личности, ее мотивов и переживаний целесообразно использовать такие направления исторических исследований как историческая антропология, микроистория, история повседневности, то есть те направления, развитие которых связано с распространением в общественном и научном сознании гуманистического восприятия истории и для которых документы личного происхождения представляют важный исторический источник.

Сведения об образе жизни, привычках, быте ученого содержатся в его переписке с женой – В. А. Флоровской⁸, которая дает содержательный материал для историко-антропологических исследований физической и материальной направленности. Другой близкой А. В. Флоровскому женщиной являлась его сестра Клавдия. Ее письма посвящены жизни русской диаспоры в Софии, много внимания в них уделено жизни русского церковного прихода и процессам, происходящим в Русской Церкви за границей. В письмах она дает яркие оценки деятельности русских академических организаций, передает сведения о мироощущении, понимании своего статуса русскими эмигрантами, их надеждах, опасениях, ценностных установках, называет маркеры международной политики, отслеживавшиеся эмигрантами.

Чаяния, сожаления, понимание своего места в мире, убеждения о будущем России, сведения об образе жизни, ценностях эмигрантов из среды аристократии нашли отражение в переписке ученого с сотрудником Русского благотворительного общества в Женеве Н. А. Боуром⁹. Письма являются ценным источником для материальных, биологических, экономических и социальных историко-антропологических работ.

⁸ Письма А. В. Флоровского В. А. Флоровской, Письма В. А. Флоровской А. В. Флоровскому // АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 101, 457.

⁹ Письма Н. А. Боура А. В. Флоровскому // АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 146.

Приблизиться к пониманию культуры русского научного зарубежья помогают также труды А. В. Флоровского, содержащие сведения о его общественно-политических взглядах¹⁰.

Группа документов личного фонда А. В. Флоровского содержит информацию, способную раскрыть аспекты культуры духовного сословия русского зарубежья. Присутствие в личном фонде А. В. Флоровского документов соответствующей тематики обусловлено характером деятельности его близких, в первую очередь – отца – православного протоиерея Василия Флоровского и брата – знаменитого богослова и церковного историка Георгия Флоровского. Прот. В. Флоровский являлся свидетелем всех событий и процессов, происходивших в Русской Церкви в Болгарии, среди которых: Карловацкая смута, отношения русского духовенства и иерархии с Болгарской Церковью, обстоятельства работы русской духовной семинарии и гимназии в Софии и богословского факультета Софийского университета, процесс перехода части духовенства в Болгарскую Церковь, приходская жизнь.

В письмах брата ученого – протоиерея Г. Флоровского – содержатся сведения о его научной биографии, группа писем из военного Белграда характеризует состояние русского эмигрантского начального и высшего богословского образования в Сербии в этот тяжелый период.

Сведения о внимании Католической Церкви к русским эмигрантам содержатся в переписке А. В. Флоровского с католическим священником Сергием Грум-Гржимайло¹¹. В письмах выражены духовные переживания, вызванные личной трагедией русского дворянина польского происхождения С. Н. Грум-Гржимайло, перешедшего в католичество и разочаровавшегося в нем после принятия священного сана. Переписка содержит сведения о русских конвертитах¹², отношении к ним католической среды, оценку методов католического прозелитизма, информацию о трансформации образа православного духовенства в глазах европейцев. В заметке С. Н. Грум-Гржимайло «О чудесах», автор сообщает некоторые механизмы деятельности Католической Церкви в России в 1911–1914 гг. Документы переписки

А. В. Флоровского с С. Грум-Гржимайло могут быть использованы для характеристики различных сторон духовной жизни русской эмиграции и в историко-антропологических исследованиях религиозной культуры русского зарубежья.

Исследовательский потенциал документов фонда определяется наличием информации по широкому кругу вопросов жизни и культуры русской эмиграции. Документы личного фонда представляют собой многоаспектный источник, включающий материал не только для традиционных исследований по историографии и биографике, но и для историко-антропологического, церковно-исторического, историко-психологического, гендерного и других направлений исторических исследований.

¹⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 4, 41, 46, 79, 100.

¹¹ Письма А. В. Флоровского С. Н. Грум-Гржимайло, письма С. Н. Грум-Гржимайло А. В. Флоровскому // АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 84. Л. 7–17; Д. 199.

¹² Конвертиты – лица, переходящие в католичество из иудаизма, протестантизма, православия или др. конфессий и религий.

ПРОВЕРОЧНО-ФИЛЬТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ НКВД СССР: КАДРЫ И ВЕДОМСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ (1941–1945)

А. В. Латышев
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Дальнейшая судьба военнослужащих Красной Армии, побывавших в годы Великой Отечественной войны во вражеском плену или просто находившихся на оккупированной территории, решалась работниками особых отделов (с апреля 1943 года – отделов контрразведки Смерш) проверочно-фильтрационных (именовавшихся до начала 1945 года «специальными») лагерей НКВД СССР. Так как свидетельств о ходе агентурно-оперативных мероприятий в лагерях немного¹, их критики вынуждены оперировать отдельными фактами², а защитники чести спецслужб сводить разговор к устройству системы фильтрации и видам проходящего через нее «спецконтингента»³. В связи с этим мы предполагаем, не касаясь вопроса проведения непосредственно спецпроверки, показать источники комплектования штатов проверочно-фильтрационных лагерей, отношения их руководства с особистами, а также ведомственные конфликты вокруг самих и лагерей и проходивших в них проверку «бывших военнослужащих Красной Армии» – т. е. исследовать условия работы контрразведчиков.

¹ Гольдберг Р. С., Петрушин А. А. Запрещенные солдаты. Т. 1. Тюмень, 2005, Т. 2. Кн. 1. Тюмень, 2006, Т. 2. Кн. 3. Тюмень, 2008; Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг. Пермь, 2008; Органы Внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг). Неизвестные страницы истории. Т. 2. Ч. 1. Вологда, 2011. С. 115–127; СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы. М., 2005. С. 232–234.

² Говоров И. В. Проверочно-фильтрационные органы в системе НКВД 1944–1946 гг (по материалам Ленинградской области) // Министерство внутренних дел России. Страницы истории (1802–2002). СПб., 2001. С. 475.

³ СМЕРШ. Исторические очерки... М., 2005. С. 227–238.

В отличие от лагерей ГУЛАГа, вину содержащихся в проверочно-фильтрационных лагерях (далее – ПФЛ) лишь предстояло установить. В связи с этим в ПФЛ сложилось своеобразное двоевластие: проверку «бывших военнослужащих» вели особые отделы НКВД (а затем сменившие их отделения ГУКР Смерш НКО), в то время как остальные работники лагеря призваны были заниматься хозяйственными задачами, за решение которых отчитывались перед своим собственным руководством⁴. Во главе этой хозяйственной администрации стояли начальники лагерей, среди которых были как люди со специальными званиями работников госбезопасности, так и офицеры интендантской службы, инженерных войск, сотрудники милиции. Моральный облик глав хозяйственной администрации в большинстве случаев был далек идеала⁵. При наборе рядовых работников ПФЛ кадровый голод диктовал обращение к самым различным источникам: военные комиссариаты, запасные воинские части⁶, комиссованные и вышедшие на пенсию сотрудники НКВД, работники обезлюдевшего ГУЛАГа⁷. После начала активного использования проверяемых в экономике, работников для лагерей стали присылать хозяйственные органы⁸. К концу 1943 года в штаты ПФЛ начинают зачислять прошедших проверку офицеров⁹. Рядовых же красноармейцев привлекали к различным обязанностям в лагерных структурах еще с начала 1942 года, а с осени 1944 года из них набиралась вооруженная охрана (ВОХР). На работу в ПФЛ при-

⁴ В начале – перед Управлением по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, непродолжительное время перед руководством ГУЛАГа, с августа 1944 года – перед Отделом спецлагерей НКВД СССР и с 1946 года до завершения работы последнего лагеря – вновь перед ГУЛАГом.

⁵ См. типичный для них список «грехов» начальника ПФЛ №0205: Справка о проверке лагерей для военнопленных и спецконтингента, произведенной офицерами 1 отдела УПВИ от 15 февраля 1944 г. // Российский Государственный Военный Архив. Ф. 1/п. Оп. 12 в. Д. 2. Л. 17.

⁶ Акт передачи спецлагеря №150 капитаном госбезопасности А. Ф. Бочинным старшему лейтенанту госбезопасности Л. М. Яцкевичу от 7 июня 1942 г. // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 7 а. Д. 2. Л. 193.

⁷ Данные обследования Череповецкого спецлагеря №158 от 20 февраля 1942 г. // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 8 в. Д. 6. Л. 11.

⁸ Справка о состоянии спецлагеря №0302 от 3 мая 1944 г. // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2 и. Д. 81. Л. 8.

⁹ Основные моменты работы УПВИ на ноябрь-декабрь 1943 г. // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 10 в. Д. 17. Л. 456.

нимались даже не внушающие политического доверия: весной 1944 года выяснилось, что среди работников ПФЛ №0302 «большинство имело родственников на оккупированной территории либо сами были оттуда»¹⁰.

Противоречия между хозяйственными и оперативными функциями ПФЛ приводили к конфликтам по линии хозяйственники-контрразведчики. Главной проблемой был вывод людей на работу за пределы зоны лагеря. Используя труд проверяемых, администрация лагерей стремилась выйти на самообеспечение при скудном центральном финансировании. Следователям же при этом приходилось вести допросы ночью, для предотвращения побегов сажать подозреваемых в камеры лагерной тюрьмы и тем самым подрывать выполнение хозяйственных планов. Несмотря на регулярно повторяемые требования НКВД согласовывать с особыми отделами списки выводимых на работу, добиться их выполнения от начальников ПФЛ не удалось и к 1944 году¹¹. Другой причиной конфликтов была кадровая политика хозяйственников, проводимая также без согласования с контрразведчиками: из 47 проверяемых, назначенных на командные должности в Южском ПФЛ №165, особым отделом было арестовано трое, еще 13 проходило «по компрометирующим материалам»¹².

Однако у контрразведчиков среди хозяйственников были и союзники. Особой частью администрации спецлагеря были оперативные отделы, в задачи которых входило предотвращение нарушений лагерной дисциплины. Людей в них хронически не хватало¹³, что предопределяло сотрудничество оперативных отделов и сотрудников Смерша. В документах регулярно встречается информация о передаче дел на «антисоветчиков» и отказников от работы из оперативных отделов в особые отделы/отделения Смерша. Особую роль оперативные отделы играли в спецпроверке военных в лагерях ГУЛАГа, где они осу-

¹⁰ Данные обследования спецлагеря №0302 // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2 и. Д. 81. Л. 83.

¹¹ Приказ НКВД №00232 «О предотвращении побегов из специальных лагерей НКВД» от 4 марта 1944 г. // Государственный Архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 157. Л. 328 об.

¹² Рапорт начальника Особого отдела Южского спецлагеря, не ранее 22 февраля 1942 г. // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 7 а. Д. 1. Л. 14.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 870. Штаты ПФЛ.

ществляли ее совместно со смершевцами¹⁴. Еще одним союзником контрразведчиков были политотделы. С начала 1944 года в лагерях заработали партийные комиссии по восстановлению проверяемых в партии. При этом партийные органы вели свою собственную проверку обстоятельств утраты партбилетов, в ходе которой всплывали подробности жизни человека на оккупированной территории, причем как компрометирующие, так и положительные¹⁵.

Помимо внутренних конфликтов, ведению спецпроверки мешали междуведомственные дразги. Так, спор между НКВД и НКО об ответственности за обеспечение ПФЛ привел к кризису снабжения в феврале 1942 года¹⁶. Возможности для нормального ведения спецпроверки резко сократились после начала массового использования проверяемых в промышленности со второй половины 1943 года. Ценность «спецконтингента» здесь была несомненна – по подсчетам УПВИ, один военнопленный в 1943 году вырабатывал 7,25 рубля в сутки, а «бывший военнослужащий» – целых 20¹⁷. Содержание в ПФЛ давно прошедших проверку стало обычным делом, некоторые «проверялись» более двух лет¹⁸. Такими методами наркоматы и ведомства решали проблему рабочих рук, а НКВД перекладывало на плечи последних вопросы снабжения.

С выделением Смерша в самостоятельную структуру, независимую от НКВД, противоречия в системе ПФЛ усилились. Само по себе массовое использование проверяемых в экономике резко услож-

¹⁴ Рапорт начальника УПВИ И. А.Петрова заместителю наркома внутренних дел С. Н.Круглову от 14 мая 1943 г. // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 9 а. Д. 11. Л. 16.; Распоряжение начальника отдела проверочно-фильтрационных лагерей Н. И.Шитикова от 16 июля 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 7. Л. 72.

¹⁵ Квартальный доклад о политико-моральном состоянии и дисциплине среди спецконтингента и среди личного состава Управлений и воензированной охраны ПФЛ и ПФП НКВД за 1-й квартал 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 3. Ч. 1. Д. 53. Л. 1–12.

¹⁶ Письмо начальника Главного управления тыла РККА А. В. Хрулева наркому внутренних дел Л. П.Берии от 4 марта 1942 г. // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 7 а. Д. 1. Л. 15–16; Справка о готовности спецлагерей НКВД по состоянию на 11 января 1942 // Там же. Л. 40–48.

¹⁷ Конспект доклада заместителю наркома внутренних дел В. В.Чернышову о работе УПВИ за январь-февраль 1944 г. // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 9 а. Д. 8. Л. 88.

¹⁸ Отчет о деятельности Сталинградского спецлагеря № 0108, октябрь 1944 г. // ГАРФ. Р-9408. Оп. 1. Д. 11. Л. 6 об.

няло ведение спецпроверки. Во время работы в шахте или на заводе ценный свидетель мог просто погибнуть – значительная смертность в результате производственного травматизма наблюдалась с 1944 года. На промышленных объектах относились к проверяемым с пренебрежением, не считали своей обязанностью снабжать их спецодеждой или инструктировать по технике безопасности¹⁹. На приказе НКВД от 15 февраля 1944 года, призванным прекратить эти явления, стоит в том числе подпись начальника Смерша В. С. Абакумова²⁰. Новые возможности открывались и для побегов. В январе 1944 года начальник УПВИ в своей директиве ПФЛ отмечал, что хороших производственных показателей они добились за счет серьезнейших нарушений режима²¹. Так, в 1943 году в ПФЛ №0108 все побеги были совершены с производственных объектов²². Сложности в спецпроверке порождало также рассредоточение проверяемых (в хозяйственных интересах) по отдаленным друг от друга лагерным отделениям²³.

Однако чем больше времени «спецконтингент» проводил вне лагеря, тем меньше была власть над ним и хозяйственного руководства ПФЛ. На судьбу людей все большее влияние оказывали производственные интересы предприятий, к которым относились лагеря²⁴. Действия руководства НКВД для прекращения сращивания ПФЛ с обслуживаемыми ими предприятиями последовали только в феврале 1944 года – проведенная проверка одного из лагерных отделений Сталиногорского ПФЛ №283 показала, что «командование лагеря № 283... чувствуют себя больше работниками комбината «Москвауголь», чем работниками НКВД»²⁵.

¹⁹ Булюлина Е. Б. Советские военнопленные на родине // Человек. 1996. № 3. С. 176; Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса 1929–1956. Кемерово, 2009. С. 184–185.

²⁰ Приказ НКВД №00144/64 «О принятии мер по технике безопасности для спецконтингента, работающего в угольной промышленности» от 15 февраля 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 157. Л. 187.

²¹ Директива начальника УПВИ спецлагерям от 15 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

²² Булюлина Е. Б. Указ. соч. С. 177.

²³ Приказ НКВД № 0121 «Об использовании контингентов спецлагеря №174» от 16 июня 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 165. Л. 8.

²⁴ Иванов В. А. Указ. соч. С. 436.

²⁵ Директива начальника УПВИ спецлагерям №28/п/4522 от 29 февраля 1944 г. // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2 и. Д. 82. Л. 29–31.

Таким образом, ПФЛ находились в центре борьбы различных структур с противоречащими друг другу интересами. Нехватка у НКВД ресурсов для финансирования лагерей, недостаток рабочей силы на предприятиях страны, свойственное политической системе высокое значение ведомственных интересов создавали условия, в которых работа по спецпроверке сталкивалась со сложностями, теряя в ряде случаев собственно контрразведывательный смысл.

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ В 1930-х ГОДАХ

В. В. Линькова
(РГАСПИ)

Вопрос о религиозной политике Советского государства в современной исторической науке является одним из самых обсуждаемых и актуальных. Одним из важных аспектов данной политики является деятельность Союза воинствующих безбожников, который действовал на протяжении более чем 20 лет с 1925 по 1947 годы.

Комиссия по проведению в жизнь декрета Советской власти от 23 января (5 февраля) 1918 года об отделении Церкви от государства при ЦК РКП(б) возникла еще с 1922 года и действовала она вплоть до 1929 года. Данная комиссия держала под контролем деятельность религиозных организаций, расположенных на территории Советского Союза.

Целью работы, проводимой данной комиссией, было развенчание религии, подрыв власти духовенства над умами людей. По мнению А. М. Коллонтай, реализовать это могла не столько агитация против Церкви, сколько целостное, научное, материалистическое мирозерцание¹.

По предложению Е. М. Ярославского в декабре 1922 года начала выходить газета «Безбожник». Она стала доступным материалом для широких масс читателей. В статьях газеты различные научные открытия пояснялись крестьянам и рабочим на простом языке, кроме того, давались объяснения природным процессам, обладающим большим влиянием на жизнь крестьян.

Вскоре, в сентябре 1923 года, при обсуждении вопроса о формах и способах антирелигиозной пропаганды в деревне, Ярославский выдвинул идею об организации кружков безбожников, которые в 1925 году были объединены в Союз безбожников.

Выдержка из устава: «Союз безбожников есть добровольная пролетарская общественная организация, ставящая своей задачей объ-

¹ Коллонтай А. М. Попы еще работают // Деятели Октября о религии и церкви. М., 1968. С. 64.

единение широких масс трудящихся СССР для активной систематической и последовательной борьбы с религией во всех ее видах и формах, как тормозом социалистического строительства и культурной революции»².

Созданная организация занималась изданием и распространением просветительской литературы, стоит особо отметить, что издавалась не только антирелигиозная, но и художественная литература.

Члены Союза безбожников возложили на себя обязанности по обучению крестьян грамоте, кроме того, оказывали крестьянам и хозяйственную помощь. На базе районных ячеек стали создаваться библиотеки, киноклубы, избы-читальни, дискуссионные клубы.

Зачастую, в книгах антирелигиозного содержания среди авторов встречались историки, археологи, философы, которые не доказывали, что Бога нет, а акцентировали внимание на материальной стороне вопроса, как говорил Ленин в своей книге «Об отношении рабочей партии к религии»: «Надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источники веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничить абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии»³.

И в рядах Союза безбожников и в высших партийных рядах звучали призывы к осторожной и взвешенной позиции в отношении антирелигиозной пропаганды, которая должна была убеждать население, а не приводить к недовольству Советской властью. Например, М. И. Калинин «еще на I съезде Союза безбожников в 1925 году подчеркнул, что «борьба с религией – это философская борьба. Это борьба такая – быть идеалистами или быть материалистами» <...> Осторожную позицию занимала и Н. К. Крупская, считавшая самым эффективным средством борьбы научную пропаганду»⁴.

Данная позиция не менялась с течением времени, в проекте резолюции о задачах антирелигиозной работы в связи с итогами II-

² Устав Союза безбожников СССР. М., 1925.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 426.

⁴ Жижков В. В. Вопрос о религии во внутрипартийной борьбе 1928–1929 годов (по материалам «черновых» протоколов Политбюро ЦК ВКП(б)) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX веков. Сборник научных трудов. Новосибирск. Издательство СО РАН. 2003 г. С. 195.

съезда Союза воинствующих безбожников (1929 г.) и партийного совещания по антирелигиозной пропаганде при АПО ЦК ВКП(б) сообщалось: «Необходимо вести решительную борьбу против подмены систематической и научно-поставленной антирелигиозной пропаганды, стремлением в кратчайший срок разрушить религию, которое ведет на деле к увлечению административными мерами и не может способствовать вовлечению в дело борьбы с религией широчайших масс трудящихся»⁵.

В то же время, несмотря на деятельность Союза безбожников, следует отметить развитие большого количества сект на территории Советского Союза, таких как истинно-православная церковь, истинно-православные христиане, баптисты, евангелисты, иосифляне. Данная проблема нашла отражение и в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1927 года «О сектантстве», в котором говорилось: «ЦК констатирует рост сектантства за время революции и его стремление в некоторых случаях противопоставить партийным и советским организациям свои сектантские, например: союз молодежи, кооперативы и т. п.»⁶.

Кроме того, Политбюро было вынуждено констатировать, что несмотря на развернувшуюся широкую деятельность Союза воинствующих безбожников, он все еще не представлял собой достаточно массовой организации и значительной силы, которая могла бы мощно противостоять различным религиозным течениям и сектам, распространявшимся по территории Советского Союза. Так же подчеркивался незначительный рост Союза за счет беспартийных трудящихся слоев, женщин, молодежи и бедняцко-средняцкой части крестьянства и рабочих крупных предприятий.

«Особенно же усиливается деятельность сектантских организаций – евангелистов, баптистов, адвентистов и др., а также католических, связанных с капиталистическими организациями Европы и Америки, использующих более утонченные приемы борьбы за влияние, приспособляющихся к происшедшим в стране социальным изменениям и сдвигам и нередко прикрывающих свою деятельность вывеской колхозов, используя для этого иногда госсредства и кредиты»⁷.

В то же время, в постановлениях Политбюро в конце 1920-х годов можно столкнуться и с практически противоположными выводами,

так, например, на заседании Политбюро от 24 января 1929 года было принято постановление «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды» в котором говорилось: «Несмотря на оживление деятельности религиозных организаций и продолжающиеся их попытки приспособиться к изменившимся социальным условиям, ЦК констатирует, что в СССР происходит процесс изживания религиозности, который характеризуется разложением старых форм христианства и отчасти мусульманства, увеличением ряда членов «Союза безбожников», замедлением роста сектантства в некоторых районах»⁸.

Кроме того, ЦК постоянно отмечает слабую связь Союза воинствующих безбожников с различными музеями, лабораториями, научными учреждениями, что должно было способствовать антирелигиозной пропаганде.

Следует отметить, что в своей деятельности Союз безбожников сталкивался с целым рядом трудностей. Так, следует обратить внимание и на неоднозначную позицию государственных органов, например, в 1928 году Ярославский жаловался на различные препятствия, с которыми приходится сталкиваться Союзу безбожников при выпуске антирелигиозной литературы: «Мы издавали учебники по антирелигиозной пропаганде сначала в небольшом количестве, потом потребовался тираж в 250 000 экземпляров. Но мы упираемся здесь в отсутствие бумаги, или в то, что мы не являемся таким издательством, для которого бумага отпускается в первую очередь»⁹.

Кроме того затруднения, возникающие у Союза были и организационного характера. Даже в 1933 году, после практически лет существования организации, ее глава был вынужден констатировать: «антирелигиозная работа в деревне затрудняется тем обстоятельством, что организации СВБ в деревне очень слабы. Не везде имеются ячейки и Райсоветы СВБ. Нет достаточного количества необходимых пособий для учебы. Плоха живая связь и инструктаж со стороны областных Советов СВБ деревенскими организациями. Во многих районах не существует совершенно Райсоветов СВБ. Объясняется это в значительной степени тем, что Центральные Совет СВБ и Облсоветы не обладают достаточными средствами для развертывания работы в деревне, для посылки туда людей, лекторов, бригадиров, продгрупп, передвижных выставок, фургонов и т. д.»¹⁰.

⁵ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 122. Л. 20.

⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 173. Д. 73. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 97. Л. 1.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 5

¹⁰ Там же. Д. 140. Л. 10

Кроме того, говоря об эффективности работы Союза воинствующих безбожников, следует сказать, что в 1930-х годах численность организации практически не растет. Так, если к ноябрю 1931 года в рядах Союза воинствующих безбожников числилось уже свыше 5 миллионов человек, то начиная с 1932 года темпы роста практически заморозились.

Уже вскоре, в конце 1936 года Совет национальностей ЦИК СССР вынужден был констатировать практически полное прекращение деятельности Союза воинствующих безбожников. Но произошло это далеко не от того, что организация выполнила свою первоначальную функцию – изжила религиозные суеверия из жизни советских людей. Деятельность данной организации стала противоречить линии, запланированной государством. Но это не означало, что государство перестало обращать внимание на религиозную жизнь людей.

Вопрос о религии на территории СССР не обошла и Сталинская конституция 1936 года, статья 124 которой подтверждает, что «в целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Глава Союза воинствующих безбожников приводит интересный факт обсуждения данной статьи: «Когда при обсуждении вопроса на Чрезвычайном VIII Всероссийском съезде советов внесена была поправка, предлагавшая запретить отправление религиозных обрядов, тов. Сталин сказал: “Я думаю, что эту поправку следует отвергнуть, как не соответствующую духу нашей конституции”»¹¹.

Таким образом, несмотря на то, что официально Союз воинствующих безбожников перестал существовать лишь в 1947 году, в 1930-х годах его активность значительно снижается, что говорит о том, что население больше не разделяет стремление к уничтожению религии, как это было в 1920-х годах.

ПРОБЛЕМА «КРЕСТЬЯНСКОГО СОЮЗА» В ПЕРИОД НЭПА. ОТ ИДЕИ К РЕАЛИЗАЦИИ

*И. Н. Лозбенев, к.и.н.
(МФЮУ)*

Идея «Крестьянского союза» в сельской среде возникла еще в годы Первой русской революции и вновь возродилась в 1917 г. не найдя, однако тогда своего конкретного разрешения. Гражданская война и переход страны к НЭПу отодвинули «Крестьянский союз» на второй план. Однако, по мере развития восстановительных процессов в деревне, втягивания крестьян в рамки рыночных отношений, возникали новые, ранее не известные противоречия, требовавшие своего разрешения. Именно в этих условиях в первой половине 1920-х гг. среди крестьян вновь стала набирать популярность идея «Крестьянского союза».

Наиболее ранние выступления за «Крестьянский союз» были зафиксированы на территории Егорьевского уезда Московской губернии в 1922 г. Позднее, в 1923 г., подобные выступления были отмечены в 12 уездах губернии¹. В последующем число выступлений в данном регионе увеличивалось и только в начале 1927 г. их было зафиксировано уже 145². Примерно сходная ситуация была и в Тульской губернии, где в 1924 г. было отмечено только одно выступление в поддержку крестьянского союза, в 1925 г. – 2, а в 1926 г. уже 38³. В масштабе страны на данную тенденцию указывает А. А. Куреньшев, по данным

¹ ЦАОДМ. Ф. 3 Оп. 4. Д. 49. Л. 57. Оп. 5. Д. 48. Л. 57.

² Там же. Ф. 3. Оп. 11. Д. 234. Л. 32. Д. 310. Л. 152. Д. 320. Л. 31. Д. 323. Л. 1–2. Д. 445. Л. 64. Подсчет автора.

³ ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 638. Л. 104.; Д. 307. Л. 59.; Оп. 4. Д. 264. ЛЛ. 23, 73, 108–110, 116, 159.; Д. 266. ЛЛ. 16–18, 144–145, 205, 260–261.; Д. 267. Л. 130–131.; Д. 633. Л. 53.; Д. 636. Л. 6–7.; «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Т. 2., М., 2001. С. 342.; Там же. Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 209, 296, 587. Подсчет автора.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 73. Л. 3

которого в 1924 г. произошло – 139, в 1925–543, в 1926. – 1676, а в 1927. – 2312 выступлений в поддержку Крестьянского союза⁴.

Все источники подчеркивают тенденцию перехода от достаточного скромного числа выступлений в первой половине 1920-х гг. к их значительному усилению в период 1926–1927 гг. Что, собственно двигало крестьянами? Что они хотели от «Крестьянского союза»? С точки зрения крестьян, «Крестьянский союз» должен был стать той организованной силой, которая отстаивала бы их интересы в противостоянии с рабочими и государством. Именно в этом духе выступали крестьяне Поповского района Алексинского уезда Тульской губернии в мае 1925 г., заявляя: «Рабочие имеют союзы, и крестьянам нужен союз. Рабочий много получает и не платит налогов, надо и крестьян от налогов освободить». В деревне Лучки Крапивенского района Тульской губернии крестьянин Алдохин говорил: «Власть набивает себе карманы, заботиться только о рабочем». Сходные по звучанию выступления были отмечены в Тверской губернии в июне 1926 г.: «Нам, всему крестьянству СССР нужно создать свой крестьянский союз, иначе нас задавят налогами, а когда у нас будет организация, мы сможем со всем этим справиться»⁵.

В «Крестьянском союзе» видели так же способ влияния на местные советы, о чем говорили в деревне Островское Арсеньевского района Тульской губернии⁶. А так же способ борьбы против советской бюрократии, как об этом говорили во время проведения перевыборов в Хорошево-Полевский сельский совет Тульской губернии в марте 1926 г. было заявлено, что «Крестьянский союз» необходим для борьбы с бюрократизмом⁷. В январе 1926 г. в селе Краснополье Одоевского района Тульской губернии выступавшими было предложено: «Товарищи, надо бы нам взять власть в деревне в свои руки, тогда бы все пошло по старому, и мы находились бы в стороне от всех советских работников, которых присылают нам, и расходов у нас было бы поменьше»⁸.

⁴ Куреньшиев А. А. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М., 2004. С.302.

⁵ ЦНИТО. Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 638. Л. 104.; Д. 264. Л. 108.; «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Т. 2., М., 2001. С. 489. Т. 4. Ч. 1. С. 446.

⁶ Там же. Д. 636. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 266. Л. 18.

⁸ ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 264. Л. 34.

Очевидной задачей предполагаемого союза, с точки зрения крестьян, было снижение налогообложения. Житель села Мокрое Арсеньевского района Тульской губернии А. Хромоногин в июле 1926 г. говорил односельчанам: «Нам необходим союз. Вот, например, в прошлом году на нас наложили налог по 5 разряду, а мы взяли за горло председателя РИКа, да и нажали на финансистов, и нам налог сделали по 1 разряду, да еще семена ржи выделили»⁹.

В некоторых выступлениях подчеркивались социальные функции «Крестьянского союза». Так, в январе 1926 г. в одном из выступлений в Кимрском уезде Тверской губернии подчеркивалось, что «Крестьянские союзы» должны обеспечивать крестьян в случае болезни. Во время выборов в Бучальском районе Тульской губернии крестьянин Гушин предлагал создать «Страховые кассы крестьянского труда», добавив: «О скотине наши коммунары позаботились – на нее введена страховка, а о мужике – пахаре позабыли» (данное выступление местное подразделение ОГПУ классифицировало, как выступление в поддержку Крестьянского союза)¹⁰.

Уже этот относительно небольшой список выступлений в поддержку идеи создания «Крестьянского союза» показывает, что сельское население, ставя перед ним различные задачи, все-таки, делало упор на необходимость решения своих экономических и социальных проблем.

В связи с этим интересно рассмотреть выступления крестьян политического характера в связи с возможным созданием крестьянского союза. Как собственно политическое можно трактовать заявление бывшего члена РЛКСМ Суханова, сделанное им в разговоре с допризывниками Поповского района Тульской губернии в марте 1926 г.: «Дана свобода слова, однако нужно говорить только то, что по духу Советской власти. Дана свобода печати, но почему-то к нам не пропускают белогвардейские газеты и книги. Теперь свобода, но почему-то не дают организовать «Крестьянские союзы». Значит и тут есть ограничения свободы. Рабочие имеют эту свободу, и они действительно организованы, а крестьянам не дают право сорганизоваться»¹¹.

В сущности, это выступление можно отнести к самому яркому политическому выступлению в поддержку крестьянского союза. Но это еще и не развернутая политическая программа крестьянства. Чаще

⁹ Там же. Л. 260–261.

¹⁰ ТЦДНИ. Там же. Д. 1082. Л. 2. ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 266. Л. 16.

¹¹ ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 636. Л. 17.

всего, если политические требования и высказывались, то они были сильно «разбавлены» экономическими вопросами. Вряд ли крестьянство считало, что оно могло бы составлять реальную политическую оппозицию Советской власти. Советскому руководству было достаточно сделать экономические уступки. То, что именно так оно понимало эту проблему, видно из выступления Л. Б. Каменева на пленуме Московского совета в марте 1925 г. Подводя итоги выступлений крестьян во время перевыборов в советы, он заявил: «Когда ему (крестьянину – *И. Л.*) придется разрешать в своей волости, как затратить ту или иную копейку, на ту или иную дорогу, мост или пожарную машину, или на какой-нибудь агрономический пункт, на приглашение агронома, он не будет говорить о свободе печати по-эсеровски и не будет толковать о крестьянском союзе, а будет точно учитывать эту копейку, откуда ее взять, и как целесообразно расходовать»¹².

Выступление показало, что руководители большевистской партии достаточно четко понимали сущность крестьянских требований и были готовы пойти на экономические уступки. При этом нельзя не учитывать, что партийные и советские руководители уровня Л. Б. Каменева были достаточно опытными политиками и хорошо понимали, что крестьянство, в случае хотя бы частичного удовлетворения их экономических требований, не будет втягиваться в политическую борьбу против советской власти. Реформы, проведенные большевиками после 1921 г., удовлетворяли основную массу сельского населения, коренного переустройства общества, с их точки зрения, в тот период не требовалось, а соответственно не было необходимости в политических экспериментах.

НЕСВОБОДНОЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ: ОБ ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФЕРЕНДУМОВ НА УКРАИНЕ В 1991 г.

*А. В. Лукашин, к.и.н.
(РГАСПИ)*

На протяжении долгого времени в СССР отсутствовала практика проведения всенародных голосований (референдумов), несмотря на то, что эта мера была закреплена в Конституции 1936 г. (ст. 49)¹ и подтверждена в Конституции 1977 г. (ст. 5)². На рубеже 1980–1990-х гг., в условиях демократизации политического режима и усиления общественно-политической активности населения, идея референдума актуализировалась и была претворена в жизнь. Ярким примером реализации этого демократического механизма стала Украина, в которой в 1991 г. было проведено несколько референдумов, различавшихся по целям, масштабам и последствиям.

20 января 1991 г. состоялся референдум в Крыму, на который был вынесен следующий вопрос: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?». В этом референдуме приняли участие 81,3 % избирателей, из которых положительный ответ дали 93,26 % граждан Крыма³. На основе результатов референдума Верховный Совет Украинской ССР принял закон о восстановлении Крымской АССР⁴. Вопрос о включении Крыма в Союзный договор, поддержанный большинством крымчан, закреплял особый общественно-политический статус Крыма в обновленном Союзе и приравнивал его к другим автономным образованиям. Но по причине

¹² *Каменев Л. Б.* Перед перевыборами советов. М., 1925. С.11, 18.

¹ История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М.: Госюриздат, 1957. С. 734.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1977. С. 14.

³ Независимая газета. 1991. 24 января. С. 3.

⁴ Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1991. 26 февраля. С. 216.

того, что Союзный договор не был подписан, этот пункт так и остался нереализованным. Тем не менее, референдум в Крыму 1991 г., ставший первым плебисцитом в советской истории, сыграл большую роль в развитии демократии в стране и заложил организационную основу всех будущих референдумов.

17 марта 1991 г. Украина наряду с другими союзными республиками приняла участие во всесоюзном референдуме по вопросу сохранения СССР в рамках обновленной федерации суверенных республик. В этом голосовании приняли участие 83,5 % граждан республики, из которых «за» Союз проголосовали 70,2 % (22 110 899 чел. из 31 514 244)⁵. Несмотря на достаточно высокие цифры, это был минимальный процент среди всех союзных республик⁶. При этом именно на Украине был зафиксирован максимальный процент отрицательных голосов – 28 % (8 820 089 чел.).

Одновременно с всесоюзным референдумом на Украине проводился республиканский референдум по вопросу: «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза советских суверенных государств на основе Декларации о государственном суверенитете Украины?», поддержанный большинством населения республики (80,2 %). Декларация о государственном суверенитете Украины от 16 июля 1990 г. провозглашала верховенство, самостоятельность, полноту и неделимость власти Республики в пределах ее территории⁷, что подрывало основы единства союзного государства. Таким образом, 17 марта 1991 г. украинское население отвечало на два разных, во многом противоречащих друг другу вопроса. Примечательно, что на оба этих вопроса граждане республики в подавляющем своем большинстве дали положительный ответ.

Данный феномен объясняется тем, что первостепенная задача властей Украины во главе с председателем Верховного Совета УССР Л. М. Кравчуком заключалась в стремлении получить мандат народного доверия на проведение политики, направленной на обретение независимости и отделения от Союза. Этот тезис подтверждается словами Л. М. Кравчука: «референдум обозначил стремление населения

⁵ Протоколы Центральных республиканских и других комиссий референдума СССР по результатам голосования // ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 13. Д. 160. Л. 5.

⁶ Без учета республик, бойкотировавших референдум – Грузии, Армении, Молдовы, Литвы, Латвии и Эстонии.

⁷ Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1990. № 31. Ст. 429.

республики к независимости»⁸. В этой связи всесоюзный референдум сыграл на руку украинскому руководству, став своеобразным прикрытием республиканского.

Следует добавить, что три западных области Украины – Ивано-Франковская, Тернопольская и Львовская, – включили в бюллетень для голосования 17 марта 1991 г. дополнительный вопрос: «Вы хотите, чтобы Украина стала независимым государством, которое самостоятельно решает все вопросы внутренней и внешней политики, обеспечивает равные права гражданам независимо от национальной и религиозной принадлежности?». Положительные ответы дали около 85 % голосовавших⁹. Данные результаты объяснялись тем, что в западных областях Украины было особенно сильно влияние националистического движения «Рух», призывавшего к скорейшему выходу Украины из состава Советского Союза.

После неудачного выступления ГКЧП в августе 1991 г. Украина окончательно встала на путь отделения от СССР. 24 августа 1991 г. Верховный Совет УССР принял «Акт провозглашения независимости», по которому Украина признавалась независимым демократическим государством, на территории которого с этого момента юридическую силу имеют лишь Конституция и законы, республики. В этот же день Верховный Совет Украины принял постановление о проведении 1 декабря 1991 г. республиканского референдума в подтверждение акта провозглашения независимости¹⁰.

11 октября 1991 г. Верховный Совет Украины принял постановление «О проведении всеукраинского референдума по вопросу провозглашения независимости Украины»¹¹. В тот же день Л. М. Кравчук на заседании Государственного совета СССР¹² сообщил о решении

⁸ Чешко С. В. Роль этнонационализма в распаде СССР // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза: Сб. РАН Институт российской истории. М., 2005. С. 463.

⁹ Львовская правда. 1991. 21 марта. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/ukregions/data/10.html> (дата обращения: 17.03.2013).

¹⁰ Ведомости Верховной Рады Украины. 1991. № 38. Ст. 502.

¹¹ Ведомости Верховной Рады Украины. 1991. № 48. Ст. 663.

¹² Государственный совет (Госсовет) СССР в составе Президента СССР и высших должностных лиц республик, созданный на основе закона СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» от 5 сентября 1991 г. признавался Высшим органом власти в переходный период. Заседания проходили с сентября по ноябрь 1991 г.

украинского парламента приостановить работу над Союзным договором до проведения республиканского референдума¹³. В ходе пресс-конференции в Москве 8 ноября 1991 г. он подтвердил эту позицию¹⁴.

1 декабря 1991 г. на Украине прошел референдум по вопросу: «Вы за или против акта Верховного Совета о независимости республики?», по итогам которого 90,32 % граждан (28 804 701 чел. из 31 891 742) ответили положительно. Что касается результатов по отдельным регионам, то наименьшее число голосов «ЗА» было зафиксировано в Крымской АССР (54,19 %) и г. Севастополе (57,07 %). Наибольшее число положительных ответов ожидаемо дали западные области: Тернопольская (98,67 %), Ивано-Франковская (98,42 %) и Львовская (97,46 %). Из двадцати семи регионов, в которых был проведен референдум, процент положительных ответов более 90 % был зафиксирован в двадцати¹⁵.

В ходе проведения референдума на членов избирательных комиссий не оказывалось силового или административного давления. Один из очевидцев, В. Д. Ткаченко, занимавший в то время пост председателя одной из окружных комиссий украинского референдума, в беседе с автором вспоминал, что определенную «активность» проявляли лишь «львовские деятели националистического характера», но членам комиссии удалось «пресечь эти попытки»¹⁶. Десятки иностранных наблюдателей, присутствовавших на референдуме, также заявляли о том, что в ходе его проведения никаких правонарушений зафиксировано не было¹⁷.

Главное объяснение таких высоких результатов кроется в том, что вопрос, выносимый на референдум, был сформулирован некорректно и изначально ставил граждан Украины перед свершившимся фактом. Разумеется, что в условиях полной хозяйственной дестабилизации и фактического разрушения союзного государства, подавляющее боль-

шинство украинцев высказались за то, чтобы уйти «из-под контроля Москвы». Положительные результаты украинского референдума послужили основой для заключения Беловежских соглашений между Россией, Украиной и Беларусью (8 декабря 1991 г.), закрепивших прекращение существования СССР как «геополитической реальности»¹⁸.

Таким образом, на примере Украины мы видим, как союзные и республиканские руководители в условиях напряженной политической обстановки прибегали к помощи населения в решении важнейших государственных вопросов. Референдумы, проходившие на разных уровнях (союзном, республиканском, местном), с одной стороны, являли образец прямой демократии, с другой, становились мощным инструментом в руках отдельных политических групп и лидеров, преследовавших свои узкокорыстные интересы. В этой связи не стоит рассматривать референдумы в качестве полностью свободного волеизъявления граждан, так как их организаторы делали все, чтобы заранее запрограммировать выгодный для себя результат и, как показывают события, зачастую им это удавалось.

¹³ В Политбюро ЦК КПСС... По дневниковым записям А. С. Черняева, В. А. Медведева и Г. Х. Шахназарова. М., 2008. С. 737.

¹⁴ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 2007. С. 373.

¹⁵ Ведомость Всеукраинского референдума 1 декабря 1991 г. URL: http://www.archives.gov.ua/Sections/15r-V_Ref/index.php?11 (дата обращения: 18.03.2014).

¹⁶ Запись из личного архива автора (дата создания: 26.10.2012).

¹⁷ Независимая газета. 1991. 3 декабря. С. 3.

¹⁸ Соглашение о создании Содружества независимых государств. 8 декабря 1991 г. // Союз можно было сохранить. С. 451.

ПЕРВЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ УНИВЕРМАГИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Д. А. Маглели
(РГАСПИ)

На вторую половину XIX в. во Франции приходится момент создания в Париже первых мультиплексных магазинов – универмагов. По своему принципу розничной продажи они схожи с современными розничными системами распределения. Универмаги стали не только основоположниками новой экономической практики в распределении товаров производства, но также стали причиной социальных изменений в парижском обществе, а затем и всей Франции.

Опыт универмагов как магазинов, продающих разнообразные товары под одной крышей, до второй половины XIX в. не применялся. Существующей на момент начала XIX в. розничный принцип распределения товаров оставался на доиндустриальном уровне. Развитие промышленности и сети железных дорог позволили увеличить производство. Для удовлетворения новых требований экономики, система распределения товаров должна была перестроиться. Естественный ход развития экономики, однако, не был единственной причиной появления универмагов, которые являлись не только экономическим, но и социокультурным явлением.

Первые универмаги были следствием изменений, которые происходили во французском обществе второй половины XIX в.; реализацией тех амбиций, которые стали возможны с увеличением социальной динамики. Своим появлением они обязаны не столько экономическому развитию, сколько тем первым хозяевам универмагов, которые стали изобретателями нового принципа коммерции.

В европейской историографии первым создателем универмага считается Аристид Бусико (1810–1877)¹. Его универмаг Le Bon Marché, созданный в 1852 г., существует до сих пор. Это свидетельствует о том,

насколько прочно в экономическом отношении универмаги заняли место в жизни общества. Подпитываемые социальными факторами, универмаги стали быстро распространившимся явлением.

Что же позволило универмагам приобрести столь широкое применение? В первую очередь это относится к самому принципу новой коммерции, который заключался теперь в продаже большого количества товаров по низким ценам. Старая система торговли, как, впрочем, и универмаги, была тесно связана с системой производства, которая ко второй половине XIX в. сделала возможным закупку крупных партий товаров. Упрощение производства и развитие инфраструктуры понижали стоимость сырья, а значит, готовая партия товара так же становилась дешевле. Таким образом, универмаги выигрывали от покупки крупных партий, что еще более снижало стоимость одной единицы товара.

Этот, казалось бы, простой и органичный способ ведения бизнеса, претерпел долгое становление на практике. Старая система торговли в определенный момент начала тормозить развитие промышленности, поскольку была не в состоянии обеспечить производителей крупными заказами на поставку. Бизнесмены старого типа по-прежнему закупали товар малыми партиями. Роль посредников при этом значительно возростала, увеличивая итоговую стоимость товара на прилавке магазина. Значительным минусом коммерции «старого типа» было ее нежелание приспособливаться под новые возможности распределения. Которые открывали широкие горизонты тем, кто уловил ход эпохи. Старые лавочки меркли на фоне грандиозных витрин универмагов, их цены и ассортимент не могли составить достаточную конкуренцию.

Распространение универмагов, являвшихся выходом для крупных производителей и коммерсантов, было результатом не только экономических, но и социальных изменений. Сами представители старого типа торговли отвергали новые возможности экономики, предпочитая торговать «по старинке». Поэтому первые хозяева универмагов были не только новаторами в коммерческом отношении, они также были свободны от различных предрассудков и открыты новым идеям. Гибель поколения «старой коммерции» наглядно проиллюстрирована в романе Э. Золя «Дамское Счастье»². В этом романе также подробно описываются те социальные изменения, которые повлекли в дальнейшем изменения в парижском социуме, а затем и во Франции в целом,

¹ *Miller M.* The Bon Marché: Bourgeois Culture and the Department Store, 1869–1920 / M. Miller. Princeton, 1981. 226 p.

² *Золя Э.* Дамское счастье / Пер. с фр. Ю. Данилина. СПб, 2012. 480 с.

которая уже с начала XX в. стала законодательницей не только моды, но и новых трудовых норм и правил.

Наряду с либерализацией торговли просматривается и либерализация общества. Новые коммерческие институты – универмаги – сталкивали в своих стенах людей различного происхождения и сословий. Одни из них были обслуживающим персоналом, другие были покупателями. Столь тесное соприкосновение различных слоев общества рождало их неприменную интеграцию, которая, возможно, на одном из этапов могла выглядеть как конфронтация. Однако сближение двух слоев – провинциального и не богатого парижского среднего класса и представителей буржуазно-аристократических классов рождало симбиоз, при котором небогатые, но предприимчивые люди могли продвигаться по социальной лестнице, которая во второй половине XIX в. становится менее крутой.

Универмаги также стали законодателями моды, как в эстетическом, так и в практическом смысле. Ассортимент изделий, предлагаемый универмагами, был настолько разнообразен, что мог удовлетворить нужды практически всех слоев населения Парижа. Универмаги активно внедряли рекламу и различные ее производные: богатые витрины, толстые каталоги, доставку на дом, сопутствующие услуги. Все это стало преобладающей силой в коммерции всего за полвека и продолжает работать до сих пор, что свидетельствует о фундаментальности данного изобретения – универмага.

В мировой историографии феномен универмагов, как в экономическом, так и в социальном отношении, активно обсуждается³. Однако в российской историографии вопрос о становлении универмагов и их влиянии на французское общество до сих пор остается не затронутым. Переняв экономический опыт европейских стран в области распределения товаров производства, в России по-прежнему предпочитают не задумываться об истоках этого явления. Общество, которое на рубеже XIX–XX вв. подверглось значительным изменениям, на современном этапе развития представляет собой продукт эпохи становления и расцвета универмагов. Российское общество XX–XXI вв. многое

заимствовало из европейского, которое к XX в. приобрело черты «современного» (капиталистического). Однако для России опыт заимствования принципов современного капиталистического общества во многом оказался не полноценным. Для лучшего понимания «современного» европейского общества необходимо обратиться к эпохе его становления, а также тем социально-культурным изменениям, к которым можно отнести и феномен универмагов. Естественно, феномен универмагов не является основной причиной становления «современного» европейского общества, однако на примере их истории можно наглядно проследить сам механизм демократизации общества и экономики. Понимание структуры общества и механизмов взаимодействия в нем является основным ключом к пониманию культуры и истории как отдельно взятой нации, так и европейского общества в целом.

³ *Lesselier C.* Employées de grands magasins à Paris (avant 1914) // *Le Mouvement social*. P., 1978. №105. P. 109–126; *McBride Th.* A Woman's World: Department Stores and the Evolution of Women's Employment, 1870–1920 // *French Historical Studies*. N. Y., 1978. №4. P. 664–683; *Pasdermajian H.* The department store, its origins, evolution, and economics / *H. Pasdermajian*. L., 1954. 217 p.

ТИФЛИССКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИКА-АРХИВИСТА М. А. ПОЛИЕВКТОВА

*А. Н. Максимчик, к.и.н.
(Минский филиал МЭСИ, Беларусь)*

Политические потрясения в России в 1917 г. внесли существенные изменения в жизнь и деятельность многих слоев населения. Не обошли они стороной и личность известного историка, профессора Петроградского университета Михаила Александровича Полиевктова (1872–1942). В своей автобиографии он писал: «Революция нарушила установившееся течение научной жизни. Новый уклад жизни усваивался не сразу: “дух был смущен”»¹. Однако и в этих новых для него условиях, научная деятельность не была свернута, а его идеи – спрятаны в письменный стол. Октябрьский вооруженный переворот стал водразделом в судьбе историка, разграничив его жизнь на два периода научной деятельности: петербургский (1872–1919) и тифлисский (1920–1942).

Мотивы, которыми руководствовался М. А. Полиевктон при переезде из Петрограда в Тифлис, установить очень трудно, поскольку сам он подробно на них не указывал. По имеющимся в распоряжении исследователя документам можно предположить, что пункт назначения был выбран не случайно. Во-первых, в Тифлисе проживала его супруга Русудана – дочь известного грузинского общественного деятеля Нико Николадзе, в браке с которой он состоял с 1911 г. В своей автобиографии М. А. Полиевктон на это прямо указывал: «с осени 1920 г., по семейным условиям, я переехал в Тифлис»². Об этом же писала в своих воспоминаниях его ученица историк и библиограф Н. С. Штакельберг: «жена его, Р. Н. Николадзе, была с сыном в Грузии, и он кружными путями и разрушенными дорогами, едва ли не через Киев, добирался к семье несколько месяцев, а добравшись, остался работать

в Тбилиси и позднее в Ленинград приезжал только в командировку»³. Учитывая крайне нестабильную внутривнутриполитическую ситуацию на Кавказе в это время, историк, для обеспечения своей безопасности, позаботился о наличии беспрепятственного «пропуска» – удостоверения о направлении его в Грузию на основании протокола заседания Коллегии научного сектора Наркомпроса от 25 июня 1920 г. В документе указывалось, что он «командируется на 6 месяцев на Кавказ и Грузию по делам Кавказского историко-археологического института в Тифлисе для изучения племенного состава южного Кавказа»⁴.

Во-вторых, по справедливому мнению современного исследователя В. В. Тихонова, еще одной из причин переезда стала «все большая бытовая неустроенность в северной столице и неустойчивое положение “старой интеллигенции” в революционную эпоху»⁵. Несмотря на демонстративное одобрение мероприятий новой власти в России, М. А. Полиевктон не испытывал явных симпатий по отношению к ней. Публично об этом он никогда не говорил, но в беседах с родными делился своими переживаниями. Так, в письме к своему тестю от 6 октября 1924 г. историк с тревогой писал: «Преподавание истории в Высших Учебных Заведениях – сведено на нет. И это, по-моему, большая ошибка именно с точки зрения преобладающей в настоящее время идеологии. Русская историческая наука была сильна своею традицией, что и создавало почву для возникновения и упрочения в ней новых направлений... Сводить это все на нет – подрубать сук, на котором прежде всего, само марксистское направление в исторической науке могло бы дать пышный расцвет»⁶. Предчувствуя, что в ближай-

³ Штакельберг, Н. С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Предисл., послесл. и публ. Б. В. Ананьича, примеч. Е. А. Правитовой // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. С. 35.

⁴ From St. Petersburg to Notre Dame: The Miraculous Journey of the Polievktov-Nikoladze Family Papers Through a Century of War and Revolution / Сайт библиотеки университета Нотр-Дам (Индиана, США) [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://rarebooks.library.nd.edu/exhibits/polievktov/m-polievktov.shtml>. Дата доступа: 26.02.2014.

⁵ Тихонов, В. В. М. А. Полиевктон как кавказовед // История народов России в исследованиях и документах : [сб.] / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук ; [Редкол.: В. В. Трепаевлов (отв. ред.) и др.]. М., 2011. Вып. 5. С. 73.

⁶ Цит. по: Пайчадзе Г. Г. К столетию со дня рождения М. А. Полиевктова // Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств. 1973. Вып. 2. С. 224.

¹ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее ЦГИА Грузии). Ф. 1505. Оп. 1. Д. 1. Как сложилась моя научная работа [Автобиография М. А. Полиевктова]. 1927 г. Л. 8.

² ЦГИА Грузии. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

шем будущем на представителей «старой» школы историков может быть объявлена «охота на ведьм», М. А. Полиевктов заблаговременно готовил себе пути отхода. В некрологе ученому, подготовленном его учеником И. Цинцадзе, упоминается интересный документ, найденный им в архиве Тбилисского государственного университета. Это телеграмма от 9 августа 1919 г.(!) со следующим текстом: «Тифлис. Государственный университет. Декану Кекелидзе⁷. Готов предложить государственному университету мои услуги, если могу быть чем-то полезен. Профессор Полиевктов»⁸. Последовавший одобрительный ответ из Тифлиса перевесил чашу весов в пользу переезда.

В Тифлисе М. А. Полиевктова встретили очень хорошо. Судя по его письму к профессору С. Б. Веселовскому от 20 февраля 1925 г. прием был настолько радушным, что он чувствовал себя перед грузинскими коллегами в долгу. Историк писал: «... я особенно буду рад, если мой скромный труд⁹ действительно окажется небесполезным для грузинской исторической науки, и я смогу тем самым, хоть немного отблагодарить за тот прием, какой я неизменно встречал в течение 5 лет со стороны грузинского общества и, в частности, университета»¹⁰.

Работая в университете, ученый отчетливо понимал необходимость существенной корректировки своих научных интересов, приведение их в соответствие с местными условиями. Михаил Александрович писал: «...как специалист по русской истории, я чувствовал себя несколько одиноким. Я с увлечением взялся за выработку в университете нового курса истории Восточной Европы, куда история России должна была войти в новой постановке... Но этого было мало. Чувствовалась потребность найти себе место в грузиноведной работе, новым центром которой делался теперь грузинский университет в Тифлисе.

⁷ Кекелидзе Корнелий Самсонович (1879–1962) – историк древнегрузинской литературы, литературовед, один из основателей Тбилисского университета.

⁸ Цинцадзе И. Профессор Михаил Полиевктов [Некролог] (на груз. яз.) // Труды Тбилисского университета. 1943. Т. 25. С. 248.

⁹ Здесь имеется в виду работа: Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650–1652 / Документы издал и введ. снабдил М. Полиевктов. Тифлис: Тифлис. ун-т, 1926. 231 с.

¹⁰ Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками / [Рос. акад. наук, Арх. Рос. акад. наук, Федер. арх. Служба России, Рос. гос. арх. древ. актов]. М.: Древлехранилище, 2001. С. 239.

Якорем спасения стали все те же архивы. История грузино-русских отношений остается до настоящего времени не только не написанной, но даже и материалы для этой истории, которая ведет свое начало с XVI века, нельзя понять, ни современных взаимоотношений Грузии и России, ни истории отношений России к Кавказу в целом»¹¹. Это придало его работам по истории российского продвижения на Кавказ новое звучание, позволило аргументированно показать взаимосвязку и логику действий российской политики на Кавказе на масштабном историческом фоне¹².

Чтобы максимально влиться в грузинскую профессионально-историческую среду, М. А. Полиевктов стал изучать грузинский язык и овладел им так хорошо, что во время экзаменов слушал ответы студентов на этом языке¹³. Он поддерживал близкие отношения с такими видными грузинскими историками как И. А. Джавахишвили и Н. Я. Марром.

Помимо работы в университете ученый преподавал до 1924 г. на факультете общественных наук (ФОН) в местном Политехническом техникуме. После закрытия ФОН, М. А. Полиевктов в 1925 г. был приглашен в Центрархив Грузии, заняв должность заведующего отделом бывшей Кавказской археографической комиссии¹⁴. По результатам архивной работы им был подготовлен доклад о деятельности

¹¹ ЦГИА Грузии. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

¹² ЦГИА Грузии. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 12. Рукописи М. А. Полиевктова «Россия и Кавказ, как проблема истории русской внешней политики»; «Очерк колонизации на Кавказе». 17 ноября 1924 г.; Ф. 1505. Оп. 1. Д. 11. Рукопись М. А. Полиевктова «Движение России на юго-восток через степи и горы к берегу моря» [Б.г.]; Ф. 1505. Оп. 1. Д. 53. Работа М. А. Полиевктова «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» [Б.г.]; Ф. 1505. Оп. 1. Д. 50. Рукопись профессора М. А. Полиевктова «Очерки по истории русского кавказоведения XVI–XVIII вв.». 2 января 1940 г.; *Полиевктов М. А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис: Науч.-исслед. ин-т кавказоведения АН СССР, 1932; *Зевакин Е. С., Полиевктов М. А.* К истории Прикаспийского вопроса. Тифлис: ЗагГИЗ, 1933; *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу / Акад. наук СССР, Науч.-исслед. ин-т кавказоведения им. акад. Н. Я. Марра. Тифлис: 1-я тип. Сахелгани, 1935.

¹³ Цинцадзе И. Профессор Михаил Полиевктов [Некролог] (на груз. яз.) // Труды Тбилисского университета. 1943. Т. 25. С. 248.

¹⁴ ЦГИА Грузии. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

указанной комиссии, зачитанный на краеведческом съезде в Батуми в сентябре 1925 г.¹⁵

В целом М. А. Полиевктов был очень доволен своим новым местом проживания и работы. Он писал: «Своей работой сейчас живу, в ней же отдых и прибежище от всяких душевных волнений и сомнений»¹⁶.

В начале 1930-х гг. его научно-педагогическая работа была нарушена. Причиной этого стало сфабрикованное ОГПУ уголовное дело против группы ученых Академии наук («Академическое дело»), многие из которых были его друзьями. Благодаря своей «удаленности» от основного места событий, он не был арестован, однако на него пала тень подозрений¹⁷. 6 июня 1931 г. в периодической печати было опубликовано постановление Коллегии Наркомпроса Грузии о том, что М. А. Полиевктов снят с преподавания в вузах, как профессор «правых» взглядов. В письме на имя Наркома просвещения Г. С. Девдариани историк с негодованием отмечал: «Такое постановление и такая мотивировка являются для меня совершенно неожиданными, так как никто никогда в течение всей моей педагогической деятельности в ВУЗах за время советской власти мне такого обвинения не предъявлял. Вся моя деятельность за все 14 лет советской власти резко противоречит даваемой мне теперь характеристике»¹⁸. В письме он привел целый ряд аргументов, характеризующих его преданность идеям марксистской исторической науки, просил пересмотреть и отменить постановление Коллегии. Трудно сказать, какие последствия оно имело для карьеры историка, однако на этом его бурная научная деятельность не остановилась.

В отличие от многих своих коллег он не был сослан, посажен в тюрьму или расстрелян. Титаническая работоспособность М. А. По-

лиевктова в области изучения российско-кавказских отношений XVI–XVIII вв. оборвалась 21 декабря 1942 г. на 71 году жизни. Он был похоронен на кладбище Ваке в Тбилиси.

Нужно сказать, что дальнейшее и более углубленное изучение научного наследия историка послужит заполнению исторических лакун во внешнеполитической истории Кавказа. Его взгляды и идеи не потеряли своей практической значимости и на современном этапе развития исторической науки. Во многом, они также позволяют по-новому посмотреть на процесс становления советской историографии по изучению истории российско-кавказских отношений.

¹⁵ *Полиевктов М. А.* Кавказская археографическая комиссия и ее наследие в Центральном архиве ССР Грузии // *Bulletin Historique*. 1925. Livre II. С.105–119.

¹⁶ Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками / [Рос. акад. наук, Арх. Рос. акад. наук, Федер. арх. Служба России, Рос. гос. арх. древ. актов]. М.: Древлехранилище, 2001. С. 240.

¹⁷ *Тихонов В. В.* М. А. Полиевктов как кавказовед // *История народов России в исследованиях и документах : [сб.] / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук ; [Редкол.: В. В. Трепавлов (отв. ред.) и др.]. М., 2011. Вып. 5. С. 76.*

¹⁸ From St. Petersburg to Notre Dame: The Miraculous Journey of the Polievktov-Nikoladze Family Papers Through a Century of War and Revolution / Сайт библиотеки университета Нотр-Дам (Индиана, США) [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://rarebooks.library.nd.edu/exhibits/polievktov/m-polievktov.shtml>. Дата доступа: 26.02.2014.

А. И. ГЕРЦЕН И «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В 1840-х – НАЧАЛЕ 1860-х гг.

*Г. А. Малютин, к.и.н.
(РГАСПИ)*

1) А. И. Герцен и «польский вопрос» в 1840–1850-е гг.

А. И. Герцен выступал за свободную Польшу, но при этом Россия тоже должна была освободиться от самодержавия. Самой подходящей формой объединения России с Польшей Герцен считал добровольную федерацию вольных и равноправных соседей, предварительным условием которой должно было явиться свержение самодержавия и демократизация общественного строя России.

Он высказывался за самоопределение Украины и предоставление ей свободы выбора союзников. При очень негативном отношении к самодержавию России писатель с уважением относился к русскому народу, надеялся на светлое будущее для него. Во время правления Николая I, Герцен критиковал политику российских властей и связывал это с деятельностью императора. С воцарением Александра II Герцен связывал определенные надежды на либерализацию управления, на реформы, на изменение политики управления Польшей. Все отрицательные проявления власти он связывал с активной деятельностью николаевских сановников. К концу 1850-х гг. он постепенно разочаровывается в политике императора и призывает русских и поляков действовать против правительства страны.

2) Герценовское направление общественной мысли и «польский вопрос» в начале 1860-х гг.

Анализируется герценовское направление общественной мысли и «польский вопрос» в нач. 1860-х гг. С нарастанием напряженности в Царстве Польском он еще больше вникает в польские дела. По национальному вопросу Герцен придерживался твердо своей позиции: она заключалась в обязательном предоставлении полякам независимости от власти империи, предполагалось предоставление независимости польским землям Австрии и Пруссии. Не исключалось в дальнейшем объединение Польши и России на федеративной основе. В отношении территории Украины, Беларуси, Литвы он придерживался позиции предоставления коренному населению равных прав с поляками и рус-

скими, они могли тоже получить независимость от России. Дальнейшее их будущее он видел в предоставлении права самостоятельно выбирать, с кем они захотят объединяться или будут жить независимо. Он делает ставку на первоначальное решение крестьянского вопроса, который снимет разногласия между народами Западных губерний и Царства Польского.

Позиция Герцена по надвигающемуся восстанию была многогранной. Он далеко не по всем пунктам плана сходил с польскими коллегами, уделял большое внимание при разработке плана восстания крестьянскому вопросу, отводя национальный вопрос и о границах на второй план. Поляки делали наоборот, это не устраивало Герцена, он добивался поправок в их программе. Герцен понимал слабость русской организации и невозможность участия в восстании без дополнительной подготовки, без привлечения крестьянства. Он убеждал в этом поляков и уговаривал отложить восстание на весну или лето 1863 г. Герцен был убежден, что освобождение крестьян и наделение их землей – это главная задача русского и польского движения.

Бакунин держался более радикальной позиции, и для него главным были практические действия во время восстания, а не теоретические концепции. В вопросе новых границ он был убежден, что после наделения крестьян землей все славяне объединятся в Общеславянскую федерацию.

Воздействие на Герцена его сторонников, уверенность в успехе восстания польских друзей, непоследовательная и противоречивая политика российских властей подталкивала его к одобрению скорейшего начала восстания в 1863 г., хотя скрытые сомнения в его успешности не покидали Герцена. Однако, в канун польского восстания 1863 г. А. И. Герцен и его сторонники были солидарны с демократическим крылом польской партии, выступали за равенство и независимость всех славянских народов России. Надеялись на успех польского восстания, но предсказывали и успех русского восстания против петербургской власти. При утверждении общности целей и задач польского и русского движения, они подчеркивали свою принадлежность к русскому движению, частичное отличие их интересов от польской стороны и совпадение по решению крестьянского вопроса. Герцен видит в будущем только свободную демократическую Польшу и не видит смысла воссоздания шляхетской Польши.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУТА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

*А. В. Мамаев, к.и.н.
(ИРИ РАН)*

К началу 1917 г. в России ситуация в сфере городского самоуправления имела черты кризисной. Городскому обществу становилось слишком тесно в рамках установленных монархией форм организации управления.

Кризис дореволюционной системы городского самоуправления не означал, что сама выбранная модель оказалась тупиковой. Городское самоуправление способствовало формированию гражданского самосознания горожан, представлений об особой, городской идентичности, предоставило, пусть и ограниченную, возможность приобрести управленческий опыт, приобщиться к власти. Однако сохранение значительных ограничений в избирательных правах, узкого сословно-классового состава «отцов города», ограниченной сферы компетенции и прав муниципалитетов тормозили и сводили на нет эти положительные моменты.

Финансово-хозяйственные итоги деятельности были впечатляющими: типичным для российского города стало наличие разветвленного, растущего невиданными ранее темпами муниципального хозяйства. Однако сравнение успехов российских городов с достижениями на Западе было не в пользу России. Отличия носили качественный характер. Казалось, что без решительных системных изменений серьезных подвижек в городском хозяйстве добиться нельзя.

Та модель общественного развития, в условиях которой происходила модернизация страны, для дальнейшего успешного движения и преодоления внешних вызовов нуждалась в реформировании. Война до крайних пределов усилила эту потребность.

Кризис системы управления городами накануне революции, усиленный пропагандой, десятки лет проводившейся освободительным движением, стал одним из элементов общенационального кризиса, который отразил противоречивость ускоренных неорганических модернизационных процессов в России. Кризис дореволюционной думской

модели городского самоуправления можно назвать ярким проявлением и элементом обострения противоречий между коронной властью и интеллектуальной, финансовой элитой общества.

Период существования Временного правительства ознаменовался системной перестройкой органов городского самоуправления. Они были демократизированы, стали активными участниками политической жизни, серьезно расширены были их хозяйственные полномочия.

Принципы и направления хозяйственной деятельности органов самоуправления, оформленные умеренными социалистами накануне выборов в популистских целях, сыграли в краткосрочной перспективе негативную роль разжигания повышенных ожиданий. В то же время идеи «муниципального социализма» являлись для новых городских деятелей тем маяком, который не давал за грузом повседневности забыть о магистральном направлении. Начало деятельности новых городских самоуправлений свидетельствовало, что выход из кризиса должен был быть найден на путях социал-реформизма.

Процесс революционной трансформации органов городского самоуправления, по замыслу реформаторов, должен был стать только внешним проявлением коренной перестройки психологии различных слоев общества: рабочих, солдат, «обывателей».

Общественно-политические деятели, сторонники «февральского» демократического режима, полагали, что в условиях демократии широкие массы горожан, осознав, что власть в муниципалитетах и успехи городского хозяйства находятся в их руках, могли бы обеспечить муниципалитеты своей всесторонней поддержкой. Новые муниципальные органы должны были стать опорой демократической верховной власти на местах, придать ей прочность, обеспечить неизменность демократического выбора России.

После февраля 1917 г. от назначаемых административно органов власть на местах должна была перейти в руки муниципалитетов. Эсер, товарищ председателя Московской городской думы Ф. А. Данилов полагал, что Временное правительство «...должно постепенно упразднить должности правительственных комиссаров и входить по делам внутреннего государственного управления в самые близкие отношения с городскими думами и земскими собраниями»¹. Это же пожелание прозвучало в декларации советов и демократических организа-

¹ Труд. 1917. 19 июля.

ций на Государственном совещании², повторялось на предвыборных собраниях, со страниц газет.

Один из активных разработчиков муниципального законодательства Временного правительства Д. Д. Протопопов отмечал в мае 1917 г.: суть проводимой центральной властью реформы в том, что «...Из органов местного самоуправления города... становятся органами государственного управления, им передается почти вся полнота государственной власти...». Об этом же заявлял начальник Главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Авинов³.

Для координации деятельности муниципалитетов, по словам Д. Д. Протопопова и московского городского головы В. В. Руднева, предполагалось создать Министерство местного самоуправления⁴.

Взяв в свои руки государственное управление на местах, реформированные органы городского самоуправления могли бы в дальнейшем участвовать в формировании верховной власти. Так, на съезде Союза городов в октябре 1917 г. московский городской голова эсер В. В. Руднев назвал неотложной задачей создание правительства, ответственного перед органами демократического самоуправления⁵.

С этим соглашался ставший городским головой Петрограда эсер Г. И. Шрейдер, который предлагал до избрания Учредительного собрания сформировать Совет городских и земских депутатов, который должен был «встать рядом» с советами рабочих и солдатских депутатов. Намечая общую реконструкцию верховной власти Г. И. Шрейдер предлагал либо напрямую делегировать в состав правительства городских и земских представителей, либо создать правительство совета русских земель, решающее значение в избрании которого принадлежало бы органам местного самоуправления⁶.

Министр внутренних дел А. М. Никитин в октябре 1917 г. констатировал, что органам городского самоуправления уже «...переданы в непосредственное ведение органы государственной власти...», а МВД «...смотрит на себя в настоящее время, как на орган, имеющий своей задачей содействие органам самоуправления на местах, ...как на такое государственное учреждение, которое в будущей деятельности долж-

но превратиться в орган местного самоуправления, – орган, объединяющий и обслуживающий органы самоуправления на местах...»⁷.

Меры, предпринятые Временным правительством, и практический опыт деятельности органов городского самоуправления на местах подтверждают, что, несмотря на нерешительность и сохранение на местах административно назначаемых лиц, общее направление трансформации местного управления на местах заключалось в том, что органы самоуправления должны были стать государственной властью, а государственная власть – высшим проявлением воли самоуправляющегося народа.

Но насколько верным было это направление?

Временное правительство было свергнуто, и муниципалитеты не смогли этому помешать, ограничившись резолюциями: в большинстве городов большевики взяли власть вполне мирно. Явным исключением из этого характерного явления была Московская городская дума, попытавшаяся бороться с переворотом вооруженным путем, но проигравшая.

Построение нового децентрализованного демократического общественного строя оказалось под вопросом. Во многом утопическую задачу быстрого изменения основ взаимоотношений между обществом и властью не удалось осуществить за несколько месяцев: виноваты идеализация общественными деятелями психологии народных масс, слабое представление об их потребностях, негативные черты, проявившиеся в реформированных муниципальных органах: политизация, завышенные общественные ожидания, финансовый кризис, невозможность добиться быстрых улучшений в области городского хозяйства, в решении продовольственного, топливного вопросов.

² Русские ведомости. 1917. 15 августа.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 12 августа.

⁴ Протопопов Д. Д. Реформа самоуправления // Тульская молва. 1917. 19 мая.

⁵ Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 49. С. 23–24.

⁶ Самоуправление. 1917. 24 сентября.

⁷ Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 49. С. 24–25.

ОБМАНЧИВОЕ РОДСТВО: МЕКСИКА ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ ГЛАЗАМИ БОЛЬШЕВИКОВ (1919–1927 гг.)

А. А. Манухин, к.и.н.
(МГТУ им. Н. Э. Баумана)

Начало XX века было ознаменовано революциями в ряде стран мира, задавшими новый вектор их дальнейшего развития. Революция 1917 г. в России привлекла взоры многих стран Латинской Америки. Особенно это касалось Мексики, также пережившей в 1910–1917 гг. собственную революционную трансформацию. Установление дипломатических отношений между СССР и Мексикой в 1924 г. было первым признанием советского государства в Западном полушарии.

Современные отечественные историки отмечают догматизм мышления большевиков, настойчиво пытавшихся исправлять «ошибки» мексиканской революции, указывая на ее «мелкобуржуазный» и «меньшевистский» уклон¹. В свою очередь, мексиканские авторы подчеркивают, что мексиканская революция, в отличие от русской, всегда оставалась на конституционной, национальной и демократической платформе². Здесь рассматривается то, как высшие советские руководители и дипломаты сформировали образ постреволюционной Мексики, что наложило отпечаток на внешнеполитический курс СССР.

Первоначальные сведения о мексиканских событиях были крайне неопределенными. В апреле 1919 г. в Мексику был направлен эмиссар НКВД и Коминтерна М. М. Бородин (Грузенберг). Главная цель его миссии заключалась в создании мексиканской компартии и латиноамериканского бюро Коминтерна. Бородин наметил покончить с «аномалией», при которой Латинская Америка рассматривается международным рабочим и социалистическим движением как «дру-

гая планета»³. Поверхностное знакомство со страной объясняет его «смелое» заявление: «Мексика – наиболее передовая американская республика, приближающаяся по своему социальному строю к Советской России»⁴. Такой взгляд во многом predetermined оптимизм Москвы в отношении Мексики.

Однако ничто не отстояло дальше от реальности, чем вероятность социалистической революции в Мексике. Режим «революционного каудильизма», который после свержения Каррансы в мае 1920 г. начал создавать А. Обрегон и продолжил его преемник П. Э. Кальес, предполагал проведение в жизнь реформ в сфере трудовых отношений, образования и здравоохранения, ограничения привилегий иностранных компаний в разработке природных ресурсов страны⁵. Вместе с тем «обрегонисты» были твердо намерены вернуть Мексику в «семью цивилизованных наций», что обеспечивало признание ведущих индустриальных держав.

Непонимание сути этого сложного процесса приводило русских революционеров-марксистов к серьезным ошибкам. Так, полпред в Германии Н. Н. Крестинский выражал недоумение относительно того, что США помогали «рабочему» правительству Обрегона в подавлении «контрреволюционного» восстания, за спиной которого стояли «помещики и духовенство»⁶. Первым советским полпредом в Мексике стал С. С. Пестковский (1924–1926 гг.), нацеленный на поддержку мексиканских коммунистов и организацию «борьбы с империализмом Соединенных Штатов» совместно с другими государствами Латинской Америки и Японией, о чем он открыто вел разговоры с членами дипломатического корпуса в Мехико⁷. Пестковский подчеркивал важность агитационной работы среди крестьянских организа-

³ Mikhail Borodin to the Members of the Socialist Party of Spain. January 4, 1919 // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

⁴ *Cárdenas H.* *História de las relaciones mexicano-soviéticas.* México, 1974. P. 57.

⁵ *Córdova A.* *La ideología de la Revolución Mexicana: formación del nuevo régimen.* México, 1973. P. 265–266.

⁶ Н. Н. Крестинский – Г. В. Чичерину, М. М. Литвинову. 8 февраля 1924 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0110. Оп. 4. Папка 101. Д. 1. Л. 1.

⁷ Доклад о политическом положении Мексики и Латинской Америки за первое полугодие 1925 г. // АВП РФ. Ф. 0110. Оп. 3. Папка 101. Д. 2. Л. 126–137.

¹ *Хейфец В. Л.* *Коминтерн и эволюция левого движения Мексики.* М., 2006. С. 168.

² *Cárdenas H.* *História de las relaciones entre México y Rusia.* México, 1993. P. 145.

ций, делал ставку не на слабую мексиканскую компартию, а на независимые профсоюзы⁸. При этом он не выходил из роли «наставника» мексиканских коммунистов и тяготеющих к социалистическим идеям рабочих и крестьянских политиков⁹.

Отставка Пестковского в августе 1926 г. была вызвана недовольством НКВД его линией на соединение агитационно-пропагандистской работы и дипломатии, что провоцировало нападки на СССР со стороны правительств Мексики, США и Великобритании. На смену ему была направлена А. М. Коллонтай. Назначению в Мексику предшествовало наставление, полученное ею от И. В. Сталина. Генсек требовал: «Вы, как представитель Советского Союза, не должны поддаваться ложным представлениям нарастания революции, до которой Мексике еще далеко»¹⁰.

За те полгода, что Коллонтай провела в Мексике (декабрь 1926 – июнь 1927 гг.), ей удалось улучшить имидж СССР и наладить работу торгпредства, Коллонтай успешно отражала нападки в свой адрес со стороны официального мексиканского профсоюза (КРОМ), а также Вашингтона и Лондона. Подобно Пестковскому, она подчеркивала важное место Мексики среди государств Латинской Америки, как авангарда в борьбе за социальные преобразования и освобождение от внешней зависимости, призывая прекратить шельмование мексиканского правительства в советской печати¹¹. Однако признавала, что «при всех многочисленных восстаниях, настоящей революции здесь еще не было»¹².

Болезнь и, как следствие, отставка Коллонтай отчасти повлекли охлаждение между Мексикой и СССР, что завершилось кризисом торговли и разрывом отношений в январе 1930 г.¹³ Главная же причина

заклучалась во временном урегулировании с США вопросов о долгах и положении американских нефтяных компаний. Политический режим Мексики не стал мириться с активной подпольной работой советского полпредства по подготовке восстаний коммунистов в Мексике и на Кубе.

Дипломатические донесения и личные высказывания о Мексике раскрывают угол зрения большевиков. Местные революционные традиции не вписывались в представление о двух типах революций: буржуазно-демократической и социалистической, не соответствовали марксистскому канону из-за острых региональных и этнических различий, отсутствия зрелого предпринимательского класса, маргинального положения «мелкой буржуазии», роли армии как самостоятельной, «внеклассовой» силы. Прошло немало времени, прежде чем в СССР был выработан более реалистичный образ Мексики.

⁸ Там же. Л. 170–196.

⁹ Доклад товарища Андрея в ИККИ. 20 августа 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 179. Л. 6–11.

¹⁰ Мексиканский дневник А. М. Коллонтай (1926–1927 гг.) // РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 7. Л. 6–8.

¹¹ А. М. Коллонтай – М. М. Литвинову. 1 июня 1927 г. // АВП РФ. Ф. 0110. Оп. 3. Папка 101. Д. 2. Л. 160–161.

¹² Мексиканский дневник А. М. Коллонтай (1926–1927 гг.) // РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 7. Л. 45.

¹³ Б. И. Плавник – А. П. Розенгольцу: Материалы о ликвидации торгпредства СССР в Мексике. 4 апреля 1934 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 13. Д. 535. Л. 2–4.

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РУССКИХ ЧЕРЕЗ КОНТАКТ С «ИНЫМ»¹ (ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЧАЛА XX-го ВЕКА)

Е. С. Маркина
(Университет Женевы, Швейцария)

В 1915 году в записи от 28-го апреля Зинаида Гиппиус пишет в своем дневнике о широко обсуждаемых в обществе вопросах: «польский, еврейский, государственный вообще и в частности, экономический вообще и в частности»². Однако, русского вопроса среди них нет, и это вызывает у Гиппиус протест. Признавая польский и еврейский вопрос как требующие решения, она призывает своих друзей поднять и русский вопрос и не откладывать его обсуждение. Не совсем понятно, что она имеет в виду, говоря о русском вопросе. Однако если польский вопрос можно толковать как «что нам делать с поляками?», а еврейский – как дебаты о том, «что нам делать с евреями», то тогда выходит, что русский вопрос – это «что нам делать с русскими?». Примечательно то, что проблемы других народов в составе Российской империи толкают ее на мысль о том, что следует заняться вопросом о судьбе русского народа.

Как проявляется русская национальная самоидентификация в начале XX века, и какое влияние оказывает на русского человека контакт с нерусским населением российской империи? Мы обратимся к документам личного происхождения или, как их еще иначе называют, эго-документам³, чтобы проследить в какой момент представители

¹ Здесь и далее, если не указано иначе, слово «иной» используется нами для обозначения представителя (или представителей) любого другого, нерусского народа.

² Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т.8. Дневники: 1893- 1919. М.: Русская книга, 2003. С. 165.

³ Понятие «эгодокумент» было впервые использовано профессором Амстердамского университета Жаком Прессер в середине 1950-х гг. См.: Dekker R. M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history. URL : <http://www.egodocument.net/pdf/2.pdf>, дата обращения 27.2.2014.

разных сословий, русские по происхождению⁴, сознательно идентифицируют себя как часть «русской нации» и как они реагируют на контакт с другими населяющими империю народами.

Выбор документов продиктован стремлением уловить в самых различных слоях общества многогранность проявления национальной самоидентификации. Анализу подверглись документы⁵ конца XIX – начала XX века: дневники и воспоминания нескольких представителей дворянского рода (княгиня Васильчикова, княгиня Духовская, Зинаида Гиппиус), выходца из купеческой семьи (Дмитрий Абрикосов), а также людей гораздо менее обеспеченных: общественного деятеля и выходца из учительской семьи (Александр Керенский), жены фабричного врача (Софья Дрыжакова), журналистки из обедневшей помещичьей семьи (Ариадна Тыркова-Вильямс), крестьянина, ставшего официантом (Матвей Гордеев) и работницы-крестьянки (Агриппина Кореванова). Иными словами, единственное, что объединяет всех этих выбранных нами людей – русское происхождение и проживание в Российской империи.

Национальная принадлежность не является априори самой выраженной формой самоидентификации, и тем более интересным становится отметить в каких ситуациях она выходит на первый план. В каких случаях авторы эго-документов упоминают или рассуждают о своей принадлежности к русскому народу? Заметим, во-первых, что чувство принадлежности к нации (национальная самоидентификация) не описывается в эго-документах само по себе. Закономерным является то, что оно пробуждается в ситуациях, когда происходит контакт с *иным*, с тем, кто принадлежит к другой нации, культуре, религии. Во-вторых, национальная самоидентификация обостряется в ситуациях, когда происходит потрясение: восстание, революция, война. В-третьих, примечательно то, что национальная самоидентификация

В России термин используется в частности, Юрием Зарецким. См.: Зарецкий Ю. П. Свидетельства о себе «маленьких людей»: новые исследования голландских историков // Социальная история. Ежегодник. 2008 / Отв. Ред. Н. Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2008. С. 329–340.

⁴ Большинство авторов использованных нами эго-документов пишут об истории своей семьи и таким образом, мы смогли определить их как русских по происхождению.

⁵ Для подготовки доклада были использованы лишь опубликованные документы. Предварительное исследование показало, что существуют многие неопубликованные эго-документы в архивах (например, в отделе рукописей РГБ) и мы планируем использовать их в будущем.

не всегда вызывает положительные эмоции; порой авторы выбранных нами эго-документов желают НЕ быть частью русской нации, отделяют себя от происходящего, стыдятся своих сопатриотов.

Рассмотрим подробнее вышеупомянутые факторы усиления национальной самоидентификации. Размеры Российской империи, разношерстность населяющих ее народов, активные переселенческие процессы начала XX века предполагают, что контакты русского населения с другими национальностями происходили регулярно. Мимолетный контакт с *иным* редко становится поводом для обострения национальной самоидентификации, но длительная поездка в другой край империи, служба в армии в губернии с преимущественно нерусским населением, несколько лет, проведенных по службе в отдаленном регионе, оказывают несомненное влияние на авторов эго-документов. Именно в случае такого более продолжительного контакта мы находим размышления авторов о том, как *иные* отличаются от русских, что такое быть русским и каковы национальные различия между русскими и нерусскими народами.

Путешествия по России, встречи с представителями других народов, наблюдение за жизнью и нравами *иных* служат пищей для размышлений о национальных вопросах. Так, описывая свой переезд из Поволжья в Ташкент в 1890 г., Александр Керенский пишет в своих воспоминаниях, что Ташкент для него «просто-напросто далекий уголок России»⁶. Позиция Керенского противоречива: несмотря на то, что он осуждает попытки чиновников-реакционеров превратить Российскую империю в «Московское царство»⁷, он оценивает русское присутствие в Туркестане положительно. Он, бесспорно, испытывает гордость от того, что видит успехи русских в этом регионе. По словам Керенского, который оставался в Ташкенте до 1899г., русские снискали «уважение и дружбу» у местного населения. И в то же время, он будто не замечает своего собственного снисходительного отношения к местным, отстающим, по его мнению, в культурном, социальном и экономическом аспектах народам. Это чувство превосходства над местными народами вписывается в типичную колониальную идеоло-

⁶ Керенский А. Ф. На историческом повороте. Мемуары. М.: Изд. Республика, 1993. С.11.

⁷ Там же. С. 10. Учитывая, что Керенский готовил эти воспоминания для публикации, можно предположить, что противоречивость происходит от желания показать себя в лучшем свете, и в то же время покритиковать чиновников Российской империи.

гию (превосходство европейской цивилизации над восточной, метрополии над колонией).

Более прозаично описывает свои впечатления от Туркестана княгиня Духовская, прибывшая туда вскоре после Андижанского восстания в 1898 году в своих воспоминаниях. Она утверждает, что все русское население находится «в паническом страхе», так как местное население, туземцы Ферганы, испытывают к ним «непримиримую ненависть»⁸. Она часто сравнивает британские порядки, установленные в Индии, с русским правлением в Туркестане, т. е. в отличие от Керенского, она гораздо яснее обозначает свое отношение к Туркестану как к колонии, колонии с чужим и чуждым ей народом. Жена генерал-губернатора Туркестанского края чувствует себя здесь как в гостях, и скучает по любимому Петербургу.

Княгиня Васильчикова, переехавшая вслед за мужем, Ковенским губернским предводителем дворянства, в Ковно⁹ накануне первой мировой войны, впервые сталкивается с «чертой оседлости». Она находит иудаизм страшной религией, а еврейские обычаи обращения с животными – невыносимо жестокими. Интересно отметить, что говоря о евреях в своих воспоминаниях, она, сама того не замечая, делит их на простолюдинов и обеспеченную образованную элиту, которая внесла свой вклад в российскую культуру и науку. К первым она относится с ужасом, а вторых признает как равных. Точно таким же образом, не артикулируя это четко, Васильчикова делит русскую нацию: на крестьян и не-крестьян. Так, она описывает некоторые поступки крестьян, объясняя их «русским характером». Позднее, отзываясь о семье Шереметевых, как о «типично русских»¹⁰, она, безусловно, подразумевает типичную русскую аристократию. Порой эта граница становится размытой и читатель не может определить, увидев фразу: «мы, русские...», говорит ли она о людях своего круга или о русском народе в целом¹¹. В целом, принадлежность к классу играет для нее большую роль, чем принадлежность к определенной нации.

⁸ Духовская В. Ф. Туркестанские воспоминания. СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1913. С. 5.

⁹ Сегодня – г. Каунас в Литве

¹⁰ Васильчикова Л. Л. Исчезнувшая Россия : Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886–1919. СПб.: Петербург. Сезоны, 1995. Стр. 265.

¹¹ Там же. Стр. 160.

Революция 1905 года, еврейские погромы, начало первой мировой войны – катастрофы, которые заставляют мемуаристов задуматься о «русскости», русском народе и его судьбе. Именно в переломный момент национальная самоидентификация приобретает большее значение. Описание *иных* приводит авторов к саморефлексии, служит своеобразной отправной точкой.

Война или вооруженный конфликт, не только усиливает патриотическое чувство, но и превращает его в источник мучительных размышлений. В августе 1914-го Зинаида Гиппиус терзает себя вопросами: «Что такое отечество? Народ или государство? Все вместе. Но если я ненавижу *государство* российское? Если оно – против моего народа на моей земле?»¹². Гиппиус сомневается, должна ли она желать своей стране победы или поражения в этой войне. Это пример национальной самоидентификации, которая идет вразрез с официальной националистической идеологией.

Эти несколько приведенных нами примеров демонстрируют, что национальная самоидентификация проступает с особенной четкостью при контакте с *иным*, что такой контакт заставляет русских отзывать на национальные вопросы и размышлять о взаимоотношениях русского и *иногo* населения империи, что, несмотря на это, авторы эго-документов начала XX века более склонны идентифицировать себя с определенным сословием, нежели с русским народом в целом и наконец, что национальная самоидентификация может вызывать противоречивые чувства. Дальнейшая работа с документами личного происхождения, особенно ранее неопубликованными, а также включение эго-документов, написанных представителями других народов империи, в корпус источников должны будут пролить свет на проблемы национальной самоидентификации в Российской империи начала XX века.

¹² Гиппиус З. Н., *op.cit.* С. 156.

THE FORGOTTEN SOLDIERS OF THE GRAIN FRONT: CULTURAL MEMORY OF HOLODOMOR AND ITS PERPETRATORS

Daria Mattingly, PhD
(University of Cambridge, UK)

This project is an interdisciplinary examination of the identities, activities and memorial traces of the rank-and-file perpetrators of the 1932–33 famine in Ukraine, known as Holodomor.

While the perpetrators of the Stalinist Purges have recently become an object of enquiry, the men and women who directly facilitated mass famine in this region have largely been neglected by scholars.

Who were the perpetrators on the ground? How have they been remembered? To answer such questions, I propose an innovative methodology that incorporates a microhistorical analysis of the famine period with a close reading of memorial and cultural texts composed after the famine.

My study will challenge reductive ‘lacrimogenetical’ readings of the famine as well as prosopographical readings of its active participants as outcasts devoid of historical agency, contributing to the evolving structuralist study of Stalinist violence and to Holodomor Studies more generally.

My project will draw on archival data, on testimonies of both the perpetrators and the survivors of the famine, and on contemporary ‘post-memory’ in three Ukrainian villages: Pidgorodne (Dnipropetrovs’k province), Petrivtsi (Poltava province) and Toporishche (Zhytomyr province). I have chosen these three villages because of their citation in the memoirs of Lev Kopelev and Viktor Kravchenko, who provide detailed descriptions of collectivization and grain requisitioning. This microhistorical analysis seeks to cast what took place in the rest of the country in greater relief.

ЗАБЫТЫЕ СОЛДАТЫ ХЛЕБНОГО ФРОНТА: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ О ГОЛОДОМОРЕ И ЕГО РЯДОВЫХ ИСПОЛНИТЕЛЯХ

Данный проект представляет собой междисциплинарное исследование личностей и участия рядовых исполнителей голода в Украине в 1932–1933 годах, известного как Голодомор, и их след в культурной памяти. В то время как участники сталинских чисток стали объектом научных исследований, мужчины и женщины, участвовавшие в хлебозаготовках в Украине, были обойдены вниманием историков. Кем были исполнители приказов, приведших к трагедии огромного масштаба? Помнят ли о них? Чтобы ответить на данные вопросы я предлагаю использовать инновативную методологию, которая включает в себя микроисторический анализ периода Голодомора и внимательное прочтение мемориальных и культурных текстов, созданных после трагедии. Мое исследование выходит за рамки «лакримогенетического» прочтения Голодомора и прозопографического изображения рядовых исполнителей, лишенных роли исторического агента. Данная работа будет проводиться в русле развивающегося структуралистского подхода в изучении сталинизма и Голодомора в частности.

В своей работе я использую архивные документы, свидетельства исполнителей и людей, переживших Голодомор, а также современную «пост-память» в трех селах в разных регионах Украины: пгт Подгороднее (Днепропетровская область), Петровцы (Полтавская область) и Топорище (Житомирская область). Данные населенные пункты были выбраны на основе подробных воспоминаний участников коллективизации и хлебозаготовок Льва Копелева и Виктора Кравченка. Последовательный анализ событий, роли участников и памяти о них сможет показать в миниатюре картину, репрезентативную для всей республики.

ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

*Ю. А. Микуленок
(КубГУ)*

Одной из важнейших задач, стоявших перед Советской властью, было решение жилищного вопроса. 1920-е годы – это время острого жилищного кризиса. По данным статистики, в 1923 году Москве на душу населения приходилось 6,8 кв.м¹, в Петрограде² – 13 кв.м, в Екатеринодаре³ – 6,7 кв. м⁴. При этом санитарная норма равнялась 10 кв. м (в 1924 году в связи со значительным ростом городского населения это норма сократилась до 8 кв. м).

Через две недели после прихода большевиков к власти, В. И. Ленин набросал проект резолюции о конфискации квартир богатых горожан. Богатой считалась квартира, в которой число комнат равнялось или было больше числа проживающих⁵. В большевистское правительство стало проводить политику “выселения” и “ущемления”. Буржуазные “паразитические” элементы были подвержены выселению. Согласно тексту Декрета от 25 мая 1920 года “О мерах правильного распределения жилищ ...”, граждан могли выселить только в случае острой общественной нужды, предоставив им здоровое жилище в соответствии с жилищными нормами⁶. Выселению также подлежали лица халатно и

¹ *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008. С.17

² 26 января 1924 года, после смерти В. И. Ленина, Петроград решением ЦК ВКП(б) был переименован в Ленинград

³ 7 декабря 1920 года по ходатайству Кубано-Черноморского ревкома Наркомат внутренних дел РСФСР переименовал г. Екатериндар в г. Краснодар

⁴ Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1547. Оп 1. Д. 27. Л. 365

⁵ *Орлов И. Б.* Советская повседневность исторический и социологический аспекты становления. М.: Высшая школа экономики, 2010. С.17

⁶ Декрет от 25 мая 1920 «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» [электронный ресурс] URL: <http://www.libusser.ru> (дата обращения 26.11.2012).

хищнически относившиеся к жилью, что влекло за собой его разрушение. Или же в случаи не платежа квартирной платы⁷. Или же квартиру могли конфисковать, если владелец квартиры или дома отсутствовал в течение трех месяцев⁸. У выселяемых вместе с квартирой отбирались мебель, домашняя утварь, одежда. На их место из лачуг и подвалов были переселены рабочие⁹. За три дня 22–24 марта 1921 года было освобождено 2400 комнат¹⁰. К 1926 году было муниципализировано 475 988 кв. м, из которых под квартиры было занято только 277 442 кв. м¹¹.

Весь муниципализированный жилищный фонд передавался жилищным товариществам, которые самостоятельно, ориентируясь на жилищные нормы и “хорошие” отношения с членами жилтоварищества, распределяли жилую площадь между своими членами. Как правило, “жилые помещения” Жилищных Арендных кооперативных товариществ (ЖАКТ) – это были сырые, с низким потолком и цементным полом комнаты.

Квартирное бюро в первую очередь заселяло рабочих физического труда с окладом от 20 до 100 рублей, инвалидов, красноармейцев и их семьи и во вторую очередь – служащих и рабочих, получающих от 100 руб.¹²

По санитарным нормам жилище должно быть: сухим, светлым, просторным, теплым, чистым. Оно должно быть близким к природе и обладать вполне доброкачественным воздухом¹³. Однако в реальности пролетарии жили в мало пригодных для жилья помещениях: в подвалах, заброшенных зданиях, на чердаках. В журнале “Работница” за 1923 год описывается типичное “жилище” советского рабочего

⁷ Декрет от 27 апреля 1922 год «О невыселении в административном порядке граждан из занимаемых» [электронный ресурс] URL: <http://www.libusser.ru> (дата обращения 26.11.2012).

⁸ Орлов И. Б. Указ. Соч. С.117

⁹ Черных А. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 195

¹⁰ Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1993. С. 463

¹¹ Материалы по жилищному строительству // ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 62. Л. 2

¹² Жилищный справочник по Краснодару. С. 20

¹³ Гуревич С. Что такое здоровое жилище // Коммунистка. 1923. № 5. С. 25

в первое десятилетие Советской власти: “в сыром-пресыром подвале молодая, заморенная женщина... На кровати чем-то закутанная такая же, совсем зеленая девочка надрывается от кашля. Воздух ужасный. Окно открыть нельзя: перед окном, не в ящике, а прямо на панели мусорная свалка”¹⁴

В условиях “жилищного голода” новая власть ввела дифференцированную жилищную норму. Так рабочий должен был занимать площадь равную 5,39 кв. м; служащий – 9,17 кв. м; кустарь – 6,09 кв. м; лицо свободной профессии – 6,37 кв. м; нетрудовой элемент – 6,58 кв. м¹⁵. Данная политика привела к тому, что в одном доме один человек занимал 3 кв. м, другой – 25. В Новороссийске это контраст был еще более резким.

Пытаясь решить жилищный вопрос, новая власть ввела право застройки. Частные лица заключали договор с собственником земли на 40 лет. Согласно условиям договора, собственник частного владения платил земельную ренту. Однако не все могли позволить себе строительство собственного дома. Более дешевый вариант – объединиться в кооперативные товарищества. Жилищно-строительные кооперативные товарищества организовывались из рабочих и служащих государственных, профессиональных, партийных и кооперативных предприятий и учреждений, а также из лиц, работающих по найму у частных лиц и их объединений, в целях удовлетворения жилищной нужды своих членов путем возведения новых¹⁶.

В 1920-е годы создавались планы перепланировки городов. Так по проекту А. Н. Юнга, Краснодар делился на два центра: “старый” и “новой”. В старой части города (1,2 и 3 районы). Вся новая часть города (к северу от ул. Северной) будет представлять 7 отдельных поселений, расположенных в парках и соединенные улицам двух типов – “деловыми” и “бульварными”. Все жилые кварталы распланировываются с севера на юг и были малодоступны для сквозной езды, для которой служат “деловые” улицы. В этой же части города помещаются. ВУЗы, спортивные сооружения, проезжие улицы. Весь город, по данному проекту, должен был быть окружен цепью древесных насаждений.

¹⁴ Санжарь Н. В домах для рабочих // Работница. 1923. №7. С.25

¹⁵ Материалы обследования жилищного строительства на Северном Кавказе // ГАРО. Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 762. Л. 24–25

¹⁶ Жилищное законодательство. Сборник декретов, распоряжений и инструкций с комментариями. М.: изд-во главного управления коммунального хозяйства НКВД, 1926. С. 57

Отдельно выделялась и фабрично-заводская зона, расположенная вне городской черты¹⁷.

Другой проект, неизвестного автора, предлагал разделить жилище на две категории: для одиноких и семейных. Одинокие должны были жить в общежитии, где пользовались только койкой, стулом и столом. Семейным парам предлагались квартиры с кухнями и несколькими комнатами, расположенными вдоль коридора. Стоимость такого дома, по расчетам специалиста, составляла от 500 000 до 1,5 млн золотых рублей на человека¹⁸. Однако данные проекты так и не были реализованы всецело.

В 1920-е годы советское правительство пыталось ликвидировать жилищный кризис различными способами: проводилась политика поощрения частного и кооперативного строительства, создавались планы новой застройки, и конфисковались квартиры буржуазии, которые впоследствии передавались рабочим.

ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕДИНСТВА КАК ОДНА ИЗ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ АУРОБИНДО ГХОША

А. А. Мишина
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Актуальность данного исследования подтверждается тем фактом, что социально-политическая мысль Индии начала XX века является мало изученной областью в истории социально-политических учений. В частности, работы Ауробиндо Гхоша, представленные в различных формах: от философских трактатов до стихотворений и поэм, привлекали внимание исследователей как отечественных, так и зарубежных в основном с точки зрения философии неоведантизма и комплексного учения Гхоша, получившего название «интегральная веданта» или «интегральная йога».

Кроме того, идея общечеловеческого единства в настоящее время является актуальной в свете, с одной стороны, сепаратистских тенденций, а с другой, стремления людей различных национальностей к объединению.

Ауробиндо Гхош в ряде статей, объединенных общим названием «Идеал человеческого единства», называет общественную, или коллективную жизнь самым неясным для человечества, так как «и понимание, и отношение к коллективной жизни остаются поверхностными, обусловленными нашим ограниченным опытом; у них нет прочной и надежной основы, им недостает всеобъемлющего знания»¹.

Появление в человеческой мысли идеала связано с намерением Природы. Однако человечество не сможет сразу же его достичь. Вероятно, что вначале будет осуществлена лишь попытка, которая, скорее всего, будет неудачной. Гхош утверждает, что Природа всегда «воспринимает новые представления, частично их осуществляет и, оставив на время без внимания, вновь возвращается к ним в иную эпоху,

¹⁷ Проект перепланировки города Краснодара // ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 29. Л. 174

¹⁸ Санитарные нормы жилищного строительства для семейных, общежитий для одиноких // ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 62. Л. 135.

¹ *Шри Ауробиндо*. Идеал человеческого единства. Перевод с английского Сафронова О. В. – СПб.: Издательство «Мирра», 1998. С. 11.

используя уже в более удачном сочетании»². Человечество попытается достичь идеала социальными и политическими средствами, однако результат, скорее всего, окажется недолговечным. Социальное или политическое объединение является благом только потому, что является основой, источником лучшей жизни людей. В истории же есть множество примеров, когда огромные объединения людей не были благоприятны для человеческой жизни. Поэтому такое объединение как, например, мировая империя вряд ли может выступать в качестве идеала человеческого единства.

Государство, как форма объединения, также не подходит для достижения идеала, считает Ауробиндо Гхош. Он называет государство «общественным эгоизмом», то есть «самым низшим из всего того, на что данное общество способно»³. Государство не имеет души, это машина, военная, политическая и экономическая сила. Она поглощает индивидуальность, человек утрачивает себя, а должен, наоборот, «осуществлять себя в осуществлении человечества»⁴. Таким образом, государство может быть приспособлением для развития общества (хотя и не самым лучшим), но никогда не должно быть самоцелью.

В заключительной статье сборника Гхош выделяет три стадии формирования национального объединения. Первая – внешняя, когда давлением институтов и обстоятельств психологическое состояние людей внедряется в измененные привычки и формы. На второй стадии естественным образом возникает строгая организация, централизация контроля, общее уравнивание под единым руководством. И наконец, третья стадия – период свободного внутреннего развития, когда объединение превращается в «ментальную и витальную привычку»⁵. Кроме этого для формирования идеального общечеловеческого единства необходимо важнейшее условие – исчезновение эгоизма и появление внутреннего единства, – что не может быть создано социальными, политическими или религиозными механизмами. Идеал единства, или братства «должен родиться в душе, восстать из скрытых внутренних, божественных глубин»⁶.

² *Шри Ауробиндо*. Идеал человеческого единства. Перевод с английского Сафронова О. В. – СПб.: Издательство «Мирра», 1998. С. 11.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ *Шри Ауробиндо*. Идеал человеческого единства. Перевод с английского Сафронова О. В. – СПб.: Издательство «Мирра», 1998. С. 152.

⁶ Там же. С. 165.

Таким образом, Ауробиндо Гхош считает, что объединение человечества обязательно произойдет, ибо оно коренится в самой Природе. Однако для этого необходимы другие условия и надежные гарантии, которые «позволят человечеству уберечь в целостности и сохранности сами основы своей жизненности – в единстве сохранить богатство разнообразия»⁷.

⁷ Там же. С. 17.

АНАЛИЗ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НА АЛТАЕ В 1935 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1937 гг.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е. М. Мишина
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

В исторической литературе существует немало работ, посвященных теме политических репрессий в СССР в 1930-х гг. Эти исследования получили новый импульс с выходом «книг памяти» по разным регионам бывшего Союза. Такие книги, содержащие краткие справки на репрессированных с 1917 по 1991 г., позволяют на уровне всей совокупности репрессированных ставить новые исследовательские вопросы, среди которых определенным интерес вызывают проблемы социального характера. В 2007 г. общество «Мемориал» внесло данные из всех «книг памяти» в одну базу данных под названием «Жертвы политического террора в СССР» (далее – БД), которая включает в себя такую информацию, как пол, возраст, место жительства, род занятий, социальное происхождение, образование, дату ареста и приговора, статью обвинения каждого учтенного репрессированного, приговор¹.

В разных районах страны репрессивные волны имели определенную специфику. Исходя из этого, наше исследование строится на основе данных по Алтайскому краю. В период «Большого террора» (1937–1938 гг.) в ходе жестоких «кулацкой» и «немецкой» операций, а также других репрессивных кампаний, на этой территории было репрессировано более 18 тысяч человек². В более ранний период, с убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. до издания приказа 00447 30 июля 1937 г., по материалам БД количество жертв репрессий в это время на территории Алтайского края составило 1758 человек. Главным отличием от периода «Большого террора» является не только масштаб кампании, но и то, что 326 дел по итогам следствия было прекраще-

¹ Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007.

² Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ №00447. М., 2010. С. 24, 35.

но – такая доля освобожденных была нереально высокой для репрессий 1937–1938 гг. Исходя из специфики репрессивной волны декабря 1934 – первой половины 1937 гг., а также ее меньшей изученности, мы рассматриваем ее в своей работе³.

Для проведения анализа нами были составлены две базы данных: одна содержит записи о репрессированных по Алтайскому краю за описываемый период по данным БД, другая создана на основе архивных документов – следственных дел репрессированных (материалы отдела спецдокументации управления архивного дела Алтайского края (ОСД УАДАК), Ф. Р-2). Основными элементами каждого дела являются: постановление о предъявлении обвинения, протокол обыска, анкета, протоколы допросов, судебного заседания, приговора и акт о реабилитации (при ее наличии). На основании подобных документов были получены сведения о 246 персоналиях, которые включают данные о социальном происхождении и положении, национальности, роде занятий, дате ареста и приговора, статье обвинения. Данный этап работы представляет особую важность, так как перед исследователем ставится источниковедческая задача: определить, в какой степени материалы «книг памяти» и БД соответствуют сведениям следственных дел.

Созданная по архивным материалам база данных содержит таблицу, в которой представлены найденные различия в записях БД и следственной документации. В эту таблицу были внесены сведения на 118 персоналий. Анализ таблицы показал, что перенос сведений из исходной базы оказался адекватным, то есть большинство данных следственных дел соответствуют указанным в «книгах памяти» по Алтайскому краю (при составлении базы были использованы материалы четырех из семи томов, составленных по материалам следственных дел репрессированных на Алтае)⁴. Однако по основным полям БД были выявлены следующие расхождения:

³ Отметим, что анализ социальных характеристик репрессированных в ходе БД проведен по данным отдельных регионов *Л. Лягушкиной*. См.: Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «книгам памяти» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 305–317.

⁴ Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. Барнаул, 1999; Т. 3. 1937 г., ч. 1. Барнаул, 2000; Т. 3., 1937 г., ч. 2. Барнаул, 2000; Т. 7. 1920–1965. Барнаул, 2005.

Таблица 1. Количество расхождений сведений БД и следственных дел

	Кол-во различий	% от всего по базе
Год рождения	12	4,9
Национальность	3	1,2
Место жительства	7	2,8
Род занятий	22	8,9
Дата ареста	36	14,6
Дата приговора	11	4,8
Статья	21	8,5
Приговор	12	4,9
Всего	124	50,4

Как видно из табл. 1, количество конкретных расхождений составляет 124. Это означает, что некоторые карточки репрессированных могут не сходиться с данными БД сразу по нескольким признакам. Самое большое количество расхождений зафиксировано по полю «дата ареста» – 14,6 %, также значимыми являются поля «род занятий» и «статья» (8,9 % и 8,5 % соответственно). Необходимо детально рассмотреть причины таких показателей:

Таблица 2. Количество расхождений показателя «дата ареста» по дням

		1–10 дней	до 1 мес.	до 4 мес.	Всего расхождений
Дата ареста	Кол-во	23	10	3	36
	% от всех записей по базе	9,30 %	4,10 %	1,10 %	14,5 %

Как показывает табл. 2, в 23 случаях по дате ареста расхождение сведений БД и следственных дел составляет от 1 до 10 дней. На наш взгляд, такое расхождение не является существенным, так как оно не влияет на качественные результаты исследования. Различия в 1 месяц и более (10 и 3 случая соответственно) являются более значимым: это влияет на месячную статистику арестов, а также на выявление адекватной картины репрессивных механизмов. Такие расхождения нуждаются в перепроверке сведений из БД по следственным делам.

Вторым по количеству различий является поле «род занятий». Его показатель тесно связан с социальным положением, что является

важным при анализе социального состава репрессированных. Из 22 различий в 16 случаях род занятий заменен на противоположный: к примеру, тот, кто имеет рабочую профессию по материалам следственного дела, в БД является занятым в сельском хозяйстве. При анализе полной совокупности (1758 персоналий) расхождение данного признака равняется 0,9 %, что не может существенно отразиться на результатах исследования.

В процессе сравнения двух баз данных было выявлено 21 различие по признаку «статья обвинения». Самым распространенным случаем является «выпадение» какого-либо пункта статьи из обвинения (15 записей). Мы можем высказать предположение, что возникновение такой ситуации связано с возможностью изменения статьи по ходу следствия; оно наблюдается на материале нескольких дел, отличительными признаками которых является арест обвиняемого в конце 1936 – начале 1937 гг. и продолжительное ведение следствия⁵. Также важным является вопрос о том, что конкретно послужило источником сведений, попавших в «книгу памяти»: постановление о предъявлении обвинения, приговор или постановление о реабилитации. Изменения в первых источниках зависели от хода следствия и могли быть связаны с фальсификацией дела, однако причины расхождений материалов дела и актов о реабилитации пока остаются неизвестными. Можно предположить, что именно эти акты выступали источником информации для составителей «книг памяти», что частично подтверждается архивными материалами⁶.

Отметим, что в большинстве случаев расхождения в источниках не влияют на конечные результаты исследования. При использовании поля «год рождения» по материалам БД для подсчета среднего возраста репрессированного результат составляет 41,28 лет, по материалам следственных дел – 41,19 лет. Очевидно, что расхождение в несколько сотых не является качественно значимым, следовательно, данные обоих источников (исходя из нашей методики верификации) пригодны для исследования. Анализ поля «род занятий» по БД позволил сделать вывод о том, что в рассматриваемый период количество репрессированных среди служащих было выше, чем занятых в сельском хозяйстве. Соотнесение социального положения репрессированных с датой ареста позволило выявить механизмы репрессий: «снизу

⁵ ОСД УАДАК, Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9796. Л. 18, 302; Д. 7034. Л. 16, 389, 447; Д. 21891. Л. 2, 34.

⁶ Там же. Д. 20799. Л. 7, 177. Д. 20752. Л. 53, 248.

вверх», когда арест рабочего или служащего приводил к аресту его начальника; «сверху вниз», когда из-за ареста руководителя аресту подвергались его подчиненные; а также смешанного типа. Материалы следственных дел – протоколы допросов – помогли наглядно проиллюстрировать эти механизмы.

Таким образом, база данных «Жертвы политического террора в СССР» является ценным источником при составлении социального портрета репрессированного. Использование наряду с ней архивных данных позволяет сочетать статистический подход с микроподходом, основанном на анализе индивидуальных данных.

СПЕЦИАЛЬНАЯ СВЯЗЬ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 1941–1945 гг. В ДОКУМЕНТАХ МЕСТНЫХ АРХИВОВ

*Н. Н. Мокина
(ПГСГА)*

История развития специальной связи была и остается одной из приоритетных тем в отечественной историографии. В число традиционно изучаемых вопросов входит история становления и развития специальной связи как особо важного ведомства по доставке военной и правительственной корреспонденции. Однако практически не исследована деятельность местных отделений спецсвязи в период Великой Отечественной войны. В данной статье кратко рассматривается состояние архивной источниковой базы по теме на материалах двух областей Среднего Поволжья – Куйбышевской и Ульяновской¹.

Наиболее подробно развитие службы спецсвязи в годы войны отражено в фонде Куйбышевского областного отдела спецсвязи Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО)². Большой интерес представляет документация, образовавшаяся в результате реорганизации фельдъегерской связи путем разделения на специальную и фельдъегерскую связь. Это, прежде всего, законодательно-нормативная документация, устанавливающая единый общегосударственный порядок деятельности службы спецсвязи (приказы, положения, инструкции, правила и др.). По документам можно проследить, что деятельность созданной службы спецсвязи была направлена на дальнейшее улучшение и усовершенствование работы по обслуживанию правительственных ведомств.

Согласно архивным данным, с 1 августа 1939 г. в Куйбышевской области начал функционировать областной отдел специальной связи при Куйбышевском областном Управлении Наркомата связи³.

¹ До 1943 г. Ульяновская область входила в Куйбышевскую область.

² Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2964. Куйбышевский областной отдел спецсвязи.

³ Приказы, постановления и директивные указания Министерства связи СССР и Главного Управления спецсвязи за 1944 г. // ЦГАСО. Ф. Р-2964. Оп. 1. Д. 6. Л. 127.

Важное место в деятельности отдела занимала организация пунктов спецсвязи, а также назначение на должность начальников пунктов спецсвязи.

Большое значение уделялось созданию такой системы спецсвязи, которая бы могла оперативно в случае войны перестроить свою работу. В 1940 г. органами власти СССР были разработаны и внедрены планы мобилизационных подготовительных мероприятий⁴, направленные на создание организационной, материальной и кадровой базы системы спецсвязи СССР. Анализ данных, содержащихся в архивных документах, позволяет сделать вывод: планировавшиеся и проводившиеся мобилизационные мероприятия в системе спецсвязи в довоенный период, были тщательно продуманы, что позволило ей достаточно успешно функционировать в 1941–1945 гг.

В разгар войны были переработаны и внедрены в практику схемы фельдъегерской связи и дислокационные маршруты, которые способствовали увеличению скорости прохождения правительственных отправок, а также решению некоторых вопросов доставки корреспонденции в отдаленные районы.

Как свидетельствуют документы, Наркоматом связи в преддверии войны были разработаны и приняты документы, регламентирующие режим работы предприятий связи во время воздушного нападения. Так, в директиве от 17 мая 1941 г.⁵ содержалось категорическое требование: личный состав органов связи в любое время и в любой обстановке обязан работать в обычном режиме⁶.

Таким образом, принятые накануне войны законодательные и нормативные акты в области деятельности специальной связи в первую очередь были направлены на укрепление оборонной мощи страны, народного хозяйства и деятельности государственного аппарата.

С первых месяцев войны наиболее уязвимой в системе специальной связи оказалась кадровая составляющая: многие ее работники покинули свои рабочие места, и ушли на фронт защищать свое Отечество. Так, только в июне 1941 г. в ряды РККА было призвано 48 фельдъегерей, из них 17 работников аппарата спецсвязи г. Куйбы-

шева, 31 работник Куйбышевской области⁷. Это привело к тому, что в условиях войны отделения спецсвязи Среднего Поволжья испытывали острую нехватку фельдъегерей.

Изучение распорядительной документации показывает, что в августе 1941 г. аппарат управления установил новый порядок приема фельдъегерей на службу в органы специальной связи. Согласно архивным данным, штат работников комплектовался двумя путями: в результате приема на работу женщин, а также фельдъегерей, прибывших из оккупированных районов. Последних, согласно приказу Центрального управления специальной связи, разрешалось принимать на работу только при наличии у них документов, во всех остальных случаях допуск к работе осуществлялся через эвакуационные пункты⁸. Вопрос о допуске к работе женщин в аппарат специальной связи осуществлялся по распоряжению Центрального управления специальной связи⁹. По нему применение женского труда разрешалось на следующих участках: 1) на городских маршрутах по доставке секретной корреспонденции, а на крупных маршрутах при условии посылки двух женщин; 2) в качестве фельдъегерей-приемщиков во всех райцентрах, по пути следования фельдъегерей; 3) на небольших железнодорожных маршрутах, при условии, что один из фельдъегерей – мужчина, а второй – женщина.

В фондах Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) сохранились документы по оформлению вновь принимаемых лиц на службу в органы спецсвязи. Так, по нормативно-правовым документам того времени, к выполнению обязанностей фельдъегеря допускали лиц, прошедших предварительную учебно-производственную подготовку и сдавших экзамены¹⁰.

Таким образом, кадровая политика в области деятельности аппарата специальной связи в годы войны была направлена на создание эффективного механизма, обеспечивающего бесперебойную замену

⁴ Приказы, постановления и директивные указания Министерства связи СССР и Главного Управления спецсвязи за 1941 г. // ЦГАСО. Ф. Р-2964. Оп. 1. Д. 3. Л. 129.

⁵ Там же. Л. 280–283.

⁶ За исключением приемщиков и доставщиков почтовых отправок.

⁷ Приказы, постановления и директивные указания Министерства связи СССР и Главного Управления спецсвязи за 1941 г. // ЦГАСО. Ф. Р-2964. Оп. 1. Д. 3. Л. 197.

⁸ Там же. Л. 223.

⁹ Приказы, распоряжения, директивы Главного Управления спецсвязи за 1941–1942 гг. // ЦГАСО. Ф. Р-2964. Оп. 1. Д. 4. Л. 81.

¹⁰ Приказы начальника областного управления Наркомата связи за 1944 г. // Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. Р-2790. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–4об.

фельдъегерей, ушедших на фронт, а также сохранение сложившихся до войны коллективов органов специальной связи.

В архивных документах значительное место занимает освещение мероприятий, направленных на совершенствование работы аппарата специальной связи. Одним из них являлась проверка работы всех пунктов и отделов спецсвязи и оказание им практической помощи в устранении нарушений. Как свидетельствуют документы, инспекторы отдела спецсвязи областных Управлений Наркомата связи на протяжении рассматриваемого периода регулярно выезжали на места с целью надзора и контроля за деятельностью отделений спецсвязи, составляли заключения о работе отделений. Благодаря сохранившимся в фондах местных архивов заключениям можно выявить достоинства и недостатки в организации процесса доставки воинской и правительственной корреспонденции в 1941–1945 гг. Например, из заключения экспертной комиссии о работе Ульяновского областного отдела специальной связи в марте 1945 г., мы узнаем о том, что «были выявлены грубые нарушения в работе областного отдела спецсвязи. Так, конверты для упаковки секретной корреспонденции изготовлены из газетной бумаги, правила конвертования их не соблюдаются, пакеты не прошиваются, клапаны конвертов не проклеиваются и изготавливаются самых малых размеров. Степень секретности и срочности на конвертах зачастую не проставляется. Имеются факты отправки несекретной и даже личной корреспонденции в пакетах секретной и совершенно секретной корреспонденции через спецсвязь. Секретная корреспонденция доставляется отделом спецсвязи лицами непроверенными и неоформленными через органы НКГБ»¹¹. К сожалению, в делах данного фонда не сохранились материалы об отделениях спецсвязи Ульяновской области, функционировавших на достаточно высоком уровне.

Таким образом, материалы двух местных архивов – ГАУО и ЦГА-СО достаточно широко освещают процесс создания органов специальной связи накануне войны, усовершенствования и улучшения его работы по обслуживанию правительственных ведомств. Опираясь на привлекаемые архивные документы можно в дальнейшем достаточно

полно воссоздать единый общегосударственный порядок деятельности специальной связи, включая такие вопросы как, система организации спецсвязи, процесс перестройки на военный лад, решение кадровых проблем и многие другие.

¹¹ Приказы Народного Комиссариата связи, Ульяновского областного управления связи, номенклатура дел и должностей, подлежащих согласованию с органами госбезопасности за 1945 г. // ГАПО Ф. Р-2790. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛИСТСКО-РЕДАКТОРСКОГО КОРПУСА РУБЕЖА XIX – XX вв.

*Ю. П. Надехина, к.и.н.
(ГУУ)*

Для современной исторической науки существенный интерес представляет исследование отечественной периодической печати, она может выступать и как важный тип исторического источника, и как самостоятельный объект изучения. Особого внимания заслуживает социoproфессиональная группа деятелей печати. Центральное место и в отечественных газетах и в журнальных изданиях занимают редакторы и журналисты. Именно они формируют лицо своего печатного органа, через их позиции выражается общественное мнение и оказывается влияние на него. Авторы статей, репортажей, очерков сквозь призму своего мировоззрения передают и интерпретируют факты. Редактору принадлежит право решать, какую информацию и в каком объеме необходимо опубликовать.

Историю российского журналистско-редакторского корпуса можно воссоздать, используя, периодические издания, дневники и мемуары, делопроизводственные, статистические источники, а также архивные документы.

Для исследования социoproфессиональной группы московских журналистов и редакторов, сложившейся на рубеже XIX – XX вв., можно обратиться к материалам различных архивов, но отдельное внимание следует уделить документам Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Фонды РГАЛИ и НИОР РГБ содержат собрания биографических и библиографических сведений о русских деятелях, в том числе редакторах и журналистах¹, материалы московских общественных и

¹ См., например, РГАЛИ. Ф. 191: Ефремов Петр Александрович; Ф. 637: Языков Дмитрий Дмитриевич; НИОР РГБ Ф.640: Кауфман Исаак Михайлович

официальных организаций², собрания документов редакций московских периодических изданий того периода³, а также разрозненные материалы хранящиеся в фондах общественных, политических и литературных деятелей.

Особого внимания заслуживают личные фонды редакторов и журналистов⁴. Они содержат неопубликованные рукописи, а также черновики статей и очерков, деловую и личную переписку, редакционные и семейные фотографии. В личных фондах можно обнаружить ранее неизвестные биографические данные фондообразователя.

Отдельный интерес вызывают материалы, позволяющие сделать выводы о социальном составе московских редакторов и журналистов, об их образовании, повседневной жизни, условиях работы, их общественной деятельности и пр. Собранные сведения помогают выделить индивидуальные особенности обозначенной социoproфессиональной группы.

Женщин-журналисток в рассматриваемый период было очень немного. Буквально по крупицам в архивах можно собирать сведения об их работе. Огромный интерес в этой связи представляют воспоминания М. Ф. Лидерт – редактора-издательницы московских журналов для детей – обнаруженные в фонде РГАЛИ⁵. Об общественной деятельности некоторых журналисток свидетельствует их переписка. В частности письма к В. И. Герье от редактора журнала «Детские моды» А. Н. Прокопе и журналистки газеты «Русские ведомости» Е. Н. Некрасовой⁶.

Интересно противопоставление журналистской и чиновничьей работы в письмах московского журналиста А. А. Шевелева. В начале XX в. Александр Арсеньевич искал в Москве редакцию куда мог бы применить свой журналистский талант, но из-за своих убеждений не

² РГАЛИ Ф.588: Главное управление по делам печати; НИОР РГБ Ф. 176: Московский литературно-художественный кружок и др.

³ РГАЛИ Ф. 598: Редакция газеты «Курьер»; Ф. 1701: Редакция газеты «Русские ведомости»; НИОР РГБ. Ф.259: Редакция газеты «Русское слово»

⁴ См., например, РГАЛИ. Ф.46: Бартев Петр Иванович; Ф. 126: Грузинский Алексей Евгеньевич; Ф. 145: Гиляровский Владимир Алексеевич; Ф. 1280: Розенберг Владимир Александрович; НИОР РГБ. Ф. 415 Липскеров Абрам Яковлевич и др.

⁵ Ф.1086 «Крашенинников Николай Александрович». Оп. 5. Ед. хр. 26

⁶ НИОР. РГБ. Ф. 70: Герье Владимир Иванович. К. 49. Ед. хр. 47. К. 50. Ед. хр. 117

находил места ни в одной газете и вынужден был «дабы не умереть с голоду» поступить на службу. «Тупая, бессмысленная канцелярская работа не дает мне никакого нравственного удовлетворения...» – писал А. А. Шевелев в своем письме к редактору крупнейшей российской газеты «Русское слово»⁷. На основании этого материала можно сделать ряд выводов о повседневной жизни малоизвестных журналистов г. Москвы на рубеже XIX – XX вв.

Из архивных материалов мы узнаем, что деятели периодики, также как и многие простые обыватели, часто не имели собственного жилья, а потому снимали в Москве квартиры. Так, 1 июля 1904 г. был заключен договор между Советом Московского художественного общества и редактором-издателем газеты «Русский листок» Н. Л. Казецким о сдаче квартиры в доме Общества в Тверской части г. Москвы⁸. Вместе с тем периодические издания могли приносить солидный доход. Поэтому более состоятельные журналисты наоборот сдавали жилье, в частности для «устройства коронационных парадных зрелищ и празднеств» в Москве⁹. В данном случае архивные документы помогают раскрыть экономическую составляющую издания московских газет и журналов на рубеже XIX – XX вв.

Архивные материалы свидетельствуют и о сложных взаимоотношениях деятелей печати с властями. Они характеризовались не только цензурными запретами, но и взаимодействием московских журналистов с министерствами и ведомствами, особенно в вопросах продвижения нужных правительству сведений и мнений.

Таким образом, архивные источники по истории московского журналистско-редакторского корпуса рубежа XIX – XX вв. отличаются богатством и многоплановостью документов, способных прояснить самые сложные моменты истории нашего Отечества. Они представляют собой далеко не до конца разработанный пласт ценнейших исторических свидетельств.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 417 – «Коллекция А. Н. Черногулова». К. 2. Ед. хр. 49 «Письмо от А. А. Шевелева к А. И. Станкевичу, секретарю общества любителей российской словесности от 29 октября 1893 г.»; Ф. 259. Русское слово, К. 24. Ед. хр. 34 «Письмо А. А. Шевелева к Ф. И. Благову от 11 июля 1902 г.».

⁸ РГАЛИ Ф. 680 оп. 1 ед.хр. 776

⁹ НИОР РГБ Ф. 415 к.1 ед.хр. 5 «Договор о сдаче дома сроком с 15 апреля по 1 июня 1896 г.»

ХРОНИКА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ В НЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЕ (1920-е гг.)

А. Р. Нарский
(ВИАМ)

В настоящее время квартал между улицами Радио (прежде – Вознесенской), Доброслободской, Бауманской и Новокирочным переулком занимают Всероссийский научно-исследовательский институт авиационных материалов (ФГУП «ВИАМ») и Московский комплекс Центрального аэрогидродинамического института имени профессора Н. Е. Жуковского (ФГУП «ЦАГИ»). Здесь, на территории бывшей Немецкой слободы несколько столетий располагалась каменная евангелическо-лютеранская церковь святого Михаила. Она была построена в 1685 г. на средства жителей города Гамбурга на месте самой первой (1575 г.) немецкой церкви в Российском государстве¹, которую сменили потом еще несколько деревянных церквей. Высокая колокольня появилась в начале XIX века².

Многие богатые прихожане отличались благотворительностью и регулярно делали щедрые пожертвования в пользу общины. По одной из распространенных версий, знаменитый сподвижник Петра Первого – граф Яков Брюс – нашел в 1735 г. в этой церкви свой последний приют среди других именитых особ лютеранского вероисповедания. Сохранилась фотография знамени графа в правом боковом нефе церкви. Также имеются сведения, что в прежней деревянной церкви в начале XVII века был похоронен герцог Иоганн, датский принц, жених царевны Ксении Годуновой³.

Церковь была свидетелем непростой жизни «обитателей Немецкой слободы, заселенной первоначально загнанными сюда пленника-

¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 1662.

² ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 7.

³ *Fechner A. W. Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau. Band 1. M., 1876.*

ми из Ливонии, а впоследствии насильно выселенными за черту города немцами»⁴.

Многовековое существование этого исторического памятника сопровождали стихийные бедствия, пожар 1812 г., гонения, в числе которых антинемецкий погром 1915 г. Но самые тяжелые времена наступили после принятия в 1918 г. декрета СНК РСФСР об отделении церкви от государства и последовавшей за этим национализацией имущества прихода, который в основном составляли «германские подданные, лица германского происхождения и уроженцы прибалтийского края»⁵. С весны 1924 г. лютеранскую церковь стали обступать лабораторные здания ЦАГИ, строительство которого началось вблизи.

Между институтом и церковной общиной был подписан документ, обязывающий застройщика при сносе служебных строений церкви выделить земельный участок в 25 квадратных саженей и восстановить на нем эти постройки. Интересный факт: при рытье котлованов для возведения корпусов строители наткнулись на старинные захоронения XVII–XVIII веков бывшего при Михайловской церкви кладбища для иноземцев⁶.

Приход просуществовал еще несколько лет, службы продолжались, и прихожане старались содержать храм в должном порядке.

В 1927 г. специальные комиссии по организации военизированной охраны на территориях государственных предприятий установили «необходимость вывода с территории ЦАГИ лютеранской церкви с использованием здания для нужд института»⁷. Вот какие слова можно прочесть в протоколах: «...по воскресным дням ходит молиться посторонняя публика, которую невозможно контролировать... ..создается угроза проникновения постороннего элемента... ..хождение в церковь сопряжено с прохождением по территории ЦАГИ, что создает угрозу диверсии и шпионажа... ..ее наличие препятствует разворачиванию строительства лабораторий»⁸. 27 января 1928 г. решением президиума Моссовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (РК и КД) лютеранская церковь святого Михаила была закрыта,

а ее помещение передано ЦАГИ⁹. Фотография церкви, датированная 28 марта 1928 г., представлена на рис. 1¹⁰.

Рис. 1. Здание лютеранской церкви на территории ЦАГИ.

Президиумом ВЦИК Советов 7 мая 1928 г. жалоба, подписанная пятью сотнями прихожан, была оставлена «без последствий»¹¹. Верующие договорились о возможности «удовлетворения духовных потребностей» в реформатской церкви в Малом Вузовском переулке.

В июле 1928 г. административным отделом Московского губернского исполнительного комитета советов РК и КД была проведена ликвидация историко-художественного и культового имущества церкви для передачи в музейный подотдел Московского отдела народного образования. Среди изъятых предметов XVII–XIX веков (в этот список входили: изразцовая печь, несколько паникадил, знамя Брюса, алтарь, двадцать настенных бра, архивные материалы и многое другое)¹² особую ценность представлял немецкий орган конца XIX века¹³, который в наши дни установлен в евангелическо-лютеранском

⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 1662.

⁵ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 696. Л. 150.

⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 228. Л. 412.

⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 2750. Л. 54.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 1662.

⁹ ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 14. Л. 52.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 73. Д. 1662. Л. 8 «б».

¹¹ ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 14. Л. 53.

¹² ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 14. Л. 39.

¹³ ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 14. Л. 48.

Кафедральном соборе святых Петра и Павла в Москве (Старосадский переулок, дом 7/10).

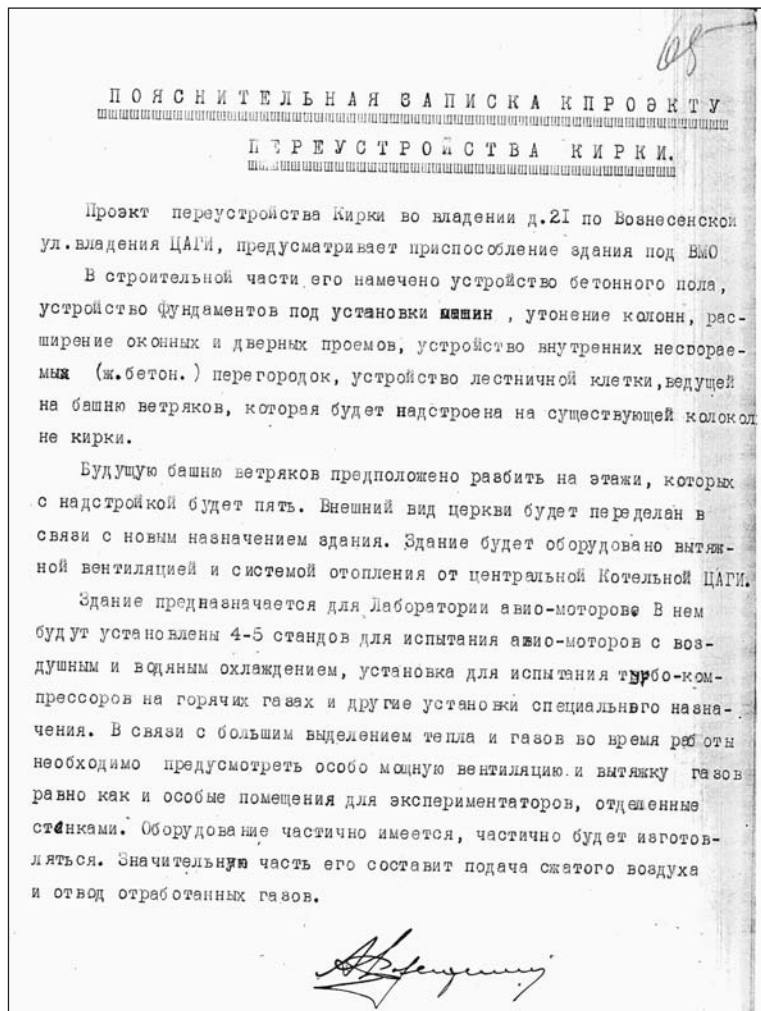

Рис. 2. Пояснительная записка к проекту переустройства церкви («кирки») под лабораторию для испытания авиамоторов

Руководство ЦАГИ, получив в свое распоряжение бывшее церковное здание, приняло решение о необходимости его переустройства

под лабораторию Винтомоторного отдела для проведения испытаний авиационных двигателей с воздушным и водяным охлаждением (описание проекта приводится на рис. 2¹⁴). Это требовало размещения специальных установок, работа которых должна была сопровождаться сильной вибрацией. Поэтому предусматривалась замена каменных колонн клепанными железными, сооружение внутренних железобетонных перегородок, бетонного пола, фундаментов под установку машин, расширение оконных отверстий и дверных проемов для увеличения световой и свободной площади, устройство вытяжной вентиляции.

В колокольне, высоту которой собирались увеличить на два этажа, предполагалось испытывать ветродвигатели¹⁵.

Последние упоминания о существовании евангелическо-лютеранской церкви были найдены в следующих документах ЦАГИ:

1) объяснительная записка к пятилетнему плану института от 22 марта 1929 г. за подписью директора – академика С. А. Чаплыгина, сообщающая, что на «приспособление находящейся на территории института кирки под лабораторию для испытания авиадвигателей и надстройку над колокольней для испытания ветродвигателей» планировалось израсходовать 90 тысяч рублей¹⁶;

2) опись зданий к отчету за 1929/1930 г., содержащая размеры корпуса (по наружному обмеру) «лаборатории винтомоторного отдела – (бывшей кирки) ...кубатура – 4891 кубический метр; площадь – 761 квадратный метр»¹⁷.

Но ввиду необходимости значительных капиталовложений в проект перестройки, древняя лютеранская церковь была снесена... Сегодня на этом месте пустырь и современные складские помещения.

И все же рядом сохранились два исторических здания, уцелевших в вихре неистовых потрясений XX века и имеющих непосредственную связь с лютеранской церковью святого Михаила; оба они используются лабораториями ФГУП «ВИАМ». Это каменный трехэтажный корпус бывшего Михайловского реального училища (на рис. 3¹⁸ он виден слева, за гидроканалом ЦАГИ) и двухэтажный дом, в котором размещалась квартира пасторов (на том же рис. 3 – в середине; справа в кадр попал край церковной крыши).

¹⁴ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 3277. Л. 65.

¹⁵ Там же. Д. 3276. Л. 83 «а».

¹⁶ Там же. Д. 3397. Л. 20.

¹⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1468. Л. 11.

¹⁸ РГАКФД. Инвентарный номер 263133.

Рис. 3. Часть территории ЦАГИ (1927 г.).

Собранные материалы о евангелическо-лютеранской церкви святого Михаила были опубликованы в журнале «Всеобщая история»¹⁹, а также вошли в состав монографии автора «Развитие отечественного авиационного неметаллического материаловедения в 1922–1932 гг. Неизвестные страницы истории в архивных документах», рукопись которой была рекомендована к печати решением Ученого совета Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук (ФГБУН ИИЕТ РАН) 12 ноября 2013 г.

Интерес к истории этой церкви проявили сотрудники «Музея истории «Лефортово» (структурное подразделение ГБУК города Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»), в научно-исследовательской и научно-просветительской работе которого, планируется использование материалов названной статьи.

¹⁹ Нарский А. Р. Противостояние лютеранской церкви и ЦАГИ в 1920-е гг.: печальная участь святыни в угоду советским авиастроителям // Всеобщая история. 2013. № 1. С. 12–19.

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В 1925–1940 гг. (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

Е. Д. Нарумова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Современный российский город, с которым приходится работать и власти, и новому поколению урбанистов и градостроителей, а также набирающему силы сообществу городских активистов, – во многом город советский. Часть российских городов имеет сохранившуюся историческую застройку особняков дореволюционного периода, но, тем не менее, облик города, близкий к существующему, сформировался именно в советский период, что обусловлено рядом объективных обстоятельств.

Самые быстрые темпы урбанизации в СССР были зафиксированы в 1930-е гг., тогда доля городского населения росла ежегодно на 10 %. С 1934 г. по 1939 г. такая доля увеличилась на 13,8 % до 31,7 %, то есть к началу Великой Отечественной войны треть всего населения страны уже стала горожанами¹.

Вектор на индустриализацию во второй половине 1920-х (в мае 1929 г. утвержден первый пятилетний план экономического и социального развития СССР на V Всесоюзном съезде Советов) стал главной движущей силой процесса урбанизации. Уже в декабре 1929 г. появился лозунг «Пятилетку в четыре года», и затем такое форсирование стало повсеместным, что вело к повышению скорости урбанизационных процессов.

Одними из основных характеристик новых городов становились их монопрофильность, одностороннее развитие, а также невнимание к комфорту, потребностям человека и его условиям жизни в городской среде.

Другая, не менее важная характеристика, касается социокультурной стороны происходящих процессов: хлынувшее в промыш-

¹ Листенгулт Ф. М., Любовный В. Я. Проблемы социально-экономического развития крупных городов. М., 1983. С. 72.

ленные города население не до конца интериоризировала городской образ жизни, а значит, качественная сторона процессов оставалась незавершенной.

Причиной повышения внимания к общественным пространствам стал ускоренный процесс появления новых городов в целом и необходимость в их обустройстве в частности. Другой одной основополагающей причиной является тот круг задач, которое государство – креатор и главная движущая сила урбанизационных процессов, – ставило перед собой.

Во-первых, одной из таких задач считалось формирование новой культуры и нового человека, живущего в новом социалистическом (а значит, идеальном) городе. В города прибыло огромное количество сельского населения, которое необходимо было воспитать в духе «нового времени». Инструментами влияния стали агитация и пропаганда. Одной из площадок для формирования и внедрения новой культурной парадигмы стало городское пространство советского города. Городские общественные пространства становились одним из элементов в процессе внутренней советизации человека.

Во-вторых, городские пространства осваивались и обустраивались не повсеместно. Таким образом, структура города, заложенные в ней смысловые и символичные основы, закладывались с учетом значимости тех или иных мест для репрезентации власти.

Государство ставило себе задачу по нивелированию старой, чужой символической системы. Благодаря культурно-массовым мероприятиям советские люди вовлекались в ритуальные действия, тем самым усваивая ценности нового строя. Праздники проводились в специально избранных местах, в основном в городском центре, таким образом, происходило его «маркирование», закрепление за проведением демонстраций и встреч национальных героев.

Уместно отметить здесь решение, принятое ранее рассматриваемого в работе периода, но не менее важного – решения «О постройке в Москве 50 памятников великим людям в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусства». Следующим шагом, надо отметить, стала установка в советских городах памятников В. И. Ленину (Постановление II-го Съезда Советов СССР 26 января 1924 г. «О сооружении памятников В. И. Ленину»), которая на долгие десятилетия определила (а где-то до сих пор определяют) структуру городского пространства. Памятники Ленину стали городским ориентиром.

Безусловно, столице СССР – Москве – уделялось особое внимание в вопросе обустройства. Одним из примеров может стать процесс

проектирования первого советского небоскреба – Дворца Советов, для которого в 1931 году были учреждены Совет строительства и Управление строительством Дворца Советов, а также Временный технический совет Управления. На заседании в июне 1931 г. в Кремле под председательством Сталина было решено строить Дворец Советов на Волхонке. Московвед А. И. Васькин отмечает короткий срок – менее полугодия, – потребовавшееся для сноса Храма Христа Спасителя под новый проект советского вождя.

Осваивался, прежде всего, центр Москвы. «1930-е гг. были временем, когда господствовала ориентация на центр города как средоточие власти и начало строго иерархического порядка в организации пространства вокруг него. Создание нового центра в городской топографии было важным постольку, поскольку мышление в 1930-е гг. в целом базировалось на централистской культуре²».

Важен был и статус Москвы в происходящих процессах. Москва – столичный город, «лицо» страны, более того – «лицо» всего социалистического мира. «Канадский географ Теренс Макги метко назвал столичные города «культовыми центрами национализма. Действительно, элементы устройства и церемониал сакральных столиц становятся строительным материалом в создании культовых форм праздников, торжественных шествий, парадов, официальных фестивалей и самого культа нации и национальной истории, вокруг которого они формируются³». Именно в Москве был сооружен Мавзолей Ленина – своеобразный советский пантеон, находящийся на Красной площади. Профессор, доктор архитектуры Г. А. Птичникова отмечает, что «ступенчатая композиция напоминает священные зиккураты – храмы бессмертным богам⁴». Увековечивание героев режима, их посмертная слава, сакрализация пространства их монументами – один из векторов в освоении советского города. Город как средство госу-

² Рольф. М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2009. – С. 157.

³ Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемены. М.: Изд-во Институт Гайдара, 2013. С.80

⁴ Птичникова Г. А. Особенности формирования культурного пространства советского города 1920–1930-х годов (на примере Сталинграда) / Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. С. 159

дарственной идеологии, городское пространство как поле для реализации государственных задач – одна из призм рассмотрения развития города в 1925–1940 гг., позволяет понять цели обустройства тех или иных городских зон, и, как следствие, создания городского культурного пространства.

ОБ ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ-ФЕДОСЕЕВЦЕВ К ГОСУДАРСТВУ В XVIII в.: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К КОНФОРМИЗМУ¹

И. Н. Никаноров
(НГУ)

В начале XVIII в. Феодосий Васильев сформулировал радикальное эсхатологическое учение, благодаря которому обосновал воцарение «антихриста» в российском обществе, в том числе и в государственных институтах². Идея о наступлении «последних времен» позволила ему аргументировать отказ от священства и церковных таинств (за исключением крещения и исповеди), а также обязательного для всех подданных российской империи моления за государственную власть.

Петр I, стремившийся преобразовать Россию в духе идеологии «регулярного государства», попытался подчинить Церковь и использовать ее для решения собственных политических задач³. Это привело к новому витку репрессий против старообрядцев, которые ответили формированием социального мифа о Петре I – антихристе⁴ и вынудили многих старообрядцев скрываться, бежать в соседние государства. В частности, федосеевцы после разгрома правительственными войсками в 1722 году общины в Ряпино бежали в Польшу, где основали новый центр согласия. Польские дворяне и местные власти весьма

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ (НШ–219.2014.6)

² «Беседа беспоповца Феодосия Васильева с православным...» ГИМ, собр. Хлудова, № 262. Л. 1–114. Об этом сочинении см.: *Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 33–34.

³ *Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого. М., 2004. С. 34–68.; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. (Опыт ценностного анализа). М., 2001. С. 80–91.

⁴ См. подробнее: *Чистов К. В.* Русская народная утопия: Генезис и функции социально – утопических легенд. СПб, 2011. С. 100–113.; *Гурьянова Н. С.* Старообрядческие сочинения «О Петре I – антихристе» // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 136–153.

лояльно относились к старообрядцам, что способствовало быстрому развитию общины⁵.

Усилившиеся эсхатологические ожидания нашли отражение не только в богословских и полемических трудах лидеров старообрядчества, но и в сочинениях уставного характера. Данные источники очень информативны, поскольку в них запечатлены не только идеалы, но и практики устройства общины. Одним из наиболее ценных сочинений подобного плана является соборно принятый в 1751 году в Польше, в центре федосеевского согласия, «Польский устав»⁶. Данный текст предназначался для детальной регламентации жизни всей общины и стал наиболее авторитетным сводом правил в согласии. Обращение к нему дает возможность получить представление об отношении федосеевцев к государственной власти и ее институтам.

В «Польском уставе» был четко зафиксирован запрет на обращение членов общины в светский суд, на том основании, что он является «иноверным». Статья 21 гласила: «Аще пойдет под иноверный суд на мызы, о всяких мирских междоречий, а христианский суд презирая, и такового от христианства отлучить»⁷. Подобное восприятие официального суда сохранилось у федосеевцев и после их переселения в Россию, поскольку они воспринимали как иноверцев и католиков, и «никониан». Сохранение действия данной статьи свидетельствует, что федосеевцы стремились максимально дистанцироваться от контактов с государственными институтами, которые мыслились «слугами антихриста».

Отказываясь от светского суда, авторы устава считали, что «мирские междоречия», т. е. возникавшие в быту споры, следует решать в «христианском суде». Получить представление о том, какие преступления подлежали рассмотрению в нем, позволяют, например, статья 20-я, которая предусматривала наказания за драки между «христианами», 22-я статья – за воровство, 23-я статья – осуждала подделку мер и весов⁸. В качестве наказания предлагались епитимьи, духовно-

⁵ О старообрядцах в Польше подробнее см.: *Горизонтов Л. Е.* Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // *Славянский альманах* 1997. М., 1998. С. 140–168.

⁶ Изд.: «Польский устав» // *Сборник для истории старообрядчества*, издаваемый Н. Поповым. М., 1864. Т.1. С. 10–21. (в дальнейшем ссылки будут даваться на данное издание).

⁷ «Польский устав»... С. 15.

⁸ Там же. С. 15–16.

исправительная мера, налагаемая наставником, имевшим авторитет внутри общины.

Таким образом, ужесточение государственной политики в отношении старообрядцев привело к усилению эсхатологических ожиданий и к нарастанию изоляционизма в старообрядческих общинах.

Во второй половине XVIII века политика правительства Российской Империи по отношению к старообрядцам стала постепенно смягчаться. Под влиянием идей Просвещения, Екатерина II начала царствование с амнистии «всем содержащимся под караулом по раскольничьим делам». Особое внимание правительства к старообрядцам можно объяснить тем, что они были экономически активной частью населения, крайне необходимой императрице, желавшей создать в городах Российской империи полноценное третье сословие для развития экономики.

Лояльная политика Екатерины II в отношении старообрядцев позволила многим федосеевцам вернуться в Россию и создать общины в крупных городах Российской Империи, в том числе и в Москве было организовано Преображенское кладбище, ставшее через несколько лет влиятельным центром всего согласия.

Получение легального статуса богадельни, а также изменение социального состава общины в пользу богатых купцов и промышленников, потребовали внесения корректив в отношении к государственной власти. И. А. Ковылин – наиболее влиятельный из руководителей московских федосеевцев, в сочинении «Разсмотрение кто от сотворенной твари паче всех согреши на небеси и на земли» попытался обосновать возможность более лояльного отношения к государству, опираясь на эсхатологическое учение. На основании различного написания имени Христа, он делал вывод, что старообрядцы поклоняются истинному Богу, а сторонники официального православия – антихристу, и, следовательно, антихрист воцарился лишь в Церкви и действует через нее⁹. Данный тезис позволял оправдать постоянные контакты федосеевцев с представителями государства и лояльность к верховной власти, что было одним из условий легального статуса общины.

Помимо полемических текстов, более терпимая позиция по отношению к государству нашла отражение и в сочинениях уставного характера. В частности, в принятом на Преображенском кладбище в 1798 году «Чине оглашения», регламентировавшем прием прозелитов

⁹ *Гурьянова Н. С.* Указ.соч. 34–36.

в общину¹⁰. Согласно его правилам, всем купцам, желавшим быть принятыми в общину, надлежало не только исповедовать федосеевское учение, но и следовать гражданским законам: «Аще купечеством питается, требуется распрашивать накрепко: не торгует ли чем противным закону христианскому... или покупает что в ведении краденое, или что гражданским законом воспрещенное, яко без платежа пошлин и прочее подобное тому...»¹¹. Поскольку, как отмечают авторы далее, это «не токмо христианской вере препону творит, но и гражданскую честь помрачает, а душевное спасение весьма искореняет»¹².

В данной статье подчеркивалась необходимость следовать законам «градским» наравне с законами «христианскими», что не было характерно для ранних федосеевских текстов, отрицательно относящихся к «мирским» законам и судам. В «Чине оглашения» «градские» законы упоминаются наряду с «христианскими» как необходимые для исполнения ради спасения души. Это позволяет говорить о постепенном формировании более терпимого отношения к государственной власти и ее институтам.

Подводя итог, стоит отметить особую информативность уставных сочинений как ценного источника, позволяющего проследить восприятие старообрядцами государственной власти и уточнить процесс постепенной дерадикализации их идеологии, находящейся в прямой зависимости от государственной конфессиональной политики.

¹⁰ Чин оглашения входящим в православную веру // Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым... С. 83–101.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Там же.

СЕКРЕТНЫЙ АРХИВ КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК ВКП(б): ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ

*Т. Н. Никонова
(ИАИ РГГУ)*

Несмотря на значительный интерес к партийному делопроизводству, архив Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) практически неизвестен. Между тем архив КПК был одним из самых больших обособленных хранилищ партийной документации, расположенных на Старой площади (только в 1985 г. некоторые материалы из него были переданы в ЦПА¹).

КПК была образована на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. Но архив КПК включал документы и ранее существовавших контрольных органов.

Архив КПК делился на общий и секретный (он же специальный) архивы. Секретный архив образовался при секретной части, по видимому, в 1940 г. Впервые штамп «Секретная Часть КПК при ЦК ВКП(б) * Подлежит Возврату в Секр[етный] Арх[ив] КПК» встречается на протоколе заседания Бюро КПК № 17 от 15 февраля 1940 г.² В сводке личного состава КПК за 1940 г. значатся две штатные единицы заведующих архивами³.

В настоящее время материалы КПК доступны в РГАНИ (ф. 6. Оп. 6), РГАСПИ (ф. 589. Оп. №№ 4, 5) и в архиве Гуверовского института в США (микрофильмы документов по оп. №№ 3, 4, 5, 6 ф. 6. РГАНИ. Оп. 4, 5 ф. 589 РГАСПИ). Это протоколы Бюро и Партколлегии КПК за 1934–1952 гг. и материалы к ним, записки, отчеты работников КПК, материалы проверок за 1939–1952 гг. В то же время практически закрытыми остаются персональные дела коммунистов, не все документы рассекречены.

¹ Хлопов В., Благодатская В. Описание документов бывших партийных контрольных органов // ОА. 1999. № 3. С. 75–79.

² РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 19.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 79. Д. 80. Л. 7.

Документы бывшего секретного архива КПК можно определить по делопроизводственным штампам и пометам. Однако видно, что эти документы достаточно случайны.

Значимость исследования и реконструкции состава секретного архива КПК определяется следующим: 1) неполнота документов КПК может исказить результаты изучения деятельности этого органа, поэтому нужно хотя бы примерно представлять, что остается за рамками доступной источниковой базы; 2) секретный архив КПК сам по себе представляет значительный интерес для изучения норм секретного партийного делопроизводства.

Особый режим секретности в спецархиве КПК обеспечивался максимальным ограничением доступа к нему: если в общем архиве работало 5–6 человек, то в спецархиве только один (он же заведующий).

«В спецархиве хранятся особо секретные дела», – так в записке в штатную комиссию ЦК ВКП(б) заместитель председателя КПК М. Ф. Шкирятов объяснял назначение этого структурного подразделения⁴. Что конкретно там хранилось? По-видимому, год образования секретного архива – 1940 г. – связан с обработкой материалов, оставшихся в КПК после Н. И. Ежова (председатель КПК в 1935–1939 гг.). Это т. н. материалы КПК XVII созыва, о которых в предисловии к оп. 6 ф. 6 РГАНИ, составленной архивистами КПК в 1970-е гг., сказано, что «они находятся на особом хранении и в данную опись не вошли».

Благодаря тому, что протоколы заседаний Бюро КПК с 1940 г. стали включать резолюцию, в какой архив (общий или секретный) направить выписку и материалы дела, мы можем примерно представить себе логику его формирования и отчасти его состав.

В секретный архив попадали все материалы, в которых:

- 1) затрагивались интересы тяжелой промышленности, машиностроения, государственной безопасности;
- 2) фигурировали крупные номенклатурные работники;
- 3) речь шла об особо серьезных «партийных преступлениях».

Зачастую направление дела в секретный архив было следствием особой политической значимости этого дела. Обратимся к протоколу заседания Бюро КПК № 139 от 16–17.III.1950⁵. Материалы по делу (п. 2с.) «О нарушениях финансовой дисциплины в расходовании государственных средств в Ленинградском городском совете» были на-

правлены в секретный архив, а дело (п. 4с.) «О фактах незаконного расходования государственных средств в Главном Управлении по делам охотничьего хозяйства при Совете Министров РСФСР» – в общий архив, несмотря на то, что и в том, и в другом случае предметом расследования были примерно одинаковые по объемам нецелевые расходы.

Судьба материалов проверок КПК по «Ленинградскому делу», а также в целом по политическим репрессиям, к которым была причастна КПК, остается малоопределенной. О. Г. Шатуновская, работавшая в КПК после XX съезда и участвующая в реабилитации репрессированных коммунистов, в своих воспоминаниях указала на существовавшую при КПК специальную тюрьму для особо важных политических заключенных, которая подчинялась непосредственно М. Ф. Шкирятову⁶. Нам не удалось обнаружить какое-либо подтверждение этому среди документов КПК.

Заведующий секретным архивом С. Я. Кузнецов на совещании технических работников аппарата КПК 18 марта 1950 г. отметил, что при вале поступающих материалов «описи делам не ведутся»⁷. Отсутствие учета создало объективные условия для пропажи документов и, не исключено, преднамеренного их уничтожения.

Шатуновская заподозрила зав. секретариатом КПК Г. Климова в уничтожении ряда собранных ею материалов (свидетельств о фальсификации политических процессов), помещенных в архив КПК. Действительно, в 1970-е гг. при Климове архив КПК был подвергнут ревизии и экспертизе. В предисловии к описи 6 РГАНИ оговаривается уничтожение части материалов проверок и отсутствие ряда документов ежовского периода.

Отдельно нужно отметить, что не известна судьба документов секретариата Шкирятова, в частности судьба его переписки, которая могла бы пролить свет на контакты КПК с НКВД и МГБ СССР. Характерно, что в фонде Прокуратуры СССР найдены подлинники полученных из КПК писем и копии писем, отправленных на имя Шкирятова⁸. Однако среди открытых материалов КПК следов этих документов нет.

⁶ Шатуновская О. Г. Об ушедшем веке. Воспоминания. Calif., 2001. С. 326.

⁷ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 57. Л. 9.

⁸ Напр., ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 4218, 4221, 4223.

⁴ Там же. Оп. 129. Д. 70. Л. 70.

⁵ Там же. Ф. 589. Оп. 5. Д. 155.

Дать более точный ответ о судьбе ряда документальных комплексов мы сможем только после того, как все без исключения документы КПК будут доступны исследователям. Пока этого не произошло, мы можем только делать более или менее обоснованные предположения о составе секретного архива КПК.

ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМИССИЙ ЦК КПСС (1958–1966 гг.)

*А. В. Оганесян
(ИАИ РГГУ)*

Практически все органы власти в СССР в той или иной степени выполняли идеологическую функцию, однако создавались и специальные органы, для которых эта функция была основной. К числу таких органов относились Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей (1958–1961 гг.) и сменившая ее Идеологическая комиссия ЦК КПСС (1962–1966 гг.).

В компетенцию первой Комиссии входило решение широкого спектра вопросов в сферах искусства, религии, науки, образования, спорта, средств массовой информации, а также международных связей с иностранными компартиями¹. Она имела право самостоятельно готовить и принимать постановления на основании докладных записок профильных отделов ЦК КПСС². Вторая Комиссия не принимала постановлений, а только обсуждала на заседаниях вопросы, касающиеся пропаганды и агитации, печати и радио, науки, культуры и образования, и готовила по ним предложения, которые подлежали утверждению в Секретариате или Президиуме ЦК КПСС³.

Фонды Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей (№ 11) и Идеологической комиссии ЦК КПСС (№ 72) хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), куда они были переданы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) в 1995–1996-х гг.

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ): Путеводитель. М., 2004. Вып. 1. С. 91.

² *Афиани В. Ю.* Идеологические комиссии ЦК КПСС в механизме управления культурой // Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998. С. 25.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ): Путеводитель. М., 2004. Вып. 1. С. 93.

В фонде первой Комиссии отложились ее собственные постановления, проекты постановлений, записки отделов ЦК, министерств и ведомств, различные справки и переписка, а в фонде второй Комиссии – стенограммы заседаний, записки отделов ЦК и государственных учреждений, а также проекты постановлений ЦК КПСС и Совета Министров, которые рассматривались на заседаниях.

Большая часть фонда № 11 рассекречена. Исследователям доступны все постановления Комиссии, но многие материалы к ее заседаниям все еще остаются закрытыми. Фонд № 72 рассекречен полностью. Документы Идеологической комиссии за 1965–1966 гг. в фонде отсутствуют. По мнению, В. Ю. Афиани, после снятия Н. С. Хрущева в 1964 г. Комиссия перестала работать⁴, однако известно, что в марте 1965 г. были назначены новые члены Идеологической комиссии⁵, а в ноябре состоялось заседание, посвященное вопросам развития общественных наук, стенограмма которого хранится в фонде Отдела науки, высших учебных заведений и школ ЦК КПСС⁶.

Еще одна особенность данного фонда заключается в том, что стенограммы многих заседаний Комиссии отсутствуют. Причины данного обстоятельства выяснить не удалось. Можно лишь предположить, что некоторые заседания Комиссии либо не стенографировались, либо при смене кадрового состава бывшие члены Комиссии «прихватили» нужные им стенограммы. Ярким примером последнего обстоятельства может служить история упомянутой стенограммы. Предположительно, С. П. Трапезников, член Комиссии, занимавший в то время пост заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, мог передать эту стенограмму в свой отдел. Иначе объяснить наличие этого документа в фонде данного отдела невозможно.

Публикации документов Комиссий можно разделить условно на две группы – оперативные и ретроспективные. К первой группе отно-

ются два сборника – «Вопросы идеологической работы»⁷ и «Справочник партийного работника»⁸. В этих сборниках публиковались полностью или частично постановления первой Комиссии. Оперативная публикация материалов второй Комиссии не производилась, в газете «Правда» публиковались лишь отчеты о ее заседаниях.

В группу ретроспективных публикаций входят два сборника – «Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964 гг.»⁹ и «Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС: 1952–1958»¹⁰.

Для первого сборника были отобраны лишь те документы Комиссий, в которых отражены вопросы культуры. Данная публикация не является полной, т. к. из стенограмм Идеологической комиссии исключались выступления представителей союзных республик, которые касались культурной жизни только их республик. При отборе документов составители отдавали предпочтение тем выступлениям партийных руководителей, членов Комиссии и руководителей учреждений, которые представляли официальную позицию, а также выступлениям представителей интеллигенции, которые разделяли идеологические установки партии и которые в той или иной степени пытались отстаивать право на свободу творчества. Из материалов Комиссии по вопросам идеологии культуры и международных партийных связей отбирались постановления, которые касались наиболее значимых событий в сфере культуры того периода.

Во второй сборник вошли постановления первой Комиссии, которые касались деятельности Академии наук СССР. В основном Комиссия давала разрешение АН СССР на выезд советских ученых за границу. При отборе подобных документов составителями учитывались статус, значимость научных конференций, участие выдающихся советских ученых, был ли это первый контакт с зарубежными научными организациями.

⁴ Афиани В. Ю. Идеологические комиссии ЦК КПСС в механизме управления культурой // Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998. С. 26.

⁵ Опись дел фонда № 72 (Идеологическая комиссия ЦК КПСС) // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 72. Оп. 1. С. 1.

⁶ Стенограмма заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС по вопросу развития общественных наук (15–18 ноября 1965 г.) // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 210.

⁷ Вопросы идеологической работы. Сборник важнейших решений ЦК КПСС (1954–1961 гг.). М., 1961. 321 с.

⁸ Справочник партийного работника. Вып. 2. М., 1959. 839 с.

⁹ Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998. 552 с.

¹⁰ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС: 1952–1958 / Отв. сост. В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков. М., 2010. Т. 2.

К изданиям научного типа можно отнести и сборник «А за мною шум погони...» Борис Пастернак и власть. 1956–1972 гг.»¹¹ В этом сборнике опубликовано одно постановление Комиссии по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей «О мероприятиях советского посла в Швеции в связи с возможным выдвижением Б. Пастернака на Нобелевскую премию»¹².

К изданию научно-популярного типа можно отнести публикацию материалов Идеологической комиссии в журнале «Известия ЦК КПСС»¹³. В журнале были опубликованы ранее неизвестные широкой публике документы о взаимоотношениях власти и интеллигенции в период «оттепели». Именно здесь впервые были опубликованы стенограмма заседания Идеологической комиссии с участием деятелей культуры и записка председателя Комиссии Н. С. Хрущеву об итогах этой встречи. В журнале также как и в сборнике «Идеологические комиссии ЦК КПСС» публиковались не все выступления, а лишь те, в которых наиболее ярко отражаются тенденции того времени.

На сегодняшний день не существует публикации, которая была бы полностью посвящена материалам двух Комиссий. По мнению автора, есть необходимость в издании сборника документов Комиссии по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей, т. к., во-первых, документы этой Комиссии сохранились наиболее полно, а, во-вторых, в силу своего особого статуса деятельность Комиссия во многом повлияла на развитие культуры, религии, науки, спорта, средств массовой информации, а это значит, что при изучении истории Советского государства периода «оттепели» невозможно обойтись без материалов данной Комиссии.

¹¹ «А за мною шум погони...» Борис Пастернак и власть. 1956–1972 гг.: Документы / Под ред. В. Ю. Афиани, Н. Г. Томлиной. М., 2001. 432 с.

¹² Там же. С. 138.

¹³ «Мы собрались для того, чтобы искренне высказать свои мысли» (К истории встреч Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией) // Известия ЦК КПСС. 1990. №11. С. 196–213.

ВЛАСТЬ И СЛУХИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ (СЛУЧАЙ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1915 г.)

А. С. Опилкин, к.и.н.
(РИСИ)

Реальность, окружающая человека, неоднородна и многомерна. В ней присутствуют как компоненты субъективной, индивидуальной реальности, так и значительный пласт независимого от индивида или группы людей, «объективного» мира. Огромное значение имеет и социальная реальность, создаваемая и воспроизводимая в группах людей. Традиции, обычаи, нормы и практики порой влияют на жизнь человека не меньше, чем природные условия. Весьма значимы и менее «долгоиграющие» компоненты социальной реальности, такие как мода и слухи.

Один из классиков социологии и социальной психологии, Уильям Томас в 1917 г. сформулировал следующий постулат: если люди интерпретируют ситуацию как реальную, то последствия этой ситуации реальны. Признание реальности события, явления или процесса, убежденность в правдивости имеющейся информации по тому или иному вопросу (вне зависимости от степени достоверности данных) создает новую действительность, из которой вполне могут последовать (и в ряде случаев следуют) не только мысли и планы, но и действия людей.

К выводам, подобным постулату У. Томаса, как минимум за несколько лет до него пришли практики, занимавшиеся управлением большими массами людей. В период Первой мировой войны Министерство внутренних дел и некоторые губернаторы Российской империи прекрасно понимали возможность и опасность перехода масс людей от (неадекватных реальности) оценок и слов к действиям. Именно этим объясняется то внимание, которое в ряде случаев уделялось проблеме распространения слухов.

Еще 31 июля 1914 г., в день объявления всеобщей мобилизации, министр внутренних дел Н. А. Маклаков в письме губернаторам требовал предоставления населению информации о происходящих событиях и пресечения «вздорных и вредных слухов» и возникающих

на их почве беспорядков «всеми возможными средствами»¹. Уже на этом этапе в МВД осознавали важность контроля над информацией и каналами ее распространения. Показательно, что первой мерой сохранения порядка в губерниях значится необходимость заполнения и устранения искажений «информационного пространства» региона, которые неизбежно возникают в любой чрезвычайной ситуации.

Рассмотрим, как воспринимали слухи и реагировали на их распространение в условиях Первой мировой войны должностные лица, отвечающие за спокойствие в тылу Российской империи. В качестве примера рассмотрим ситуацию в Киевской губернии в 1915 г.

Кампания 1915 года была очень неудачной для русской армии. Один из важнейших критериев успешности войны в глазах населения – (захваченное/отданное) пространство – был не в нашу пользу. Оставленными оказались не только занятые в 1914 г. территории неприятеля, но и губернии, до войны входившие в состав Российской империи. Длительное, хотя и организованное, отступление армии негативно влияло на моральное состояние населения, стали шириться слухи.

1 июня 1915 г. начальник Киевского губернского жандармского управления в записке губернатору отмечал, что по городу активно ходят слухи «самого вздорного характера». Жители Киева были очень взволнованы, однако выяснить первоисточник слухов не удалось. Все слухи касались «объяснения» отступления армии и вращались вокруг темы «предательства». Содержание слухов:

В Киев доставлены закованными в кандалы 3 генерала и 11 офицеров для казни на Лысой горе за измену;

Во время сражения под Перемышлем вражеские летчики кричали нашим солдатам: «Что же вы... не сдаетесь, ведь вашему начальству заплачено за сдачу крепости»;

Война потому малоуспешна, что офицеры уклоняются от руководства солдатами.

Обращают на себя внимание не только подозрительно точные цифры «предателей» и дословное цитирование пилотов противника, но и ярко выраженное желание найти виновных, объяснить причины отступления влиянием субъективного фактора. Выведение военных неудач из сознательных действий «предателей» говорит или об обычательском происхождении информации, или как минимум об адап-

тации ее под картину мира обычного человека, слабо представляющего, как работает такая громоздкая система как армия.

В приводимых слухах начальника жандармского управления больше всего волновало то обстоятельство, что они «сеют недоверие к правительству и вождям армии»². В качестве противодействия молве предлагалось выпустить успокоительное обращение к населению губернии от имени губернатора. Особый акцент в обращении предполагалось сделать на том, что представители военного и гражданского управления «непоколебимы в стремлении своем к окончательной победе над врагом», а также на том, что ложные слухи распространяют агенты противника³.

Киевский губернатор очень внимательно отнесся к полученной информации и уже через три дня написал два письма – командующему Киевским военным округом и директору Департамента полиции. Указывая на объективную вредность распространения подобных слухов по Киевской и другим губерниям, он прямо указывал на возможность перерастания слухов в беспорядки. По его мнению, рассеять слухи должно было разъяснение ситуации от лица власти, но не губернатора как гражданского чиновника, а представителя высшего командования русской армии. По мнению губернатора, наиболее подходящей кандидатурой для территории юго-западных губерний было бы обращение к населению главнокомандующего армиями фронта генерал-адъютанта Иванова⁴, несколько лет до войны бывшего командующим Киевского военного округа. По мнению губернатора, такая экстраординарная мера вполне оправдывалась сложностью создавшегося положения.

В письме директору Департамента полиции Киевский губернатор добавлял, что аналогичные слухи его знакомые, состоящие на госслужбе (т. е. те, чьи свидетельства легко проверить) слышали и в Москве – ареал распространения молвы о предательстве стремительно расширялся⁵. Также губернатор просил директора ДП через товарища (т. е. заместителя) министра внутренних дел обсудить возможность выпуска обращения к населению от лица генерала Иванова.

Известно, что товарищ министра получил эту информацию⁶. Неясно лишь, велись ли какие-либо переговоры по этому вопросу с во-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. 2-е дел-во. 1914. Д. 42. Л. 342–343.

² ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 220. Л. 32–32 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 33–34.

⁵ Там же. Л. 31–31 об.

⁶ Там же. Л. 35–36.

енным командованием или в МВД решили справиться собственными силами.

Однако еще до конца месяца за подписью товарища министра внутренних дел вышло циркулярное письмо. Адресатам письма, губернаторам, предписывалось «незамедлительно оповестить население, что вследствие затяжного характера войны необходимо вооружиться терпением, что сеющие внутреннюю смуту лишь оказывают содействие врагу»⁷.

Война – период нестабильности, неуверенности, и как любой подобный период – это время «разбухания» информационного поля обывателя за счет страхов, домыслов, дезинформации, которые передаются через личное общение. Появляются и приобретают огромное значение слухи.

МВД Российской империи – это огромная по масштабам и сложности организация. Кроме всего прочего, это мощнейший канал передачи информации как «снизу вверх», с мест в столицу, так и «сверху вниз», из центральных органов власти региональным и местным. В рассмотренном примере слухи воспринимались начальником жандармского управления и губернатором как альтернативный канал/способ распространения информации. И, что принципиально важно, способ масштабный и неподконтрольный официальным властям в обычном режиме. Уже из одного этого понятны опасения представителей исполнительной власти, не контролирующей информационные потоки. А если учесть и потенциальную возможность провоцирования слухами действий значительного количества людей, то пристальное внимание к ним становится логичным и, в ряде случаев, необходимым.

Рассмотренный пример демонстрирует высокий уровень понимания угроз региональными органами безопасности Российской империи в сложных условиях 1915 года. Некоторое преувеличение возможных негативных последствий дальнейшего развития ситуации имело место, но оно практически неизбежно в подобной работе. В Киевской губернии внимание жандармского управления и губернатора было сосредоточено не только на текущих процессах и действительных угрозах, но и на событиях, явлениях и процессах, несущих лишь потенциальную угрозу, что говорит как об относительной стабильности ситуации в губернии, так и о высокой компетентности руководителей органов власти.

⁷ Там же. Л. 39.

МАКРОФИЗИКА ГОСПОДСТВА¹, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ И СЕМЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ФУКО.

Н. Н. Орлеанский
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Впервые Мишель Фуко обратился к проблематике власти господства, в курсе своих лекций «Психиатрическая власть» прочитанных в 1973–1974 годах в Коллеж де Франс. Технику власти-господства Мишель Фуко описывал как предшествующую дисциплинарной власти. Именно в связи с этим обратил свое пристальное внимание на режим функционирования власти и институте семьи в средневековье. Власть-господство функционировала на протяжении всего периода средневековья как основная техника властвования. Он, используя модель Канторовича,² показал как функционировала модель властных взаимодействий в этот период, как легитимировался тот или иной политический порядок и как происходило взаимодействие между акторами властных практик.

Он усматривает проявления власти-господства в семейных отношениях, поскольку они так же не изотопны, концентрируются вокруг фигуры отца и деиндивидуализированы. Фуко отвергал предположение о том, что семья является прообразом дисциплинарных

¹ В оригинальном французском издании используется понятие «*macrophysique de la souveraineté*», а для обозначения власти-господства – «*pouvoir de souveraineté*» см. Foucault M. *Le pouvoir psychiatrique Cours Année 1973–1974*, Gallimard/Seuil, 2003 p. 41. Ванглюязычном издании также употребляется «*power of Sovereignty*» см. Foucault M. *Psychiatric Power Lectures at the college do france ,1973–74* PalgraveMacmillan™. p. 62. Врусскоязычном издании используются понятия «макрофизика господства» и «власть господство».

² См. *Канторович Э. (1895–1963) – выдающийся немецкий медиевист, представитель новой истерической школы. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. А. Ю. Сергиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 744 с.*

практик³. Он резко порывал с традицией, говорившей о том, что семья – это прообраз армии, школы, монастыря, церкви, больницы. Данные учреждения относились, по его мнению, к сфере реализации дисциплинарной власти. Напротив, в семье, мы увидим яркий пример власти-господства «функция индивидуализации достигает апогея в фигуре того, кто вершит власть, – то есть в фигуре отца. Эта анонимность власти, эта недифференцированная лента власти, без конца раскручивающаяся в паноптической системе, как нельзя более чужды формированию семьи»⁴. Фигура отца, как и фигура короля, также подлежит удвоению.

Даже когда на место власти-господству королей пришла дисциплинарная власть, значение семьи не было утрачено. Наоборот, она является тем важным механизмом, связывающим соматические единицы и механизмы дисциплинарной власти. «Я имею в виду, что семья – это инстанция принуждения, которая постоянно выдает индивидов дисциплинарным аппаратам, в каком-то смысле вкладывает их в эти аппараты. Подчиняясь не дисциплинарным практикам, но диспозитиву государства, семья сохранила и преумножила свою роль»⁵.

В средние века, а также в XVII и XVIII веках, семья была очень важным институтом, но в то же время очень неоднородным, чьи границы были плохо верифицированы. В семью встраивались иные модели вассалитета, зависимости и отношений. С падением всемогущества власти-господства границы семьи были четко очерчены. Гражданский кодекс выполняет двойную роль, с одной стороны он ограничивает роль и влияние семьи, с другой гомогенизирует ее представителей, индивидуализирует их перед лицом закона. В XIX веке через семью социализировались группы населения, потенциально признанные опасными для дисциплинарного общества.

Фуко рассматривая опыт первой половины девятнадцатого века, видит два примечательных феномена: рефамилизация⁶ и возникновение дисциплинарных диспозитивов нивелирующих бессилие семьи⁷. В условиях, когда из игры истины и власти была выведена власть-

³ Подробнее см. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я / Азбука-классика 2008 192 с.

⁴ Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1973–1974 уч. году / . – СПб.: Наука, 2007. С. 100

⁵ См.: Там же. С. 103

⁶ Там же. С. 103

⁷ Там же. С. 104

господство. Когда происходил распад буржуазной семьи (у пролетариата), общество прилагало все силы посредством своей микрофизики власти выражавшейся в использовании благотворительных фондов, обществ помощи и центров содействия в реактуализации института семьи. Второй интересный феномен заключался в том, что там, где не могли функционировать семьи, их заменяло государство. Социальная помощь образовывала новую дисциплинарную ткань, покрывавшую все общество в целом.

Он выделял несколько отличительных фактов, характерных для данного типа властвования, а именно:

Ассиметричный тип связи, выражавшийся в отборе продукта господином у подчиненного. Данное положение может быть выражено в разных типах удержания, а именно «Господин в рамках отношения господства изымает продукты, сельскохозяйственные сборы, предметы промысла, оружие, рабочую силу, воинское мужество, а также время, службу»⁸.

Власть-господство основывается на неких основаниях прошлого⁹. Через деяния прошлого легитимируются текущие действия. Этими деяниями прошлого могут быть завоевание, договор, божественное предустановление. Посредством подобного рода символических отсылок легитимируется подобный властный порядок. Всякое подобное деяние реактуализируется посредством ритуала, регулярного или нет. Ритуальные жесты, символический обмен, игра, все это формы актуализации власти-господства. Причем, подобную игру всегда будет сопровождать насилие, обратной стороной господства является война и насилие.

Отношения господства не изотопны. Это означает множество несоотносимых связей, которые нельзя иерархизировать. Эти связи не поддаются кодификации, так «например, есть отношения господства между крепостным и сеньором... и есть также отношения господства клирика над мирянином; интегрировать все эти отношения в некую действительно единую систему невозможно»¹⁰. Все эти связи к тому же не эквивалентны. Данные типы связи распространяются как на землю, орудия труда, дороге, оборонительному сооружению, так и к их пользователям, семье, коллектив.

⁸ Там же. С. 60

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 61

Таким образом, ключевая характеристика власти-господства это отношение множественности. Индивидуальность проявляется только с приближением к королю. Взамен индивидуальности мы наблюдаем плюрализм неизотопных отношений «С одной стороны – тела, но без индивидуальности, а с другой – индивидуальность, но с умножением тела»¹¹. Власть-господство базируется на подобных неизотопных отношениях. Режим действия подобной власти, по мнению Фуко, всегда должен иметь внешнюю атрибуцию, она должна демонстрировать через акт насилия свою собственную силу.

УМСА И «РУССКАЯ РАБОТА» МЕЖДУ СОЗДАНИЕМ ИДЕАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И КОНЦЕПЦИЕЙ *SOFT POWER* (КОНЕЦ 19 в. – 1920 г.)

Н. А. Пашкева
(*CERCEC, Франция*)

Движение Young Men's Christian Associations (УМСА) сформировалось в середине 19 века в Англии на основе кружков молодых служащих промышленных и торговых предприятий с целью препятствовать их моральной деградации и способствовать их духовному совершенствованию. Представленные на промышленной выставке в Лондоне в 1851 г., английские УМСА стали известны делегатам Америки, Канады, Франции и др. В Новой Англии, находившейся в процессе создания государственности, эти организации стали важным социальным институтом духовного, нравственного, культурного, интеллектуального и физического воспитания молодежи одновременно.

Свою предысторию УМСА связало с более ранними христианскими обществами Англии. В 1891 г. Дж. Боун, хранитель исторической библиотеки американских ассоциаций УМСА, в своем ежегодном отчете уделял особое внимание сбору изданий «родственных» организаций раннего периода – английских молодежных неконформистских обществ середины 17 века¹. Исповедание евангелического христианства (веры в Иисуса Христа как личного спасителя) и религиозно-нравственное благочестие было условием членства УМСА.² Чтение Библии, совместные молитвы в первые годы были основой работы, но впоследствии стали лишь одним из направлений деятельности, идеологической основой движения. Создание УМСА силами мирян, исповедовавших евангелическое христианство, способствовало широкой трактовке веры, выходявшей за рамки религиозной догматики.

¹ *J. T. Bowne. Annual report // Year Book of the YMCA of the United States and Dominion of Canada. New York, 1891. С. 41.*

² Ст. 8 устава. Цит. по: *L. L. Doggett. History of the Young Men's Christian Association. New York, 1922. С. 41.*

¹¹ Там же. С. 63

В 1894 г. Л. Догжет в диссертации при социологическом факультете Университета Лейпцига уже рассматривает YMCA как институт, в котором впервые религия была использована, прежде всего, в качестве социальной силы.³ Первоначальная цель движения – привлечение молодежи к церкви – приобрела практический смысл: построить отношения в социуме на основе христианских ценностей, раскрыть индивидуальные способности и применить их в обществе. Этому способствовало рождение YMCA в среде крупного промышленного бизнеса, их финансовая и социальная взаимосвязь. В 1891 г. на работу в американские YMCA поступило 1044 человек. Из них до этого 755 работали в сфере бизнеса, 146 в школах, 48 прошли курс подготовки секретарей YMCA в специальной школе в Спрингфилде, 36 были преподавателями, 19 священниками, 10 миссионерами, 6 занимались «евангелической работой» (*Evangelistic Work*)⁴.

Религиозный дискурс уступил место понятиям лидерства, характера, дисциплины, социальной ответственности и образцового гражданина (*Good Citizen*).⁵ Христианские понятия миссии и единства людей способствовали выходу движения на международную арену. Члены YMCA активно участвовали в миссионерском движении. На рубеже 19–20 веков объектами пропаганды стали не только христианство, но и интернациональный и интерконфессиональный подход в работе, а также сама модель YMCA, как форма организации социальных отношений, способная создать не только совершенного человека, но идеальное человеческое общество.

Тем не менее, несмотря на христианскую концепцию единства человечества, национальный фактор играл важную роль в интернационализации YMCA. Каждое национальное движение воспитывало в своих молодых участниках чувство собственной нации, ее прогрессивности и стремление способствовать развитию других наций посредством распространения собственных, национальных методов работы в странах, еще не знакомых с движением. На международном

³ Doggett. Указ. соч. С. 9–10. Также издания YMCA: J. Jenks. *The Political and Social Significance of the Life and Teachings of Jesus*. New York, 1907; A. M. Chesley. *Social Activities for Men and Boys*. New York, 1910; и др.

⁴ E. Uhl. *Annual Report // Year Book 1891*. С. 21.

⁵ J. Jenks. *Life Questions of High School Boys*. New York, 1908. *Manual for Leader Pioneers. A Program of Christian Citizenship. Training for Boys Twelve to Fourteen Years of Age*. New York, 1920. *Foremanship. The Standard Course of the United YMCA Schools*. New York, 1921.

собрании YMCA в Вельдене в 1923 г. при обсуждении распространения движения в странах, еще с ним не знакомых, был установлен принцип не вторжения одних национальных YMCA на территории, где уже работали другие⁶. Американские YMCA были наиболее активны. В 1925 г. их секретари работали в 23 странах, затратив на международную работу 128.024 фр., тогда как английские родоначальники YMCA присутствовали всего в 12 странах, ассигновав 65.370 фр.⁷ YMCA стремились играть роль регуляторов международных отношений, и национальный фактор оказывал влияние. Так, после войны 1914–1918 гг. международный комитет YMCA был вынужден урегулировать конфликт, возникший между французской и немецкой делегациями по итогам войны.

В 1897 г. Дж. Стокс, деятель американских YMCA, обратился непосредственно к Николаю II и в Министерство Императорского Двора, чтобы создать YMCA в Петербурге. Стокс подчеркивал, что организация будет блюсти интересы престола, обеспечивая противовес вредному влиянию коммунизма и социализма на русскую молодежь⁸. Обещание воспитать верных граждан (*Good Citizens*) Российской Империи и обеспечить финансирование новой организации, а также привлечение императорской семьи и крупного капитала открыло путь.

В Российскую Империю YMCA приходит на подготовленную почву. В 1890е гг. из-за большого количества прошений о создании благотворительных обществ для молодежи МВД разрабатывает для них типовой устав⁹. Тем не менее, открытие общества «Маяк» (первый русский аналог YMCA) в Петербурге сопровождалось грандиозными празднествами и рекламной кампанией в прессе как «первого в России учреждения на пользу трудящейся молодежи».¹⁰ Правда, обще-

⁶ *Annexe 4. Œuvre d'extension // AD du Val de Marne*. 540 J. Архивы УСЖГ. Картон 146. Д. «Comité Universel. Session Plénaire de Welden, Juin 1923».

⁷ *Contributions des Alliances nationales au Comité universel // AD du Val de Marne*. 540 J. K. 146. Д. «Session plénière du Comité Universel. Helsingfors, 1926». Л. 1.

⁸ Записка Дж. Стокса барону Фредериксу // РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1450. Л. 12.

⁹ Об утверждении нормального устава для о-в распространения в народе грамотности // РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 560.

¹⁰ Два года жизни и деятельности Комитета для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития [...]. СПб, 1903.

ству не позволили называться YMCA и заниматься «общественным развитием» молодежи¹¹, но американская пресса подчеркивала, что именно американская модель социальной организации получила распространение в России.

Секретари YMCA также являлись важным институтом, представлявшим свою страну на территории государств, в которых велась работа. В мирное время они занимались изучением общества и состояния развития государства. В период революции или войны они способствовали формированию дружественного образа собственной страны в частных контактах с местным населением. Собираемые ими сведения также имели ценность для их собственного государства при определении внешней политики. Такую миссию, например, выполняли генеральный секретарь YMCA, член специальной дипломатической миссии в Россию Дж. Мотт, отчеты И. Колтона правительству США и внутренние отчеты американских секретарей в России в 1917–1920 гг.¹²

¹¹ Письмо Д. Сипягина А. Ольденбургскому. 19 января 1900 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 186. Л. 60.

¹² Recent Experiences and Impressions in Russia: Extracts from Correspondence and Addresses of J. R. Mott, Member of the Special Diplomatic Mission of the United States to Russia, May-August, 1917. *Confidential. Not to be printed.* New York. E. Colton. Report to J. Mott of Association work in Russia and Siberia // University Illinois Archives. P. B. Anderson Papers. К. 5. Д. «YMCA. Russian Work. 1918–1922».

ТЕМА РЕВИЗИИ ЧЕХОСЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКОЙ ГРАНИЦЫ В МЕЖВОЕННОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

А. О. Пеганов

(Университет им. Денни Дидро – Париж 7, Франция)

В первой пол. XX в. вопрос пересмотра границ играл ключевую роль в отношениях между государствами-преемниками Австро-Венгрии. Как известно, несмотря на принятие в 1920 г. Трианонского мира, пересмотр новых границ продолжал присутствовать среди приоритетных задач Венгрии. Трианон закрепил вхождение в состав Чехословакии (ЧСР) Словакии и Подкарпатской Руси (ПР), где среди 3,5 млн. жителей проживал 1 млн. мадьяр. Добавим, что граница проходила всего в 30 км от Будапешта. Данный доклад рассматривает отражение темы ревизии границ Венгрии с ЧСР в венгерской публицистике в 1918–1939 гг.

Принято выделять три венгерские ревизионистские концепции: этническую, подразумевавшую присоединение к Венгрии этнических мадьярских районов ЧСР, Румынии и Югославии; интегральную, настаивавшую на восстановлении довоенных границ; федеративную, предлагавшую через объединение государств Центральной Европы упразднение их границ.

В 1919–1920 гг. произошел первый массовый выход публикаций по теме венгерско-чехословацкого разграничения. Напр., венгерская пропагандистская серия буклетов «Ист Еуропеан Проблемс» подчеркивала плюсы от сохранения северных провинций под контролем Будапешта и создания общей венгеро-польской границы. Напротив, Чехословакия, претендовавшая на те же территории, рисовалась недолговечным и искусственным образованием, потенциальным коридором между Германией и Советской Россией¹.

¹ Fodor, Francis. The geographic impossibility of the Czech state. *East European Problems*, № 4. Budapest-London-New York, 1920. 11 p.; The Hungarian-Polish frontier question. *East European Problems*, № 9. Budapest-London-NY, 1920.

Тогда же историки Д. Андьал и Л. Штейер опубликовали характерные для ревизионистов античехословацкие памфлеты. Д. Андьал указывал, что население Словакии и ПР не имело ничего общего с чехами и сохраняло преданность Будапешту². Л. Штейер добавлял, что мадьяр и северо-карпатских славян сближали столетия совместного проживания, в то время как с чешской культурой их ничего не связывало³. В целом, в ранней ревизионистской публицистике доминировали призывы к восстановлению «исторических» границ.

В начале 1920-х гг. тема территориальной ревизии приостыла и начала популяризоваться идея экономической кооперации дунайских стран и постепенного упразднения их границ. Например, ведущий венгерский журнал по международным отношениям «Мадьяр Кюлполитика» начал пропагандировать идею сотрудничества Венгрии с соседними государствами при условии создания благоприятного климата для мадьярских меньшинств⁴.

Адепты идеи дунайской интеграции, по большей части противники режима регента М. Хорти (социалисты М. Каройи, О. Яси, М. Бухингер и легитимисты И. Фридрих и Г. Грац), пытались через экономические и ревизионистские посулы вынудить регента уйти в отставку. О. Яси указывал, что при демократизации хортистского режима ЧСР была согласна на изменение границ в пользу Венгрии⁵. Однако, в 1930-е гг., по мере ухудшения отношений между Прагой и Будапештом, провал дунайской федерации стал очевидным.

С укреплением международного положения Венгрии в 1927–1928 гг. была открыта кампания с требованием пересмотра границ Венгрии. Первым тему ревизии Трианона широко подняли летом 1927 г. британский медиамагнат лорд Ротермир через свою газету

15 p.; *Apponyi, Albert*. Hungarian foreign policy. East European Problems, № 11. Budapest-London-NY, 1920. 10 p.

² *Várdy, Béla*. Trianon megnyilvánulása a két világháború közti magyar történetírásban // *Aetas* 18. evf. (2003.) 3–4. sz. Режим доступа: http://www.aetas.hu/2003_3-4/2003_3-4-30.htm Дата доступа: 24.02.2014.

³ *Steier, Lois*. There is no Czech culture in Upper Hungary. Budapest: Wodianer and sons, 1920. 81 p.

⁴ *Szerepi, Sándor*. A kisebbségvédelmi rendszer és az utódállamok kisebbségpolitikai tevékenységének értékelése // *Debreceni disputa*. VIII. évf., 4. sz., 2010. apr. Oo. 60–64.

⁵ *Jaszi, Oscar*. Dismembered Hungary and Peace in Central Europe // *Foreign Affairs*. 2. (1923/1924). Pp. 270–281.

«Дэйли Мэйл». Ротермир выступал с требованием присоединения к Венгрии соседних этнических мадьярских районов, в том числе южных районов Словакии и Подкарпатья⁶.

В 1927 г. был основан полуофициальный журнал «Мадьяр Сэмлэ», ставший ведущей печатной площадкой венгерских консерваторов. С 1928 г. журнал опубликовано несколько эссе Л. Отлика, в которых была развита концепция интегрального ревизионизма. Словакам и русинам Отлик предлагал предоставить автономию⁷. Помимо того, выше упомянутый Л. Штейер регулярно публиковал в «Мадьяр Сэмлэ» статьи по наиболее неудобным для Праги вопросам: альтернативным планам разграничения ЧСР и Венгрии в 1918–1919 гг.⁸, спорной правовой базе объединения Словакии и Чехии в 1918 г.⁹, внутренним конфликтам в ЧСР¹⁰, а также нереализованным предложениям Т. Г. Масарика исправить границы между ЧСР и Венгрией¹¹. В целом, «Мадьяр Сэмлэ» трактовал трианонские границы Чехословакии как спорные, нелегитимные и недолговечные.

Среди ревизионистской публицистики перв. пол. 1930-х гг. следует выделить книгу И. Бетлена «Трианонский договор и европейский мир», в которой предлагалось присоединить к Венгрии соседние районы с мадьярским большинством, а Словакии и Подкарпатья предоставить право самоопределения, что должно было привести к их объединению с Венгрией¹².

В период «чехословацкого кризиса» 1938–1939 гг. вопрос ревизии северных венгерских рубежей стал особенно активно муссироваться. «Мадьяр Сэмлэ» посвятил этой теме отдельный выпуск¹³. Вполне

⁶ *Rothermere, Viscount*. My campaign for Hungary. London: Eyre, 1939.

⁷ *Caples, Matthew*. Et in Hungaria ego: Trianon, revisionism and the journal Magyar Szemle (1927–1944) // *Hungarian Studies* 19/1 (2005). Pp. 51, 74–83.

⁸ *Steier, Lajos*. A cseh területi igények változásai // *Magyar Szemle*. 1927. I köt., december. 4. sz. Oo. 379–388.

⁹ *Steier, Lajos*. A turószentmártoni deklaráció. Old. 163–169 // *Magyar Szemle*. 1928. II köt., febr. 2. sz. Oo. 163–169.

¹⁰ *Steier, Lajos*. A csehek és tótok kölcsönös szemrehányásai // *Magyar Szemle*. 1929. VII köt., 1. sz. 25. Oo. 72–78.

¹¹ *Steier, Lajos*. A csehek és a revizionizmus // *Magyar Szemle*. 1931. XI köt. 2. sz. 42. Oo. 182–193.

¹² *Bethlen, István*. The Treaty of Trianon and European Peace. Arno Press: 1934, 187 p.

¹³ См. *Magyar Szemle*. 1938. XXXIV. köt. 3. Sz.

ожидаемо венгерские авторы приветствовали присоединение Южной Словакии и ПР к Венгрии (и исчезновение ЧСР) осенью 1938 – весной 1939 г. Впечатление триумфа наглядно иллюстрирует книга И. Боршоди «Словацко-венгерский вопрос». Боршоди констатировал, что распад ЧСР весной 1939 г. подтверждал «псевдоисторичность» ее государственности и естественность объединения Карпато-Дунайской долины вокруг Венгрии¹⁴. В период Второй мировой войны проекты дальнейшей ревизии оживленно дискутировались. Однако после восстановления трианонских границ Венгрии в 1945 г. обсуждение ревизии никогда не становилось столь активным, как это было в межвоенный период.

КОНФИСКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

А. Н. Пермякова
(СПб ИИ РАН)

Конфискационная политика молодого Российского государства на протяжении всего XVIII века была тесным образом связана с изменением дефиниций свободы и земельной собственности. Тогда, наряду с государственными интересами в правовых актах и законодательных проектах появляются оттенки персональные, частные, а к 1785 году они закрепляются под наименованием «личных свобод»¹. Между тем, на протяжении всего изучаемого периода, да и в последующие царствования Александра и Николая Павловичей, конфискация имущества сохраняется именно за политические преступления².

Однако, как и более полутора столетий назад, такое распоряжение целиком и полностью исходило от верховной власти. Таким образом, формула Соборного Уложения 1649 года – «как государь укажет», по прежнему была актуальной, за тем лишь исключением, что наряду с эволюцией, которую совершило право собственности на протяжении XVIII – XIX веков, она казалась явным анахронизмом, в основе которого было «право править без права»³ – беспрецедентная правовая ситуация, в которой оказалась Российская монархия, благодаря гипертрофированному абсолютизму.

Конфискации по политическим мотивам государством воспринимались особенно субъективно, в основе такого рода «политических

¹ См.: *Исабель де Мадариага*. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 471.

² Соборное Уложение 1649: Текст. Комментарии/ Подготовка текста Л. И. Ивиной и др.; отв. ред. А. Г. Маньков. Л., 1987. Гл. 2. ст. 12; *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М., Л., 1945. Т. I. Указ № 389. «О форме суда». С. 395).

³ См.: *Анисимов Е. В.* Самодержавие XVIII века: право править без права// *Russisch und Ukrainische Geschichte vom 16.-18. Jahrhundert*, Wiesbaden, 2001.

¹⁴ *Borsody, István.* A magyar-szlovák kérdés alapvonalai. Budapest, 1939. 59 old.

процессов»⁴ неизменно находился институт государевой опалы, понятия юридически неопределенного, но «фактически реального для русской жизни»⁵. «Царев гнев» со временем мог смениться на милость, а вслед за указом «жалуем вины ему отпустить» на высочайшее имя поступали прошения о возвращении конфискованного ранее имущества, которое могло быть пожаловано прежним владельцам или же их наследникам.

Изучение конфискационных процессов представляет собой достаточно сложную исследовательскую задачу. Действительно, яркие и противоречивые явления петровского времени и бурная эпоха «дворцовых переворотов» не могли оставить исследователей равнодушными.⁶ В то время как материальная сторона политических репрессий в буквальном смысле осталась в тени. Е. И. Индова дает перечень фамилий дворян и родовой аристократии, лишившихся имений, а так же тех, кому напротив имения были пожалованы за первую половину XVIII века.⁷ По этим данным, только в первой четверти XVIII века земли были конфискованы у трех тысяч дворян,⁸ а в процессе петровских земельных раздач, крестьян было роздано около 175 тысяч душ,⁹ в то время как само «шляхетство» потеряло ровно столько же в результате опал и конфискаций,¹⁰ только у восьми вла-

⁴ Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 3–7.

⁵ См.: Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 221.; Он же. Самодержавие XVIII века: право править без права).

⁶ См.: Волкова И. В., Курукин И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII – XX вв. // ВИ. 1995. №5–6. С. 40–61; Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. С. 7–50.).

⁷ См.: Индова Е. И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI – XVIII вв. М., 1975.

⁸ См.: Сивков К. В. Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.-Л., 1940. Сб. III. С. 368–369. (сам автор отмечает, что данные эти не совсем полные)

⁹ Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. С. 111.

¹⁰ Так Е. П. Карнович, отмечает, что «независимо от семейных разделов прочному существованию значительных дворянских богатств весьма препятствовали конфискации, введенные у нас с давних времен в виде “взятия име-

дельцев на территории средней России – А. Д. Меншикова (28 тыс. душ), у Долгоруких (25 тыс. душ), Шафирово (20 тыс. душ), Лопухиных (34 тыс. душ), Мусина-Пушкина (14 тыс. душ), Д. Голицына (20 тыс. душ) и прочих – в первой половине XVIII в. было описано 175 тыс. душ. «Такого рода реквизиции были столь обычным делом, – заключает Ричард Пайпс, что в 1729 году в Санкт-Петербурге была даже учреждена Канцелярия по конфискациям – учреждение, которому нет, наверное, примера в истории институтов государственного управления».¹¹

Конфискации имущества «за вины» были хорошо известны еще Московскому государству и праву. В Соборном Уложении о материальных последствиях политического преступления читаем: «А поместья и вотчины и животы изменничьи взятии на государя»¹². Однако, именно в XVIII веке эта мера наказания начинает широко применяться на практике так же «за доимки» и «за долги».

Тем не менее, в петровскую эпоху так и не сложилось института, в функции которого входил бы контроль над «отписанными на государя» поместьями и вотчинами. Попытка поручить ведение отписных имений конкретному учреждению состоялась в сентябре 1706 года, когда был дан именной указ: «отписные на Великого Государя и выморочные поместья и вотчины... вестать в Ижорской Канцелярии», под начальством князя А. Д. Меншикова. Но это поручение так и не прижилось.¹³ В царствование Екатерины I при Верховном Тайном Совете в 1727 г. была создана Доимочная канцелярия¹⁴, главными функциями которой были: ведение ведомостей о всякого рода недоимках и их взыскание для пополнения казны.¹⁵ В 1729 году на смену ей была учреждена Канцелярия конфискации, которая унаследовала «все отписные дворы и пожитки», а так же дела и чиновников.¹⁶

ния и животов на государя»». (см.: Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885, переиздание М., 1992. С. 41.).

¹¹ Паїпс Р. Собственность и свобода. М., 2000. С. 245.

¹² Глава II, Ст. 5. Соборное Уложение 1649: Текст. Комментарии / Подготовка текста Л. И. Ивиной и др.; отв. ред. А. Г. Маньков. Л., 1987.

¹³ ПСЗ. Т. 4. № 2120. «О ведении отписных за недоимки и всякие вины выморочных поместий и вотчин в Ижерской Канцелярии». С. 357.

¹⁴ ПСЗ. Т. 7. № 5017. С. 749.

¹⁵ Там же. С. 749.

¹⁶ Указ № 5652. ПСЗРИ. СОБР. Т. 8 (1728–1732). С. 345.

Таким образом, на протяжении всей первой половины XVIII века конфискационная политика короны выражалась в слабой организации своих институтов, функции которых не редко переплетались, так как не были четко определены и регламентированы, несмотря на крайнюю актуальность унификации и систематизации деятельности данных учреждений. Ведь государство в данный период активно использовало конфискацию земельных владений как средство перераспределения земельной собственности в дворянской среде. Оставаясь верховным собственником земли, оно по-прежнему понимало дворянство как служилое сословие, невзирая на те перемены в юридическом статусе дворянской земельной собственности, которые происходили в течение первой половины XVIII века. Слияние вотчины и поместья в действительности привело к тому, что к категории условного владения были отнесены все дворянские земли.

Так, в течение рассматриваемого периода в рамках конфискационной политики короны не делалось различия между вотчиной и поместьем, хотя дворяне и пытались обозначать при отписке имения родовые, отделив их от пожалованных. Происходившие в рамках дворянской земельной собственности изменения, требовали от государства создания новых институций, способных должным образом осуществлять отписку имений и контролировать конфискационные процессы.

КРИТИКА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

А. В. Петракова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

«Записки из Мертвого Дома» создавались Ф. М. Достоевским накануне судебной реформы 1864 года, в которой были заинтересованы все: и «низы», и «верхи» общества. В начале 1860-х годов в общественно-политической среде царили, в основном, либерально-демократические настроения — «... это была эпоха, в которой незаметным образом один строй сменялся другим, а именно крепостной строй — строем гражданским».¹ Вопрос о преобразовании судебной системы, наряду с крестьянским вопросом, становится одним из самых острых. Жесткие порядки царской тюрьмы и каторги вызывали растущее возмущение в передовых кругах. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского стали яркой и своевременной иллюстрацией состояния пенитенциарной системой своего времени.

Мертвый дом — это пространство, в котором обостряются все социально-политические противоречия. Здесь Достоевский на первый план выдвигает вопросы, касающиеся причин преступления, психологии самого преступника — темы, которые будут волновать писателя на протяжении всего дальнейшего творческого пути. В этом произведении виден интерес автора к анализу социальной среды, которая впоследствии будет фигурировать и в судебных эпизодах романов, и в публицистических текстах, например, в заметке «Среда» из «Дневника писателя» 1873 года.

Достоевский видел в преступлении глубокий конфликт между человеком и обществом. Однако писатель не считал, что любая вина преступника может оправдываться средой: «*Есть только подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе*».² Достоевский в основание самого преступления закладывает нравственную ответственность

¹ Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995. С. 136.

² Ф. М. Достоевский «Дневник писателя» М.: Институт русской цивилизации. 2010. С. 56.

личности, ее характер, природу. Он отвергает «философию среды», хотя не исключает ее важности. Описывая ужасные условия, в которых живут арестанты, автор подчеркивает то, что одинаково жесткие условия не делают преступников равными в проявлениях особенностей своего характера. Каждый в первую очередь руководствуется личными интересами, качествами, и среда не является главным источником дурных поступков.

Неразрывно с представлениями о преступлении у Достоевского связано и рассуждение о наказании. Наказание должно стать средством воспитания человека, перерождения его души: «...*острог и самая усиленная каторжная работа развивают только ненависть, жажду запрещенных наслаждений и страшное легкомыслие*. «Она высасывает жизненный сок из человека, нервирует его душу, ослабляет ее, пугает ее, и потом нравственно иссохшую мумию, полусумасшедшего представляет как образец исправления и раскаяния».³ Достоевский приходит к выводу: необходимо сделать каторжный труд полной бессмыслицей и бесполезностью, чтобы заставить преступника по-настоящему помучиться. Например: «*если б заставить его переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно, — я думаю, арестант удавился бы через несколько дней*».⁴ Но не такое наказание является идеалом на пути к перерождению преступника.

Также Достоевский выделяет недостаток общеклассового характера наказания. Для простолюдина наказание через переход из своей среды в среду каторжную является горизонтальным, то есть условия его окружения не сильно отличаются от тех, при которых он жил до совершения преступления. Простолюдин терпит только физические лишения. В то время как интеллигент или дворянин претерпевает морально-нравственные лишения при переходе из своей среды в новую, по иерархии низшую ступень существования: «*Это — рыба, вытасченная из воды на песок*».⁵ При любых обстоятельствах человек всегда помнит о своем достоинстве и требует к нему уважения: «... никакими кандалами не заставишь его забыть, что он человек».⁶

³ Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1989–1996. Т. 3. С. 219–220.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1989–1996. Т. 3. С. 254.

⁶ Там же. С. 261.

Из этого вытекает следующая претензия писателя к судебной системе: исполнители наказания должны по-человечески относиться к преступнику, кем бы он ни был. Доброе и уважительное обращение со стороны командиров способно воскресать душу арестанта. Наш народ за одно ласковое слово способен забыть любые унижения и муки.

Кроме того, Достоевский предоставляет нам возможность взглянуть на острог как на небольшой макет целой страны. В социальной иерархии командиры каторжных заведений предстают перед читателем в качестве неких исполнителей власти, которые могут превращаться в тиранов. Всеми виной злоупотребление властью и жажда крови. Когда любой управитель отступает от нравственных представлений, идеалов по отношению к любому члену общества, «человек и гражданин в тиране гибнут навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится почти невозможным».⁷ Такое представление о взаимоотношениях между властью и обществом выявляет болезнь в государстве. Телесные наказания — это язва любого общества, стремящегося к зарождению гражданственности.

При таких условиях особенно острым кажется вопрос, насколько власть права в своих действиях, в своих приговорах. В конце сюжета выясняется, что герой «Записок...» был несправедливо осужден на десять лет каторги. И этот маленький факт открывает нам большую трагедию многих судеб: «*погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно*».⁸ Открытый вопрос автора «кто виноват?» не нуждается в ответе. Физически дар и талант загублены, но надежда на сохранение внутреннего достоинства есть всегда. Власть убивает тело, но душу, кроме самого владельца, уничтожить никто не может. Поэтому духовно-нравственное воспитание — это лекарство от любой несправедливости, лекарство, которое суждено было принять и самому Достоевскому.

Таким образом, «Записки из Мертвого Дома» — это не только художественно оформленные впечатления писателя о каторжном «доме», обо всех его материальных и духовных недостатках, о важном периоде в жизни, но и глубокий анализ общественной среды, имеющий в своих выводах намек на значимость усовершенствования духовно-нравственного мира каждого человека и на необходимость политического реформирования судебной системы России.

⁷ Там же. С. 359.

⁸ Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Л.: «Наука», 1989–1996. Т. 3. С. 477.

ДОНЕСЕНИЯ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ ИЗ РЕГЕНСБУРГА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)¹

*М. А. Петрова, к.и.н.
(ИВИ РАН)*

Взаимоотношения Российской империи и Священной Римской империи германской нации — сложного политического образования, состоявшего из суверенных государств, — являются малоизученной темой в истории международных отношений и истории дипломатии. В настоящем докладе предпринята попытка осветить деятельность российских дипломатов, служивших при так называемом Долгом (или Постоянном) имперском сейме в Регенсбурге (1663–1806), который был собранием дипломатических представителей имперских чинов и значимым форумом германской общественности.

К началу правления Елизаветы Петровны (1741–1761) Россия имела в Священной Римской империи четыре постоянных миссии: в Вене при дворе императора, в Берлине при дворе прусского короля, в Гамбурге (в Нижнесаксонском округе Священной Римской империи, к которому относились Мекленбург-Стрелиц, Мекленбург-Шверин, Брауншвейг-Люнебург, Бремен и некоторые другие имперские города) и в Дрездене (при дворе саксонского курфюрста и польского короля). 31 декабря 1756 г., вскоре после начала Семилетней войны, было принято решение о создании российской миссии при имперском сейме. Необходимость иметь министра в Регенсбурге объяснялась, очевидно, тем, что оттуда «можно было следить за переговорами в европейских столицах и за передвижениями войск, а также при общении с представителями имперских чинов получать информацию о настроениях членов Империи»². Резидентом в Регенсбург был назначен секретарь австрийского посольства в Вене Георг Генрих Бютнер (Georg

Heinrich Büttner), который 11 мая 1757 г. передал свои верительные грамоты имперскому собранию³.

16 (27) февраля 1758 Бютнер неожиданно умер, и главой миссии стал советник посольства Павел Артемьевич Левашев. Через несколько месяцев его сменил Иоганн Матиас (Иван Матвеевич) Симолин, который с небольшими перерывами служил в Регенсбурге почти 14 лет. Среди других дипломатов екатерининского царствования Симолину удалось сделать, пожалуй, самую блестящую карьеру. Родившись в 1722 г. в Ливонии — через год после заключения Ништадтского мирного договора — и будучи подданным Российской империи, он прошел долгий путь от секретаря посольства в Копенгагене, Стокгольме и Вене до полномочного министра в Регенсбурге, посланника в Копенгагене, Стокгольме, Лондоне и Париже.

Деятельность Симолина нашла отражение в двух крупных комплексах документов, изучавшихся лишь sporadически. Первый составляет его служебная переписка, отложившаяся в Архиве внешней политике Российской империи в фонде 83 «Сношения России с имперским собранием», которая включает в себя реляции на высочайшее имя и депеши на имя главы Коллегии иностранных дел или его заместителей. Второй комплекс документов, сохранившийся в Российском государственном архиве древних актов, в фонде 1263 «Голицыны», представляет собой переписку Симолина с вице-канцлером князем Александром Михайловичем Голицыным, носившую, судя по тому что она сохранилась в частном архиве, менее официальный характер.

Материалы АВПРИ и РГАДА проливают свет на многогранную деятельность российского министра в Регенсбурге, в которой можно выделить несколько направлений. В начале правления Екатерины II Симолин был одним из немногих дипломатов, кто имел право официально заниматься поиском и отправкой иностранных колонистов в Россию, поскольку в большинстве европейских стран их вербовка была законодательно запрещена. Кроме того, Симолин принимал активное участие в пополнении императорских собраний произведени-

das östliche Europa. Deutsch-polnisch-russische Reflexionen / Hrsg. O. Kurilo. Berlin, 2013. S. 90.

³ См. донесение барона Бухенберга, австрийского посланника в Регенсбурге от 12 мая 1757 г.: Österreichisches Staatsarchiv. Abteilung Haus-, Hof- und Staatsarchiv (далее: HHStA). Staatskanzlei. Diplomatische Korrespondenz. Regensburg. Österreichische Gesandtschaft. Karton 137.

¹ Тезисы подготовлены при поддержке Гранта Президента Российской Федерации (проект МК–4428.2013.6).

² *Ivonin J.* Die Russische Gesandtschaft auf dem Immerwährenden Reichstag in Regensburg während des Siebenjährigen Krieges 1756–1763 // Friedrich II. und

ями искусства, приглашал иностранных специалистов и художников в Россию, опекал молодых российских дворян, отправлявшихся за границу, выступал в качестве полноценного художественного агента вице-канцлера А. М. Голицына, имевшего собственное собрание живописи и скульптуры. Ввиду отсутствия дипломатических отношений между Россией и Святым престолом, ему удалось найти тайных агентов в Риме, которые информировали российское правительство о политике папы в отношении Польши.

Собственно дипломатическая (или политическая) деятельность Симолина ограничивалась вопросами церемониала и наблюдением за конфликтами, происходившими между католическими и протестантскими имперскими сословиями. Подобно другим иностранным дипломатам, чьи государства не входили в состав Священной Римской империи, Симолин не мог оказывать прямого влияния на политику имперского сейма. Именно поэтому свой пост он называл неблагоприятным и искренне считал, что Регенсбург является последним местом, где могут раскрыться таланты дипломата и проявиться его рвение к службе⁴.

В 1772 г. Екатерина II, наконец, вняла настойчивым просьбам Симолина покинуть Регенсбург и назначила его посланником в Копенгаген. Два года пост министра при имперском сейме оставался вакантным. В 1774 г. выбор пал на Ахаца Фердинанда Ассебурга, саксонца по происхождению, который в 1768 г., будучи на службе у датского короля, принимал участие в переговорах об обмене готторпского наследства великого князя Павла Петровича на графства Ольденбург и Дельменхорст.

Приехав в Регенсбург в мае 1775 г., Ассебург вскоре покинул место службы и затем посещал его лишь периодически, хотя формально занимал свой пост до 1792 г. Причина такого, казалось бы, странного для дипломата поведения, заключалась в том, что из-за сложностей церемониального характера (разъяснение которых требует специального исследования) Ассебург не был аккредитован при имперском сейме на протяжении всего периода своего пребывания.

Обязанности Ассебурга в его отсутствие выполнял советник посольства Антон Себастьян Струве, служивший в Регенсбурге с 1762 по 1800 г. Неопределенный статус Ассебурга не мог не сказаться на

⁴ Симолин Голицыну, 7 (18) июля 1765 г.: Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 3203. Л. 38.

статусе Струве, которого долгое время не признавали поверенным в делах и не позволяли ему появляться в обществе имперских чинов и так называемого главного комиссара, являвшегося представителем императора Священной Римской империи в Регенсбурге. Лишь после заключения российско-австрийского союза в 1781 г. это ограничение было снято, но Струве мог присутствовать на официальных приемах только в качестве «выдающегося иностранца»⁵.

Поскольку полномочия Струве были ограничены, свое время он посвящал исследованию внутренних проблем Священной Римской империи, деятельности рейхстага и других его учреждений. Поскольку сохранявшееся еще со времен Реформации противостояние между католическими и протестантскими чинами сводило на нет самые разумные инициативы, то Струве и особенно Симолин критически высказывались по поводу возможности реформирования имперских институтов и самой Империи⁶. Ответы российского правительства, направлявшиеся из Коллегии иностранных дел в Регенсбург, содержали мало откликов на страноведческие изыскания российских дипломатов. Однако к началу 1770-х годов Екатерине II и ее окружению было понятно, что для развития германского направления российской внешней политики пяти миссий в Священной Римской империи уже не хватает.

⁵ HHStA. Reichskanzlei. Zeremonialakten. Karton 20–22. Fasz. Ceremoniel gegen den Rußischen Legations-Rath von Struve. 1780. 1782.

⁶ Симолин Голицыну, 6 (17) октября 1768: РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 3204. Л. 63–63 об.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ ЧЕРЕЗ МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ

А. М. Прашчевич

кандидат богословия (Университет Шербрука, Канада)

Исторический опыт разрешения этнических, политических и конфессиональных конфликтов через межрелигиозный диалог существует в современной истории православных народов, которые живут вместе с другими народами и религиозными общинами со дня принятия христианства. Первые встречи религиозных представителей православия и ислама приняли форму дебатов и межконфессиональных дискуссий, потому что сначала они пытались доказать истинность своих теологических интерпретаций. Со временем, контекст их богословских встреч был преобразован в межрелигиозный диалог, целью которого являлось определение богословских различий и позиций двух религий, также как и их исторический опыт в плане межрелигиозных отношений. Однако главной целью этих межрелигиозных встреч было преодоление межрелигиозных и политических недоразумений и конфликтов, которые появлялись в радикальных интерпретациях со стороны религиозных или политических экстремистов.

Настоящее исследование посвящено истории межрелигиозных диалогов между православными христианами и шиитскими мусульманами в форме сравнительного анализа с историей политических и межрелигиозных конфликтов между Российским и Персидским государствами за влияние или господство на Кавказе, Закавказье и Прикаспии с 17 по 20 век¹. Сначала они сражались для того, чтобы установить сферу влияния в этих районах, пока их военные конфликты не получили религиозный характер по провозглашению священной войны против России в 1810 году со стороны Персидской империи.

Надо заметить, что сегодня ни с одной из иноверческих общин мира Московский Патриархат не ведет столь регулярного и организованно-

¹ Русско-персидские конфликты (1651–1653; 1722–1723; 1796; 1804–1813; 1826–1828; 1911; 1941)

го диалога, как с шиитским духовенством Ирана. В 1997 году Москва и Тегеран создали совместную комиссию для диалога между двумя религиозными общинами. Это было сделано после заключения соглашения между митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом, ныне — Патриархом Московским и всея Руси и аятоллой Мухаммедом Али Тасхири, председателем Организации культуры и исламских связей ИРИ, а ныне главой Всемирной Ассамблеи по сближению исламских мазхабов. Они определили направление этого диалога, как необходимость защиты культурного разнообразия и поощрения межкультурного и межрелигиозного диалога. Реализация этого межрелигиозного диалога являлась частью из двух отдельных глобальных стратегий².

С российской точки зрения, этот диалог является частью политики, чтобы ограничить негативные последствия исторических русско-персидских столкновений и войны в Кавказе в отношениях с мусульманским миром. Это то, что многие эксперты называют «исламский фактор» во внешней политике постсоветской России³. Цель этой стратегии является двойкой: ограничить внешнюю поддержку чеченским повстанцам со стороны мусульманского мира, и увеличить дипломатическую роль Москвы на Ближнем Востоке и в Азии. Соответственно, межрелигиозный диалог с официальными представителями шиитского духовенства Исламской Республики Иран был предназначен в основном для использования иранской карты в региональной стратегии Москвы против суннитских экстремистов в целом и афганских талибов, в частности. Основным следствием соглашения между Тегераном и Москвой является совместное противодействие сторонникам джихада в Центральной Азии, на Кавказе и в Афганистане⁴.

² А. С. Соболева. Христиане под властью шариата. Иран признает легитимными только те религиозные меньшинства, которые укоренены в истории страны. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1302065640>, 8 февраля 2014 г.; *Игумен Филипп (Рябых)*. Россия и исламский мир : сближение мазхабов как фактор солидарности мусульман. Стенограмма международной конференции. Москва, 2010. С.40.

³ А. Malashenko. The Islam Factor in Russia's Foreign Policy. *Russia in Global Affairs*. No.2, July – September 2007. http://eng.globalaffairs.ru/number/n_9133, 8 февраля 2014 г.

⁴ C. Therme. Les dialogues interreligieux à l'époque contemporaine : l'exemple irano-russe. Université du Maine. Colloque. Les rencontres interreligieuses et interconfessionnelles du XVIe au XXe siècle. Des lieux, des acteurs. 2013.

С иранской точки зрения, межконфессиональные диалоги являются частью старой традиции шиитского ислама. Но помимо этого религиозного измерения, становится ясно, что иранская теократия политизирует эти межконфессиональные диалоги, чтобы улучшить свою позицию на международной арене и укрепила политическое сотрудничество со странами, в которых религиозные учреждения могут стать надежным посредником для продвижения внешнеполитических интересов Исламской Республики. Первой задачей является стремление к укреплению иранской теократии в диалоге с другими государствами, в которых монотеистические религии являются традиционными, в целях пропагандирования образа толерантности. Аятолла Мухаммад Али Тасхири в своем докладе под названием «Отношения России и мусульманского мира и роль мусульман в процессе духовного возрождения» с международной конференции «Россия и исламский мир: сближение мазхабов как фактор солидарности мусульман» написал что: «Диалог ислама и православия имеет глубокий и всеобъемлющий характер, особенно в этой стране, это фактор их мощного сближения взаимодействия. В последнее время у нас продолжается замечательный диалог с православной церковью, проходят встречи как в Москве, так и в Тегеране, день ото дня укрепляется наша дружба»⁵. С точки зрения ценностей, эти диалоги продемонстрировали явное различие с западной цивилизацией и, тем самым, представили Иран как самостоятельную силу не только на политической, но и на всемирной культурной арене⁶.

Это исследование рассматривает межрелигиозные конфликты и диалоги, подчеркнув, что мирное сосуществование и справедливость могут преобладать на основе взаимного познания и понимания различий друг друга. Кроме того, эта исследовательская работа основана на источниках, состоящих главным образом из официальных изданий религиозных и государственных институтов двух стран. Исходным пунктом нашего исследования является книга «Отношения между Тегераном и Москвой с 1979 года»⁷ от исследователя Клемента и его

⁵ Аятолла М. А. Тасхири. Отношения России и мусульманского мира и роль мусульман в процессе духовного возрождения. Россия и исламский мир: сближение мазхабов как фактор солидарности мусульман. Стенограмма международной конференции. Москва, 2010. С.45.

⁶ Там же. С.142–51.

⁷ C. Therme. Les relations entre Téhéran et Moscou depuis 1979. Paris, PUF, 2012.

статья «Межрелигиозный диалог в современную эпоху: на примере Ирана и России»⁸ которая исторически ограничена двадцатым веком. Однако эти межрелигиозные диалоги, в соответствии с их темами, являются фактором, исторически положительно влияющим на конфликты, связанные с русско-иранскими и православно-мусульманскими взаимоотношениями.

⁸ C. Therme. Les dialogues interreligieux à l'époque contemporaine : l'exemple irano-russe. Université du Maine. Colloque. Les rencontres interreligieuses et interconfessionnelles du XVIe au XXe siècle. Des lieux, des acteurs. 2013.

МЕМУАРЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-х гг.

*А. В. Радков, к.и.н.
(СГАУ)*

История российской военной эмиграции 1920-х годов требует углублённого изучения. Это определяется тем, что отечественная историческая наука в силу существенных причин в течение длительного периода времени не имела возможности всестороннего исследования данной проблемы, поскольку высокая степень «политизированности» темы ставила её изучение под особенно бдительный идеологический контроль. Из всего массива источников по данной проблематике особый интерес помимо архивных документов представляет белоэмигрантская мемуарная литература. Она также стала и средством выражения политических взглядов военной эмиграции, её концепции гражданской войны в России и последовавших за ней событиями — создание СССР и образование военной диаспоры на чужбине. В 1920-е годы за рубежом появляется поток белогвардейской мемуарной литературы: различного рода воспоминания, дневники, записки. Среди них можно выделить работы В. Х. Даватца, А. П. Богаевского и др.¹

Мемуары российской белой военной эмиграции прослеживают путь воинских контингентов Русской армии от эвакуации из Крыма до жизни в различных странах, в том числе в Турции, Сербии и Болгарии. Они помогают осветить различные аспекты деятельности русского военного зарубежья. Наиболее важными для исследователя являются в частности оценка эмигрантами своего политического, социально-экономического и правового положения в государствах новой дислокации; а также личные воспоминания русских беженцев, как рядовых, так и представителей Главного Командования Русской

¹ Даватц В. Х. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926; Богаевский А. П. Воспоминания // Донская летопись. Париж, 1923. № 1.; Даватц В. Х. Годы. Белград, 1926; Врангель П. Н. Воспоминания. Берлин, 1924; Критский И. Сказание о галлиполийском сидении. Белград, 1922; Лукаш И. С. Голое поле (Книга о Галлиполи). София, 1922 и т. д.

армии с оценкой ими своей роли в эмиграции и характеристика соратников и противников.

Наиболее интересными в этом плане являются мемуары известного деятеля эмиграции В. Х. Даватца². В этих публикациях автор прослеживает всю историю военных «скитальцев» в странах нового проживания (Турция, Королевство Сербов, хорватов и словенцев (далее Королевство С. Х.С), Болгария и т. д.) в начале 1920-х гг. В его книгах рассказывается о различных аспектах жизни российского воинства в эмиграции начиная от политических и заканчивая социально-экономическими.

«Галлиполийскому сидению» (жизни в военных лагерях на территории Турции) посвящены в частности воспоминания Г. И. Раковского³. В них автор описывает прежде всего бытовые аспекты жизни русского воинского контингента в эмиграции, процесс адаптации его на чужбине.

Особый интерес представляют также воспоминания Главнокомандующего Русской армии генерала Врангеля⁴. В них описывается в частности процесс разгрома частей его армии, их эвакуация из Крыма в ноябре 1920 года и процесс передислокации в военные лагеря на территорию Турции. Обращают на себя внимания данные о численном составе эвакуированных воинских контингентов и членов их семей; а также рассказ о долгих дипломатических переговорах со странами Антанты, в частности Франции по вопросам передислокации российских военных в другие страны и финансовой и продовольственной помощи беженцам со стороны бывших союзников по Первой мировой войне.

В 1929 году в Риге была выпущена «Памятка Ливенца. 1919–1929 гг.» подготовленная на основе воспоминаний участников белого движения на северо-западе России. Книга содержит многочисленные фотографии, а также списки военнослужащих, погибших на территории Прибалтики⁵.

Накануне 2-й мировой войны внимание российского эмигрантского мира привлекли к себе воспоминания А. В. Туркула, командира

² Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1926.; Он же. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.; Годы. Белград, 1926.

³ Раковский Г. И. Конец белых (от Днепра до Босфора): вырождение, агония, ликвидация. Прага, 1921.

⁴ Врангель П. Н. Воспоминания. Берлин, 1924.

⁵ Памятка Ливенца. 1919–29 гг. Рига, 1929.

знаменитой Дроздовской дивизии, в которых, в частности, описывается заключительный этап белого движения в России, борьба в Крыму, эвакуация войск⁶.

В конце 1980-х — начале 90-х гг. и в России выходят в свет мемуары участников белого движения. При этом в большинстве своём это переиздание ранее опубликованных работ вышедших в эмиграции⁷.

Значительный интерес для исследователя представляют два сборника воспоминаний эмигрантов, вышедшие в серии: «Россия забытая и неизвестная. Белое движение»⁸. В этих мемуарах принадлежавших как высшим чинам Русской армии, таким как П. Н. Шатилов, В. Витковский, так и рядовым эмигрантам рассматривались различные аспекты жизни российских беженцев в Турции, Королевстве С. Х. С. и Болгарии, преимущественно социально-экономического характера; затрагивается деятельность военно-учебных заведений и т. д.

Подводя итог, стоит отметить, что эмигрантская мемуарная литература является очень важным источником в рассмотрении темы русского военного зарубежья на чужбине. Ценность этих воспоминаний заключается в том, что непосредственными участниками событий рассматривается широкий круг вопросов, связанных с пребыванием российских военных эмигрантских формирований за рубежом.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ЗА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ» (ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА РЕДАКЦИОННЫХ СТАТЕЙ)

Н. В. Раздина
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Сталинская индустриализация являлась одним из ключевых событий в истории советской экономики 1930-х гг. В ходе ее реализации были созданы новые отрасли промышленности, построено большое количество индустриальных объектов, повышены показатели экономического роста. Выполнение производственных планов требовало широкой мобилизации масс на совершение трудового подвига. В этих целях партийное руководство использовало центральные органы периодической печати. Особое место среди прессы этого периода занимала газета «За индустриализацию».

Газета «За индустриализацию» выпускалась с 1930 по 1937 гг. в Москве. Первоначально она являлась официальным органом Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), затем — Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП). Газета продолжила нумерацию «Торгового бюллетеня» (1921–1922 гг.), «Торговой газеты» (1922 г.) и «Торгово-промышленной газеты» (1922–1929 гг.). С осени 1937 г. газета выпускалась под заголовком «Индустрия», с осени 1940 г. (в связи с реорганизацией НКТП и созданием Народного комиссариата черной металлургии (НКЧМ)) — «Черная металлургия». В августе 1941 г. газета «Черная металлургия» была закрыта¹.

Целью данного исследования являлся анализ промышленной политики советского руководства, изложенной на страницах издания в годы первых трех пятилеток — 1932, 1937 и 1940 гг. 1932 и 1937 гг. были выбраны как годы, завершающие первые две пятилетки, 1940 г. — как последний мирный год перед Великой Отечественной войной. В ра-

⁶ Туркул А. В. Дроздовцы в огне. Мюнхен, 1940.

⁷ Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920. Мемуары и документы. М., 1990; Савич М. В. Воспоминания. СПб., 1993; Жадан П. В. Русская судьба. Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. М., 1991; Врангель П. Н. Записки // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. / Научн. Ред. и комментарии Карпенко С. В. М., 1995. Кн. 4–5 и т. д.

⁸ Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея // Составитель С. Ф. Волков. М., 2003; Русская Армия в изгнании. М., 2003.

¹ Газеты СССР. 1917–1960. Библиограф. справочник. Т. 1. М., 1970. С. 64.

боте были проанализированы материалы за март и октябрь как наиболее репрезентативные месяцы в году².

Инструментом исследования была выбрана методика контент-анализа, сочетающего в себе качественные и количественные подходы к изучению массового исторического источника³.

Контент-анализ газеты «За индустриализацию» был произведен в три этапа. На первом этапе исследования были выявлены 14 смысловых категорий, соотносящихся с содержанием текстов редакционных статей. На втором этапе эти категории были сопоставлены с конкретными статьями, после чего были подсчитаны частоты встречаемости всех категорий и предпринята попытка сравнения результатов за каждый год. На третьем этапе была произведена интерпретация полученных результатов.

В целом, контент-анализ редакционных статей газеты «За индустриализацию» — «Индустрия» — «Черная металлургия» показал, что ни в один из указанных периодов содержание статей не отражало весь список смысловых категорий, выделенных на первом этапе исследования.

Так, специфической чертой передовых статей за март и октябрь 1932 г. следует считать публикацию материалов в рамках категории «борьба с «оппортунизмом»», встречающейся только в этом году. Под «оппортунизмом» понимались разногласия во внутрипартийной среде, которые, согласно идеологической линии партии, вероятнее всего были полностью искоренены после знаменитого «Съезда победителей» в 1934 г.

В то же время в 1932 г. не встретились категории «борьба с «вредительством» на производстве», «кампания по борьбе за «самокритику» и, несмотря на развитие ударничества в годы первой пятилетки, категория «социалистическое соревнование и рекорды передовиков производства».

Редакционные статьи за 1937 г. существенно отличались от статей за 1932 и 1940 гг. В этом году наиболее частыми были публикации по теме категории «борьба с «вредительством» на производстве». Кроме того, в завершающем году второй пятилетки высокие показатели были у таких категорий, как «роль партии и партийных лидеров в го-

сударственном строительстве» и «социалистическое соревнование и рекорды передовиков производства».

Отличительной чертой редакционных статей за 1940 г. следует считать высокие показатели частот встречаемости публикаций в рамках категории «материалы партийных собраний, пленумов и съездов», требующих беспрекословного подчинения решениям руководству накануне войны.

В 1932 и 1940 гг., в отличие от 1937 г., наиболее актуальными были статьи в рамках категорий «внутризаводское планирование и управление производством» и «ритмичность производства и выполнение плана». Такой результат говорит в пользу того факта, что на протяжении всего десятилетия актуальнейшей задачей, стоящей перед всеми работниками тяжелой индустрии, являлся максимально высокий темп строительства и производства на промышленных предприятиях.

Контент-анализ редакционных статей газеты «За индустриализацию» — «Индустрия» — «Черная металлургия» показал некоторые изменения в содержании издания от первой пятилетки к третьей. Количественный подсчет встречаемости рубрик в рамках предложенной выборки привел к выводу, что эту газету можно изучать с точки зрения двух аспектов. С одной стороны, газета может являться источником по анализу реальных процессов индустриализации СССР в 1930-е гг. С другой стороны, она может выступать источником для изучения проблемы идеологического воздействия на массовое сознание советских читателей.

² Poppel L. Rethoric of *Pravda* Editorials. A Diachronic of a Political Genre. Stockholm, 2007. P. 23.

³ Бородкин Л. И., Ковальченко И. Д. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987. С. 11.

УТОПИЯ КАК ПРОЕКТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

*З. И. Рожкова
(ИФ РАН)*

В эпоху глобализации актуализируется проблема создания оптимальной системы общественного устройства, т. к. она непосредственно связана с проблемой витальности современного общества. Человечество имеет большой багаж знаний и опыта в сфере разработки и реализации идеальных социально-политических систем, которые выявляли проблемы, но не так и не были осуществлены. Отсюда вытекает вопрос о возможности рассматривать утопию в качестве политико-философского проекта. С этим связан и вопрос о роли утопии в современности в целом. Даже в истолковании понятия «утопия» существует множество подходов. В основном споры идут по трем направлениям: реалистичность утопического подхода (одни видят в ней такой принцип построения общества, следование которому принесет благо государству, другие считают это несбыточной мечтой человечества), жизнеспособность утопии (или утверждают, что утопия давно «мертва», или, что она широко распространена), научность (есть мнение, что утопия может быть связана с развитием научного знания, однако противоположная точка зрения сводится к пониманию утопии как донаучной (ненаучной) формы знания).

И все же самое важное, что утопия рисует образ желаемого будущего, образцового общества. То есть можно сказать, что жанр утопии важен в той мере, в какой он создает модель, архетип человеческого общества, своего рода «программу» или «проект» лучшего мира. Все произведения этого и сходных жанров образуют «большую энциклопедию надежд», «зеркало наших желаний»⁴. Если понятие «проект»

⁴ Фернандо А. Реконструкция утопии. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 1999. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.google.com/url?q=http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/ainsa/index.php&sa=U&ei=uAtIUdjzCsmhO6WHgYAI&ved=CACQFjAA&usg=AFQjCNE27icsV2JfloRV7ww-UjQevItPVg

(от лат. «project» — «выброшенный вперед») рассматривать в русле экзистенциалистской антропологии (в сартровском понимании), то можно сказать, что с помощью проектирования человек преодолевает противоречие между потребностями и миром, «относится к определенному будущему объекту», который стремится вызвать к жизни то, что «еще не было»⁵. То есть проект формируется ради создания качественно нового общества, с целью преодоления противоречий, существующих в обществе. Классические утопии конструируют недостижимый идеал, лишь модель нового общества, цель современного утопического проекта может заключать в себе и модель, и замысел сценария, закладывает возможность его реализации.

Среди классических утопий, например, утопию Р. Оуэна мы можем считать проектом, т. к. в ней учитываются все его составляющие: проектировщик, модель, средства ее реализации и сама попытка реализации, пусть и не долгосрочная. Утопия-идеал становится утопией-проектом для воплощения в действительность образов лучшего мира. Это подтверждает, например, подход К. Манхейма, согласно которому «утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его «бытием»⁶. Подобное несоответствие проявляется в том, что сознание в мышлении и деятельности ориентированно на некие факторы, реально не содержащиеся в «бытии». Но при этом не каждую ориентацию, «чуждую действительности», следует называть утопичной.

В данном ключе под утопичной Манхейм подразумевает «лишь ту трансцендентную по отношению к действительности ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей»⁷. Утопия как политико-философский проект позволяет привести процесс конструирования общественного идеала в соответствие с действительностью, с «бытием».

Для Т. И. Ойзермана утопия — непосредственно неотделимая и важная часть истории. Она трактуется им не просто как «заблуждение ума или фантастическая выдумка, подлежащая устранению, но как неизбежное следствие долгосрочных исторических предвидений и прогнозов, как важнейший элемент любой позитивной критики су-

⁵ Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://iph.ras.ru/elib/2454.html>

⁶ Манхейм К. Идеология и утопия. М.: Юрист, 1994. С. 116

⁷ Там же. С. 164.

ществующего порядка вещей»⁸. То есть ссылка на то, что утопии в Новое время иногда играли прогрессивную роль, мобилизуя массы на борьбу за лучшее будущее.

В английской традиции, для которой характерно конструирование идеальных миров еще с XVI века, мы находим примеры утопии именно как политического проектирования. Так, наследники оуэнизма, фабианцы ставили перед собой целью вращение эволюционным путем капиталистического общества в социализм. Достижение данной цели предполагалось посредством постепенных реформ, с помощью реорганизации человеческого общества путем искоренения частной собственности на землю и ресурсы. А это означало ликвидацию ренты и передачу населению части промышленного капитала. Со временем идеи новых фабианцев Э. Крослэнда, Р. Титмасса, Р. Кроссмана, Д. Хили, Р. Дженкинса сделали много для переориентации работы Общества на более актуальные проблемы общественного неравенства, сохранившиеся в жизни Великобритании.

В современных исследованиях утопия рассматривается как конечная практическая цель в развитии общества. В. Чаликова пишет: «Под современным утопизмом все больше понимается специфический тип оценки и прогнозирования тех или иных тенденций общественного развития»⁹. Уже неактуальны прекрасные острова, а путешествия во времени характерны лишь для антиутопий будущего. Утопия становится инструментом в исследовании будущего, «утопия перестала быть иронией и стала оппозицией. Утопии теперь — не политическая поэзия, а рациональное исследование; не упражнения в понимании человеческой природы, а инструменты действия, направленные к универсальной реализации»¹⁰. «Само позитивное осмысление будущего с учетом многовариантности развития, — пишет Е. Л. Черткова, — ведущего к нему, может сыграть роль противоядия от другой грозящей нам

беды — интеллектуального и морального хаоса, абсолютного негативизма, сконцентрированных в идеологиях, подрывающих основы современной культуры»¹¹. Б. Г. Капустин, рассматривая политическую философию в качестве идеологии, затрагивает и вопрос об утопии как идеологии.

Это, по его мнению, «взгляд на действительность из «ниоткуда», позволяющий высветить ее противоречия и мобилизовать энергию нормативных ориентаций для их преодоления независимо от невозможности достигнуть на деле идеальное состояние, представленное утопией»¹². Он полемизирует со сторонниками подхода, в рамках которого утопия рассматривается в качестве необходимой составляющей идеологии протеста, а не в качестве антитезы идеологии. Попутно Б. Г. Капустин приходит к выводу о том, что систематизация утопий «присутствующих в рассеянном и не «направленном» виде в сознании частных лиц, объединяемых в политическое «мы»¹³, является еще одной важнейшей функцией идеологии». Значит, утопия — это некая альтернатива реальному обществу, которая в качестве проекта является еще и необходимой составляющей идеологии в государстве.

Так утопия становится средством познания и моделью желаемого объекта. Утопия позволяет выявить степень различия между реальным и желаемым. Такой подход к утопии как к проекту позволяет заглянуть в будущее, проанализировав все возможные плюсы и минусы.

⁸ *Межуев В. М.* Был ли Маркс утопистом? М.: Культурная революция, 2007 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Byl-li-Marks-utopistom-CHast-III>

⁹ *Чаликова В. А.* Настоящее и будущее сквозь призму утопии. М.: ИНИОН, «Современные буржуазные теории общественного развития», 1984 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://chalikova.ru/nastoyashhee-i-budushhee-skvoz-prizmu-utopii.html>

¹⁰ *Чаликова В. А.* Настоящее и будущее сквозь призму утопии. М.: ИНИОН, «Современные буржуазные теории общественного развития», 1984 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://chalikova.ru/nastoyashhee-i-budushhee-skvoz-prizmu-utopii.html>

¹¹ *Митина Н. Г.* Утопический дискурс. М., 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://filosofika.ru/2013/04/1434.html>

¹² *Капустин Б. Г.* Что такое «политическая философия»? ч. II. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/189/154/1208/Polis_1997_1_Kapustin.pdf

¹³ Там же.

УЧАСТИЕ КОЛЛЕКТИВА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА В XII ВСЕМИРНОМ ФЕСТИВАЛЕ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ (1985 г.)

*М. В. Рычкова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Последнее десятилетие существования Советского Союза выдось чрезвычайно насыщенным в отношении культурных, массовых, спортивных мероприятий как всесоюзного, так и общемирового масштаба. В общей череде особое внимание на себя обращает XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве 1985 года.

В столицу ожидался приезд больших студенческих групп из разных уголков мира, кроме того данное событие должно было освещаться во всех подробностях. И от того, насколько хорошо и слаженно будут действовать службы по подготовке, насколько дружелюбно и профессионально поведет себя встречающая сторона, будет зависеть имидж Советского Союза.

Руководством страны было принято решение о том, что Московский университет будет активно участвовать в организации многих мероприятии Фестиваля. Коллектив МГУ им. М. В. Ломоносова взялся за подготовку.

В первую очередь, был открыт Информационный центр Международного союза студентов, в задачи которого входило знакомство советских и иностранных учащихся с деятельностью Международного союза студентов¹. Параллельно был создан Штаб по подготовке и проведению XII Всемирного Фестиваля Молодежи и Студентов.

Уже в феврале 1985 года в помощь основному штабу были созданы фестивальные штабы подразделений для обеспечения координации и осуществления контроля по подготовке и проведению фестиваля². В их ведении находилось формирование фестивальных отрядов сер-

виса (ФОС), групп переводчиков, студенческих строительных отрядов (ССО), оперативных комсомольских отрядов (ОКО) и отрядов добровольной народной дружины (ДНД).

Чтобы достойно встретить Фестиваль в Москве требовалось большое количество переводчиков, в связи с чем, был создан временный факультет по их подготовке³.

Деканами факультетов совместно с партийными и комсомольскими организациями и кафедрой общественных наук были организована общественно-политическая подготовка студентов, аспирантов и сотрудников, участвующих в обслуживании фестиваля. Кроме того, в срок до 01 мая 1985 года было организовано обучение правилам техники безопасности бойцов фестивальных отрядов⁴.

Активистами Московского университета был создан строительный отряд, в который вошли аспиранты и сотрудники нескольких факультетов, в том числе физического, химического, экономического и биологического. Они трудились на строительстве Дворца Молодежи, который должен был стать одной из важных площадок по проведению Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Был организован фестивальный отряд «Сервис», в который вошло около 1300 студентов разных факультетов, который во время проведения самого Фестиваля был разделен на подотряды между важными отраслями обслуживания.

Также был создан оперативный комсомольский отряд МГУ, в обязанность которого входило поддержание правопорядка в период проведения общественных мероприятий. Причем право на членство в нем давали только прослушанные лекции по правовой тематике, проведенные учебные рейды и успешно пройденная аттестация⁵. С этой же целью создавались отряды дружинников.

³ Архив МГУ. Ф.1. Оп.29. ед.хр. 573. Приказ № 238 от 07.03.85г. О подготовке студентов и обеспечении учебного процесса на временном факультете по подготовке переводчиков для работы на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов. Л. 292.

⁴ Архив МГУ. Ф.1. Оп.29. ед.хр. 573. Приказ № 129 от 08.02.1985. Об участии Московского университета в подготовке и проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в г. Москве. Л. 41.

⁵ Встречая XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов // Московский университет. 1985. № 48. С.4.

¹ Открытие центра // Московский университет. 1985. № 2. С. 1.

² Архив МГУ. Ф.1. Оп.29. ед.хр. 573. Приказ № 129 от 08.02.1985. Об участии Московского университета в подготовке и проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в г. Москве. Л. 40.

Помощь в любых ее проявлениях считалась почетной, именно поэтому многие студенты выступили с инициативой отчисления денежных средств в фонд Фестиваля. Студенческая газета «Московский университет» буквально пестрит сообщениями о том, что учащиеся участвуют в сборе средств. Итогом такой работы стал денежный взнос общей суммой примерно 80 тысяч рублей⁶.

Задолго до начала Фестиваля была сформирована программа, согласно которой во время проведения праздника работали 16 специализированных тематических центров, среди которых — студенческий центр, базой для которого Международным подготовительным комитетом был избран Московский университет.

За время праздника должно было пройти «9 встреч по профессиональным интересам, в каждой из которых примет участие около 200 человек, и ряд других. В один из первых дней фестиваля состоится манифестация, посвященная памяти студентов, павших в годы II мировой войны. Во время работы фестиваля будет действовать выставка «Студенты Страны Советов — народному хозяйству». Всего в различных мероприятиях культурно-самодеятельного характера было задействовано 400 студентов МГУ⁷.

Студенты, аспиранты, преподаватели Московского университета внесли ощутимый вклад в дело подготовки к Московскому Всемирному фестивалю молодежи и студентов. В итоге, по самым скромным подсчетам, более 5 тысяч студентов участвовали в активной работе, 2040 из них составили обслуживающий персонал, 800 человек дружинников обеспечивали сохранение правопорядка на территории университета. Философский, исторический, филологический факультеты и ИСАА предоставили 1284 способных учащихся для прохождения подготовки в рамках курсов гидов-переводчиков, 400 человек составили группу, отвечающую за подготовку художественной самодеятельности от университета⁸.

Такая насыщенная подготовка требовала времени — были значительно скорректированы сроки учебы. В соответствии с инструктивным письмом Минвуза СССР № 60 от 17/X–1984 г. учебные занятия

и экзаменационная сессия весеннего семестра 1984/85 учебного года для дневного отделения были закончены к 15 июня 1985 года. Для студентов всех курсов вечернего отделения и слушателей социальных вечерних отделений 1984/85 учебный год завершился без изменений, в сроки, установленные учебными планами⁹.

Оставался вопрос с проведением производственной практики у студентов. Сложность заключалась в том, что на время проведения Фестиваля необходимо было максимально освободить общежития, которые, согласно плану, должны были вместить гостей столицы. В результате было принято следующее решение: студентов, постоянно проживающих в Москве, оставляли проходить практику в соответствии с учебными планам на ранее закрепленных учебных базах, а те студенты, которые являлись иногородними и, соответственно, проживали в общежитии, должны были проходить ее в других городах¹⁰.

Фестиваль в Москве прошел на высоком уровне, деятельность общественности Московского университета была оценена правительством.

Помощь коллектива Московского университета в подготовке и проведении Фестиваля невозможно переоценить. Главная задача участников состояла в безупречной организации мероприятия, что позволило поддержать на должном уровне статус и престиж университета. Администрация МГУ им. М. В. Ломоносова потратила на реализацию проекта большое количество ресурсов, моральных и материальных, в подготовке и проведении участвовали профессоры и преподаватели, студенты, аспиранты и слушатели, служащие университета — все эти люди искренне пытались помочь, невзирая на очевидные трудности.

⁶ Московский университет. 1985. № 48. С. 4.

⁷ Чернышев П. И работа, и праздник // Московский университет. 1985. № 35. С. 4.

⁸ И работа, и праздник (беседа с первым заместителем секретаря комитета ВЛКСМ МГУ Владимиром Мамонтовым)//Московский университет. 1985. № 35. С. 4.

⁹ Архив МГУ. Ф.1. Оп.29. ед.хр. 573. Приказ № 209 от 27.02.1985 г. Л. 234.

¹⁰ Архив МГУ. Ф.1. Оп.29. ед.хр. 573. Приказ № 209 от 27.02.1985 г. Л. 235.

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
АРХЕОЛОГИИ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА ПРОФЕССОРА
И. Н. БОРОЗДИНА: МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ
БИОГРАФИИ**

*О. В. Селиванова, к.и.н.
(Архив РАН)*

В статье предпринимается попытка по документам из личного архива историка широкого профиля И. Н. Бороздина реконструировать его биографию с точки зрения его археологических интересов. Фонд № 2181, хранящийся в Архиве РАН с 2008 г., содержит богатый материал, отражающий различные стороны деятельности профессора и помогающий выполнить поставленную задачу.

Сохранившееся сочинение И. Н. Бороздина на аттестат зрелости «Значение древнего мира в истории человечества» позволяет выявить зарождение интереса к истории древнего мира еще во время обучения в школе. В дальнейшем влияние академика Б. А. Тураева только усилило этот интерес, что видно из отложившейся в фонде переписке (всего 25 писем), а также тематики опубликованных первых рецензий на сборники по истории древнего мира и совместных работ с известным египтологом. Немаловажное значение оказала организованная С. Н. Трубецким для членов историко-филологического общества при Московском университете археологическая поездка в 1903 г. в Грецию и Италию. Впечатления от нее И. Н. Бороздин отразил в первой опубликованной статье «Поездка в Грецию. Из впечатлений студента-экскурсанта»¹, черновик и типографский экземпляр которой хранятся в архиве.

Дальнейшее развитие интереса к археологии происходило в период сотрудничества И. Н. Бороздина в Московском археологическом обществе (МАО). К числу наиболее интересных документов этого периода относится переписка с графиней П. С. Уваровой (сохранилось 23 письма от нее, преимущественно посвященных совместной подготовке «Биографического словаря членов Московского Археологиче-

ского Общества»), протоколы заседаний Археографической комиссии МАО, где Бороздин был секретарем, а также его командировочные удостоверения в Крым и Ростов для «обследования древностей».

В это время И. Н. Бороздин принимал активное участие в различных археологических съездах и конференциях: Всероссийский археологический съезд в Новгороде (1908 г.), годовое заседание МАО (1910 г.), III международный археологический конгресс в Риме (1912 г.), IX конгресс по первобытной археологии во Франции (1914 г.), Всероссийский археологический съезд в Чернигове (1911 г.). Об этом свидетельствуют сохранившиеся черновики докладов для выступлений на этих конференциях, приглашительные билеты и программы заседаний, а также переписка Ильи Николаевича с матерью, Юлией Владимировной Бороздиной, за указанные годы.

Нельзя не отметить роль Б. В. Фармаковского в становлении И. Н. Бороздина как археолога. По сохранившейся в фонде переписке можно судить, что между ними сложились дружеские и уважительные отношения; Бороздин считал Фармаковского в некоторой степени своим учителем в полевой археологии.

Восстановить в хронологическом порядке деятельность И. Н. Бороздина во всех раскопках, в которых он принимал участие, помог составленный им краткий отчет за 1924–1929 гг., сохранившийся в рукописном варианте.

Первые археологические раскопки под предводительством И. Н. Бороздина начались летом 1924 г. в Крыму. Экспедиция Научной Ассоциации Востоковедения ЦИК СССР (НАВ) провела разведку и частичные раскопки памятников античности (укрепленная усадьба и башня, некрополь) на Гераклеийском полуострове возле д. Юхарина балка, Александрида. Сохранившиеся в фонде фотоматериалы позволяют проиллюстрировать подробную статью-отчет И. Н. Бороздина «Новейшие археологические открытия в Крыму», вышедшую в 1925 г.

Следующая экспедиция НАВ и Крымского Отдела по делам музеев (Крымохрис), проведенная осенью 1924 г. под руководством И. Н. Бороздина, имела целью археологическое обследование урочища Эски-Юрт возле Бахчисарая, Крым. Однако Бороздин провел только разведку (раскопки в дальнейшем проводили А. С. Башкиров и У. Э. Боданинский), поэтому сохранилось небольшое количество материалов, преимущественно фотографии.

Гораздо более подробно в фонде представлены архивные материалы, касающиеся совместной экспедиции НАВ (И. Н. Бороздин,

¹ Курьер. 1903 г. Июль-август.

А. С. Башкиров) и Бахчисарайского музея (У. Э. Боданинский, О. Акчокраклы) в 1925–1926 гг., проводившей раскопки в д. Старый Крым (Солхат). Это план научной экспедиции, подробный список и хронологическая таблица найденных мусульманских эпитафических памятников, обзор надписей с них, список найденных монет с их зарисовками и переводом надписей, акт о передаче находок в Крымохрис, а также огромное количество фотографий с мест проведения разведок и раскопок и фотографии самих находок. Данные документы представляют особую ценность, поскольку многие памятники и документы из Бахчисарайского музея, касающиеся этих раскопок, были утрачены.

Не менее важны сохранившиеся документы о раскопках в Казани под руководством И. Н. Бороздина. Экспедиция была организована по инициативе Академического центра Наркомпроса Татарской республики и проводила в 1928–1929 гг. разведки и раскопки на территории Казанского Кремля. Сохранилось большое количество чертежей, фотографии, археологические отчеты, а также блокноты с подробными дневниковыми записями И. Н. Бороздина.

После 1920-х гг. И. Н. Бороздин больше не руководил раскопками, однако интереса к археологии и истории древнего мира не утратил. В силу сложившихся обстоятельств (арест в 1935 г., ГУЛАГ, затем с 1943 г. ссылка в Ашхабад) в 1940х гг. Бороздин направил усилия на изучение древней истории и археологии Туркмении, читая курсы лекции по истории древнего мира и публикуя статьи², черновики которых сохранились в архиве.

После переезда в Воронеж в 1948 г. И. Н. Бороздин больше внимания начал уделять историографии и славяноведению, однако не утратил интереса и к археологии. К этому периоду относится его обширная переписка с археологом П. И. Борисковским (61 письмо), занимавшимся раскопками палеолитических погребений в Костенках (Воронежская область). Так же сохранилась фотография И. Н. Бороздина с сессии полевых археологических исследований АН СССР 21 марта 1959 г., в которой он принял участие.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что в фонде № 2181 хранится обширный фактографический материал, на основе которого можно не только воссоздать подробную биографию профес-

сора И. Н. Бороздина именно в качестве археолога, но и установить круг его связей с другими известными археологами, восполнить пробелы в их научной биографии, а также более детально осветить проблемы, связанные с изучением следов татарской культуры в Крыму и Татарстане и античной культуры на Гераклейском полуострове.

² К изучению древней истории Туркмении // Вестник древней истории. 1946 г., № 4. Древний Туркменистан. Исторический очерк // Преподавание истории в школе. 1948 г., № 3.

**ЧЕНСТОХОВСКИЙ ЯСНОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ
В ПРЕССЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА:
«СВЯТОТАТСТВЕННОЕ ОГРАБЛЕНИЕ»
И ДЕЛО ДАМАЗИЯ МАЦОХА**

*Семененко А. В.
(ЕУСПб)*

Самый крупный католический монастырь на территории польских губерний Российской империи — Ченстоховский Ясногорский, в 1909–1910 годах привлек к себе пристальное внимание властей, прессы и общества.

В этом монастыре до сих пор хранится чудотворная икона Божией матери, древнейшая из всех икон на территории Польши. По преданию ее написал в Иерусалиме святой евангелист Лука.

Такова легенда, однако, историю иконы можно достоверно проследить лишь с XIII века¹. Когда и почему образ Богородицы покинул Византию — доподлинно неизвестно, но в конце XIII века образ оказался на территории Червонной Руси, в городе Белз, куда ее перевез галицко-волынский князь Лев Данилович (в честь которого его отец Даниил Галицкий назвал основанный им город Львов). В 1382 году князь Владислав Опольский перевез икону из захваченного Белза в основанный им на берегу реки Варты монастырь, который отдал монахам основанного в 1250 году в Венгрии ордена паулинов².

Все началось с того, что в ночь с 9 на 10 октября 1909 г. с иконы Божией матери исчез жемчужный оклад и дарованные Папой Климентом XI бриллиантовые короны. Злоумышленнику или злоумышленникам удалось вынести из монастыря золота и драгоценных камней

на сумму около сорока тысяч рублей (по данным описи монастырского имущества в 1865 году)³

Ограбление святыни потрясло католическое население польских губерний и породило бурную реакцию прессы. Новые сообщения о ходе расследования появлялись ежедневно.

13 октября 1909 г. петербургские газеты «Речь» (№ 281) и «Биржевые ведомости» (№ 11360) опубликовали статьи об ограблении иконы Ченстоховской Божией матери. «Речь» ограничилась короткой заметкой, тогда как «Биржевые ведомости» посвятили происшествию половину страницы. 14 октября довольно обширную статью этому ограблению посвятили «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 229), сообщив своим читателям, что стоимость украденных драгоценностей оценивается в несколько миллионов рублей.

Все газеты сходились в одном: украдена риза, унизанная жемчугом, бывшая на чудотворной иконе, бриллиантовые короны с голов Богородицы и Младенца Христа, а так же драгоценности, украшавшие алтарь

«Биржевые ведомости» (№ 11364 от 15 октября) опубликовали небольшое сообщение, в котором появились первые сведения о преступниках, а также мерах по их поимке: говорилось, что «похищение ценностей в Ясногорском монастыре совершено двумя мужчинами и одной женщиной, прибывшими из Варшавы».

15 октября газета «Новое время» (№ 17098)⁴ поместила на своих страницах небольшую заметку о стоимости похищенных с ризы украшений, которые, по сведениям управления сыскальной полиции Варшавы, оценивались в: 60 тыс. рублей большая корона, 19 289 руб. сама риза и еще 27 189, 50 руб. «разных камней».

Несмотря на все усилия полиции и сыщиков раскрыть ограбление не удалось. В окрестностях Ченстоховы, а также недалеко от Варшавы, в Ивангороде, были обнаружены куски проволоки, скреплявшие украшения похищенного оклада, мелкие жемчужины с него. Самой ценной оказалась находка крестьян около деревни Кедржин, в трех

¹ Майоров А. В. Чудотворные иконы в Галицко-Волинской Руси начала XIII в // Русин. 2010. №4. С. 43.

² Паулины // Католическая энциклопедия Т. 3 (М–П). М.: Научная книга. Издательство францисканцев, 2007. С.1357.

³ Список драгоценных вещей, похищенных в ночь с 9-го на 10-е октября 1909 г. из Ченстоховского монастыря // Российский государственный исторический архив Ф. 821. Оп. 1 Д. 307. Л. 29–30.

⁴ Похищение драгоценностей с Ченстоховской иконы Божией Матери // РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 307. Л. 5–11. (здесь и далее газетные заметки цитируются по архивному делу из-за временной невозможности обращения к первоисточнику).

верстах от Ченстоховы: медная доска, которая была основой похищенного оклада, а также куски бархата и вата из его подкладки.

Расследование, казалось бы, зашло в тупик. Но уже летом 1910 года, в связи с делом ксендза Дамазия Мацоха, оно вновь получило развитие.

В июле 1910 года в одном из прудов недалеко от деревни Завады, Новорадомского уезда, нашли завернутую в рогожу кушетку, в которой находился труп неизвестного. В результате расследования выяснилось, что рогожа была изготовлена в Ченстохове и предназначалась для Ясногорского монастыря. После допроса извозчиков, обнаружилось, что кушетка принадлежала одному из монахов монастыря — Дамазию Мацоху. Выяснилось, что монах давно уже состоял в связи с женой убитого — своего двоюродного брата Вацлава — Еленой и, для того, чтобы содержать ее, систематически похищал из монастырской казны деньги, а с окладов икон — драгоценные камни и жемчуг.

Это судебное дело получило широчайший общественный резонанс, что вынудило остальных монахов Ченстохова составить и опубликовать в прессе воззвание, в котором они отрекались от любого участия в преступлении Дамазия и заверили, что «мы приложим все старания, дабы благочестивой, иноческой жизнью отвечать высокому призванию стражей святого места»⁵.

Однако публикация воззвания не избавила монастырь от министерской проверки — в Ченстохов был командирован сотрудник Департамента духовных дел иностранных исповеданий статский советник С. С. Петров. В ходе его расследования вскрылось, что и другие монахи Ясногорского монастыря вели совсем не монашеский образ жизни, оплачивая все расходы из монастырского «скарбчика» (казны, находившейся в ризнице).

Дело чуть было не дошло до закрытия монастыря: 13 октября 1910 года епископ Станислав Здитовецкий отстранил монахов от управления костелом, передав его коллегии белого духовенства. Однако такая решительная мера не встретила одобрения П. А. Столыпина — министр внутренних дел постановил признать коллегия временной и сохранил за Юстином Велионским пост приора. 28 декабря

1910 (10 января 1911 г.) временная комиссия была из монастыря отозвана, и управление костелом вновь вернулось к монахам-паулинам.

В газетах регулярно появлялись сообщения о том, что Папа прислал в Ченстохов буллу об отлучении Мацоха, но этого так и не произошло. Дамазий Мацох подозревался многими в причастности к ограблению Ченстоховской иконы в ноябре 1909 г., когда с иконы пропал жемчужный оклад и бриллиантовые короны, дарованные Папой в 1717 году, однако доказать это обвинение не удалось.

За убийство и кражу монастырских денег Мацох был 14/23 февраля 1912 г. осужден на 12 лет каторги. Показательно, что даже спустя несколько лет газетные заметки о Ясногорском монастыре (правда только в русскоязычной прессе) упоминали о преступлении Мацоха как об одной из самых скандальных и мрачных страниц в истории монастыря.

Последствия «дела Мацоха» и министерской проверки для монастыря оказались очень серьезными — 29 января 1911 года глава департамента духовных дел иностранных исповеданий Харузин уведомил куявско-калишского епископа, что император отменил данное в 1908 году разрешение увеличить штат монастыря (с положенных по закону 24 до 50 монахов) и данную в 1909 году привилегию, по особому в каждом отдельном случае разрешению императора, принимать послушников младше установленного законом возраста (с 19 лет вместо 24)⁶ Таким образом, монастырь сохранил только внутрицерковные привилегии: право ношения приором монастыря епископских знаков отличия и статус базилики (особо важного для Католической церкви храма) для монастырского костела.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что монастырь фактически был полностью закрыт от внешнего надзора (кроме ежегодных инспекций визитатора монастырей епархии) и это создавало благоприятную среду для правонарушений. Два столь тяжких преступления (свяотатственное ограбление и убийство) за неполный год явно свидетельствуют об упадке нравов в обители.

⁵ «Воззвание отцов паулинов» // РГИА. Ф. 821. Оп.128. Д. 173. Л. 68 об. («Воззвание» публиковалось по-польски и в русском переводе. Цитируемый вариант перевода, выполненный сотрудниками Департамента духовных дел иностранных исповеданий, по моему мнению, является самым полным и точным).

⁶ Письмо Харузина куявско-калишскому епископу от 29.01.1911 г. // РГИА. Ф. 821. Оп.128. Д. 173. Л. 246.

ДЕСАНТ И. Г. БЕССОНОВА – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ (НЕМЕЦКИЕ ДЕСАНТЫ В СОВЕТСКИЙ ТЫЛ В 1941–1944 гг.)?

А. В. Семенов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Начиная войну против СССР, Гитлер и его спецслужбы были уверены, что в результате блицкрига продолжительностью в несколько недель Советский Союз развалится сам собой¹, однако к началу 1942 г. германское руководство пришло к выводу, о необходимости создания специального разведывательно-диверсионного органа, в задачу которого должно было бы входить кроме осуществления акций непосредственного подрыва (диверсии и террор) и широкомасштабное политическое разложение населения тыловых районов СССР².

В марте 1942 г. Главным Управлением имперской безопасности Германии³ был создан специальный разведывательно-диверсионный орган «Предприятие Цеппелин» и разработана операция с аналогичным названием. Одним из аспектов операции «Цеппелин» было поднятие восстаний среди заключенных лагерей ГУЛАГа. Планирование таких операций неразрывно связано с деятельностью комбрига И. Г.

¹ Директива № 21. План Барбаросса от 18.12.1940 (*Дашинцев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, М: Наука. 1973. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945. С. 86).

² Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945: Сб. документов/ Федер. Служба контрразведки Рос. Федерации, Акад. Федер. Службы контрразведки Рос. Федерации. М.: Русь. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. 2008. С. 333.

³ Главное Управление Имперской Безопасности (РСХА) — создано в 1939 после объединения Главного управления полиции безопасности и Главного управления службы безопасности (СД). Главная задача РСХА в годы Второй Мировой войны — координация действий ряда спецслужб в борьбе с внешними и внутренними врагами Третьего Рейха (*Валюкин А. В., Кохан А. А.* Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй Мировой войны, Симферополь: Орианда. 2011. С. 396)

Бессонова, попавшего в немецкий плен в 1941 г. Этот человек и руководимая им организация «Политический центр борьбы с большевизмом» разработали обширные планы гитлеровских спецслужб по организации повстанческого движения среди заключенных лагерей ГУЛАГа⁴, согласно которым предполагалось захватить лагеря и, вооружив заключённых, развить повстанческую деятельность в южном направлении⁵.

До сих пор остается открытым вопрос о степени эффективности операций, спланированных ПЦБ. Во время войны ухудшилось положение заключенных ГУЛАГа, возросли нормы выработки, значительно ухудшились нормы питания, что привело к резкому увеличению смертности⁶. С началом войны у заключенных появилась боязнь, что быстрое наступление немцев могут спровоцировать власть на акции массового уничтожения в лагерях, оказавшихся в непосредственной близости от районов боевых действий. В первые дни и месяцы войны в западных областях СССР происходила физическая ликвидация заключенных, поскольку проведение эвакуации тюрем в прифронтовой полосе считалось крайне нецелесообразным, в связи с чем к основной массе заключенных из прифронтовой полосы применялась ВМН — расстрел⁷.

Для начального периода войны можно сделать вывод о чрезвычайно напряженных настроениях среди заключенных, которые готовились к свержению советской власти в условиях немецкого наступления. Люди были готовы поднять вооруженное восстание не только ради своей свободы и свержения режима, но и для поддержки наступающей немецкой армии, в которой они видели своего освободителя, «который несет свободу и жизнь»⁸.

Сложность в оценке настроений в лагерях и реальной готовности заключенных поднять восстание заключается в том, что делать заключения о серьезности повстанческих намерений в лагерях только

⁴ *Александров К.* Комбриг Бессонов и десанты в ГУЛАГ// Посев. 1997. № 5. С. 41.

⁵ *Пашинина В. С.* Печорский десант. — Сыктывкар: Коми книжное издательство. 2004. С. 18.

⁶ *Земсков В.* ГУЛАГ, где ковалась победа// Родина. 1991. №№ 6–7. С. 69.

⁷ ГАРФ, Ф. 9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 66–67.

⁸ История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах/ Т. 6, Восстания, бунты и забастовки заключенных, М.: РОССПЭН. 2004. С. 139.

на основе официальных документов о якобы раскрытых намерениях заключенных-«контрреволюционеров» было бы неправильно (согласно официальным данным «в течение 1941–1944 гг. в лагерях и колониях было вскрыто и ликвидировано 603 повстанческих организаций и групп, активными участниками которых являлись 4640 чел.»⁹).

Удалось отыскать сведения только о вооруженном восстании заключенных в начале 1942 г. на территории Коми АССР. Оно стало первым восстанием в истории ГУЛАГа¹⁰. Это восстание является единственным известным крупным вооруженным выступлением заключенных в годы войны. В то же время, оно показывает, что лагерное восстание без поддержки извне обречено на провал и локализуется в кратчайшие сроки.

Степень реализации бессоновской идеи выброса парашютистов на ГУЛАГ до конца остается невыясненной. Единственным доступным для изучения является десант, выброшенный в составе 12 человек 6 июня 1943 года на территории Кожвинского района Коми АССР¹¹. Однако эта диверсионная группа не выполнила поставленные немецкими спецслужбами задачи и добровольно сдалась советским властям.

Мы не можем с полной уверенностью утверждать, приступили ли нацистские спецслужбы к полномасштабному выполнению плана Бессонова, поскольку нет никаких упоминаний об успешных операциях немецких диверсантов в лагерях ГУЛАГа.

Подводя итог деятельности ПЦБ, можно выделить несколько причин, которые затрудняли и откладывали реализацию военной программы Бессонова: 1) недостаточное обеспечение операции «Цепелин» самолётами сыграло решающую роль в срыве многих операций¹²;

⁹ Из доклада начальника ГУЛАГ В. Г. Наседкина наркомун внутренних дел СССР Л. П. Берии «О работе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы Отечественной войны» 17 августа 1944 г. следует, что только с 1 июля 1942 г. на основании агентурных материалов было предотвращено свыше 46000 побегов. (История сталинского Гулага, Т. 6. С. 165)

¹⁰ Покаяние: Мارتиролог. Т. 7/ Сост. М. Б. Рогачев. Сыктывкар. 2005. С. 165.

¹¹ «Заключение по делу о недостатке трофейного имущества ...» Народный комиссар внутренних дел Коми АССР полковник Государственной Безопасности Кабаков (Архивная коллекция Печорского музея).

¹² Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. Пер. с англ. М.: «Дом Бируни», 1991. С. 257.

2) сложным было решение вопроса об обеспечении десантников и примкнувшим к ним повстанцев оружием, медикаментами и продуктами питания, помимо прочего снаряжения¹³; 3) многие лагеря ГУЛАГа в северных районах были изолированы друг от друга, что способствовало бы распыленности сил и не позволило бы организовать мощное единое повстанческое движение.

Оценивая в целом повстанческие настроения в лагерях в годы войны, необходимо отметить, что опасность массовых вооруженных побегов была чекистами отчасти предотвращена, отчасти преувеличена¹⁴. Повстанческие настроения в лагерях среди отдельных групп политических заключенных не имели широкой поддержки и шансов на успех, поскольку контингент заключенных был настроен в своей массе патриотически и оказался мало восприимчив к идее сотрудничества с немецкими захватчиками¹⁵. В целом же, низкий повстанческий потенциал ГУЛАГа, в котором в годы войны было перемешано самое разношерстное «население», в принципе неспособное на массовые и солидарные действия, не позволил многим планам и подготовленным выступлениям повстанческих организаций реализоваться на практике¹⁶.

¹³ Только для служебного пользования. Военно-географические данные о Европейской части России. Северо-восточная Россия. Тетрадь-текст. Набрано 1 июня 1942 года. Генеральный штаб вооружённых сил. Отдел военных карт. Берлин. 1942 год (Архивная коллекция Печорского музея.)

¹⁴ История сталинского Гулага. Т. 6. С. 167.

¹⁵ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М., 1989. Т. 2. С. 89.

¹⁶ История сталинского Гулага. Т. 6. С. 55.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ТЕКСТАХ Л. КРАСНОПЕВЦЕВА КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ИДЕОЛОГИИ ДИССИДЕНТОВ В СЕРЕДИНЕ 1950-х ГОДОВ

*В. Н. Сергеев, к.и.н.
(МГУПС)*

Летом 1957 года в Москве были арестованы девять человек, которым вменялось в вину создание антисоветской организации. Позднее эта группа стала известна по именам её лидеров — группа Краснопевцева-Ренделя (другие названия: дело молодых историков, дело Московского университета; самоназвание — Союз патриотов). Для второй половины 1950-х годов такая репрессивная практика была вполне заурядным явлением. Отличием этой группы диссидентов от других аналогичных объединений является, прежде всего, их профессиональная деятельность — 7 из 9 участников были историками. Практически перед всеми ними открывались блестящие карьерные перспективы. Например, лидер группы Лев Краснопевцев, имел опыт комсомольской работы, был аспирантом МГУ по кафедре истории КПСС, что в дальнейшем могло стать залогом успешного продвижения по номенклатурной лестнице.

Свою диссидентскую деятельность Л. Краснопевцев и его группа выстраивала на основе ряда текстов исторического и политологического характера. Краснопевцев применял свои профессиональные навыки для выстраивания оппозиционной идеологии. Зачастую это сводилось к отрицанию или выворачиванию наизнанку догм советского истмата. Свою идеологию он строил через описание истории революционного движения в России и мире, но со сменой поляристей. И это отличало Л. Краснопевцева от других левых диссидентов середины 1950-х годов. Его ревизия марксизма была оригинальной и не была связана с другими интеллектуальными традициями. При этом Краснопевцев и члены его группы имели контакты с польскими марксистами-ревизионистами, например, с Э. Лясотой.

Главным историко-политологическим трудом Л. Краснопевцева стала работа «Основные моменты развития русского революционного

движения в 1861–1905 годах»¹. По своей сути «Основные моменты...» являются своеобразным ответом на «Краткий курс истории ВКП(б)» и должны были по иному поставить вопрос о процессе формирования революционных и либеральных политических организаций в Российской империи.

Центральное место в исторической концепции Л. Краснопевцева занимает «новое дворянство», как главная движущая сила революции сверху в России («Великие реформы»). Под этим термином он понимает «блок трёх сил — либерального движения разных оттенков (от Кошелева до Унковского), либеральных сил бюрократии и высших сфер, вплоть до царской семьи (Ростовцев, Милютины, вел.кн. Константин Николаевич и др.). Эти две силы возглавлял сам император. Третьей силой было революционное течение Герцена»². Л. Краснопевцев напрямую говорит, что «нужно отбросить господствующую теорию, отрицающую за русским дворянством всякую способность к прогрессу»³.

Историческими предшественниками «нового дворянства» были М. Сперанский и декабристы. Первый появился из-за «могучих ударов Робеспьера и Бонапарта, их великие победы привели к новому потеплению в России»⁴. Вторые были менее удачной попыткой прогрессивных сил Европы сокрушить режим Венского конгресса. В тоже время общим у «нового дворянства» со М. Сперанским и Петром I (как абсолютистским революционером сверху) является отсутствие «и намёков на массовое движение европейского типа. Оно остаётся диким, бессмысленным бунтом. Народ продолжает безмолвствовать, его судьба по-прежнему решается вверху»⁵.

Отличием «нового дворянства» от своих предшественников стало «нарушение монолитного единства русского правящего класса: если раньше на позиции этого «нового дворянства» вставали лишь отдельные небольшие группы вроде Сперанского, декабристов и др., которым противостояли все остальные 99 % дворян, то теперь был налицо

¹ Следственные органы определяли её характер как реферат, однако по своему характеру она является самостоятельной научной работой.

² *Краснопевцев Л. Н.* Основные моменты развития русского революционного движения в 1861–1905 годах // Карта. 1997. № 17–18. С. 61.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Там же. С. 61.

полный раскол с серьезным перевесом ... «нового дворянства»⁶. Другой отличительной чертой «нового дворянства» являлось наличие течения А. Герцена, который «вёл за собой всю прогрессивную Россию». Именно он «сначала создал идею народной партии, партии трудящихся, и только потом сама эта идея должна была воплотить себя в плоть и кровь, сплотить вокруг себя массы».⁷

Для дополнительной характеристики «нового дворянства», Л. Краснопевцев описывает силы, которые находились вне этого блока: справа — «явные крепостники и реакционеры, стремившиеся вначале вообще загробить реформы, а потом приложили все усилия, чтобы изуродовать их как можно полнее, а слева — группа Чернышевского, надеявшаяся, что крестьянская революция есть единственный для революционеров выход из положения и относившаяся сугубо отрицательно вообще к реформам»⁸. Общим у А. Герцена и Н. Чернышевского является то, что оба они «часть «верхов» России, а отнюдь не народ. Только эти «верхи» демократически-революционные, в отличие от реакционных и либеральных»⁹.

Прогрессивность «нового дворянства» Л. Краснопевцев доказывает через события периода «Великих реформ», прежде всего через крестьянскую реформу. По мнению Льва Николаевича «крестьянство было абсолютным нулём в политическом отношении». В 1861 г. «крестьянское движение никак не было решающим фактором. А если учесть, что остальные реформы проводились в тот период, когда крестьянские бунты прекратились или (в 1864 г.) резко сократились, то роль «нового дворянства» и демократической интеллигенции, как единственных двигателей реформ, становится ещё яснее»¹⁰. При этом по мысли Л. Краснопевцева проведение остальных буржуазных реформ, не было маленькой уступкой, а создавало политические условия для развития капитализма и разложения феодализма. Появление буржуазных органов власти должно было обеспечить свободный отток крестьян в город и развитие промышленности. Снижение аграрного перенаселения привело бы к новому этапу в развитии сельского хозяйства. Ведь если бы Александр II и «новые дворяне» были бы бо-

лее консервативны, то реформы были бы проведены в варианте Александра III.

На вполне логичный вопрос «почему же «новые дворяне» не смогли реализовать все поставленные задачи?» Л. Краснопевцев отвечает очень просто — «Чтобы был Бонапарт или Кромвель, или Бисмарк, решительно ликвидирующий феодализм сверху, нужно, чтобы какие-то массовые силы сами пытались это сделать, но запутались в борьбе с врагом»¹¹. В качестве близкого примера он приводит аграрную реформу 1860-х гг. в Царстве Польском. «Там правительство действовало методами прямого бонапартизма, военной диктатуры, оно прямо вставало над обеими воюющими сторонами и, пользуясь тем, что они взаимно уравнивали друг друга, резко и определённо расправилось с феодализмом»¹². Из-за пассивности крестьянства консервативный лагерь видел главную угрозу своего положения в «новом дворянстве».

Несмотря на все ограничения в реформаторской деятельности Александра II и его сподвижников «...в политике и экономике эта четверть века не может быть сравнена ни с чем, а в культурном отношении — только со всеми предшествующими полутора столетиями развития. В области же революционной борьбы это время и сравнить не с чем. Ничего подобного по высоте развития не было до сих пор»¹³.

В ситуации ранней «Оттепели» такие исторические взгляды Л. Краснопевцева приводили к выстраиванию реформистской идеологии у левых диссидентов. Образцовой моделью развития процесса десталинизации и демократизации советского общества должен был стать польский путь, основанный на самореформах и активных выступлениях студентов и рабочих. В ином случае, может наступить либо реванш сталинизма, либо давление снизу перерастёт в открытое восстание, как было в 1956 г. в Венгрии. В таком случае возможна победа противников всего советского строя.

⁶ Краснопевцев Л. Н. Основные моменты развития русского революционного движения в 1861–1905 годах // Карта. 1997. № 17–18. С. 60.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Там же. С. 63.

¹³ Там же. С. 64.

КУЛЬТУРНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ КАК СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГЕРМАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Е. А. Сидорова
(МГУ имени Ломоносова)

Согласно традиции культурного национализма, в которой нация определяется общностью языка, традиций и культуры, легитимность государства исходит из его способности защищать нацию и способствовать развитию её культурной и общественной жизни. При этом от государства ожидается поддержка культуры и языка этнического большинства¹. Потребность в реализации этих задач особенно ярко исходила от расширяющегося слоя образованной интеллигенции Священной Римской империи германской нации на рубеже XVIII и XIX веков. Однако в силу слабого территориально-политического единства и раздробленности на отдельные земли, государство было не способно реализовать эту функцию. Как справедливо отмечают историки, германская нация сложилась преимущественно на основании культурной общности, а не территориально-политического единства².

В вопросе становления нации и государственности в Европе Германия представляла исключение из общего правила: она была значительно отброшена назад по сравнению с соседствующими европейскими государствами. Смена веков остро поставила перед разрушающейся Священной Римской империей германской нации вопрос о национальном объединении³.

¹ Сидорова Т. Ю., Поляничков Т. Л. Национализм: теории и политическая история М.: ГУ ВШЭ, 2006.

² Геллер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; М.: Прогресс, 1991; Дани О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб.: Наука, 2003; Hars E. Herder und die Erfindung des Nationalen. — 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kakanien.ac.at/beitr/theorie/EHars3.pdf>

³ Hars E. Herder und die Erfindung des Nationalen. — 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kakanien.ac.at/beitr/theorie/EHars3.pdf>

Факторами, обострившими потребность в культурной, а затем и политической идентичности, прежде всего, стали несоответствующая требованиям времени государственная структура, неспособная к модернизации и невозможность защищать собственные границы. Это проявилось при столкновении двух принципиально отличавшихся по форме организации государств: французского, ставшего национальным и олицетворившего собою для современников модель единого национального государства нового времени и немецкого, едва вступившего на этот путь⁴.

Ответной реакцией, как на внешние, так и на внутренние проблемы в образованных слоях германского общества стало зарождение культурного национализма. Вследствие германского национально-политического кризиса создаются крупные единообразные культуры, которые сначала осознают свою культурную идентичность, а затем стремятся и к политической идентичности.

Вторая половина XVIII века в Германии — время формирования нового гражданского общества, на передний план которого вышли фигуры, руководствующиеся идеалами национального просвещения. Появление немецкого национального движения в широком смысле, возникло в связи с необходимостью создания основанной на языковой культуре, истории, правах человека германской общности и ее неизбежном отделении от определявших политическое устройство германии князей, не заинтересованных в общем государстве и общегосударственных интересах⁵. В среде немецкого бюргерства и немецкой интеллигенции преобладающими становились идеи образования национального германского государства. О. Дани отмечает, что немецкое национальное самосознание приняло характер движения, которое привело к подъему третьего сословия. Новая культурная элита, пришедшая к пониманию того, что «подчинение диктату дворянства и его франкоязычной культуре» отнюдь не отражает ее интересов, вступила в борьбу за свою политическую эмансипацию⁶.

Образование и культура, в особенности культура языка, сыграли ключевую роль в формировании идейного ядра немецкого культур-

⁴ Геллер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; — М.: Прогресс, 1991.

⁵ Hars E. Herder und die Erfindung des Nationalen. — 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kakanien.ac.at/beitr/theorie/EHars3.pdf>

⁶ Дани О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб.: Наука, 2003.

ного национализма, создании культурной основы постепенно объединяющейся нации. Яркий и стремительный расцвет немецкой литературы, искусства и социально-политической мысли второй половины XVIII века привел к выработке зарождающейся концепции культурного национализма⁷.

Борьба против феодального абсолютизма и церковной ортодоксии не могла не отразиться в философских и литературных трудах того времени, также наполненных социально-политической проблематикой.

Идея образования независимого национального государства, родившаяся во Франции и поддержанная национальными движениями в большинстве государств Европы, оказала также огромное влияние на германскую интеллигенцию и бюргерство. Мыслители, отождествлявшие себя с надгосударственным национальным движением, отстаивали необходимость укрепления исторической германской общности на основе ее культуры и языка. Культура германской нации и упадок дворянской имперской аристократии явились источником и поводом подъема национального самосознания, которое стало доминирующей идеей в трудах поэтов, писателей и мыслителей второй половины 18 века.

Поколение «Бури и натиска», а, прежде всего, И. Г. Гердер (1744–1803), в ком представители «немецкого движения» видели идейного вдохновителя, исходило из необходимости создания нового национального государства, источником для которого могли стать исключительно традиции, культура и история германского народа⁸. Целью «немецкого движения» стало достижение национального суверенитета и освобождение «духа народа» от раздробленного государства.

Последовавший затем протест против изменившейся в 1804 году политики Наполеона по отношению к Германии, в котором сохранилось свойственное немецкому национальному подъему стремление к политической самореализации, приобрел характер политического движения. На фоне локальных акций сопротивления, начавшихся с 1809, а также ряда патриотически-настроенных групп выделялись наиболее уверенные и организованные союзы и организации, высказывавшие, в том числе и резко национальные идеи.

⁷ Сидорина Т. Ю., Поляничков Т. Л. Национализм: теории и политическая история. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

⁸ Дани О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб.: Наука, 2003.

В ходе освободительно-патриотической войны с Наполеоном в 1813 году, объединившую германскую нацию против общего врага, окончательно оформилась концепция культурного национализма германской нации, однако важно охарактеризовать этот период культурно-националистических тенденций как «несвязанный с политической программой экспансионизма и подавления других национальностей»⁹.

Основной идеей и целью этого периода развития культурного национального движения являлось единение германской нации с дальнейшим созданием национального государства¹⁰. Победоносная для Пруссии война 1813 года, представленная благодаря культурно-национальному движению как освободительная, дала значительный импульс к созданию союза раздробленных германских земель и германского национального государства под эгидой Пруссии¹¹.

⁹ Там же.

¹⁰ Геллер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; М.: Прогресс, 1991.

¹¹ Дани О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб.: Наука, 2003.

АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВГОРОДСКИХ АРХИЕПИСКОПОВ XVI ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Д. Д. Смирнова
(СПбГУ)

Среди многочисленных и разнообразных источников по древнерусской истории до сих пор малоисследованными остаются рукописные архивы руководителей церкви. Отсутствие систематического изучения и полноценного анализ этого материала не позволяет дать ему оценку как исторического источника.

Большинство архивов русских архиерейских кафедр до начала XVIII в. не сохранилось, однако архивы Новгородского Софийского дома составляют счастливое исключение.¹ Большинство известных работ по истории Новгородской епархии относятся к периоду независимости Новгорода. Между тем, наименее изученным остается период после падения Республики Святой Софии в 1478 г. и до введения патриаршества в 1589 г., когда новгородский владыка получил сан митрополита, а епархия лишилась большей части своих территорий. Нами были проанализированы документы, исходящие от новгородских архиепископов в этот период.

В настоящее время отсутствует полный, выверенный список трудов архиепископов, занимавших Новгородскую кафедру в изучаемый нами отрезок времени. В этой связи одной из наших задач явилось его формирование. Изучение собраний архивов Санкт-Петербурга и Москвы, а также анализ историографии позволили выявить 226 документов в виде подлинников и списков. Наряду с этим, зарегистрировано 60 упоминание о грамотах или наличие подтверждающих записей архиепископов на грамотах, выданных ранее занимающими новгородскую кафедру архиереями.

Согласно классификации С. М. Каштанова, в которой он опирается на расширительное понимание актов, добавляя в неё некото-

рые группы документов неактового характера,² изучаемые нами источники относятся к публично-правовым актам церковных властей: договорно-законодательного, договорно-распорядительного и распорядительно-агитационного вида, а также к делопроизводственным и частно-публичным документам и частным письмам. Неоднородность эпистолярного наследия требует использования различных методов источниковедческого анализа с учетом специфики каждого документа.

Многообразие материала открывает перед нами возможность по-разному использовать эти документы. При этом особенно важен как анализ каждого конкретного источника, так и рассмотрение всего архивного наследия в целом. Это обусловлено тем, что содержащиеся в документах сведения зачастую дополняют друг друга.

В трудах архиепископов находят отражение почти все сферы деятельности Новгородской кафедры: прежде всего миссионерская и культурно-идеологическая деятельность церкви, а также управление архиепископом самой церковной организацией. Помимо этого, в них представлены материалы о финансовой и судебной системе епархии. Благодаря содержащейся в них информации, касающейся искоренения языческих устоев среди многонационального населения новгородской земли, они могут служить ценным источником по истории христианизации и катехизации, а также представлять интерес с точки зрения этнографии.

В жалованных грамотах архиепископов встречаются сведения о церквях, существование которых неизвестно по писцовым книгам, по ним можно определить время возникновения некоторых монастырей в XVI в.³ Помимо этого, сравнительный анализ посланий Феодосия, митрополита Макария, архиепископа Пимена, выявляет сходные цитаты. Это позволяет поставить вопрос об общей источниковой базе литературного творчества церковных иерархов XVI в.

Предметом углубленного изучения для нас стали документы, относящиеся к архиепископу Феодосию (1542–1552 гг.), в число которых входит 41 текст. Установлено, что они являются ценными источниками о повседневной жизни государства и отдельных его представителей, содержат информацию биографического характера, в частности,

¹ *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М.: Индрик, 2002. С. 12.

² *Каштанов С. М.* Русская дипломатика: Учеб. пос. для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1988. С. 150–154.

³ *Прилежаев Е. М.* Новгородская Софийская казна // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1875. Октябрь. С. 128.

касающуюся крупных деятелей XVI в., включая царя и его окружение, помогают проследить и понять некоторые аспекты жизни бояр и функционирования государственного аппарата.⁴

В ходе комплексной оценки трудов Феодосия как исторического источника, был осуществлен историко-географический анализ. Географические сведения, содержащиеся в письменном наследии архиепископа, позволили нам составить карту, охватывающую ареал распространения архипастырской деятельности главы Новгородской епархии. Данная карта может служить дополнительным источником по исторической географии Северо-запада России.

Значительный, по сравнению с другими территориями, корпус источников XVI в. по Новгородской епархии несколько ослабил поиски и публикацию новых памятников. Но возможности исследователей в этом направлении далеко не исчерпаны. Из общего числа анализируемых нами документов 147 до сих пор не опубликованы. Большинство из них являются жалованными, послушными и другими грамотами, однако зарегистрированы и нарративные источники. Так, нами подготовлено к печати неопубликованные ранее «Послание архиепископа Феодосия к новопросвещенным людем» и отрывок из «Послания архиепископа Феодосия Ивану IV».

Следует отметить, что многие уже осуществленные к началу XX в. издания посланий и грамот русских иерархов, в том числе новгородских, не удовлетворяют требованиям современной науки. По словам А. И. Плигузова «нормы археографии XIX века отрицательно сказались на издании грамот церковных иерархов — они опубликованы не единообразно, неполно, зачастую неточно датированы, нередко публикации включают спорные и произвольные издательские конъектуры»⁵ Материалы нашего исследования и данные литературы⁶ свидетельствуют об ошибках при издании рукописного наследия

⁴ *Смирнова Д. Д.* Высшие органы власти и управления в посланиях новгородского архиепископа Феодосия (1491–1563 гг.) // Управление: история, наука, культура. Материалы XVII межрегиональной научно-практической конференции студентов и аспирантов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 55–63.

⁵ Русский феодальный архив / Сост. А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьмина. М.: АН СССР, 1986. Т. 1. Предисловие. С. 7.

⁶ *Строев П. М.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. СПб., 1891. С. 183; *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство... С. 242 и др.

архиепископов. С. М. Каштанов отмечал, что «разнообразие конкретных приемов публикаций актов в разных сериях и отдельных сборниках», ставя вопрос об «унификации ряда приемов археографического оформления документов».⁷ Отсутствия единообразия в публикациях отражается и в заголовках трудов церковных иерархов. В этой связи актуальным является публикация всего архивного наследия новгородских архиепископов XVI в. в соответствии с требованиями современной науки и всесторонний его анализ, что является дальнейшей задачей нашего исследования.

⁷ *Каштанов С. М.* Актовая археография. М.: Наука. 1998. С. 105.

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

В. А. Соболев
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Представляется интересным рассмотреть опыт взаимодействия государства, общества и личности в России во второй четверти XIX в. К началу эпохи правления императора Николая I четко обнаружилась необходимость в определенном идеологическом императиве, который должен был, с одной стороны, противостоять западной идеологической экспансии, и с другой, — нести в себе необходимый позитивный момент, характеризующийся поиском «исторической, религиозной, культурной, социальной, метафизической, экзистенциальной идентичности»¹. В то же время, страх перед «разрушительной, эгалитарной идеологией, повсюду одной и той же, совершившей вторжение и в наши пределы»², после попытки вооруженного переворота 14 декабря 1825 г., фактически стал главной причиной, заставившей власть принять в качестве идеологической формулы — прообраза государственной идеологии, консервативные принципы и с помощью С. С. Уварова, назначенного министром народного просвещения, «облечь их в чеканную, выразительную, понятную всем формулировку «православие — самодержавие — народность», выразившую суть прavitельственного курса»³.

Своеобразным катализатором в процессах пробуждения национального самосознания русского народа и самоидентификации русского консерватизма в XIX веке стала историческая победа в Отечественной войне 1812 года над Наполеоном, которая ассоциировалась с пробуждением русского духа и народной гордости. По убеждению

¹ Барабанов Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. №8. С. 104.

² Шевченко М. М. Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 105.

³ Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А., Шацлло К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 125.

многих современников этого исторического события: «1812 год, эпоха столкновения Запада и Востока, родил сознание русского народа. 1812 год — есть начало самобытной национальной жизни России. В самом деле, какой великий переворот произвел в умах этот год нашествия галлов и двадцати языков... Дотоле подражатель, русский осознал себя...»⁴. В общественном сознании появилась насущная потребность в комплексном обосновании своеобразия русского исторического пути, а принципы самодержавия и православия, выработанные традиционалистским самосознанием еще в эпоху Московского царства, через сто лет после модернизации, проведенной Петром I, оказались востребованными уже в качестве основных составляющих зарождающейся национальной идеологии.

Православие, провозглашенное Уваровым в качестве первого из спасительных начал в лице церкви, являлось одной из сильнейших опор традиционализма и консерватизма в России. «Искренне и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейного. Без любви к вере предков народ, как и честный человек, должен погибнуть»⁵.

Второе положение знаменитой триады было заложено еще Н. М. Карамзиным в его концепции самодержавия как Палладиума России. Российское самодержавие в понимании Карамзина представляло собой надсловную силу, обеспечивающую самобытное, мирное и великое историческое развитие страны⁶. Идея самодержавия становится центральным ядром официальной идеологии. «Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колос опирается на самодержавии как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого,

⁴ Цит. по: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристка. М., 1980. С. 192.

⁵ Цимбаев Н. И. Под бременем познания и сомненья... (Идейные искания 30-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 30.

⁶ Шириняц А. А. Монархический идеал в русской социально-политической мысли первой половины XIX в.: Мудрое самодержавие Н. М. Карамзина // Арзамасская сторона: альманах. Выпуск 8. Т. 8. Издательство Арзамасского филиала ННГУ Арзамас, 2013. С. 9–32. Шириняц А. А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011. С. 98–99.

просвещенного, должно проникать в народное воспитание и с ним развиваться»⁷.

Народность обосновывала глубокое отличие России от Запада, признание особого национального характера и ценностных ориентаций русских, коренным образом отличающих их от народов Западной Европы.

Данная триада, получившая в более поздней литературе название теории «официальной народности», широко обсуждалась интеллигенцией XIX в.⁸ В этом отношении особо стоит выделить М. П. Погодина. Если Уваров лишь постулировал формулу, то Погодин предпринял попытку теоретически обосновать своеобразие русского государства через признание специфического характера русской истории. В своих трудах М. П. Погодин обосновывал единство двух начал народа и государя. Воля монарха объявлялась действенной силой истории, носителем ее духа. Западноевропейский процесс противопоставлялся особым «началам» русской истории, русской жизни. В отличие от Запада, где государства создавались с помощью насильственных завоеваний, в России варяги были приглашены славянами, что и создало, по его мнению, своеобразие русской истории. «Особость» русского народа Погодин видел в религиозно-православных чувствах, в «тихом, спокойном, терпеливом» характере, не менявшемся в течение многих веков, следствием чего было «отсутствие в государстве внутренней борьбы». Отсюда делался вывод о том, что российская история может сделаться хранительницей и блюстительницей общественного спокойствия, самой верной и надежной⁹.

В целом можно говорить о том, что идеология является значимым социокультурным феноменом истории России. Русскому сознанию в целом чуждо «технологическое» решение проблем с позиций здравого смысла, т. е. на основе экономических расчетов, политических интересов или правовых отношений. Люди с таким сознанием стремятся найти «идеологическое» решение, которое соответствует их вере или

⁷ Цимбаев Н. И. Под бременем познания и сомненья...(Идейные искания 30-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 25–26.

⁸ Шириняц А. А. Интеллигенция в политической истории XIX века // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 4. С. 39–55.

⁹ Шириняц А. А. Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина. М., 2008. С. 42–74.

убеждению, т. е. религиозному или нравственному подходу к оценке ситуации. В этой связи показателен вывод Н. А. Бердяева о том, что «русские суждения о собственности и воровстве определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку»¹⁰. Повышенное внимание к идеологической стороне жизни в России не следует приписывать исключительно влиянию государства. Не только государство идеологически влияло на общество, но и общество воздействовало на идеологию государства. В период свержения монгольского ига, в Смутное время и век раскола именно общество предлагало государству идеологическую программу, направленную на защиту национальных или религиозных интересов. При этом предпочтение отдавалось не относительным, преходящим оценкам, легко приводимым в соответствие с переменчивым «духом времени», а неизменным, абсолютным ценностям. России была всегда нужна «идеология, которая бы одушевляла пафосом вечного, абсолютно-ценного, властно призывала к абсолютно оправданной деятельности и была несомненно, т. е. абсолютно, обоснованной в своих истоках»¹¹. Эта потребность в абсолютной идеологии, переходящая из сферы религии и морали в область социальной жизни и политики, формирует оригинальное мировоззрение русского человека.

¹⁰ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков-М., 1999. С. 53.

¹¹ Евразийство (опыт систематического изложения) // Мир России — Евразия: Антология. М, 1995. С. 241–242.

**«СМЕШАНА ИЗ САМОЛЮБИЯ И ЗЛОБЫ»:
МЕТАФИЗИКА РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
В. В. РОЗАНОВА**

*О. Е. Сорокопудова, к.п.н.
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Василий Васильевич Розанов (1956–1919) — отечественный философ и публицист, известен в первую очередь неортодоксальными религиозными воззрениями. Однако благодаря своему специфическому творческому методу, необычному «интимному» стилю изложения, глубине и парадоксальности многое из того, что писал Розанов, не теряет своей злободневности и сегодня. Это касается, прежде всего, его рассуждений о природе государства и русского человека, демократии и социализме и, конечно, само время диктовало тогда сюжеты, — о революции.

Розанов много и зачастую противоречиво пишет о глубинных причинах революции, ее психологических основах и метафизике. Размышляя о происходящих на его глазах политических и социальных процессах, он делает вывод о сущности революции как явления. Для Розанова главный порок революции — это то, что в ней слиты две стихии, во-первых, народническая, бунтарская, до известной степени оправданная, во-вторых, чисто интеллигентская, «идеологическая». Он отмечал, что революция права на 1/100 часть именно в силу своей народной стихийности. «А голодные так голодны, и все-таки революция права. Но она права не идеологически, а как *натиск*¹, как *воля*, как *отчаяние*»². И Розанов видит, что вторая составляющая революции — идеологическая — является абсолютной ложью, поскольку революционеры-идеологи разъяряют народ против старого строя, заботясь не о благе «трудящихся», а о своём захвате власти на волне «народного гнева»³. Именно отказывая революции в идейной

обоснованности, философ противопоставляет ее старому строю. Для Розанова такое противопоставление есть просто «дряхлость» и «еще крепкие силы». «Но это — не идея, *ни в каком случае — не идея!*»⁴.

В революции для Розанова нет жизненных сил, нет никакого позитивного начала, это сплошь ненависть и отрицание. «Самолюбие и злоба — из этого смешана вся революция»⁵. А значит, при всей масштабности, кровавости, радикальности, мощи революция не сможет привести общество к какому-нибудь прочному основанию. Розанов отмечал, что хотя революция имеет длину и ширину, она не имеет третьего измерения — глубины. «И вот по этому качеству она никогда не будет иметь *спелого, вкусного плода*; никогда не “завершится”»⁶. Мыслитель видит обреченность революции, ту великую боль, которую она принесет России. Он как никто другой понимает, какое огромное разочарование она таит для своих же «свершителей». Революция «всегда будет расти в раздражение: но никогда не достанет в ней того окончательного, когда человек говорит: “Довольно! Я — счастлив! Сегодня так хорошо, что не надо завтра”... Революция всегда будет с мукою и будет надеяться только на “завтра”... И всякое “завтра” ее обманет и перейдет в “послезавтра”»⁷.

«И победа революционеров, или их 50-летний успех, основывается на том, что они — бесчеловечны, а “старый строй”, которого “мерзавца” они истребляют, помнит “крест на себе” и не решается совлечь с себя образ человеческий. Они — голые. Старый строй — в одежде»⁸. Розанов воспринимал революцию как величайшую трагедию, несущие русскому народу неисчислимые бедствия. «Ленин и социалисты оттого и мужественны, что знают, что их некому будет судить, что судьи будут отсутствовать, так как они будут съедены». И самое горькое, что эта революция перечеркнула разом всю тысячелетнюю историю России так, что «Россию нужно строить сначала»⁹.

По Розанову, в этом суть революции — самовлюбленность, и тупая вера в свою правоту и непогрешимость. В революции люди теряют на-

⁴ Розанов В. В. Уединенное. М.: Современник, 1991. С. 35.

⁵ Розанов В. В. Опавшие листья. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С.205.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Там же.

⁸ Розанов В. В. Уединенное. М.: Республика, 1994. С. 359.

⁹ Цит. по: Николюкин А. Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2001. С. 468.

¹ Здесь и далее — курсив В. В. Розанова.

² Розанов В. В. Уединенное. М.: Современник, 1991. С. 35.

³ См.: Шульгин В. Н. Русский пророк — консерватор Розанов // Золотой лев. Издание русской консервативной мысли. 2006. № 97–98.

слаждение сегодняшним днем, осознание действительности и живут «завтрашней» радостью, которая становится стимулом человеческой жизни и которой в итоге они никогда не узнают. «В революции нет радости. *И не будет.* Радость — слишком царственное чувство и никогда не попадет в объятия этого лакея»¹⁰. Всех людей революция делает нереальными — тенями. Введя, при этом, каждого человека в пустоту относительно «сегодня», революция, говорит Розанов, бесконечно «огорчила и сквасила» людей и «прокисла» целый век. И поэтому, философ делает вывод, что «революция умрёт разом и вся, как только душа человеческая, наконец, пресытится зрелищем этого монотонного вранья, хвастовства и самовлюблённости. Она умрёт эстетически. Ну, а такие вещи не воскресают. Людям будет вообще гадко глядеть на эту ораву хвастунов, лгунов и политических хлыщей»¹¹.

Размышления философа оказались пророческими, новый послереволюционный строй не оказался прочным — «и “новое здание”, с чертами ослиного в себе, повалится в третьем-четвертом поколении»¹². С глубокой скорбью и горечью Розанов пишет о последствиях революционного разорения нашей родины. «Дана нам красота невиданная. И богатство неслыханное. Это — РОССИЯ. Но глупые дети все растратили. Это РУССКИЕ»¹³.

Размышления Розанова на социально-политические темы не изложены системно, они противоречивы и неоднозначны для оценки, однако ему нельзя отказать в глубоком неравнодушии к судьбе своей родины и пронизательности в отношении сущности многих явлений.

И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

А. А. Стегнюшин
(ОмГПУ)

Опыт взаимодействия государства, общества и личности в истории не только представляет многообразие проблем для исследователей, но и позволяет расширить область применения специальных методов исторического исследования, что приводит к качественно новым результатам.

Одним из таких специальных методов является историческая биография, или новая персональная история. Историческую биографию вполне заслужено можно назвать самым популярным жанром исторических сочинений. Но сегодня представление об исторической биографии меняется.

В рамках исторической биографии внимание сосредоточивается на интерпретации поступков, всех форм деятельности человека. Рассуждая об этом, Л. П. Репина пишет: «центральное место следовало бы отвести ситуациям выбора, принятия решений, в которых наиболее ярко проявляется как свобода и креативность индивида, так и давление материальных условий, общественных норм, правил и стереотипов, рутинных поведенческих моделей, шаблонов мышления, груз предрассудков, известных прецедентов, накопленного жизненного опыта и сети межличностных связей, растроченных сил, несбывшихся желаний и надежд»¹. Анализ таких ситуаций выбора требует от исследователя сложной цепочки рассуждений, учитывающих и внешние ограничения, и рациональную стратегию индивида, и его эмоциональную составляющую, и другие — более скрытые не до конца осознанные цели.

Новый взгляд на исследование политической истории России и революционного движения в России может дать биография Ираклия Георгиевича Церетели. Ираклий Георгиевич Церетели — один

¹⁰ *Николюкин А. Н.* Розанов. — М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2001. С. 29.

¹¹ *Розанов В. В.* Мимолётное. М.: Республика, 1994. С. 195

¹² *Розанов В. В.* Уединенное. М.: Современник, 1991. С. 36.

¹³ *Шульгин В. Н.* Русский пророк — консерватор Розанов // Золотой лев. Издание русской консервативной мысли. 2006. № 97–98.

¹ *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI, социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 324.

из ярких представителей партии меньшевиков, его думскую деятельность, работу в Петроградском Совете, министром внутренних дел, а позже почт и телеграфов во Временном правительстве, а затем в создании Грузинской демократической республики высоко ценили современники.

Показательным в биографии И. Г. Церетели является момент участия в заседании Учредительного Собрания 5 января 1918 года, т. к. именно на этом заседании он оказывается в сложной ситуации выбора, где ему приходится принимать трудное решение. К тому же, данный сюжет биографии И. Г. Церетели поможет взглянуть на историю Учредительного Собрания с другого ракурса, изнутри.

Учредительное собрание в нашей историографии получало либо негативную оценку, направленную на легализацию власти большевиков и роспуска Учредительного Собрания, либо просто забывалось и не рассматривалось. Но сегодня мы встречаемся с многообразием оценок Учредительного Собрания.

Ситуация выбора — центральная проблема в рамках исторической биографии. Именно в ситуации принятия решения Церетели учитывает все обстоятельства, которые повлияли на его выбор. С одной стороны — это внешние обстоятельства: сложная обстановка на самом заседании, связанная с превосходством большевиков; отсутствие четкой стратегии меньшевиков на заседании Учредительного Собрания, ошибки Временного Правительства и просчеты Петроградского Совета, которые вменяли И. Г. Церетели. С другой стороны — это личная позиция смело идти вперед, отстаивая интересы партии и переживания, связанные с неудачной политикой в 1917 году. Возможно, осознавая силу своего ораторского искусства, И. Г. Церетели надеялся использовать возможность выступления перед Учредительным Собранием и продолжить борьбу.

На учредительном Собрании И. Г. Церетели предстает как политический лидер, который, несмотря на сложившуюся ситуацию, твердо верит в демократию и продолжает идти до конца, не отступая от своей позиции. С одной стороны, принимая решение в пользу продолжения борьбы, он, скорее всего, действительно рассчитывал на поддержку значительной части депутатов, и как революционер-практик не мог упустить шанс предпринять последнюю попытку. С другой стороны, он четко знал, что сделал всё что мог, и упрекать себя ему было не за что.

Одной из задач доклада, является выяснение мотивов принятия И. Г. Церетели такого решения, восприятие этой речи другими члена-

ми Учредительного собрания и обществом, значение речи в истории Учредительного Собрания и политической истории меньшевизма.

Выступление И. Г. Церетели на заседании Учредительного собрания, было попыткой сделать Учредительное Собрание реальной политической силой. На выступление И. Г. Церетели, безусловно, сказались его думская деятельность, и работа во Временном Правительстве. Таким образом, биография И. Г. Церетели делает возможным более детальное, а может и принципиально новое изучение истории партии меньшевиков, истории правовых институтов и многих других аспектов истории России.

КОНЦЕПЦИЯ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. И. МИХНОВСКОГО

А. Б. Страхов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Рубеж XIX–XX вв. — эпоха небывалого подъёма украинского самосознания. Как в Российской, так и в Австро-Венгерской империи прогрессивные украинские интеллектуалы вырабатывали самые разнообразные сценарии будущего украинской нации, которые в общем делились на два потока — русофильские и украинствующие. Стоит отметить, что русофильские настроения преобладали среди австро-венгерских подданных, например, активным приверженцем единства русского народа был О. А. Мончаловский¹. В то же время украинские деятели, бывшие российскими подданными, чаще всего выступали за полную политическую независимость объединённой Украины. Для достижения этой цели предлагались самые разные варианты. Наиболее интересным среди них можно считать концепцию Н. И. Михновского (1873–1924).

Творческое наследие Михновского невелико, однако именно он был одним из первых, кто указал на роль украинской национальной интеллигенции в достижении независимости родной страны. Обоснование этой идеи он изложил в своей брошюре «Самостійна Україна» (1900) (далее все переводы докладчика — А. С.), ставшей программным текстом так называемого самостийництва. Кроме того, данные идеи прослеживаются и в других дошедших до нас текстах Михновского.

В «Самостоятельной Украине» Михновский рассматривает содержание текста договора запорожского войска с русским царем Алексеем Михайловичем, заключенного в марте 1654 г. (Михновский называет его «Переяславской конституцией») как акт конфедеративного объединения украинской республики и московской монархии. Однако со временем, продолжает он, «договор был сведён на нет насильем, обманом и хитростью одной из сторон, но другая сторона уже погуби-

ла не только право распоряжаться своей долей, но даже право на протест, так как своим многовековым молчанием она освятила незаконные деяния, и то, что было присвоено кривдой, на основании давности лет сделалось законным»².

По мнению Михновского, мириться с такой ситуацией нельзя, необходимы радикальные преобразования: «Одна, единая, неделимая, вольная, самостоятельная Украина от гор Карпатских до гор Кавказских»³. В то же время Михновский признаёт, что «нация наша в общей культурности с момента подписания договора 1654 г. очень мало продвинулась вперёд»⁴. Виною этому — украинская интеллигенция, которая никогда ранее не действовала в интересах своей нации. Более того: Михновский считает, что украинская интеллигенция — это та дань, которую приносил украинский народ своим поработителям. Всего он выделяет три этапа развития украинской интеллигенции. Первый — это XVI–XVII вв., когда «сильная, просвещённая и культурная интеллигенция Украины приняла... польскую национальность»⁵. Второй — XVIII–XIX, когда украинская интеллигенция «приняла русскую национальность»⁶. Несмотря на такие тяжёлые потери, продолжает Михновский, украинский народ нашёл в себе силы породить новую, третью интеллигенцию. «Если третья интеллигенция обладает органичной связью с украинской нацией,.. единственная сознательная часть украинской нации, то кормило национального корабля принадлежит ей»⁷.

В то же время Михновский требует от интеллигенции не только и не столько умственных усилий, просветительской работы, сколько активных действий: «Третья украинская интеллигенция поднялась для борьбы за свой народ, для борьбы кровавой и беспощадной. <...> Война эта будет вестись всеми способами, и борьба культурная будет вполне соответствовать борьбе физической, силовой»⁸. Впрочем, в поздней работе «Дело украинской интеллигенции в программе Украинской народной партии» (1904) Михновский не разделяет действий своих соотечественников, которые влились в общероссийские

² Перевод по: Самостійна Україна. К.: Діокор, 2002. С.34.

³ Там же. С.36–37.

⁴ Там же. С.38.

⁵ Там же. С.39.

⁶ Там же. С.39.

⁷ Там же. С.39–40.

⁸ Там же. С.41.

¹ См., напр., его работу «Главные основы русской народности», Львов, 1904.

революционно-демократические кружки, и отстаивает идею борьбы украинской интеллигенции сугубо за национальные интересы. Кроме того, он провозглашает необходимость борьбы за права народа на национальное образование, что, скорее всего, означало бы ещё большее развитие украинской интеллигенции.

Таким образом, Михновский считает, что украинская интеллигенция должна сгладить свою вину перед нацией и возглавить революционное движение на Украине, занимаясь одновременно просвещением и вооружённой борьбой. В то же время все организации, которые он создавал для этой цели, через некоторое время принимали идеи массовой революции, что вынуждало Михновского покидать их и создавать новые. Интересным выглядит и следующий факт: хотя национализм Михновского противоречил официальной идеологии молодого Советского государства, можно сказать, что именно Советская власть с помощью политики украинизации претворила в жизнь идеи пламенного борца за независимое украинское государство.

СЛОЖНЫЙ ВЫБОР РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ЗА ИЛИ ПРОТИВ? (К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ОКТЯБРЯ 1917–1918 гг.)

И. Н. Стрекалов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Октябрьская революция 1917 года имеет огромное значение в истории России XX столетия, впрочем, как и XXI-го. Не могли оставаться в стороне, прежде всего, представители интеллигенции. В данном исследовании предполагается изучить позиции данной социальной группы по вопросу о том, в какую сторону — положительную или отрицательную — изменилась жизнь в Российском государстве после революции 1917 года.

Выдвигается гипотеза о том, что разные представители интеллигенции неоднозначно рассматривают и оценивают события октября 1917–1918 гг. в контексте борьбы дореволюционных сил — «белых» — и революционных, т. е. «красных». При рассмотрении поставленной проблемы анализируются материалы архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США). В частности, сконцентрировано внимание на представленных и изученных д.и.н. А. В. Квакиным дневниковых записях одного из представителей интеллигенции в работе «В. П. Аничков. «Екатеринбург. Революция»»¹.

Любопытные воспоминания «Екатеринбург. Революция» о тех временах оставлены Владимиром Петровичем Аничковым, бывшим управляющим Симбирского отделения Волго-Камского банка, главой Алапаевского округа.

Во-первых, отчётливо заметно в записях Аничкова трагическое осознание положения интеллигенции. Он пишет: «Да, мы гибли, гибли, ...нас, интеллигентов и буржуазии, была горсточка, а их миллионы

¹ *Квакин А. В.* В. П. Аничков. «Екатеринбург. Революция» (Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии профессора МГУ А. В. Квакина) // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. Выпуск 10. 2001. № 19. С. 57–74.

и не только крестьян, которые слепо шли за коммунистами, но и рабочих на Урале было много сотен тысяч»². Народ, наряду с позитивной возможностью свергнуть руками революционеров малоэффективный царизм, получил в то же время весьма негативное средство — свободу действий. В сознании простых людей легко открывается поток не только положительного и приемлемого для новых времён, но и отрицательного. Именно этим и страшна революция, по мысли Аничкова, видевшего это своими глазами, — массы нельзя остановить.

Во-вторых, в записях мы видим мысли о России и недопонимания и негативной оценки Октябрьской революции. Свои мысли Аничков излагает, укрываясь с семьёй в лесу недалеко от своего имения, когда боятся, что вот-вот в дом нагрянут комиссары, заберут и поведут на расстрел. Понимая всё происходящее, Аничков, сидя в лесу, размышляет о России. «Мне ясно представлялась неизбежность расстрела, ведь расстреляли же Фадеева, Мокроносова, Чистосердова.... Какое преступление сделал я перед моей Родиной, перед русским народом? ...Быть может, задавал я себе вопрос, моя вина заключается в том, что я рождён на свет дворянином? Предположим, но, если это составляет преступление, то виновен ли я в нём?»³. Аничков отрицает насилие «красных», не желает его ощутить на себе и своей семье.

В-третьих, достаточно основательно Владимир Петрович критикует большевистскую теорию. «Пролетарий, и каждый в отдельности и в целом, обладает теми же клыками хищничества, что и капиталист. Его стремление к собственности, к богатству, отнюдь не меньшая, чем у капиталистов. Этот последний ...руководствуется реальными возможностями, здравым смыслом. У пролетариата же действует, скорее, не разум, а инстинкт. Его требования часто неосуществимы»⁴. Мысли Аничкова невольно пересекаются с положением о «священной» собственности во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года. По мысли Аничкова, пролетариат ещё больше желает быть собственником, чем сам капиталист, тем более, в революционной ситуации, когда у него есть реальный шанс силой захватить собственность. Более того, Аничков показывает несостоятельность большевизма через противоречие его христианскому учению. «Но эта раздача своего

имущества, прежде всего, должна была быть добровольной. Мог ли бы попасть в это царствие человек, у которого насильно отняли все его состояние. Конечно, нет, ибо в этом предложении Христа главную роль играла добровольная жертвенность.... Поэтому своё царствие земное Ленин осуществляет насильственным отнятием собственности для передачи таковой казне. <...> Что же может из этого получиться как не полное рабство всего населения страны перед правителями...»⁵.

Квинтэссенцией вышеуказанных мыслей в дневнике В. П. Аничкова становится его решительный шаг вступить на борьбу с революционными силами «красных»: «Нет, я должен не только саботировать коммунизм, а с оружием в руках, пока ещё не поздно, бороться с ним.... А там ещё посмотрим: хоть простыми солдатами, а постоим за правое дело»⁶.

Противоречия в позициях представителей интеллигенции при оценке событий октября 1917–1918 гг. заметны в разговоре В. П. Аничкова с Василием Васильевичем Чернявским. Последний стремится убедить Аничкова в необходимости сотрудничать с Советской властью и в его неспособности реально сопротивляться большевикам:

– Позвольте, позвольте, не буду спорить с Вами, ...но, однако бороться теперь против них нам, по крайней мере, бесполезно, если не глупо. ...Где Вы найдёте реальную силу, которая могла бы победить их. Такой силы нет.

– А я верю, что она есть, верю в разум народа и думаю, что те же штыки, опираясь на которые они захватили власть, свергнут и их, быть может не сейчас, но я верю, что это будет.

– Ох, подумайте над моими словами, я их не зря говорю Вам.

– Нет, избавьте: служить коммунизму не могу, и слишком я люблю Россию, чтобы встать в ряды Интернационала.

– Поживем, увидим»⁷.

В разговоре показаны идейно два совершенно разных человека, оказавшихся в одной и той же исторической ситуации. Чернявский стремится убедить, что пора идти к большевикам работать, но Аничков выражает свою, известную нам линию о сопротивлении Советам.

Особый интерес представляет отрицательная оценка «белого террора», также имевшего место в рассматриваемый период. Об ужасе «белого террора» рассказывает В. П. Аничкову профессор Грум-

² Museum of Russian Culture San Francisco. *Коллекция В. П. Аничкова* // Архив Гуверского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Гржимайло: «Я шел по заводу и увидел толпу людей, стоявших у ворот.... На дворе было выстроено, несмотря на мороз в 25 градусов, в одном белье и без сапог шеренга людей ...и вот теперь над ними шла казнь. Казнь эта состояла в том, что один какой-то солдатик из Белой армии прокалывал их штыком в живот... Другие лежали на снегу в крови и переживали предсмертные судороги, иные уже заснули вечным сном»⁸. Рассматриваемый фрагмент показывает, что профессор не одобряет методов белогвардейцев, не желает занять их позицию в революционных событиях октября 1917–1918 гг.

Проанализированные нами материалы воспоминаний интеллигентов 1917–1918 гг. и обозначенные в них позиции по отношению к данному историческому периоду позволяют сделать вывод о том, что, действительно, не было согласия во мнениях внутри интеллигенции о современных им событиях. Как ни странно, история повседневной жизни интеллигенции в очередной раз доказывает: Октябрьская революция 1917 года, а также её колоссальные для Российского государства последствия не могут подвергаться однозначной оценке.

«НАША ЗАДАЧА — УЛОВИТЬ ОППОЗИЦИОНЕРА»: СТАРЫЕ БОЛЬШЕВИКИ И УБИЙСТВО С. М. КИРОВА

*Е. Л. Суббота
(РГАСПИ)*

Общество старых большевиков (далее — ОСБ) было создано 28 января 1922 г. по инициативе В. И. Ленина. Согласно уставу, принятому 5 февраля 1922 г., членами общества могли быть большевики, имевшие непрерывный партийный стаж не менее 18 лет. А основной задачей общества считалось содействие РКП(б) в деле укрепления или «выпрямления партийной линии».

С момента создания Общества и вплоть до закрытия в 1935 г. на его общих собраниях обсуждались политические вопросы. Как правило, эти вопросы касались участия тех или иных членов ОСБ в оппозиции. Наиболее острые дискуссии в среде старых большевиков разгорелись в 1925–1928 гг., когда обществу необходимо было сформулировать единую точку зрения на отношение к оппозиции. И такая точка зрения была выработана: все, несогласные с линией руководства партии, исключались из общества. Так, 1 ноября 1927 г. заочно были лишены членских билетов Зиновьев, Преображенский, Серебряков, Троцкий.

Дискуссии второй половины 1920-х гг. стали для членов общества последними. Если в 1920-х гг. вопрос об исключении из ОСБ партийцев, подписавших те или иные программные заявления оппозиционеров, бурно обсуждался, а сами оппозиционеры находили защитников из среды старых большевиков, то с начала 1930-х гг. исключение из общества по политическим мотивам стало, чуть ли не формальностью. При аресте того или иного старого большевика органами ОГПУ Президиум Центрального Совета Общества (орган, руководящий всеми текущими делами Общества) автоматически считал арестованного выбывшим.

Убийство С. М. Кирова в декабре 1934 г. было воспринято членами Общества относительно спокойно. В декабрьские повестки дней заседаний Президиума Центрального Совета Общества в качестве дополнительных были включены вопросы об увековечивании памяти Кирова — установке памятника, создании мемориальных досок на всех зданиях, где работал Киров, издании сборника воспоминаний о

⁸ Museum of Russian Culture San Francisco. Коллекция В. П. Аничкова // Архив Гуверского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США).

нем¹. Никто из руководящего состава Общества не мог и подумать, что спустя всего несколько недель придется проверять состав Общества, искать в нем людей, связанных тем или иным образом с убийцей первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б).

В начале января 1935 г. в Ленинграде было арестовано несколько членов Общества старых большевиков. Все они обвинялись в создании контрреволюционной антипартийной группировки, ставившей своей целью заговор против Кирова и смену ленинградского партруководства. Следователи НКВД, руководившие допросами арестованных, назвали следственный процесс «Агентурным делом «Заноза»². Причиной арестов старых большевиков, как можно судить по документам, были их неосторожные разговоры в среде партийцев.

Так, по донесениям сотрудников НКВД, Иван Петрович Рекстин «крошил партийное руководство и в особенности тов. Кирова», «называл Кирова выскочкой, присланной из Москвы, чтобы отшельмовать лучших питерских большевиков», «ругал площадной бранью Кирова, и Сталина называл таким же сукиным сыном, как Кирова»³. Сам Рекстин на допросе не стал опровергать эти обвинения, признавшись в том, что «стал раздувать... в узком кругу своих друзей нелепые слухи против партийного руководства, распространял среди них преступный пасквиль на биографию члена Политбюро т. Кирова, о котором мне сообщил т. Десов (первоначально об этом делал информацию на закрытом партактиве т. Позерн)»⁴. Тем не менее, Рекстин делал упор на то, что не имеет ничего общего с антипартийными группами и к делу убийства Кирова не причастен.

Январские аресты вызвали необходимость срочно обсудить сложившуюся ситуацию. В Ленинграде было созвано общее собрание членов Ленинградского отделения ОСБ, которое, по иронии судьбы, было создано при непосредственном содействии Кирова. На собрании говорилось о том, что члены общества «потеряли бдительность», «вели разговорчики», «не сумели разоблачить лицо классового врага». Член ОСБ Иванов восклицал: «Как могло получиться так, что в Смольный просто проник злоумышленник и совершил убийство? Это говорит о

том, что мы действительно потеряли чутье... Когда приезжаешь в Москву, там всегда задают вопрос — как это мы допустили такое дело?.. У нас были такие настроения — у этого человека заслуги, парень это свой. В результате такого положения мы и дошли до настоящих печальных фактов»⁵. Другой член Общества призывал: «Когда видишь какого-нибудь бывшего зиновьевца который со слезами на глазах кается, что он отошел от оппозиции, работал и прочее,.. надо поступать с ним, как с белогвардейцем... Надо изучить друг друга хорошенько. Кто как живет. Мы подчас совсем не знаем, а внутри нашего общества мы должны быть так тесно спаяны, чтобы мы друг друга знали до ниточки и могли друг за друга поручиться»⁶.

В феврале 1935 г. было арестовано еще несколько членов Общества, среди которых был заместитель председателя Центрального Совета Общества Александров И. И. Они обвинялись в участии в троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группировке. Ввиду этого Центральный Совет Общества старых большевиков издал постановление, которое в секретном порядке рассылалось в другие отделения Общества. В постановлении говорилось: «Президиум Общества, на основании принятых им решений, предлагает Вам проявлять впредь максимальную бдительность в приеме и обязательно требовать от каждого принимаемого в Общество товарища четкого письменного ответа о своем отношении к оппозиции...»⁷.

Тем не менее, меры, принятые руководством Общества старых большевиков, не помогли уберечь его от закрытия. В мае 1935 г. Общество было ликвидировано, и аресты старых большевиков проводились уже без каких-либо дискуссий в их среде.

¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 3. Д. 82. Л. 65, 101, 151 и др.

² РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 129. Л. 62.

³ Там же. Л. 62, 65.

⁴ Там же. Л. 66. Отметим здесь, что Десов и Позерн также были членами Общества старых большевиков, причем первый из них на момент взятия допроса уже фигурировал по агентурному делу «Заноза».

⁵ Ф. 124. Оп. 3. Д. 371. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 11–11об.

⁷ Ф. 124. Оп. 3. Д. 361. Л. 140.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНАТСКОЙ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х — 1930-е гг.

*Е. С. Сукоркина, А. В. Ахметова, к.и.н.
(КнАГТУ)*

Изучение процесса становления школьного образования у коренного населения в 1920–1930 гг. может помочь выявить проблемы современного школьного образования, путем осмысления опыта прошлого.

Перед советским государством стояла задача ликвидации неграмотности коренного населения, несмотря на слабую материальную базу, нехватку квалифицированных кадров, недостаточное внимание общественных организаций к школе, отсутствие пригодных помещений для школ¹.

В конце 1923 г. во всех губернских городах Дальнего Востока были созданы отделения Всероссийского общества «Долой неграмотность». С этого времени работа по ликвидации неграмотности и малограмотности приобрела массовый характер².

К июлю 1925 г. в пределах Дальневосточной области было организовано для коренных народов 11 школ первой ступени: 1 — для гольцов, 2 — для гиляков, 2 — для якутов и тунгусов, 2 — для сахалинских ороков и гиляков и 4 — для народностей Камчатки. Но многие из них не работали из-за нехватки учителей, знающих местный язык, отсутствия помещений, учебного оборудования и пособий³.

¹ Ахметова, А. В. Образование и воспитание коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. / А. В. Ахметова // Дискуссия. — 2012. — №10. — С. 147–151.

² Комитет Содействия Народностям Северных окраин от 15 октября 1931г. №1104 // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 137, Оп. 2, Д. 6а, Л. 15 Об.

³ Список национальных школ всеобуча на 1936/1937 год // ГАХК Ф. 137, Оп. 10, Д. 242, Л. 41 Об.

В целях разработки необходимых рекомендаций для учителей Дальнего Востока и повышения их активности, ДальОНО в эти годы проводило ряд совещаний и съездов краевого масштаба. С целью улучшения организации методической работы с учительством Дальнего Востока, в октябре 1925 г. при ДальОНО был создан научно-методический совет, который строил свою работу по методическому руководству с учителями. Школы райцентров должны были служить образцом для всех школ района и быть методическим центром.

По данным архивных документов, в 1936 г. туземная начальная школа с. Хумми располагала одним учителем на двадцать учащихся⁴.

Значительная часть коренного населения Севера вела кочевой и полукочевой образ жизни, а та, что перешла к оседлому, располагалась в небольших поселках, находящихся на далеком расстоянии друг от друга. Поэтому обычные школы были непригодны в условиях Севера. Здесь был нужен другой тип школы, соответствующий своеобразию жизни и быта коренного населения⁵.

Впервые вопрос о необходимости районизации в школьном деле был обоснован Камчатским губревкомом в 1923 г. Смысл районизации сводился к тому, чтобы отказавшись от небольших школ, создать укрупненные школы с интернатами в центральных районах.

В проектах предусматривалось построить для каждой школы учебный корпус на 5 классных комнат, интернат на 130–150 чел. квартиры для учащихся, баню, погреб, сарай и хозяйственные службы. Учитывая ограниченность средств и сложность строительства в отдельных случаях предусматривались исключения. Местом для районной школы выбирались населенные пункты, которые располагали свободными строениями или вновь построенными школами.

При культбазах создавались школы-интернаты. Свой первый учебный год школа-интернат культбазы начала с 16 учеников. Учащиеся школ были разделены на 2 группы — старшую и младшую. Обучение детей старшей группы было рассчитано на 3 года, на протяжении которых они готовились для работы в кооперации, заготпункте и даже в советском аппарате. Обучение детей младшей группы было расчи-

⁴ Вопросы техникума и ВУЗа в туземных районах Крайнего Севера 1934 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3977. Оп.1. Д. 1088. Л. 43.

⁵ Ахметова, А. В. Образование и воспитание коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. / А. В. Ахметова // Дискуссия. 2012. №10. С. 147–151.

тано на 7 лет и имело цель готовить специалиста узкой профессии: ветеринара, медсестру и др.

Таким новым типом стали школы — интернаты, где дети не только учились, но и жили в течение всего учебного года, получая от государства бесплатное питание, одежду, белье, имея возможность основательно овладеть новыми культурными навыками⁶.

С 1925–1926 учебного года Народный комиссариат просвещения РСФСР начал оказывать районам Крайнего Севера финансовую помощь для обустройства новой интернатской системы. Из средств госбюджета в этом году было отпущено 138 тыс. р. На эти деньги содержалось шесть школ-интернатов. В 1926–1927 учебном году количество госбюджетных школ на Севере возросло до двенадцати⁷.

С началом перехода к всеобучу в национальных районах началось стремительное строительство интернатов при существующих школах.

Если в 1929–1930 учебном году в Чукотском национальном округе имелся 1 интернат, то в 1930–1931 учебном году их стало уже 4, в 1932–1933 учебном году 10, в 1933–1934 гг. — 17⁸.

Наряду со школами-интернатами открывались в отдельных юртах и стойбищах временные школы. Эти школы сыграли большую роль в расположении к ним местного населения и смогли охватить значительно большее количество детей.

В общем, условия в интернатах были плохими, дети не соблюдали санитарные условия, кроватей многим не хватало, и приходилось спать по несколько человек, некоторые интернаты не разделялись по половому признаку, и мальчики и девочки спали в одних комнатах⁹.

Значение школ интернатского типа трудно переоценить. Они не только способствовали улучшению организации учебно-воспитательного процесса, но и давали возможность избавить детей

от навязчивого влияния шаманов. В 1928–1929 гг. на Дальнем Востоке функционировало 29 школ для народностей Севера¹⁰.

Открытие школ с приходящим составом учащихся, школ с интернатами и школ-интернатов при культбазах, где учащиеся могли не только учиться, но и жить на полном государственном обеспечении, имело как положительные, так и негативные последствия. Дети часто отдалялись от своих родителей, что влекло за собой утрату сложившегося в течение нескольких поколений образа жизни¹¹.

Тем не менее, остались так и нерешенными некоторые задачи, стоящие перед Советским государством. Можно сказать, что осуществление закона о всеобщем начальном обучении детей школьного возраста, повсеместное открытие школ-интернатов выдвигали на повестку дня задачу развертывания борьбы за осуществление всеобщего обязательного семилетнего обучения детей 7–15 лет. Нападение Германии вынудили отложить реализацию решения данных проблем.

Интернатская система образования оказала большое влияние на коренное население, как положительное, так и отрицательное. Можно сказать, что большое количество детей было охвачено образованием, внедрялись новые культурные нормы, это было необходимо для приобщения населения к новым условиям жизни. При этом дети подолгу были оторваны от своих родителей, что приводило к утрате связей между поколениями. Дети в школах обучались новым несвойственным им культурным нормам, утрачивали свой язык, обычаи, традиции, что вело к обрусению коренного населения. Многие после обучения не хотели идти работать на промыслах, а уезжали в город продолжать обучение. Это отрицательно сказывалось на развитии национальных хозяйств.

Таким образом, советское государство при переводе на интернатскую систему обучения порождало иждивенческое отношение к жизни у коренного населения. Тем не менее, советское государство стремилось привлечь коренное население к управлению своими территориями, что было возможно сделать только с помощью образования, которое было невозможно без интернатов, где дети могли долгое время находиться и обучаться одновременно

⁶ *Ахметова, А. В.* Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925–1985 гг.) / А. В. Ахметова. Владивосток: Дальнаука, 2013.

⁷ *Севильгаев Г. Ф.* Народное образование на Дальнем Востоке России XVIII в. — 30-е годы XX в. / Г. Ф. Севильгаев. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001.

⁸ Вопросы техникума и ВУЗа в туземных районах Крайнего Севера 1934 г. // ГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1088. Л. 43.

⁹ Институт народов Севера НИА методическая секция // ГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1088. Л. 45.

¹⁰ *Иващенко Л. Я.* Современные российские просветители и исследователи Дальневосточных народностей Севера / Л. Я. Иващенко. Владивосток: Дальнаука, 1996. 143 с

¹¹ *Путинцева А. П.* Дневники Красной юрты / А. П. Путинцева. Хабаровск: Краеведческий музей им. Гродекова, 2010. 349 с.

**ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
СОЦИАЛИЗМА В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПАРТИИ
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ 1931 Г.)**

*А. Ю. Суслов, к.и.н.
(КНИТУ)*

Важной предпосылкой создания научной истории российской многопартийности является публикация и изучение источников, прежде всего, собственно партийного происхождения — документов съездов, советов, конференций, иных форумов. Последние десятилетия значительно обогатили отечественную науку солидными документальными публикациями, однако наследие политических партий в эмиграции после октября 1917 г. пока еще не получило достаточного внимания.

Эсеровская эмиграция оставила большое идейно-теоретическое наследие, в том числе мемуарные и исторические работы (многие из которых не опубликованы), непредвзятое изучение которых представляет немалый научный интерес. Это касается не только творчества В. М. Чернова, но и целого ряда других социалистов неонароднического толка.

Пражская группа ПСР официально была организована в ноябре 1922 г. Она насчитывала около 40 членов и была, наряду с парижской, одной из ведущих в эсеровской эмиграции. Именно пражская группа эсеров выступила с инициативой проведения в 1931 г. теоретической конференции, посвященной обсуждению актуальных вопросов партийной программы в свете изменений, происходивших в Европе и Советском Союзе¹. Материалы этой конференции по-своему уникальны, так как социалисты-революционеры фактически не обсуждали на своих партийных форумах в эмиграции (имеются в виду съезды 1923 и 1928 гг. в Праге и Париже) концептуальные вопросы, занима-

¹ См.: Суслов А. Ю. Конференция партии социалистов-революционеров в Праге (1931 г.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №11 (58). С. 172–175.

ясь, главным образом, организационными проблемами. Материалы данной конференции, за небольшим исключением, не опубликованы и не введены в научный оборот². Всего было проведено 18 заседаний, обсуждено 7 докладов. Эсер В. С. Минахорян писал об этом товарищу по партии М. И. Кляверу из Праги в Харбин 15 мая 1931 г.: «Занятия нашей конференции затянулись дольше... мы провели 18 заседаний, обсудили 7 докладов и надеюсь в ближайшее время послать вам копию всех протоколов с тезисами докладчиков через Шанхай, чтобы и там можно было с ними ознакомиться. Вопрос о созыве съезда Э[аграничной] О[рганизации] ПСР, как вы уже знаете из писем О[бластного] К[омитета], достаточно созрел, но съезд без предварительной разработки вопросов, подлежащих его рассмотрению, по мнению почти всех товарищей в Праге, лишен всякого смысла»³.

Примечательно, что в работе конференции не принимал участия один из лидеров партии В. М. Чернов, находившийся в тот момент в Праге. Очевидно, он не был приглашен на конференцию в результате острых конфликтов в рядах социалистов-революционеров в эмиграции.

В центре внимания на конференции 1931 г. находились вопросы социально-экономического и политического устройства будущей, постбольшевистской России, и формулирование позиции партии социалистов-революционеров по этим проблемам. Уже в первые годы своей деятельности в рядах зарубежных эсеров отчетливо обозначились два идейно-политических течения — правое и левоцентристское. Главным их отличием было разное видение перспектив постреволюционной России. Если правые фактически являлись сторонниками буржуазно-либеральной модели общественного развития, то левоцентристы продолжали настаивать на необходимости строительства демократического социализма на российской почве.

Программа ПСР претерпела значительную эволюцию после 1917 г. Правые эсеры все более склонялись к демократическим, а не социалистическим методам государственного регулирования экономики и организации хозяйства. В общих чертах такая позиция сложи-

² Часть выступления И. И. Калюжного опубликована Е. И. Фроловой. См.: Фролова Е. И. Об «интегральном социализме» (Из выступления И. И. Калюжного на Пражской конференции эсеров 1931 года) // Факты и версии: Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. СПб., 2002. С.80–87.

³ ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 56.

лась уже к 1923 г. В эмигрантский период своего существования и эсеры, и меньшевики отстаивали концепцию «смешанной» экономики, подчеркивали значение в деле восстановления России иностранного капитала⁴. Обе партии уделяли особое внимание государственному регулированию хозяйства и оставляли в руках центральных властей важнейшие экономические рычаги.

Остановимся лишь на одном аспекте эволюции взглядов пражских эсеров — рабочем вопросе. С докладом о рабочей политике ПСР в Праге выступил 34-летний эсер М. В.Кобяков. Ключевые моменты его выступления сводились к следующему:

Эсеры признавали привилегированное положение рабочего класса Советской России — пролетариат России в меньшей степени, чем другие слои народа, чувствует на себе тяжесть режима — лишения элементарных гражданских прав и гарантий личности, экономические, бытовые тяготы и т. д., в то же время, находясь в худших условиях, чем пролетариат капиталистической Европы.

По мнению эсеров, особое положение пролетариата России, где сплоченность и организованность возлагают на него большую и ответственную задачу по преодолению диктатуры ВКП, ни разрозненное крестьянство, ни терроризированная интеллигенция, ни порознь, ни вместе не способны победить режим Сталина. Решающее слово в этой борьбе населения с коммунистической диктатурой принадлежит промышленному пролетариату.

Эсеры выдвигали требования создания единой профессиональной организации рабочего класса, личной свободы как выбора рода и места работы, борьбы с безработицей.

ПСР должна стремиться к тому, чтобы в случае восстановления в России в каких бы то ни было формах частно-капиталистических отношений, перед трудящимися не затушевывались их задачи по борьбе с капиталистическими элементами общества.

Практические мероприятия, частично проведенные большевиками по улучшению условий труда и участию рабочих в управлении предприятиями, равно как и меры социальной охраны рабочих, должны быть и впредь закреплены за пролетариатом в порядке законодатель-

ства, обеспечивающего подъем материального и культурного уровня пролетариата⁵.

Таким образом, фактически социалисты-революционеры в эмиграции (по крайней мере, большинство их пражской группы) отказывались от лозунга классовой борьбы, предлагая направить ее в «русло культурных форм, в рамках законодательства, охватывающего и обеспечивающего все жизненные интересы рабочего класса», что говорит об эволюции ПСР в сторону социал-реформизма и сближения с европейской социал-демократией.

Конечно, этот процесс был далеко не завершен и неоднозначен. Показательно, что современный российский историк М. В.Соколов, анализируя Ташкентскую платформу ПСР, составленную ссыльными социалистами-революционерами в СССР, отмечает: «В конце 20-х гг. часть группы журнала «Воля России» (Е. Сталинский, В. В. Сухомлин, М. Л. Слоним), не принимая дикие методы сталинской коллективизации, была готова использовать ее результаты, то есть обобществление крестьянских хозяйств, а член редколлегии О. С.Минор готов был и вовсе оставить крестьян в колхозах. Эта линия подвергалась резкой критике со стороны А. Ф.Керенского и группы «Современных Записок». В декабре 1930 — марте 1931 г. проходила конференция Пражской группы ПСР, на которой звучали схожие мысли, и жестко осуждалась практика коллективизации»⁶.

Материалы конференции в Праге 1931 г. свидетельствуют о противоречивом характере трансформации партии социалистов-революционеров в эмиграции. Сильные стороны неонароднической модели — масштабность, гетерогенность социальной базы, опора на длительную традицию — парадоксальным образом привели эсеров к поражению. Народничество восприняло базовые ценности западной цивилизации, но пыталось смоделировать такую концепцию общественно-экономического развития России, которая, с одной стороны, учитывала ее исторические особенности и особенности менталитета ее народа, а с другой — взяв наиболее привлекательные черты и ценности западной цивилизации, оставляла за бортом ее не-

⁴ Ярцев Б. К. Политико-экономическая платформа российского народничества в 20-е гг. // Был ли у России выбор? (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996. С. 142–175.

⁵ Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.

⁶ См.: Соколов М. В. Дело «Реставрация». Ташкентская (1930 г.) платформа партии социалистов-революционеров // Российская история. 2012. №4. С.146–163.

гитивные черты и тенденции (реакцией на которые явилось, прежде всего, появление в самой западноевропейской общественной мысли и практике феномена социализма). По мере развития коллективизации и индустриализации в Советском Союзе партия социалистов-революционеров утрачивала свое революционное содержание, все сильнее выступали консервативные очертания.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ТРУДАХ М. А. ТЕРЕНТЬЕВА

О. Д. Тальская
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Михаил Африканович Терентьев — историк, юрист, непосредственный участник завоевательных походов в Среднюю Азию. Его перу принадлежит несколько важных с политической точки зрения работ по освоению Туркестанского края, часть которых была написана им по поручению генерала Кауфмана. Еще в XIX веке М. А. Терентьевым была написана «История завоевания Средней Азии»¹.

Книга вышла в трех томах лишь в 1906 году. Он очень подробно описал весь ход завоевания, основываясь на архивных документах Туркестанского генерал-губернаторства. Терентьев не обошелся без критики в адрес царской власти и, конечно, учел выводы английских исследователей, стремившихся создать образ «опасной России». Во введении к работе «Россия и Англия в Средней Азии» он говорит о некоей объективности данного труда: «Мой труд был уже передан в типографию, когда в Петербурге получены были книги Хуттона² и Раулинсона³. Я, конечно, тотчас же воспользовался теми данными, какие мне не были еще известны и пополнил ими свою работу. Таким образом, читатель найдет у меня не только подробности о наших последних сношениях с ханствами и с Англией, но и все, что было говорено иностранцами по поводу наших возможных целей. В нашей среднеазиатской политике никаких секретов нет. Кто ведет дело начистоту, кто не прибегает к закулисным интригам, а с открытым челом вступает в бой — тому не придется краснеть за свои слова и за свои действия»⁴.

¹ *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. 1–3, СПб., 1906.

² *Hutton J.* Central Asia: from the Aryan to the Cossack, London, 1875.

³ *Rawlinson H.* England and Russia in the East, London, 1875.

⁴ *Терентьев М. А.* Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1875. С. 4.

Изучая быт и нравы туземцев Туркестанского края, М. А. Терентьев выделял ряд особенностей. Он описывал ряд вещей, который сделались, своего рода, ритуалом в среде общения с жителями Средней Азии. В его трудах не только описывается поведение и особенности азиатов, но и даются советы. Как правильно себя вести, как понять, что тебя не обманут, как выгодно договориться — это необходимые знания для продуктивной коммуникации. К примеру, послам обязательно нужно владеть искусством преподносить подарки: «Обмен подарками сделался необходимою принадлежностью дипломатических сношений с азиатскими властителями. Ценность подарков служит мерилем уважения и страха»⁵.

Путешественники и военные чаще всего становились первыми «показательными» персонами в среде местного населения, они не только изучали нравы и обычаи туземцев, но и приносили в их жизнь новые порядки, поэтому форма взаимодействия со степными народностями наших путешественников и военных сильно сказывалась на восприятии ими образа империи. «Азиатцы делаются наглыми и дерзкими, как только заметят, что вы их боитесь, они не упустят случая воспользоваться вашею беспечностью, доверчивостью или оплошностью. Но если вы их не боитесь, если вы «себе на уме», если вы всегда готовы, если врасплох вас не захватишь, — вас будут уважать»⁶.

Такие выводы делал Терентьев, давая понять выгоду «правильного» с ними общения. Похожую позицию высказывал и известнейший путешественник Н. М. Пржевальский: «Вопрос в том, как выгоднее путешествовать: с видом ли неустрашимого победителя, грозя трусливому аборигену диких и некультурных стран культурной скорострелкой, или входя с ним в ласковые сношения человека-гостя — к человеку-хозяину, представляет весьма важный интерес»⁷.

Часто в записях о поездках и экспедициях, описывая территорию, климат, внешний вид и образ жизни обитателей этой территории, авторы давали подробные исторические справки, печатали, помимо наблюдений, истории, рассказанные местными жителями, и делали важные выводы для наук политических. Михаил Африканович Терентьев тоже заключал, что изучение особенности национального характера — это ключевой момент в сношениях с ханствами. «Кого, как и где встретить, как принять, как проводить — это целая наука для

восточного человека: к одному он выйдет за ворота, подержит стремя, ответит коня под навес, другого встретит на пороге, придерживаясь за живот и кланяясь чуть не в пояс, для третьего только привстанет с ковра, четвертому только кивнет головой, пятого вовсе не заметит»⁸.

Отдельным, но очень важным сюжетом в изучении национального характера жителей Средней Азии является вопрос вероисповедания. Религиозный вопрос имел поистине важное значение в проводимом царским правительством курсе. Терентьев отмечал, что вопрос ассимиляции и религиозных предпочтений — вопросы будущего, но у России всегда было одно мощное средство — «равноправие». «До сих пор мы не только не допускали проповеди «Слова» мусульманам, но даже отвергали все просьбы туземцев, которые хлопотали о принятии их в православие»⁹.

Несмотря на свой «отчужденный» характер, политика в религиозной сфере зачастую натывалась на волну сопротивления. «Фанатизм питается именно нападками на религию и потому он составляет, так сказать, законную реакцию всякой чужой пропаганде. Приведу здесь слова одного авганца, близко знакомого и с англичанами и с русскими: «каждое воскресенье английские муллы выходят на базар доказывать, что Хазрети-Исса (Христос) больше нашего Пейгамбера (пророка) и что их вера настоящая, а наша ничего не стоит... Пейгамбера всячески поносят, кормят его грязью... вы русские этого не делаете, слух об этом дошел и в Индию — все вас за это хвалят»¹⁰.

Михаил Африканович Терентьев — уникальный участник событий походов в Среднюю Азию. Он оставил достаточно обширный материал для выявления и анализа политических аспектов присоединения Туркестана. Национальный характер местных жителей, их эмоциональные и когнитивные особенности — важнейшая база для ретроспективных политических конструкций и для выстраивания отношений с этим регионом в будущем.

⁵ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии, С. 330.

⁶ Там же. С. 335.

⁷ В. К. П. Жизнь за науку // Исторический вестник, май, Т. 40, 1890. С. 419

⁸ Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1875., С. 340

⁹ Там же. С. 352.

¹⁰ Там же.

**«КАК ХРУЩЕВ БРИТАНИЮ ОТКРЫВАЛ».
ВИЗИТ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ В 1956 г.**

*Alexander Titov, Dr
(Queen's University Belfast, UK)*

Одним из наиболее ярких событий хрущевской эры был, несомненно, визит Хрущева в США в 1959 г. Меньше известно о визите Хрущева в Великобританию в апреле 1956 г., который, тем не менее, послужил своего рода тестом будущего «большого» визита Хрущева на капиталистический Запад.

На основе воспоминаний и дневниковых записей членов советской делегации и принимавшей стороны, в докладе прослеживаются основные этапы пребывания Булганина и Хрущева, членов тогда еще «коллективного руководства».

На примере визита 1956 г. можно проследить как проявление основных мотивов Хрущевской внешней политики по отношению к Западу, так и главных черт восприятия нового советского руководителя западными лидерами.

В обоих случаях, на лицо характерная двойственность взаимоотношений, выразившаяся, с одной стороны, в желании наладить отношения в новую эпоху ядерного противостояния, а с другой, во взаимном недоверии, основанном не только на идеологических различиях политических систем, но и на значительной культурной и поведенческой разнице между руководителями двух стран.

**«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» ЭПОХИ ПОЗДНЕГО
СТАЛИНИЗМА: СТУДЕНТ-ЗАОЧНИК М. Н. ПЕРЕГУДОВ
ПРОТИВ «БОЛЬШИХ» ИСТОРИКОВ¹**

*В. В. Тихонов, к.и.н.
(ИРИ РАН)*

«Маленький человек» — фигура в сталинской политической культуре чрезвычайно важная, а главное — эффектная и эффективная. «Маленький человек — это вовсе не рабочий или колхозник, или мелкий служащий, как это может на первый взгляд показаться. Нет, это гражданин, который, не занимая высоких постов, рискует, но разоблачает больших начальников, совершивших крупные преступления... Маленький человек — это человек, стучащий громко и самоотверженно. Даже если он и не всегда прав: что-то додумывает, о чем-то сочиняет, сообщает непроверенные слухи, тем не менее, к нему следует прислушиваться и оберегать от притеснений местных, или ведомственных начальников»².

Являясь частью механизма функционирования социальной и идеологической системы, «маленькие люди» превращались в грозное орудие. Сам факт того, что к сигналам снизу внимательно прислушивались, должен был свидетельствовать о демократичности советского строя. В определенной степени «маленькие люди» выполняли функцию саморегуляции системы, указывая на вопиющие (но всегда «отдельные» и «единичные») недостатки, злоупотребления и нарушения социальной справедливости.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК–2627.2013.6)

² *Лейбович О. Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. 2-е изд. М., 2009. С. 148. См. также: *Лейбович О. Л.* Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции, Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С.161–176; *Сахаров А. Н.* Революционный тоталитаризм в нашей истории // *Сахаров А. Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 843–848.

Сигналам о неблагополучии в идеологической сфере придавалось особое значение как свидетельству «народной» борьбы против отклонений от линии партии. Среди работников науки и культуры Советского Союза (ученых, вузовских преподавателей, писателей и т. д.) таких своеобразных «маленьких людей» было немало. Это были мало кому известные провинциальные преподаватели, молодые специалисты, вспомогательные работники в академических институтах, студенты. Они противопоставлялись авторитетным ученым, представителям столичной интеллектуальной элиты, обросших званиями, материальными благами, и, как следствие, потерявших бдительность и запутавшихся в паутине личных пристрастий.

Классическим примером такого «маленького человека» в исторической науке был студент М. Н. Перегудов (имя и отчество неизвестны), отличившийся своей непримиримой борьбой против влиятельнейших историков своего времени. Объемное дело, связанное с этим человеком, сохранилось в материалах Отдела агитации и пропаганды при ЦК ВКП (б). В деле находятся письма самого Перегудова, разборы им исторических книг, а также письмо руководителя Отдела естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК ВКП (б) Ю. А. Жданова и его заместителя А. М. Румянцева на имя Г. М. Маленкова с кратким изложением всех перипетий дела и отчетом о проделанной работе.

Из материалов можно узнать, что Перегудов являлся членом ВКП (б), подполковником в отставке, студентом-заочником Московского педагогического института им. В. И. Ленина. Подробности его биографии не известны, но можно ее частично смоделировать. Скорее всего, перед нами бывший фронтовик, после войны поступивший по льготному набору в вуз на исторический факультет, поскольку обучение на нем открывало перспективы работы в отвечающих за идеологию органах. Его необычайный энтузиазм в разоблачении крупнейших советских историков свидетельствует либо о его неумных амбициях, помноженных на большую социальную активность, либо о неуравновешенности. А скорее всего и о том и о другом.

В течение 1948–1950 гг. он неоднократно писал письма о неблагополучном положении в советской исторической науке. В частности, он обвинял академика Б. Д. Грекова в том, что тот «перенес в советскую историческую науку и старый груз буржуазных воззрений, которые он впитал в себя с молодых лет»³. Но особенно досталось

обласканному властью крупнейшему специалисту по истории Древнего Рима Н. А. Машкину, который был обвинен в некритическом отношении к буржуазной историографии и ряде методологических ошибок, несовместимых с историческим материализмом. Обвинения, надо сказать, были вполне стандартными и вписывались в проходящие идеологические кампании борьбы против «объективистов» и «космополитов».

Такие письма не могли оставить без внимания. Как уже говорилось выше, реагирование на такие сигналы — элемент советской демократии. Тем более что Перегудов являлся бывшим военным и будущим педагогом, членом ВКП (б), то есть социально значимым элементом советского общества. Перегудова несколько раз вызывали на собеседование, где с ним обсуждались его претензии. Частично с его замечаниями соглашались. «Но, несмотря на то, что внешне эти беседы проходили в товарищеской обстановке, чувствовалось, что мои заявления... вызывали непонятное раздражение»⁴, — жаловался Перегудов. Особенно его обидело поведение историка П. Н. Третьякова, бывшего сотрудника Отдела науки и главного редактора журнала «Вопросы истории». Раздражение сотрудников объяснить легко. Поднимать новую волну и без того бесконечных проработок, проходивших в годы борьбы с «буржуазным объективизмом» а затем и «безродным космополитизмом», никто не хотел. Цели достигались и без помощи Перегудова. Никто не хотел конфликтовать с Б. Д. Грековым и Н. А. Машкиным, людьми чрезвычайно влиятельными.

Все же совсем без внимания такие заявления оставить было нельзя. Перегудову разрешено было опубликовать статью под названием «Вопросы исторического материализма в учебниках по истории» в журнале «Вестник высшей школы». Более того, «в связи с поступившими критическими замечаниями Отдел науки и высших учебных заведений ЦК ВКП (б) рекомендовал дирекции Института истории, редакциям журналов «Вестник древней истории» и «Вестник высшей школы» обсудить учебники по истории древней Греции и Рима»⁵.

«Правдоискатель» этим не удовлетворился и написал новое письмо в Отдел агитации и пропаганды, датированное 28 августа 1952 г. В нем он возмутился тем, что активно критикуемый им Н. А. Машкин получил (правда, посмертно) Сталинскую премию за монографию

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 295. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 13.

«Принципат Августа». Теперь досталось и П. Н. Третьякову, который, как выяснилось, «остаётся неразоруженным марристом»⁶.

Чем закончилась активность «маленького человека» Перегудова документы не сообщают. Скорее всего, смерть Н. А. Машкина (1950) и Б. Д. Грекова (1953) охладил его пыл. Может, случилось что-то еще. В данном случае гораздо важнее отметить, что действия таких «маленьких людей», в исторической науке являющихся проекцией сталинской политической культуры, могли вызвать довольно серьезные последствия. Они оказывались добровольными блюстителями идеологических норм. В то же время система взаимоотношений, сложившаяся между идеологическими органами и интеллектуальной элитой, могла и отторгнуть их притязания. Именно это, видимо, и произошло в случае с Перегудовым, чьи действия вызвали раздражение и не очень активную реакцию. Примечательно, что «маленькие люди» быстро исчезали из поля зрения, как отработанный материал.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЛИЧНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ П. Л. ЛАВРОВА

Л. И. Томей
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

«В истории социально-политической мысли, — пишет исследователь его наследия, — Лавров остался, прежде всего, как идеолог «пропагандистского» направления русского народничества, автор оригинальной программы переустройства России в «федерацию самоуправляющихся» общин и союзов. Свое мировоззрение Лавров сформулировал в ряде работ и публичных выступлений конца 1850-х — начала 1860-х гг.»¹. Проблему поиска национальной идеи он затрагивает в своих «Исторических письмах», рассматривая её через призму прогресса и роли личности в истории.

Считается, что национальная идея не ограничена определенной эпохой, а связывает все эпохи национальной жизни, обобщает всю историю данной национальности. Это положение можно рассматривать тремя способами:

Как «антропологический признак», привычка и культура нации, однако такая национальность застывает, костенеет, потому что мысли личностей, которые по идее своей даны миру для прогрессивного движения, либо не в состоянии направить общество к лучшей жизни, либо подавляются общественными формами. В любом случае, пишет Лавров, «господствует полный застой, и история общества превратилась в зоологические отправления»². Такие национальности уже не имеют влияния на развитие человечества: они обречены на историческую смерть, если не смогут возбудить в себе живые элементы.

Как «прирожденный антропологический элемент», структурный элемент мозга, определяющий развитие всех поколений. В таком

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 295. Л. 8.

¹ *Шириняни А. А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 523.

² *Лавров П. Л.* Исторические письма 4-е издание. СПб.: Типография Н. Н. Клобукова, 1906. С. 199.

рассмотрении национальная идея предстает как видовое различие человеческого рода, то есть существует «лишь в национальностях, образовавшихся путем нарождения. Вне единоплеменников она немыслима»³ Но проблема такого понимания состоит в том, что таких исторических национальностей просто не существует, ибо смешение племен есть исторический факт всех наций.

Как «общие психологические наклонности», которые «составляют национальное обособление». Согласно этому положению, национальная идея формулируется, как только выделяются эти наклонности, а далее она непрерывно существует во всей жизни национальности. Если эта национальность влияет на историю человечества, то и мысль её входит в историю. И даже если можно допустить, что общие психологические наклонности национальности формируются под влиянием одинаковых климатических, географических, экономических и культурных условий, то вопрос состоит в том, «насколько можно признать в обособляющих национальных наклонностях нечто прогрессивное, принимая их в то же время за постоянный элемент»⁴.

По Лаврову, допущение передачи национальной идеи от поколения к поколению фантастично: поколения передают друг другу лишь одно стремление — стремление к жизни, а оно никакой идеи в себе не заключает. Более того, оно не носит прогрессивного характера, что очень важно для развития национальности, а является лишь необходимым условием прогресса, «и традиция борьбы между национальностями только предшествует пониманию их справедливых отношений между собою, пониманию, с которым борьба прекращается и начинается общий прогресс наций»⁵.

«Таким образом, — пишет в «Одиннадцатом письме» Лавров П. Л., — можно признать за национальную идею лишь значение *временной* обобщающей формулы для цивилизации некоторой народности или некоторого государства. На основании общих психических наклонностей и событий истории, данная национальность в некоторую эпоху своего существования *может* сделаться, по характеру своей цивилизации, затем представителем той или другой идеи, и, следовательно — во имя этой идеи может занять определенное место в

ряду прогрессивных или реакционных деятелей в некоторый период истории человечества»⁶.

С темой национальной идеи у Лаврова тесно переплетается тема народного духа. Народный дух приобретает, как и национальная идея, свои очертания из-за застоя «цивилизации национальности», когда мысль личности задавлена общественными формами или апатична сама по себе. Народный дух трудно определить, когда личности действуют, неизбежно в нём лишь то, что обусловлено физически и климатически. Но как мы можем понять и оценить народный дух, если каждый приурочивает его к какой-то конкретной, близкой его сердцу эпохе? Кто становится выразителем народного духа, народной мысли и народной идеи? «Народный дух, — отвечает нам Лавров, — в данную эпоху есть дух критически мыслящих личностей этой эпохи, понимающих историю народа и желающих внести в его настоящее возможно больше истины и справедливости»⁷.

Таким образом, мы видим, что тема личности в истории (а точнее критически мыслящей личности) становится лейтмотивом его писем. Современные исследователи творчества Лаврова замечают, что «антропологизм», сторонником которого в философии объявил себя Лавров, а также разрабатываемый им «субъективный метод» истории и социологии предполагали внесение нормативно-оценочных элементов в общественное знание, рассмотрение человека в целостности явлений его жизни как единство бытия и того, что должно быть (т. е. идеала), как «отождествление» мысли, образа и действия. Доминантой исторического развития Лавров считал критическую и интеллектуальную способность активного человека, а высшей человеческой потребностью — перестройку мира по требованиям истины и справедливости для достижения равных прав всех людей и всестороннее развитие. Осуществлению данной цели, по Лаврову, должна служить деятельность «критически мыслящих личностей», призванных служить народу»⁸. История, таким образом, становится венцом творения одиноких борющихся личностей, а народный дух и национальная идея в конкретный исторический период помогают нам оценить значимость их вклада, их представления об истине и справедливости.

³ Лавров П. Л. Исторические письма 4-е издание. СПб.: Типография Н. Н. Клобукова, 1906. С. 200.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Там же. С. 203.

⁶ Там же. С. 205–206.

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Шириняц А. А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 523.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЯРОСЛАВСКОЙ ДЕРЕВНИ 1950–х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ ТРУДЯЩИХСЯ В РАЙОННЫЕ ГАЗЕТЫ)

Д. В. Тумаков, к.и.н.

*(Ярославская государственная медицинская академия
Минздрава России)*

1950-е годы в истории нашей страны ознаменовались сменой эпох: после смерти И. В. Сталина социально-политическая система СССР стала смягчаться. Государство пыталось повернуться лицом к человеку. Но данный процесс был непростым, далеко не сразу жизнь изменилась в лучшую сторону. Типичная картина складывалась в Ярославской области.

Наглядное представление об этом дают письма трудящихся, рабочих и сельских корреспондентов в редакции районных газет, отложившиеся в архивах. В настоящее время в фондах Государственного архива Ярославской области сохранились лишь документы газет «Приволжский колхозник» (Некрасовский район) и «Верный путь» (Пречистенский район). В письмах содержались бытовые жалобы, просьбы к властям или правоохранительным органам навести порядок. Так, председатель исполкома одного из сельсоветов Некрасовского района А. И. Мосин в 1959г. пожаловался в редакцию газеты «Приволжский колхозник» на «отвратительное» качество телефонной связи между сельсоветами и центральной станцией. Мосин привёл конкретные факты, когда тщетные попытки вызвать «Скорую помощь» привели к смерти людей, пострадавших в аварии у села Харино, а дозвониться до райвоенкомата было невозможно в течение часа¹. Ситуация не изменилась даже после обсуждения данного вопроса на заседании исполкома сельсовета.

Частой проблемой на периферии были пьянство и связанное с ним хулиганство. Архивные дела полны писем с живописными описания-

¹ Письмо А. И. Мосина в редакцию газеты «Приволжский колхозник» // Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 35. Л. 43.

ми того, что творили пьяные хулиганы. Нередко их писали работники милиции, суда и прокуратуры. Простые обыватели, опасаясь ответной реакции хулиганов, иногда просили редакцию сохранить анонимность или придумать псевдоним. Приведём несколько примеров. Во время именин одной из доярок колхоза имени Кирова в мае 1959г. в деревне Тимонино произошла пьяная драка, в ходе которой некто Долотов нанёс ножевой удар в висок колхознику Калинину. В ноябре того же года в райцентре Некрасовское пьяные граждане Петров и Челышев без причины напали на группу ребят, ранив ножом в грудь одного из них. Остальных ребят, а также пытавшегося остановить драку дружинника избили². В последнем случае виновные понесли наказание.

Со стороны части граждан предметом жалоб стали религиозные праздники. Некий пенсионер Сорокин из села Красное жаловался, что празднование 42-й годовщины Октябрьской революции в его колхозе было фактически сорвано, в то время как «местный религиозный праздник» Казанской Божьей матери вызвал гораздо более широкий отклик в народе³. Власти использовали для антирелигиозной кампании, вновь развёрнутой в правление Н. С. Хрущёва, всё тот же алкогольный мотив. В заметках работников силовых структур фигурируют мысли о наиболее широком распространении пьянства, драк с нанесением тяжёлых телесных повреждений в день Ильи Пророка и Николая Чудотворца, подтверждаемые конкретными фактами⁴. В других случаях хулиганы устраивали драки и нецензурно бранились в присутствии девушек.

Тем не менее, нарушения законности на алкогольной почве были характерны отнюдь не только для религиозных празднеств. Как извещали те же заметки, массовым пьянством и хулиганскими выходками сопровождалась также дни выдачи заработной платы на предприятиях, различного рода совещания передовиков производства районного уровня, а также празднования Нового года в сельских клубах⁵. Фак-

² Анонимное письмо в редакцию газеты «Приволжский колхозник» // ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 35. Л. 53; Власова В. Хулиганы наказаны по заслугам // ГАЯО. Ф. Р-826. Д. 38. Л. 182.

³ Письмо пенсионера Н. Сорокина в редакцию газеты «Приволжский колхозник» // ГАЯО, ф.Р-826. Оп. 1. Д. 38. Л. 16–17.

⁴ Проект заметки нарсудьи Е. Белугиной в газете «Приволжский колхозник» // ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 38. Л. 41–42-об.; Анонимное письмо в редакцию газеты «Сталинский путь» // ГАЯО. Ф. Р-3641. Оп. 1. Д. 11. Л. 369.

⁵ Проект заметки сотрудника РОМ А. А. Зиновьева в газете «Приволжский колхозник» // ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 33. Л. 15; Проект заметки упол-

тически алкоголь стал составной частью повседневной жизни периферии и зачастую был единственным видом развлечения. Признавая невозможность победить «зелёного змия» только административными запретами и уголовно-правовым воздействием, советские власти делали ставку на активизацию культурной работы в сельской местности — развитие спорта, просветительскую агитацию среди населения.

Однако и здесь её ждали немалые трудности. Как сообщали корреспонденты с мест, некоторые сельские клубы и дома культуры не могли адекватно обеспечить запросы трудящихся. Так, в селе Коза Пречистенского района пьяный киномеханик во время показа фильма «Валерий Чкалов» грубил зрителям в зале и угрожал перестать демонстрировать фильм. В деревне Мишнёво Некрасовского района складывалась та же ситуация, а в селе Чёрная Заводь пьяный заведующий клубом Миронов и киномеханики Данилов и Орлов сорвали новогодний вечер 1959 года⁶. В райцентре Некрасовское группа молодёжи сорвала лекцию на тему «Как понимать искусство?», проводившуюся опытным сотрудником Ярославского общества по распространению политических и научных знаний, причём даже вмешательство одной из зрительниц народной судьи Е. Белугиной не смогло исправить ситуацию⁷. Таким образом, культурно-массовая работа на ярославской периферии с трудом пробивала себе место в жизнь из-за отсутствия спроса на неё части народа.

Как видно из писем с мест, не всегда востребована была и квалифицированная медицинская помощь со стороны государства. В письме главного врача Некрасовского районного лечебного объединения М. Мачилаева приводились факты неверного лечения тяжёлых заболеваний вроде перитонита, острого аппендицита или язвы желудка. За 1959г. в районную больницу было доставлено до 30 больных, которые вместо обращения к рациональной медицине лечились с помощью водки, грелки, клизмы, сливочного масла или болеутоляющих

порошков. Мачилаев критиковал не столько народную медицину как таковую, сколько «шарлатанов без чести и совести и знаний», которые «ради наживы калечат больных», а потому «являются преступниками, которые заслуживают строгого наказания»⁸. Крайне жёсткую реакцию со стороны государства и врачебного сообщества вызывали аборт, проводившиеся дилетантами, незнакомыми с анатомией. При этом помимо доводов о негативном воздействии аборта на здоровье женщин, в качестве аргумента против таких абортов в письмах представителей власти использовались и идеологические клише вроде фразы «с каждым годом жизнь наша становится всё краше»⁹. Тем самым в принципе отрицалась необходимость аборта, хотя ещё в 1955г. Президиум Верховного Совета СССР легализовал данную операцию, запретную в сталинскую эпоху.

Таким образом, письма жителей дают представление о многочисленных проблемах на периферии. Даже в 1950-е гг. в относительно недалёких от столицы районах люди страдали от бытовых недостатков вроде плохой связи, их досуг был плохо организован, а уровень общей культуры оставался низким. Нередко выход из ситуации виделся им в употреблении алкоголя, что, в свою очередь, приводило к криминальным отклонениям. Для преодоления «пережитков прошлого» требовалось время.

номоченного работника РО МВД П. Л. Широкова в газете «Приволжский колхозник» // ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 33. Л. 16; Жалобы анонимных колхозников в газету «Приволжский колхозник» // Д. 37. Л. 13, 19, 37–38.

⁶ Письмо в редакцию газеты «Приволжский колхозник» // ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 33. Л. 39-об.; Анонимная жалоба в редакцию газеты «Приволжский колхозник» // Д. 37. Л. 16; Письмо в редакцию газеты «Сталинский путь» // ГАЯО. Ф. Р-3641. Оп. 1. Д. 16. Л. 257.

⁷ Филиппов С. Испорченная лекция // ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 38. Л. 66.

⁸ Мачилаев М. О чём говорят истории болезни // ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 37. Л. 324–327.

⁹ Почему вреден аборт // ГАЯО. Ф. Р-826. Оп. 1. Д. 33. Л. 45–46.

МЕХАНИЗМЫ РАБОЧЕГО СНАБЖЕНИЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Л. А. Фадеев, к.и.н.

Снабжение продуктами питания и промышленными товарами в условиях советской индустриализации первых пятилеток являлось, наряду с жилищными условиями, ключевым социальным фактором, определявшим, по своей сути, уровень жизни рабочих и отражавшим основные проблемы государственной системы распределения ресурсов. Не вызывает сомнения тот факт, что система снабжения представляла собой некий индикатор социально-экономического положения рабочих в целом.

Период первых довоенных пятилеток в большей своей части был охвачен карточной системой распределения товаров (с 1928 по 1935 гг.), поэтому в историографии особое внимание уделялось, прежде всего, вопросам, связанным с нормами снабжения горожан по категориям различными товарами¹. Однако освещались и вопросы инфляции, уровня потребления, проблемы торговли и рынка. Отмечалось, что в 1930-е гг. существовало четыре вида цен на товары: сельские и городские розничные, колхозные и коммерческие². Рассматривались вопросы, касавшиеся дефицита продуктов питания, голода 1932–33 гг., снижения уровня жизни рабочих. Так, в частности, Ш. Фицпатрик отмечала, что «потребление мяса и сала на человека в

¹ См.: *Осокина Е. А.* Цена «большого скачка». Кризисы снабжения и потребление в годы первых пятилеток // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 205–243; *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998.

² *Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В.* Отмена карточной системы в СССР 1934–1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 89.

городе составляло в 1932 г. меньше трети от того, что было в 1928 г.»³. Говорилось о том, что правительство в заявленных объемах централизованное снабжение обеспечить не могло⁴.

В целом же, в постсоветских исследованиях утвердилось мнение о том, что период первых пятилеток, во многом из-за введения карточной системы, привёл к тотальному снижению уровня жизни населения. Так, в этом отношении наиболее характерна точка зрения, озвученная А. В. Бакуниным, который отмечал, что медленный рост национального дохода и отсутствие притока капиталов извне вынудили власть ради достижения индустриальных задач пойти на значительное снижение жизненного уровня населения⁵.

В ряде постсоветских исследований была также осуществлена попытка путём публикации источников личного происхождения (писем, откликов и т. п.) взглянуть на вопросы снабжения глазами рядового рабочего, который на себе ощущал всю тяжесть карточной системы и недостаточного питания⁶.

Таким образом, историография акцентировала своё внимание, прежде всего, на изучении общих принципов функционирования карточной системы и формировании оценочной позиции к ситуации в целом, или же опиралась на изучение реальных жизненных ситуаций рабочих; при этом, методы реализации системы снабжения, и в частности сравнительный анализ этих механизмов на отдельных разных по масштабу предприятиях одной отрасли, оставались в тени.

В данной работе проводится анализ системы снабжения рабочих продуктами питания и промышленными товарами на предприятиях машиностроительной отрасли в годы индустриального рывка 1930-х гг. на основе архивных фондов двух заводов московского региона. Важно отметить, что оценить эффективность работы системы снаб-

³ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. Л. Ю. Пантина. 2-е изд. М., 2008. С. 53.

⁴ *Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В.* Отмена карточной системы в СССР 1934–1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–107.

⁵ См.: *Бакунин А. В.* Индустриализация // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. URL: <http://fisechko.ru/ural/802.html> (дата обращения: 8.08.12).

⁶ См.: *Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах.* М. 1998; *Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.* М. 1998.

жения на промышленных предприятиях и выявить механизмы решения основных проблем невозможно без обращения к архивным материалам, непосредственно связанным с функционированием заводов. Объектом исследования являются два машиностроительных предприятия — Егорьевский станкостроительный завод «Комсомолец» и Люберецкий завод сельскохозяйственного машиностроения им. Ухтомского.

Выбор именно этих предприятий обусловлен рядом причин. Во-первых, оба завода относились к машиностроительной отрасли, рассматривавшейся в качестве приоритетной в годы первых пятилеток. Во-вторых, предприятия расположены в Московской области, одной из наиболее развитых в Центральном промышленном районе страны, игравшем важную роль в процессе индустриализации. В-третьих, Люберецкий завод относился к крупным предприятиям, а Егорьевский завод к средним, что позволяет сравнить возможности решения проблем снабжения рабочих на заводах в зависимости от их масштаба. В-четвёртых, история рассматриваемых предприятий представлена широким спектром различных видов источников, содержащихся в архивных фондах Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО, Ф. 7979 и Ф. 4281 по Егорьевскому и Люберецкому заводам соответственно).

На основе анализа архивных материалов и государственных нормативно-правовых актов был воссоздан механизм рабочего снабжения на машиностроительных предприятиях в годы первой и второй пятилеток, который реализовывался на нескольких основных этапах: 1) составление контингентов на заводе; 2) предоставление контингентов в систему НКТП и далее в систему Наркомснаба; 3) получение ресурсов заводом от Наркомснаба транзитом из фабрик и заводов — поставщиков и областных баз Наркомтяжпрома поквартально, минуя дополнительные торговые звенья; 4) реализация товаров под непосредственным контролем директора. Ключевую роль на каждом из этих этапов играл заводской распределительный комитет (с 1932 г. — организация рабочего снабжения), имевший сложную разветвлённую структуру. На низовом уровне реализация системы снабжения выглядела следующим образом: рабочие получали карточки у кассиров одновременно с получением заработной платы; индивидуальные же талоны на отдельные товары выдавались в течение рабочего дня. Обмен карточек на товары осуществлялся в магазинах, к которым рабочие были прикреплены индивидуально.

В целом же, следует отметить, что в период первых пятилеток сложилась система снабжения командно-административного типа. Реализация этой системы на конкретных предприятиях сталкивалась с различными трудностями. На более крупном Люберецком заводе существенными стали проблемы организации работы аппарата снабжения, сопряжённые с различными кадровыми перестановками, изменениями структуры и взаимоотношений органов снабжения, что вызывало существенные бюрократические сложности, в ряде случаев доходившие до отсутствия чёткой ответственности, а, следовательно, приводившие к низкой эффективности работы всего аппарата в целом. Егорьевский завод сталкивался преимущественно с финансовыми проблемами. Несмотря на снабжение предприятия по категории «А»⁷, средств на строительство и ремонт инфраструктуры (фабрики-кухни, складов, столовых и пр.), как правило, не хватало, что приводило к постоянным перерасходам и нерациональному использованию ресурсов в целом. При этом на обоих предприятиях система снабжения так и не смогла проявить себя в качестве важного мотивационного фактора: снабжение ударников и стахановцев мало отличалось от снабжения обычных рабочих.

Эволюция системы снабжения в годы первых пятилеток не привела к значительному повышению качества жизни трудящихся, развитие соответствующей инфраструктуры явно не поспевало за нараставшими производственными задачами и увеличением числа рабочих.

К началу Великой Отечественной войны карточная система уже не функционировала, однако ряд финансовых и технических проблем, связанных с реализацией снабжения на заводах, стоял не менее остро. Война привела к упадку подсобных хозяйств предприятий, разрушила основные организационные связи, однако, накопленный опыт функционирования системы снабжения в индустриальных условиях позволил максимально эффективно перестроиться экономике страны на военные рельсы.

⁷ ЦГАМО. Ф. 7979. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6, 6а.

ИСПАНСКИЕ ДЕТСКИЕ ДОМА В СССР

*А. П. Фернандес-Эрес
(РГАФД)*

В 1937–1939 гг. в Советском Союзе был создан целый ряд детских домов для испанских детей. Вся работа этих учреждений специальным постановлением СНК СССР от 16 сентября 1937г. была возложена на Наркомпрос РСФСР и Наркомпрос УССР под личную ответственность наркомов¹. Согласно справке к Объединенному историческому фонду

№ А- 307 в 1937г. было открыто 5 испанских детских домов на Украине и десять на территории РСФСР. Среди последних, четыре — на территории Ленинграда и области, остальные детдома разместились в Московском регионе.

Именно создание специализированных детских домов стало основным препятствием полной ассимиляции маленьких испанцев СССР. Напомним, что ассимиляция представляет собой политику включения в общество через односторонний процесс адаптации: ожидается, что иммигранты поступят своими лингвистическими, культурными и социальными характеристиками и станут неотличимы от большинства населения². Очевидно, что Советское правительство первоначально не ставило себе такой задачи. Образовательный процесс был организован с учетом национальной принадлежности учащихся, в каждом детском доме работали испанские педагоги и воспитатели, все предметы проводились на родном для ребят языке.

В первые месяцы после приезда испанских детей, педколлективам приходилось преодолевать немало трудностей. В первую очередь необходимо было организовать учебный процесс так, чтобы дети в полном объеме могли освоить учебную программу. Проблема заключалась в том, что многие из прибывших — мальчики и девочки от 9 до

¹ Постановление СНК СССР «О руководстве обслуживанием и воспитанием испанских детей, находящихся в СССР и вновь прибывших» от 16 сентября 1937г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451 Оп.43 Д. 72. Л. 326.

² Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 353.

14 лет, вообще никогда у себя на родине не посещали школу. Поэтому, при комплектации классов приходилось учитывать не только возраст учащихся, но и их уровень знаний. На первых порах в классах находились дети самых разных возрастов. Так, по воспоминаниям Виртудес Мартинес, ее, в ту пору девятилетнюю девочку, включили в класс вместе с двенадцатилетней сестрой: «В нашем классе находилось от 18 до 20 учеников, около трети из них не умели ни читать, ни писать. Что же до нас с сестрой, то мы успели закончить первый класс школы»³.

Испанских детей, как и всех других советских школьников, всячески мотивировали вступать в пионерскую и комсомольскую организации. Результаты не заставили себя ждать. Так, по данным В. А. Талашовой, до войны в детском доме № 5, расположенном на станции Обнинская Московской области, из 467 воспитанников было 362 пионера и 45 комсомольцев, в детском доме №12 в Москве — из 137 воспитанников — 106 пионеров и 25 комсомольцев, в детском доме №10 в Пушкине ленинградской области из 131 воспитанника — 72 пионера⁴. Испанских детей воспитывали в рамках существующей идеологии. В детдомах часто проводились политзанятия. В частности, в одном из таких тематических планов для докладов и бесед с детьми и молодежью, живущей в испанских детских домах в СССР, предполагалось осветить такие темы как происхождение человека, «классовый» характер религии, почему есть бедняки и богачи и т. д. Материал необходимо было преподнести как можно более живо и увлекательно: «Эти доклады надо проводить в форме бесед, рассказов, воспоминаний старых рабочих, большевиков, участников гражданской войны, участников боев на финском фронте и т. д.»⁵

Помимо политзанятий, лекций, докладов, собраний, в испанских детдомах уделялось большое внимание кружковой работе и самодеятельности. То были кружки кройки и шитья, хоровые, хореографические студии. Так, из архивных источников мы узнаем, что в Харько-

³ *Martnez V. C.* La Espanola rusa. М., 2011. Р. 22.

⁴ *Талашова В. А.* Советский комсомол — активный участник организации приема и воспитания испанских детей в СССР в период национально-революционной войны в Испании в 1936–1939гг. // Аспирантский сборник. Вологда, 1972. С. 73.

⁵ «Тематический план для докладов и бесед с детьми и молодежью, живущей в испанских детских домах в СССР» от 16 декабря 1940г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 533. Оп. 4 Д. 405. Л.1.

ве на конкурсе областной детской художественной самодеятельности испанский коллектив оказался одним из лучших, а часть участников его получили первые премии⁶.

Дети посещали кино, музеи, театры, знакомились с русской классической музыкой. Образ жизни детей в подобных казенных учреждениях был полностью регламентирован — все было подчинено режиму дня. По воспоминаниям воспитанника испанского детского дома №9 Вирхилио де Лос Льянос Маса, режим дня в детских домах был напряженным, но здоровым: «Учеба шла на обоих языках. По вечерам и в свободные дни мы ходили в театры или в кино. Часто устраивались встречи с советскими пионерами, мы записались во всевозможные кружки во дворце пионеров. Именно там я научился танцевать, играть на некоторых музыкальных инструментах, строить модели судов и самолетов, кататься на коньках»⁷.

Большое значение в советских детдомах придавалось трудовому воспитанию детей. Тут можно процитировать несколько предложений из «Отчета о работе детского дома №1», как наиболее достоверно передающий дух эпохи: «Воспитывая молодое испанское поколение в Советском государстве в коммунистическом духе педколлектив в течение всех лет старался прививать им новые понятия и привычки, вырабатывая у них новое отношение к социалистической собственности, новое отношение к людям, и новое отношение к общественно-полезному труду»⁸.

Если первые годы пребывания в детдомах вопрос «трудового воспитания» касался в основном вопросов самообслуживания и дежурства в классах и комнатах, то в годы Великой Отечественной войны, столкнувшись с небывалыми трудностями, им приходилось участвовать в уборке урожая, топке печей, поездками за продуктами и т. д. Советские воспитатели старались привить испанским детям и такое понятие, как «уважение к социалистической собственности».

В СССР курс на деиспанизацию сиротских учреждений был взят уже довольно скоро. Многие «неблагонадежные» испанские педагоги отстранялись от работы. Как отмечает историк А. В. Елпатьевский,

принадлежность к коммунистической партии Испании не имела определяющей роли. Отсеивались и не имеющие образования или педагогического опыта, а также «не так себя ведущие» морально и в быту коммунисты⁹.

Постепенно советские чиновники пришли к выводу, что испанским учащимся лучше обучаться и получать образование не в закрытых особых школах для испанских детей, а в общих средних школах Министерства просвещения. Уже после войны дети преимущественно стали обучаться в смешанных классах с русскими детьми.

В целом, в испанских детских домах было сделано много для успешной адаптации воспитанников. Это и качественное образование (вспомним, что многие испанские дети, приехав в СССР, не умели ни читать, ни писать), обучение таким полезным навыкам как шитье, плотницкое дело и т. д., творческое развитие детей и даже любовь к чтению — в этом заслуга как испанских, так и советских педагогов. Помимо комфортного проживания в детдомах (за исключением военного времени, когда воспитанники столкнулись с небывалыми трудностями), вся система была сформирована таким образом, чтобы дети не только ни в чем не нуждались, но и выросли политически грамотными с непоколебимой верной в коммунистические идеалы. Считалось, что обогащенные такими знаниями они в будущем смогут стать проводниками коммунистической идеи в странах социализма и освободившейся от оков франкизма демократической Испании.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 533. Оп. 4 Д. 405. Л. 80

⁷ *Де лос Льянос Мас В.* Ты помнишь, tovarish...? Из архива одного из детей, вывезенных в СССР во время гражданской войны в Испании. М., 2008. С. 40.

⁸ «Отчет о работе детского дома №1 за 1946–47 учебный год» // ГА РФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 71. Л. 133.

⁹ *Елпатьевский А. В.* Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации. Тверь, 2002. С.158.

М. Н. КАТКОВ О ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

М. Н. Ферсман
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

На современном этапе истории развития политических систем европейский государств, в особенности восточно-европейский, претерпевает ряд изменений, вызванных как объективными мировыми тенденциями, так и историческими предпосылками, уходящими корнями в прошлое. Расцвет националистических настроений или реформы, направленные на пересмотр языковой политики, коренятся не только в истории предшествующих десятилетий. Очевидно, что на изменения, особенно сопровождаемые массовыми акциями или протестами, влияет история не только предыдущих лет, но и прошлых веков.

Многие страны Восточной Европы по историческим меркам недавно приступили к строительству национальных и независимых государств. Ранее, имея то большую, то меньшую степень самостоятельности, они входили в состав более крупных образований, таких как СССР и Российская империя. Опыт существования в коммунистическом государстве, конечно, более значим для объяснения событий, происходящих сейчас, например, на Украине, однако корни этих процессов уходят в историю управления Западными окраинами Российской империи.

Политику России в XIX в. по отношению к национальным окраинам можно интерпретировать с различных точек зрения, концентрируя внимание на процессах русификации или либерализации отношений с элитами западных районов и местным крестьянским населением, подчеркивая силовые формы давления и замалчивая просветительскую деятельность¹. Принцип отбора фактов и их интерпретация диктуется целями и задачами исследователя. Альтернативным вариантом может стать метод исторической реконструкции взглядов очевидцев

¹ См.: *Хаген фон М.* История России как история империи: перспективы федералистического подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005.

ключевых событий того периода. В качестве примера в рамках данной статьи предлагается рассмотреть реконструкцию взглядов консервативного мыслителя, историка и публициста середины XIX века М. Н. Каткова на проблему территориальной целостности Российской империи и на судьбу политической национальности одной из её западных окраин — Царства Польского.

Исследователи относят творчество М. Н. Каткова к государственно-охранительному направлению консерватизма². Как и другие консервативные мыслители, он высказывал идеи, в соответствии с которыми «основу государства составляет его целостность, базирующаяся на единстве государственной национальности», которая является понятием исключительно государственным³. Однако не стоит воспринимать данный тезис прямолинейно: М. Н. Катков признавал внутри империи и другие политические силы, в частности им выделялись территории, на которых исконно обитало русское население, и национальные окраины, на которых проживали «дружественные» и «враждебные» народности, причем степень «враждебности» определялась по уровню сепаратистских настроений в той или иной области.

Необходимо отметить, что наиболее активный период работы М. Н. Каткова в качестве публициста в «Московских ведомостях», когда он, по мнению многих исследователей, формировал общественное мнение России⁴, пришёлся на достаточно сложный для империи исторический период. События середины XIX века не раз ставили под вопрос территориальную целостность Российской империи. Крымская война 1854–1856 гг. стала ярким примером проявления геополитических интересов всех крупных европейских держав, а польское восстание 1863 г. было прямым посягательством на целостность империи, причём исходящим не столько извне (хотя большинство современников этих событий отмечали вклад западных стран в волнения в Царстве Польском), сколько изнутри — от подданных Российского Императора.

Анализируя одну из угроз целостности государства, М. Н. Катков писал о польских сепаратистских настроениях в период восста-

² *Шириянц А. А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). — М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 237.

³ Там же. С. 202.

⁴ См.: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978.

ния 60-х годов XIX века: «Польская национальность должна слиться с русской национальностью; без этого невозможен внутренний мир в Российской державе и даже невозможно прочное существование её. Но римский католицизм очень может жить и процветать рядом с русским православием, если только разъединить его с польской национальностью. В этом разъединении религиозных и национальных интересов заключается наша задача, всё требование нашей национальной политики»⁵. Рассматривая Польшу как неотъемлемую часть империи, публицист отрицал возможность любого внешнего вмешательства в разрешение данного вопроса, приравнивая такие действия к попыткам уменьшения влияния империи на мировой арене. «Характер великой державы обеспечивается за Россией исключительно крепким и бесспорным обладанием её нынешними западными окраинами, которыми она непосредственно соприкасается с западною Европою, а так же положением на Черном море»⁶, — писал М. Н. Катков уже после восстания.

Рассуждая о Польском восстании, публицист отмечал его двойственный характер: как вопрос политический — это вопрос о существовании России, о ее внутренней политике; как вопрос религиозный — это вопрос о существовании польской национальности, под которой он понимает культурное и духовное своеобразие этого народа, подкрепляемое главенством католической церкви в этом регионе. М. Н. Катков отрицал наличие каких бы то ни было перспектив у польской политической национальности, способности и возможности построить независимое государство.

В передовых статьях «Московских ведомостей» отмечалось, что вопрос о подавлении Польского восстания входил в перечень внутренних дел империи, однако вызывал резонанс и в европейском обществе⁷. Осенью 1863 г. М. Н. Катков писал: «Польский вопрос, сам по себе несложный, попал теперь в разряд самых сложных и затруднительных вопросов потому только, что в нем отражаются взаимные отношения всех главных держав Европы; являясь вопросом европей-

ским, он, собственно, есть не что иное, как продукт общего политического положения; он не имеет никакого другого содержания»⁸.

Сложно сформулировать суть польского восстания и всей сложности отношений вокруг него, а также отношение консерватора к польской национальности лучше, чем это сделал М. Н. Катков в «Московских ведомостях» за 1867 г.: «Польский мятеж 1863 г., и все что ему предшествовало, и всё что за ним последовало, было длиною, кровавою ложью. Национальность, во имя которой волновали и возбуждали Европу против нас, имеет только мечтательное существование. Это так называемое народное восстание было, в сущности, делом внешней интриги и панов, стремившихся удержать истинный народ польско-русских провинций в узах рабства, которые должны были пасть. Эта колоссальная мистификация потерпела неудачу, благодаря патриотическому и единому движению Русского Государя и русского народа...»⁹.

⁵ Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1865 год. М.: Типография В. В. Чичерина. 1897. С. 2.

⁶ С. 126.

⁷ См.: Катков М. Н. «Московские ведомости» № 74, от 6 апреля // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1863 год. М.: Типография В. В. Чичерина. 1897. С. 158.

⁸ Катков М. Н. «Московские ведомости» № 231, от 24 октября // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1863 год. М.: Типография В. В. Чичерина. 1897. С. 629.

⁹ Катков М. Н. «Московские ведомости» №153, от 12 июля // Собрание передовых статей Московских ведомостей 1867 год. М.: Типография В. В. Чичерина. 1897. С. 376.

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1932–1933 гг.)

А. В. Филинов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

После оккупации Японией Маньчжурии в сентябре 1931 г., а затем создания в марте 1932 г. на территории Северо-Восточного Китая марионеточного государства Маньчжоу-Го, взаимоотношения между СССР и Японией вступили в новый этап. Важным элементом этого нового курса были длительные переговоры и последовавшая за ними в марте 1935 г. продажа СССР Японии Китайской Восточной железной дороги. Все происходившие события не могли не сказываться на положении и политических настроениях советской колонии в Северной Маньчжурии, особенно, рабочих и служащих КВЖД, рядовых членов и руководящего состава ВКП(б).

В существующей историографии о внешней и внутренней политике СССР на Дальнем Востоке в 1930-е гг. важное место занимают работы В. Э. Молодякова о советско-японских отношениях¹, труды Н. Е. Абловой² и М. В. Кротовой³ о проблемах, связанных непосредственно с политикой Советского Союза, Японии и Маньчжоу-го в отношении КВЖД; публикации о советской политике на Дальнем Востоке, российской диаспоре вообще и советской колонии в Север-

¹ Молодяков В. Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения. // Япония. ежегодник. 2009, № 38; *он же* — Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945). М., 2006.

² Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.

³ Кротова М. В. Советско-китайское управление на КВЖД в 1924–1935 гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011, № 4 (32); *она же* — Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013, № 1.

ной Маньчжурии в частности — Н. И. Дубининой⁴, Е. Е. Аурилене⁵. С. Ю. Яхимович в своей недавно опубликованной кандидатской диссертации⁶ попытался обобщить все имеющиеся точки зрения на различные вопросы существования и функционирования советской колонии в Северной Маньчжурии.

Целью исследования является рассмотрение динамики изменения взглядов населения советской колонии в ходе одного из наиболее трудных периодов советско-японских отношений (1932–1933 гг.), обострившихся в первую очередь, в связи с началом переговоров между СССР и Маньчжоу-го (фактически и Японией) о продаже КВЖД. Кроме того, предстоявшие руководству советского Дальнего Востока (Дальневосточному краевому комитету ВКП(б)) и Северо-Маньчжурской парторганизации мероприятия по возвращению советских граждан на родину, являлись дополнительным фактором, резко осложнявшим социально-политическое положение среди граждан Советского Союза, проживавших в полосе отчуждения КВЖД. Эти мероприятия также несомненно нуждаются в более обстоятельном анализе и изучении.

Актуальность исследования заключается в использовании неопубликованных архивных материалов: докладов, обзоров и резолюций ЦК ВКП (б), Дальневосточного краевого комитета (Далькрайкома ВКП(б)), Северо-Маньчжурской парторганизации, имеющих немалое значение для изучения процесса переговоров о КВЖД в контексте ответной реакции жителей советской колонии в Северной Маньчжурии (в первую очередь служащих КВЖД) на мероприятия, предпринимаемые руководством Советского Союза в области внешней и внутренней политики на Дальнем Востоке.

Исходя из содержания используемых источников, представляется возможным выделить следующие основные моменты, относящиеся к положению и политическим настроениям советской колонии в Маньчжурии. Эти вопросы, судя по всему, получили наибольшее освеще-

⁴ Дубинина Н. И. Дальний Восток Яна Гамарника. Хабаровск, 2011.

⁵ Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920 — 50-е гг.). Хабаровск, 2003; *её же* — Аурилене Е. Е., Потапова И. В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: Эмигрантское правительство. Хабаровск, 2004.

⁶ Яхимович С. Ю. Колония советских граждан в Северной Маньчжурии: социально-политический аспект (1924–1935 гг.). Хабаровск, 2012.

ние в имеющихся материалах партийных комитетов и организаций разного уровня.

Общая обстановка в Северной Маньчжурии в 1932–1933 гг., с точки зрения руководства Далькрайкома ВКП (б), отличалась полным захватом и освоением Северной Маньчжурии японцами, который, в свою очередь, «<...> сопровождался усилением японской агрессии не только по отношению к местному коренному населению, но также и, ещё в большей степени, к гражданам СССР, особенно в организованной их части...»⁷ (т. е. к членам ВКП (б), ВЛКСМ и профсоюзным работникам). Параллельно с экономическим освоением Северной Маньчжурии шло и укрепление японского влияния во всей политической жизни, «<...> путём насаждения японцев в правительственные учреждения руководителями основных участков политической жизни, или советниками, где прямо японцев сажать по каким-либо причинам было не удобно...»⁸.

Политические настроения среди рядовых членов и актива, согласно докладом Северо-Маньчжурской парторганизации характеризовались эпитетами, несшими в себе конкретный идеологический смысл «<...> в составе парторганизации до сих пор ещё остаются недостаточно проверенные, колеблющиеся чуждые элементы, нередко перебрасывающие «мосты» к белогвардейской эмиграции, а также глубоко пассивные примиренцы, оппортунисты и примазавшиеся шкурники...»⁹, а вполне возможно, и определённые последствия или «оргвыводы» для тех, к кому они относились. Несмотря на всё это, буквально тут же следовало успокаивающее высокое начальство отступление, где оговаривалось, что «<...> политическое лицо организации всё же определяют не они <...> Массы партийцев, профсоюзников и комсомольцев содержат в себе значительное число людей, преданных делу революции и годных в деле соц. стройки /соц. строительства / в тоже время технически квалифицированных...»¹⁰.

⁷ Доклад зав. базой ДКК ВКП(б) В. Хохлова Л. М. Кагановичу о работе парторганизации в Северной Маньчжурии от 12 июля 1933 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 80–80 (об).

⁸ Там же. Л. 81.

⁹ «Доклад-обзор общего состояния парторганизации и намеченных перспектив для очередной работы». Подписано: секретарь Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б) «Никита». Без даты. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 90.

¹⁰ Там же.

Контакты СССР и Японии в Северной Маньчжурии (в особенности, переговоры о продаже КВЖД), как это ярко видно из документов, оказывали значительное влияние на предпринимаемые руководством Северо-Маньчжурской парторганизации попытки, так или иначе, управлять поведением и реакцией населения советской колонии (в первую очередь, служащих дороги): «<...> Вопрос о продаже КВЖД был остро и решительно поставлен в момент наибольшего развёртывания антисоветской клеветы и открытых призывов к войне с СССР под предлогом возвращения «угнанного имущества дороги». В острый момент вся бело-японская свора в СМ совершенно растерялась, особенно в связи с тем, что японское правительство приняло предложение Сов. Правительства о продаже...»¹¹.

Вопрос проверки «благонадёжности» жителей советской колонии перед возвращением на родину становился ключевым не только для советских партийных органов на местах, но и для лидеров СССР в целом «<...> а/ Все эвакуируемые должны безусловно размещаться только на внутренних железных дорогах СССР. Запретить оставление на работе на Дальнем Востоке, в Восточной и Западной Сибири и на Урале. б/ Все эвакуируемые размещаются на работу после проверки их тройкой в составе т.т. Благоднарова, Зимина и Кишкина...»¹². Можно лишь предполагать, было ли это распоряжение ЦК непосредственным поводом дальнейших действий Далькрайкома, но проблема фильтрации «возвращенцев» из Харбина взволновала теперь уже непосредственное руководство Дальнего Востока «<...> Прибывающих на Дальний Восток из Северной Маньчжурии ввиду близости границы и участвовавших случаев обратных побегов, как правило, в пределах ДВК не оставлять, а отсылать в Сибирь или дальше...»¹³.

Среди действий советских граждан, достаточно ярко отражавших динамику политических настроений колонии, и характеризующихся как «враждебные» политике СССР, чаще всего фиксировались, и, вполне очевидно, особенно интересовали партийные органы:

¹¹ Там же. Л. 93.

¹² Проект постановления ЦК ВКП (б) о Северо-Маньчжурской партийной организации. Особая папка. Без даты. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 102.

¹³ Постановление «Тройки» ДКК ВКП (б) от 3 августа 1933 г. Подлинник подписали Л. И. Лаврентьев, Т. Д. Дерibas. Заверил: Зав. Базой ДКК ВКП (б). В. Хохлов. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 111.

– выход из подданства «<...> По сведениям Консульства, за последнюю пару месяцев, когда уже поставлен вопрос о продаже КВЖД, полицейское управление послало запрос о 100 сов. граждан, возбуждивших ходатайства о выходе из сов. подданства. Но в самом полицейском управлении как сообщает Консульство, имеется до 2000 таких заявлений...»¹⁴, ставший, как можно заметить, отнюдь не таким уж редким явлением именно после начала переговоров о продаже КВЖД;

– шпионаж «<...> г) Японцы постараются перебросить на нашу территорию в числе эвакуированных советских граждан своих шпионов <...> г) Не медля организуйте работу к недопущению проникновения японских шпионов на случай эвакуации. Установите такой порядок, чтобы все эвакуируемые обязательно проверялись через ОГПУ...»¹⁵, по понятным причинам волновавший советских руководителей отнюдь не меньше вероятных побегов.

СОВЕТСКИЕ ВЫБОРЫ 1960–1970-х гг. КАК ДИАЛОГ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ¹

*А. А. Фокин, к.и.н.
(ЧелГУ)*

Вопрос о характеристике политической системы является одним из принципиальных для понимания истории СССР. Пытаясь разобратся в механизмах принятия решений в кремлевских кабинетах, первое поколение исследователей, сопоставив СССР с нацистской Германией, разработало концепцию тоталитаризма. Советский Союз в их работах предстал сверхцентрализованным обществом, которое полностью находилось под контролем партийной и государственной верхушки. Решения принимались узкой группой лиц и спускались вниз для исполнения. В дальнейшем произошла ревизия этой точки зрения, и сформировался новый подход к истории СССР, где основным объектом изучения стала не власть, а население. Теперь советская система предстала крайне неэффективной, вынужденной тратить огромные ресурсы на поддержание собственной стабильности.

И та и другая концепция мало внимания уделяли институтам публичной власти в СССР, при том, что Советский Союз провозглашал себя как государство подлинной демократии и всячески старался это продемонстрировать. Традиционно наличие выборов или выступление партийных и государственных деятелей трактуется как фарс, призванный обмануть основную массу граждан. На наш взгляд, следует говорить о существовании особого символического поля пересечения интересов власти и населения. То есть «верхи» и «низы» не находились в состоянии противостояния или односторонней коммуникации, а действовали вместе, взаимодействуя в качестве партнеров.

В 1920-е г. российский пролетариат был политически «экспроприрован» (в терминологии М. Вебера) складывающейся номенклатурой, которая присвоила себе право говорить от лица рабочих, тем

¹⁴ Доклад «Состояние и настроение в Сов. колонии в Сев. Маньчжурии». Подписано: секретарь Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б) «Никита». Без даты. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 101.

¹⁵ Проект письма секретаря ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича. «Хабаровск, Далькрайком ВКП (б). Тройке по руководству Северо-Маньчжурской партийной организацией. Тов. Лаврентьеву и Дерибасу». Без даты. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84. Л. 103–104.

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК–1509.2014.6)

самым лишив их возможность прямой критики власти. Еще в РСДРП шли дискуссии, что «профессиональные революционеры» решают вопросы пролетарской революции, а среди почти нет рабочих. Но, даже признав этот факт, нельзя говорить о полном исключении основной массы населения из политической жизни.

Участие населения в управлении государством было важной частью советской доктрины, которая была призвана утвердить принципы подлинной демократии. Уже в 1917 году В. И. Ленин заявлял о том, что необходимо немедленно привлекать всех рабочих и бедноту к обучению управлению государством². В дальнейшем в советских конституциях устанавливалось положение, что власть в стране принадлежит именно народу и верховным органом власти были Советы народных депутатов. И. В. Сталин заявлял, что конституция СССР является единственной в мире до конца демократической конституцией, и указывал на существование социалистического демократизма³.

Одним из его значимых положений было вынесение наиболее важных вопросов на всенародное обсуждение, в частности, такое обсуждение было организовано во время принятия Конституций СССР 1936 и 1977 гг. и III Программы КПСС в 1961 г. И это не было фикцией, подобные механизмы позволяли власти и населению вступать в коммуникацию. Э. Кулевин пишет: «Многочисленные свидетельства различных периодов истории Советского государства подтверждают, что партийное руководство уделяло огромное внимание проблеме «обратной связи» с обществом»⁴. Если в сталинской России режим интересовал прежде всего «public display of affection» («публичная демонстрация преданности») — организация видимой интимности, создание репрезентаций и ритуалов выражения чувств любви, уважения, счастья в отношениях государства и общества в публичных пространствах без учета индивидуальных чувств и эмоций индивида, то после войны советское общество требует от государства проявления

² Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // ПСС. Изд. 5-е. Т. 34. С. 315.

³ Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года. Соч. Т. 14. С. 119–147.

⁴ Кулеви́г Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009. С. 35.

эмпатии к эмоциям и настроениям, потребностям и планам на будущее каждого отдельного гражданина⁵.

Выборы в СССР можно разделить на общественные, выборы в профсоюзы и другие общественные организации, партийные, только для членов КПСС, и государственные, в них участвовало практически все население страны. Партийные выборы осуществлялись согласно Уставу КПСС (в данном случае в редакции XXII Съезда КПСС), в котором указывалась выборность всех руководящих должностей снизу доверху, этот принцип воспринимался как база для внутрипартийной демократии и препятствие для разного рода нарушений, подобных культу личности.

Государственные выборы состояли из выборов Народных судей и выборов в Советы разного уровня. Верховный Совет СССР состоял из Совета Союза и Совета Национальностей, куда выбирались прямым и тайным голосованием. Именно данным выборам и уделяется внимание исследователей. На мой взгляд, Верховный Совет, прежде всего, играл роль своеобразного Земского собора, основной функцией которого было усилить легитимность принимаемых решений, хотя при этом он занимал важное место в пространстве советской публичной политики. Вот как описывает свои впечатления один из депутатов — агроном М. Полукарова: «И вот иду я по Кремлю. Вижу среди незнакомых лиц такое знакомое. Конечно же, Леонид Ильич Брежнев. Слегка улыбается. Поздоровался. Не сразу отошел, поинтересовался, откуда приехала. Вернусь в село, будет о чем рассказать. Впечатлений много! Ведь вот как получается, там в нашей Алексеевке, за делами да за работой я и представить себе не могла, как высоко ценят в Москве наш труд. А тут всем сердцем своим ощутила. Выходят на трибуну члены нашего правительства, поднимаются простые люди, о счастье говорят. А у меня слезы по щекам. Это от радости плачу я. Да разве ж только я?»⁶.

Для советской политической системы важным аспектом было обеспечить представительство разных групп, что осуществлялось чрез систему неофициальных квот. Можно отметить, что в СССР, несмотря на почти полное отсутствие женщин на руководящих постах, в систе-

⁵ Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941, in: Slavonic and East European Review, Special Issue «Trust and Distrust in the USSR», Vol. 91, No. 1, January 2013: 78–118.

⁶ РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 110. Л. 26.

ме Советов осуществлялся принцип гендерного представительства, поскольку женщины должны были занимать около 45–50 % депутатских мест. Свои пропорции существовали для рабочих и колхозников, которые выступали как основа государства, а также беспартийных и комсомольцев, что должно было подчеркнуть всенародный характер советской власти и отсутствие партийной диктатуры.

Можно говорить, что голосование было только завершающей частью сложного избирательного процесса в рамках советской демократии. Процедура отбора наиболее достойных кандидатов основывалась на требованиях, которые выдвигались к потенциальным кандидатам, в свою очередь конкуренция велась не за голоса избирателей, а за определенный символический капитал. Человек, который более всего соответствовал идеальному типу депутата, в рамках поля советской политики, получал одобрение, как со стороны властных институтов, так и со стороны населения. На мой взгляд, это важный и принципиальный момент, система конкурирующих выборов не должна восприниматься как единственно возможная и верная, принцип отбора кандидатов в СССР имел и минусы, и плюсы. Режим, не имея возможности широко использовать насилие и менять правила игры, одним из каналов легитимации видел именно отождествление власти с наиболее достойными людьми.

Челябинский обком отмечал, что «отдельные горкомы и райкомы партии, первичные парторганизации не внимательно отнеслись к подбору отдельных кандидатов, заблаговременно не выяснив отношение коллектива к рекомендуемым товарищам. Вместе с тем это свидетельствует о возросшей требовательности избирателей к деятельности депутатов»⁷. Необходимым требованием к кандидатам в депутаты было одобрение коллективами, то есть они, по сути, выбирали до выборов, а в день голосования просто официально подтверждали свой выбор.

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РАБОТАХ П. Л. ЛАВРОВА

*К. Ю. Хворых
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Социальная справедливость как феномен и принцип общественного устройства с давних времен находилась в фокусе внимания многих философов, политических и государственных деятелей, а также обычных людей. В преобладающем большинстве учебников и книг по философии и этике поднимаются вопросы справедливости, даются ее характеристики и различные мнения на этот счет. Также невозможно представить себе какую-либо социально-политическую концепцию без обращения к феномену справедливости. С момента зарождения социалистического дискурса концепт социальной справедливости прочно укоренился в идейных основах многочисленных социально-политических учений. В данной работе внимание исследователя посвящено проблеме социальной справедливости в трудах одного из представителей революционного народничества — П. Л. Лаврова.

Петр Лаврович Лавров (1823–1900 гг.) сыграл важную роль в становлении народнической идеологии. Его концепция справедливости имеет ярко выраженный этический характер. В отличие от других представителей революционного народничества, в частности Бакунина, он допускал создание нравственного идеала, принципы которого разделялись бы всем обществом. Данный идеал призван стать ключом к пониманию прогресса, по мнению Лаврова, заключающегося в непрерывном совершенствовании личности. Он пишет, что прогресс есть «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости»¹. Справедливость, в трактовке Лаврова, есть «равноправность всех людей на все средства физического, умственного и нравственного развития»². Через эту формулу Лавров раскрывает условия и цели развития каждой личности. Как существу физиче-

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 23. Л. 35.

¹ Лавров П. Л. Философия и Социология. Избр. произв.: М., 1965. Т. 2. С. 54.

² Там же. С. 314.

скому, человеку необходимо определенное количество материальных благ, сохраняющих человеческую жизнь и здоровье. В умственном отношении развитие личности проходит через выработку критического взгляда на действительность и понимание справедливости как личной пользы и, в то же время, пользы всего общества. Наконец, нравственный аспект развития личности включает в себя допущение обществом развитие самостоятельного взгляда на мир. Таким образом, Лавров дает понять, что главный носитель справедливого начала, — это личность.

К чувству социальной справедливости человек приходит в процессе долгой эволюции сознания, т. е. Лавров указывает, что изначально в человеческой общности отсутствовало гармоничное начало социальной справедливости, — оно стало присуще обществу лишь с постепенным признанием личного достоинства каждого человека. Для Лаврова социальная справедливость неразрывно связана с идеями равенства и свободы. «Справедливая деятельность есть воспроизведение в жизни идеи о равноправии всех людей, их всестороннее развитие, независимо от всех патетических настроений действующей личности»³. Таким образом, мы замечаем, что для Лаврова справедливость рождается из осознания каждым человеком равноправия с другими и признания достоинства другого человека.

Мыслитель пишет, что «отчеканенная формула справедливости гласит: «Каждому по его заслугам, каждому по его достоинству»⁴. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что для Лаврова социальная справедливость — это, прежде всего, нравственная категория, которая требует своего утверждения каждой личностью. Она проявляется лишь по мере осмысления, но в то же время требует усилий от каждого человека признать другого человека как равного себе индивида. По мнению Лаврова, в России данный процесс заторможен в силу низкого уровня экономического и социального развития, поэтому главной задачей для него выступало осуществление социальной революции, которую он понимал как совокупность коренных преобразований в обществе, прежде всего духовных. Он отмечает, что «во имя справедливости, во имя любви к человечеству, во имя единственной логической нравственности, — убежденный социалист обязан работать для социальной революции»⁵.

³ Указ.источ. С.559

⁴ Там же. С. 657

⁵ *Лавров П. Л.* Социальная революция и задачи нравственности // Философия и социология. Избр. произв. в двух томах. Т. 2. М., 1965. С. 437

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ

С. В. Чепелевский
(ГАРФ)

За два последних десятилетия Интернет, электронная почта и разнообразные цифровые технологии все чаще оказываются в поле зрения социальных и гуманитарных наук, что повлекло за собой повышение исследовательского внимания к формированию методологических основ работы с ними (это более чем правомерно утверждать для культурологии, этнографии, социологии, политологии и т. д.). Постоянное развитие сети Интернет ставит перед исследователем все время изменяющиеся задачи при попытках выработать определенные методы изучения его как социокультурного явления и исторического источника. И, прежде всего, исследователю необходимо помнить о главной особенности интернет-ресурсов, обусловленной в первую очередь самой природой «глобальной паутины» — Интернет включает в себя одновременно как постоянные, так и быстро исчезающие или подверженные изменениям элементы.

Можно выделить два ключевых параметра, определяющих зыбкость интернет-контента. Во-первых, содержание отдельных его элементов способно быстро изменяться. Информация может существовать в Интернете очень недолгое время, и для возможности обращения к ресурсам, которые перестали быть доступными, исследователь будет вынужден воспользоваться определенными дополнительными инструментами. Во-вторых, Интернет в целом представляет собой довольно эфемерную конструкцию — после создания определенного объекта каждый раз при обращении пользователя к ресурсу он (объект) воссоздается заново с помощью программных комплексов. Участие пользователя или исследователя в этом процессе минимальное — все функции выполняет компьютер, передавая запрос Web-серверу, — но возможность просмотра ресурса неограниченное количество раз должна быть, задана создателем сайта. Другими словами, содержание интернет-ресурсов должно целенаправленно сохраняться, чтобы имелась перманентная возможность его воспроизведения. Традиционные типы исторических источников (печатные, кино-, фото-, и видеодо-

кументы) не требуют проведения столь специфических действий со стороны исследователя (пользователя), работающего с ними.

Нужно также учитывать тот факт, что интернет-страницы могут обновляться их автором, и в ходе этого процесса нередко полностью изменяется их содержание — новая версия сайта может не иметь с предыдущей ничего общего. Можно провести аналогию с источниками на традиционных носителях — мы бы получили тот же эффект, если бы свежие газеты печатались прямо поверх старых, и содержание полностью менялось.

С другой стороны, для Интернета характерно наличие большого количества стабильных элементов. Обязательным условием существования интернет-ресурса является его относительная устойчивость — для того, чтобы некий объект можно было передать, его форма и содержание должны иметь определенный набор неизменяющихся характеристик.

Постоянно возрастающая и усложняющаяся совокупность элементов, составляющих «Всемирную паутину» изменяет традиционные связи между формой и содержанием исторических источников, а поэтому необходимо адаптировать традиционные приемы источниковедческого анализа для работы с интернет-контентом. Сетевые источники требуют переосмысления методов исследования формы и содержания анализируемых объектов, а также процессов их создания, распространения, использования и интерпретации. Нестабильность интернет-ресурсов, с одной стороны, требует активных действий со стороны исследователя, чтобы получить возможность доступа к ним по прошествии определенного времени для верификации полученной информации. Относительная стабильность Интернета, обусловленная спецификой его существования, предоставляет эту возможность. В отличие от, например, театральной постановки (которую, в отличие от видеозаписи постановки, нельзя посмотреть несколько раз для проведения необходимых исследовательских процедур), при работе с интернет-источниками чаще всего есть возможность их исследования и верификации почти в том виде, в котором они были созданы. Это, прежде всего, самостоятельное архивирование сайтов и использование соответствующих уже существующих программно-технологических комплексов (TheWaybackMachine, WebCite, и т. д.) делают полученные в результате исследования данные более полными и верифицируемыми, а также позволяют ученым изучать интернет-ресурсы в хронологической перспективе.

При исследовании ресурсов сети Интернет как исторических источников можно выделить несколько взаимодополняющих исследовательских методов. Следует отдельно упомянуть о том, что адекватный источниковедческий анализ интернет-ресурсов невозможен без применения комплексного подхода и совокупности приведенных ниже методов. Это обстоятельство вызвано уже упомянутой спецификой интернет-контента, а также основными сложностями, с которыми сталкивается исследователь при работе с ним. Например, среди основных методов в первую очередь выделяется **дискурсивный анализ** интернет-источников, и исследователю необходимо учитывать тот факт, что неотделимость формы от содержания характерна для интернет-источников не меньше, чем для любых других типов и видов исторических источников. Следовательно, обращение исключительно к дискурсивному анализу при сознательном игнорировании других методов ставит под сомнение достоверность результатов научной работы, что, впрочем, не умаляет необходимость его использования в рамках исследования интернет-источников в целом.

При анализе представленных в Интернете текстов следует учитывать, что они не существуют сами по себе, а связаны между собой посредством гиперссылок (в пределах одного сайта). При концентрации внимания исследователя исключительно на дискурсивном анализе есть вероятность того, что Интернет будет восприниматься как совокупность текстов, а не как более сложный и многоаспектный феномен. Ссылки являются не просто соединениями и переходами между текстами, они могут раскрыть иные пласты содержания и позволяют исследователю глубже взглянуть на изучаемый объект. В Интернете элементы перехода и соединения зачастую играют не меньшую роль, чем непосредственно содержание сайтов.

Также при исследовании интернет-источников очень важен их **структурный анализ**. Рассматривая отдельно взятый интернет-ресурс, следует тщательно изучить структуру как сайта в целом (количество страниц, порядок их расположения и т. д.), так и определенных его элементов (наличие поискового механизма по сайту, политика конфиденциальности, наличие форумов и досок объявлений). Вместе с тем для того, чтобы определить место сайта в Интернете в целом, понимания его структуры как отдельно взятого элемента недостаточно — для этого необходимо выявить и исследовать те ресурсы, на которые ведут ссылки с сайта и на которых есть ссылки на изучаемый сайт. Структурный анализ сайтов на макроуровне позволяет выявить закономерности их существования в рамках Интернета в целом.

Необходимо учитывать и **социокультурную составляющую** комплексного источниковедческого анализа интернет-источников. Происхождение любого источника определяется социокультурными условиями, это верно и для интернет-ресурсов, хотя исследователь должен учитывать их способность к трансформации. При источниковедческом анализе сайтов следует помнить, что отдельные их элементы создаются самими пользователями, которые пополняют информационный ресурс (комментарии, общение на форумах, загружаемые материалы и т. п.). В целом при источниковедческом изучении интернет-страниц необходимо учитывать все вышеперечисленные подходы, которые позволят провести многоуровневый анализ комплекса веб-ресурсов.

Изучение интернет-страниц как исторических источников является одним из наиболее актуальных направлений источниковедения. Глобальная сеть оказывает все большее влияние на появление и бытование, в том числе и тех видов исторических источников, которые образуются вне его пределов. Однако недостаточная разработанность методологии изучения интернет-источников ставит перед исследователем задачу определения методов и подходов, позволяющих максимально адекватно проводить их источниковедческий анализ.

ИДЕИ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ М. А. БАКУНИНА

*Ж. Г. Черненко
(МГУ имени М. В. Ломоносова)*

Между социально-философскими идеями анархизма и феминизма всегда существовала неразрывная связь, обусловленная глубоким интересом обоих течений к свободе личности, ограниченной на индивидуальном и коллективном уровнях рамками общественных институтов и предписанных социумом моделей поведения. Анархизм в своем теоретическом развитии не только затронул тему существования женщин в патриархальном мире, но и подготовил почву моральной реформы, которая позволила женщине взглянуть по-новому на свои права и декларируемые обществом «естественные» обязанности. Анархистский принцип главенства личной свободы над интересами государства оказался полезен в деле формирования взглядов «новой женщины», открыв ей не только ценность стремления к освобождению от внешнего гнета, но и необходимость отказа от собственных предрассудков и традиционного образа мыслей, навязанного гендерной системой распределения ролей.

Среди теоретиков анархизма, внесших вклад в развитие отечественной и мировой феминистской мысли, можно выделить М. А. Бакунина (1814–1876), который, разрабатывая свою систему устройства общества на принципах коллективизма и индивидуального анархизма, затронул и ряд вопросов, касающихся необходимости женской эмансипации.

М. А. Бакунин видел свободу как «абсолютное право всех взрослых мужчин и женщин», и отмечал возможность ее реализации лишь «при равенстве всех». Он последовательно выводил свое требование равноправия полов из требования всеобщего равенства, признавая свободу единственным общественным законом, обязательным для исполнения, способным наилучшим образом организовать общество и освободить его от диктата юридического права и государственной воли. Представленное равными людьми, чей индивидуальный вклад в общее развитие не будет ущемлен дискриминацией по полу, классу или происхождению, данное общество, по мнению философа, не стало бы нуждаться в государстве, поскольку порядок в нем будет осуществ-

вляться за счет соединения всех свобод, коллективных и индивидуальных, работающих на личное и всеобщее благо. В концепции идеального общества Бакунина «женщина, по своей природе отличная от мужчины, но не уступающая ему ни в чем, трудолюбивая и свободная как мужчина, будет провозглашена равной во всех политических и социальных правах, а также во всех политических и социальных функциях и обязанностях»¹. Для достижения женской эмансипации Бакунин выдвигал целый ряд феминистских по своей сути требований, касающихся гендерного равенства в общественной и политической сферах.

1. Прежде всего, *ликвидацию института традиционного патриархального брака*, отводящего женщине скудную роль в общественных делах и ограничивающего её активность делами семьи и мужа. Бакунин считал традиционный брак с его патриархальными устоями главной опорой государственности и причиной подчиненного положения женщины в обществе. «Патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами... Деспотизм мужа, отца, а потом старшего брата обратил семью, уже безнравственную по своему юридически-экономическому началу, в школу торжествующего насилия и самодурства, домашней ежедневной подлости и разврата»². Примат мужского начала над женским, по мнению Бакунина, имел не только моральную поддержку андроцентричного государства, но и стойкую платформу материального преимущества, вытекающего из наследственного характера семейной собственности, переходящей во владение мужчины. По поводу явления наследственного права Бакунин высказывался особенно резко, требуя «уничтожения отцовского, семейного права, то есть деспотической власти мужа и отца, основанной исключительно на праве наследственной собственности»³.

2. *Равное «...воспитание и образование лиц обоего пола*, одинаково доступное и обязательное для всех детей и подростков до

их совершеннолетия»⁴, очищенное от влияния патриархально-подданнической идеологии, насаждаемой церковью и государством. Под воспитательным процессом здесь Бакунин подразумевает не «дрессировку» ума и характера, а их пробуждение для независимой деятельности с помощью приучения девочек и мальчиков к умственному и физическому труду и их ознакомления с законами естественной морали. Основным же моральным законом воспитательного процесса он провозглашает принцип справедливости и уважения к правам и свободам других, отмечая, что «такое воспитание привело бы к исчезновению многих так называемых природных различий»⁵.

3. *Общество равных возможностей* организованное таким образом, чтобы «каждый индивид, мужчина или женщина, находил, появляясь на свет, почти равные средства для развития своих различных способностей и для их использования своей работой ...»⁶, что будет, в том числе, обеспечено ликвидацией института семейного и наследственного права. При этом, Бакунин высказывался против всякого рода ущемления способностей более трудолюбивых и одаренных людей в угоду менее способным. Основным критерием оценки способностей индивида он считал труд как показатель общественной значимости, который в условиях отсутствия эксплуатации, должен стать и единственным источником получения благ человеком. Однако, сообразуясь с особенностью женской физиологии, накладывающей на женщину дополнительный функционал матери и сопряженный с этим труд по кормлению и воспитанию ребенка, Бакунин предложил следующую меру, не входящую в противоречие с принципом распределения благ:

4. *Приравнивание труда матери по своему статусу к общественно значимому труду*, что должно найти свое воплощение в систематической поддержке обществом матери от периода беременности до периода относительной самостоятельности ребенка. «Мать, кормящая и воспитывающая своих детей, имеет равным образом право получать от общества возмещение ее расходов по содержанию их и оплату труда, который она несет ради них»⁷. Данная позиция во многом роднит взгляды Бакунина с подходом марксистского феминизма в оценке со-

¹ Бакунин М. А. Принципы и организация интернационального революционного общества // Анархия и порядок: соч. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 299.

² Бакунин М. А. Государственность и анархия // Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 515–516.

³ Бакунин М. А. Программа общества международной революции // Анархия и порядок: соч. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 316

⁴ Там же. С. 307.

⁵ Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 122

⁶ Там же. С. 176.

⁷ Бакунин М. А. Принципы и организация... С. 299.

циальной значимости материнства и с современными концепциями поощрения материнского труда.

5. *Равные избирательные права и право на участие в политической жизни автономной общины*, которая явит собой основу гражданско-го объединения страны и будет представляема «большинством голов всех совершеннолетних жителей, мужчин и женщин на равных правах»⁸.

Исполнение вышеперечисленных требований, по мнению Бакунина, станет вполне достаточным для обеспечения равенства мужчин и женщин в обществе, существующем на добровольных началах и принципах индивидуальной и коллективной свободы. Столь деятельный взгляд на проблематику гендерного неравенства, разрабатываемый в рамках анархистской теории, позволяет рассматривать М. А. Бакунина в качестве теоретика классического анархизма и теории равенства полов, т. е. феминизма, последовательно вытекающего из принятия принципа естественной свободы, лежащего в основе анархизма. Во многом, Бакунин своей непримиримостью по отношению к отцовскому начальственному праву, позволил осуществить первое концептуальное отрицание властных институтов, начиная с отрицания самого древнего института власти — патриархата. Выделяя женщину в качестве важного общественного элемента, подлежащего скорейшей эмансипации, Бакунин не пытался соответствовать в этом ключе западной «моде» на суфражизм, но выводил данное своё положение из глубокого интереса анархизма к личности, ради которой, по мнению философа, и должны осуществляться любого рода социальные и общественные преобразования.

⁸ Бакунин М. А. Принципы и организация... С. 284.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ КОНСЕРВАТИЗМА Н. М. КАРАМЗИНА

*Н. С. Чижков
(ГАУГН)*

Спор о самобытности России сегодня вновь в центре общественных дискуссий, он тесно связан с попытками формирования новой консервативной идеологии. Эти попытки сегодня, как мы видим, в большей степени ориентированы на возрождение идеи исключительности России, при этом акцент делается не столько на анализе внутренних процессов в русском обществе и истории их осмысления, сколько на простом идеологическом противопоставлении Западу. Методологическая ущербность такого подхода очевидна, к сожалению, далеко не всем.

В истории русской мысли есть фигуры, на которые не только можно, но и должно опереться, размышляя о русском консерватизме. Одним из них, безусловно, является Николай Михайлович Карамзин. Карамзина, правда, иногда пытаются представить крайне односторонне, как теоретика некой российской исключительности, что абсолютно неверно. Карамзин всегда говорил о самобытности истории любой страны, в том числе и России, но он никогда не утверждал, что у России есть какой-то свой особый, совершенно отличный от всех, путь.

Карамзина многие ученые справедливо рассматривают как основателя консерватизма в России¹. Поставленные на рубеже XVII и XVIII веков вопросы и предложенные Карамзиным ответы представляются достаточно актуальными и, безусловно, важными для формирования современного консервативного мировоззрения. Сегодня важно понять, как Карамзин решал вопрос о единстве и взаимосвязи самобытности исторического пути народов с тем универсальным содержанием, которое реализуется в истории каждого из них. Необходимо также понять, почему Карамзин считал, что нельзя заимствовать

¹ См.: *Ермашов Д. В., Шириняни А. А. У истоков российского консерватизма: Н. М. Карамзин*. М.: Издательство МГУ. 1999.

«чужие» идеи и пытаться их применять, но при этом очень важно их изучать.

Есть еще целый ряд вопросов сходных с перечисленными по своей логической структуре и которые с полным правом можно назвать философскими. К ним следует отнести и проблему свободы. Идея свободы обычно ассоциируется с либерализмом и, как правило, редко связывается с консерватизмом. Это привело к определенному перекосу в современных российских дискуссиях. Сегодня сторонники консерватизма готовы говорить о традициях и «скрепах», о стабильности и духовности, но при этом они забывают, что консерватизм также имеет и свои права на идею свободы, имеет свою собственную концепцию свободы, отличную от во многом индивидуалистической концепции свободы либералов.

Карамзин долгое время находился под обаянием идей Просвещения и его идеологов и в этом смысле он занимает особое место в истории консерватизма. Он сохранил верность на протяжении всей своей жизни многим идеям, почерпнутым еще в молодости с одной стороны у французских просветителей, в первую очередь у Руссо и Монтескье, с другой, у Гердера² и Канта, адаптировав их к своим философско-историческим взглядам.

Карамзин не отвергает идеи Просвещения, а находится в диалоге с ними, он скорее хочет найти им другие основания. На примере идеи свободы это видно наиболее отчетливо.

По Карамзину мы свободно делаем то, что соответствует духу и нравам народа, в котором сформировались и которому принадлежим. Таким образом, свобода всегда тесно связана с устоями и склонностями конкретного народа. Свобода — это в первую очередь возможность действовать в соответствии со своими склонностями и установившимися обычаями. При этом сами склонности формируются у человека под воздействием формировавшихся веками обычаев народа. То есть по существу Карамзин говорит о том, что социальный мир и гармония, утвердившиеся в обществе в виде обычаев и устоев и есть основа свободы. Их подрыв есть главная опасность для свободы. В этой концепции, которая, безусловно, навеяна идеями Гердера, мы видим принципиально иной подход, чем тот, который видит в свободе лишь равную меру взаимного ограничения произволов.

² Учение Гердера о «духе народа», который «не объясним и неугасим», который «стар как народ, стар, как страна, которую этот народ населяет», безусловно, повлияло на мировоззрение Карамзина.

Если свобода в первом понимании, о котором говорилось выше, — это возможность действовать в соответствии со своими склонностями в условиях спокойствия духа и безопасности, то в более общем философском понимании свобода — это способность и возможность поступать в соответствии с нравственными законами.

Свобода составляет основу жизни человека, но по-настоящему свободен не тот, кто ни чем не ограничен в своих поступках, а тот, кто следует голосу совести в своей жизни. Свобода человека состоит в возвышении над законами реального мира и следовании нравственному закону. Эта позиция как будто сближает его с Кантом³, однако, нельзя сказать, что Карамзин полностью принимает его идею моральной автономии.

Проблема в том, что нравственный закон был дан много позже, чем сотворен реальный мир с его законами, по которым каждый стремится выжить, обеспечить себе максимальное благополучие, в том числе и за счет других. Нравственный закон, считает Карамзин, дан был только в Новом Завете. Отсюда проистекают множественные противоречия, характеризующие человеческое земное существование. Если нравственный закон говорит подставить вторую щеку, то это не значит, что врагу, который сжег твою деревню, можно позволить сжечь другую.

Это противоречие законов реального мира и нравственного закона наиболее остро ощущаются монархами, и именно на их плечи ложится бремя поиска их оптимального сочетания в конкретных условиях, причем, и забота о собственном народе и следование нравственному закону — это нравственные задачи.

Во второй записке Александру I «Мнение русского гражданина» Карамзин подробно разбирает этот парадокс и то противоречие, которое возникает между нравственным чувством и реальной жизнью. Он анализирует желание Александра I восстановить Великую Польшу. Решение, считает Карамзин, может быть найдено не на пути простой реализации нравственного требования в реальном мире, то есть воссоздание Польши в ее прежних границах, а только на путях постепенного просвещения и возвышения всех людей до определенного нравственного уровня. В противном случае, считает Карамзин, нравственный поступок в отношении Польши (восстановление ее целост-

³ В этом отношении очень важен для понимания точки зрения Карамзина «конспект» его беседы с Кантом. См. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Полное собрание сочинений в 18 томах. М.: Терра. 2005. Т. 13. С. 25–26.

ности) в реальном мире обернется простым воссозданием на западных границах России векового ее врага.

И все же понимание Карамзиным свободы не сводится к этим двум концепциям. Карамзин видит, что должно быть что-то более фундаментальное, лежащее в их основании.

Истоки свободы человека по Карамзину вообще лежат не в реальном мире, а в самой природе его души. Вот очень важная мысль Карамзина: «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!»⁴

Приходится констатировать, что процесс формирования современной консервативной мысли в России, как это ни покажется странным и даже парадоксальным, проходит без учета истории и традиций консерватизма, произрастающего на нашей национальной почве, без осмысления «онтологической глубины консерватизма» (Н. А. Бердяев). Карамзин не только исследовал самобытность русской истории, ее специфические черты, но и сформулировал свое понимание вечных основ человеческого существования, к каковым он отнес свободу. Без такого онтологического углубления существует реальная опасность превращения консерватизма всего лишь в идеологическое выражение изоляционизма и ксенофобии.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРА ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОСКВЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ГОРОДА МОСКВЫ

*И. С. Чирков
(ЦГАМ)*

«Экстремизм» в самом широком смысле означает приверженность к крайним взглядам и мерам. Политический экстремизм в современном мире расценивается как преступление, как расшатывание основ существования государства. Федеральный Закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» относит к экстремизму «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации», «публичное оправдание терроризма» и иную террористическую деятельность, «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни», «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» и т. д.¹

Это определение во многом совпадает с резолюцией Парламентской Ассамблеи Совета Европы: «Экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма»².

¹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Интернет-портал «Российской газеты» (<http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>, дата обращения 28.02.2014)

² Резолюция 1344 (2003) «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» // Интернет-портал Парламентской Ассамблеи Совета Европы (http://www.coe.int/t/r/parliamentary_

⁴ Карамзин Н. М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 443.

Между тем, в различных человеческих сообществах и в разных общественно-политических условиях экстремизм не только не порицается, но и объявляется предпочтительным образом мысли и действия. Особенно это характерно для государств в период политической дестабилизации и для замкнутых сообществ людей, объединенных общими взглядами. История постсоветской России представляет собой целое поле для изучения политического экстремизма в его многообразных проявлениях. Убедиться в этом можно на материале обширнейшего в нашей стране собрания документов общественных объединений, собранного в Центре хранения документов общественно-политической истории Москвы Центрального государственного архива Москвы (ЦХДОПИМ ЦГА Москвы).

История экстремизма в постсоветской России отражена, прежде всего, в архивных фондах политических объединений, чьи программы и деятельность основывались на тех самых идеях «нетерпимости и ксенофобии» и на резком отрицании господствующего политического строя вплоть до призывов к его насильственному свержению. Сюда относятся организации крайне левого и крайне правого толка.

Объединенный архивный фонд составляют документы ряда связанных между собой анархистских организаций («Инициативы революционных анархистов» (ИРЕАН), Конфедерации революционных анархо-синдикалистов (КРАС), Международной Ассоциации Трудящихся (МАТ) и др.) за период с 1992 г. по 1997 г. Это уставы организаций, переписка, листовки, периодические издания и т. д.

Документы Национально-патриотического фронта «Память» за 1988–1998 гг. также составляют отдельный фонд. Это устав, протоколы съездов, листовки, печатный орган — газета «Память», документы об участии лидера фронта Д. Д. Васильева в выборах депутатов Московской городской Думы 1997 г. и т. д.

В фонде Общероссийской политической партии «Национально-державная партия России» (НДПР) хранится основной комплекс документов этой единственной официально зарегистрированной в России в 2000-е гг. партии с радикально националистической идеологией³. В ее создании и деятельности принимали участие такие идео-

assembly/%5Bussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp, дата обращения 28.02.2014)

³ Клеймёнов В. А. Историческая справка к фонду № П–8787 («Общероссийская политическая партия «Национально-державная партия России» (НДПР). М., 2010. Л. 5.

логи русского национализма, как С. Н. Терехов, А. Н. Севастьянов, Б. С. Миронов, Д. Н. Дёмушкин. Последние двое подвергались уголовному преследованию по обвинению в экстремизме, а С. Н. Терехов — за участие в обороне Дома Советов в октябре 1993 г.⁴

«Возбуждение социальной и национальной розни» составляет основу идеологии Всероссийской политической партии «Курсом правды и единения» (КПЕ), известной также как «язычники-сталинисты»⁵. Документы по основной деятельности этой политической партии со своим уставом и программой, активно стремящейся к участию в выборах, ведущей агитацию и вербующей сторонников по всей России, входят в объединенный фонд ЦХДОПИМ наряду с документами ее идейного предшественника — Общероссийского общественного движения «К Богодержавию». Особый интерес здесь вызывают труды так называемого «Внутреннего Предиктора» — коллектива конспирологически и антисемитски настроенных авторов.

На экстремистских, в сущности, идеях зиждилась пропаганда Либерально-демократической партии России на заре ее истории. Архивный фонд этой партии включает наиболее полный комплекс ее документов начиная еще с того времени, когда она была Либерально-демократической партией Советского Союза, и показывает трансформацию идей от «крайне правых» и крайне националистических в первой половине 1990-х гг. к значительно более умеренным.

Документы большого числа организаций, не имеющих отдельных фондов, были включены в тематические архивные коллекции. Это коллекция документов о деятельности анархистских организаций 1989–1997 гг., коллекция периодических изданий общественно-политических организаций 1985–2012 гг., включающая печатные органы движения «Черная сотня», газеты «Лимонка», «Русский вестник», закрытую по обвинению в экстремизме «Дуэль» и ее идейных преемниц, русофобские издания националистических объединений из быв-

⁴ Интернет-портал следственного комитета Российской Федерации http://www.sledcom.ru/news/72273.html?sphrase_id=159455/; Резчиков А. Вынесен приговор Борису Миронову // Интернет-портал газеты «Взгляд» <http://vz.ru/politics/2008/2/12/144283.html>; Анпилов В. Наша борьба // Виктор Анпилов. Официальный сайт <http://1993.sovnarkom.ru/KNIGI/ANPILOV/glava8.html> (дата обращения 03.03.2014).

⁵ Мороз Е. Язычники-сталинисты, или «Концептуальная партия «Единение» // <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2003/11/d1377/> (дата обращения: 09.06.2013).

шего СССР. Коллекция документов общественно-политических организаций по проведению референдумов и избирательных кампаний по выборам в органы государственной власти 1988–2012 г. содержит документы различных общественных объединений, действовавших в периоды избирательных кампаний в том числе и под экстремистскими лозунгами. Сюда относятся и документы о проведении протестных митингов в период избирательной кампании Президента 2012 г., вылившихся в беспорядки на Болотной площади.

Коллекция документов движения «Русское национальное единство» (РНЕ) включает проекты программы, справки о силовых структурах движения и о событиях 1993 г. в России, о политических занятиях для сподвижников РНЕ, фотографии с сюжетами о жизни движения, листовки, широко распространявшиеся среди граждан России, статьи председателя РНЕ А. П. Баркашова, документы редакции печатного органа движения — газеты «Русский порядок», региональных отделений РНЕ и др.

К экстремистским организациям нередко относят «новые религиозные движения». Экстремизм некоторых из них уже не подлежит сомнению («Аум Синрикё»), других — оспаривался в суде («Церковь саентологии»). Обширная и репрезентативная коллекция документов о деятельности религиозных объединений включает документы тоталитарных сект, среди которых — объединение «Аум Синрикё» (уникальные документы о регистрации новых членов организации), «Богородичный Центр», «Великое Белое братство», «Церковь саентологии», «Свидетели Иеговы» и др. с 1983 г. по настоящее время. Интересно, что целый ряд документов поступил в коллекцию от представителей экстремистских организаций, боровшихся с тоталитарными сектами: от А. Р. Штильмарка из движения «Черная сотня», участника которого в 1993–1994 гг. в Москве громили торговые лотки «Аум Синрикё»⁶, от А. Р. Шатрова, члена РНЕ.

Комплектование архива подобными документами и их научное описание, осуществляющееся ЦХДОПИМ, должно помочь историкам будущего дать взвешенную оценку экстремистских тенденций в постсоветской политической жизни.

⁶ Автократова К. Н. Историческая справка к фонду № П–8671 (Коллекция документов о деятельности религиозных объединений). М., 1997. Л. 10.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТКАХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ О ГЛУХОНЕМЫХ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РГИА¹)

С. А. Чорбачиди
(МГУП им. Ивана Федорова)

Отечественная благотворительная открытка, широко издававшаяся в Российской империи в конце XIX — начале XX века, в настоящее время привлекает большой общественный интерес. Так, объектом многочисленных современных исследований стали почтовые карточки Общины Святой Евгении — крупнейшего издателя открытых писем тех лет². Между тем, деятельность по выпуску и распространению благотворительных открыток сотней других организаций никогда не освещалась в научных публикациях. Для восполнения этого пробела обратимся к открыткам одной из таких организаций — Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых.

Попечительство Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых возникло 3 мая 1898 г. с высочайшего соизволения самого Императора Николая II и по инициативе главноуправляющего канцелярией Ведомства учреждений Императрицы Марии генерал-адъютанта графа Н. А. Протасова-Бахметьева³. Главной целью деятельности этого ведомства стало «попечение о глухонемых всех

¹ РГИА — Российский государственный исторический архив.

² См., напр: *Вульфсон Ю. Н.* Иллюстрированный каталог открытых писем в пользу Общины Св. Евгении: в 4 т. М., 2005–2006. 1–4 т.; *Мозохина Н. А.* Открытки Общины Святой Евгении как художественный проект мастеров объединения «Мир искусства». Проблемы истории и художественной практики. — М., 2009; *Третьяков В. П.* Открытые письма Серебряного века. СПб., 2000.

³ Отчет о деятельности состоящего под августейшим покровительством их Императорских Величеств Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых за 1899 г. — СПб., 1900. С. 3.

возрастов»⁴. Необходимость его создания была обусловлена целым рядом причин, в их число входили: «весьма ощутительный недостаток, за исключением столиц и некоторых других городов, специальных учебно-воспитательных заведений [для глухонемых], несоответствие размеров существующих учреждений предъявляемым к ним требованиям, недостаток общей однообразной системы в организации обучения и воспитания глухонемых, а равно не только ограниченность, но и полное отсутствие денежных средств»⁵. В подтверждение этих фактов в отчетах ведомств были приведены следующие сведения на начало XX века: из 160 тысяч глухонемых, живущих на территории России, только 1,2 % получали специализированную помощь⁶.

Первые выявленные нами упоминания об издательской деятельности Попечительства относятся к 1899 г. и связаны с выпуском книжных изданий. Так, в смете организации на 1900 г. содержатся сведения о «приходе» суммы, вырученной от продажи изданных попечительством учебника и календаря в размере 2000 рублей⁷. Известно, что в 1902 г. на средства попечительства было выпущено четыре наименования пособий для обучения глухонемых, а также две книжки с очерками под названиями «Положение глухонемых в России» доктора М. В. Богданова-Березовского и «Глухонемой и его душевный мир» доктора медицины Е. С. Боршипольского⁸.

В том же году совет Попечительства «озабочиваясь изысканием средств для открытия школ-хуторов, предпринял в числе других мер издание открытых писем с рисунками лучших русских художников и

⁴ Положение о состоящем под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительстве Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых. СПб., 1900. С. 3.

⁵ Отчет о деятельности состоящего под августейшим покровительством их Императорских Величеств Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых за 1899 г.- СПб., 1900. С. 12.

⁶ Отчет о деятельности состоящего под августейшим покровительством их Императорских Величеств Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых за 1901 г.- СПб., 1902. С. 51.

⁷ Отчет о деятельности состоящего под августейшим покровительством их Императорских Величеств Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых за 1899 г. СПб., 1900. С. 3. С. 83.

⁸ Отчет о деятельности состоящего под августейшим покровительством их Императорских Величеств Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых за 1902 г.- СПб., 1903. С. 50–51.

художниц»⁹. Уже с февраля 1902 г. секретарь Попечительства начал активные переговоры с популярным в те годы художником Н. Н. Каразиным, обязавшимся не позднее 9 июня того же года предоставить ведомству эскизы для серии открыток под названием «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» по цене 25 рублей за рисунок. По замыслу художника, первое открытое письмо серии должно было изображать Микулу Селяновича — первого пахаря земли русской, второе и последующее — различные виды работ, преимущественно полевых, для получения хлеба и, наконец, последнее, украшенное орнаментом в русском стиле — хлеб и соль¹⁰.

Некоторое время спустя, вероятнее всего, в ноябре 1902 г. известным Картографическим заведением (литографией) А. Ильина литографическим способом было отпечатано шесть из запланированных десяти открыток этой серии (открытка с изображением хлеба и соли и еще три почтовые карточки так и не вышли в свет), а также одна открытка под названием «Пишу грамотку прошу памятку!», оформленная Е. М. Бём¹¹. На адресной стороне этих открыток в левом верхнем углу помещена эмблема с изображением наградного жетона Попечительства.

Вскоре после выпуска открыток в печатном органе Попечительства — «Вестнике Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых» появилось рекламное объявление с предложением приобрести их «в канцелярии Попечительства о глухонемых (Казанская, 7), в канцелярии Училища глухонемых (Гороховая, 18) и в лучших эстампных и писчебумажных магазинах» по цене 10 копеек за экземпляр¹², что являлось достаточно большой суммой, если учесть тот факт, что зарплата рабочего в 1902 г. составляла 16 ру-

⁹ Дело Об открытых письмах (канцелярии состоящего под августейшим покровительством Их Императорских Величеств Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых). // РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 4; Согласно с архивными документами, помимо упомянутых открыток Попечительством Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых была, предположительно, издана еще одна открытка, оформленная художницей Салюким. Мы не стали включать ее в перечень выпущенных Попечительством открыток по той причине, что не располагаем о ней точной и подробной информацией и не видели ее.

¹² Вестник Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых.- 1902.- № 8 (15 декабря). С. 15.

блей 35 копеек¹³. При этом нельзя не сказать о том, что точки продаж открыток Попечительства дислоцировались как в Санкт-Петербурге, так и далеко за его пределами. Об этом свидетельствуют выявленные нами «отношения» Совета попечительства, отправленные в декабре 1902 г. вместе с пятьюдесятью экземплярами открыток различных наименований «для распространения среди местного населения» Господину Уполномоченному Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых по Кутаисской губернии, архангельскому губернатору и Военному губернатору Дагестанской области¹⁴. К сожалению, на настоящий момент мы не располагаем точными сведениями о денежных средствах, вырученных от продажи всех этих открыток, но можем точно сказать о том, что общая прибыль от изданий Попечительства за 1902 г. составила 2264 рубля 13 копеек¹⁵.

Таким образом, издательская деятельность Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых по выпуску открыток была незначительна по объему. Однако, не смотря на ее скромные масштабы, это ведомство смогло наладить, по сути, образцовое ведение дела; изданные им открытки создавались по-настоящему известными «художниками-открыточниками», печатались в одном из лучших литографических заведений своего времени и отличались высоким качеством художественно-полиграфического исполнения. Их продажа осуществлялась посредством «отлаженной» сети распространения, состоявшей из торговых точек, расположенных в различных городах Российской Империи.

¹³ Как жил русский рабочий до революции [Электронный ресурс] // Портал о России. Электрон. дан. [Б.м.]; [б.г.]. Режим доступа: <http://www.miloserdie.ru/articles/eho-istorii-sestry-miloserdija-kak-eto-bylo>, свободный. Загл. с экрана. (Дата обращения: 23.02.2014.)

¹⁴ Дело Об открытых письмах (канцелярии состоящего под августейшим покровительством Их Императорских Величеств Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых). // РГИА. Ф. 765. Оп. 1 ед. хр. 318. Л. 6, 7, 14.

¹⁵ Отчет о деятельности состоящего под августейшим покровительством их Императорских Величеств Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых за 1902 г. СПб., 1903. С. 79.

ИЗ ИСТОРИИ НЕОСУЩЕСТВЛЁННОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА В г. САМАРЕ В НАЧАЛЕ 1930-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГАСО)

*Д. А. Шаронин
(Филиал РГАНТД, Самара)*

На протяжении 1920–30-х гг. в Советском государстве шёл процесс интенсивного экономического строительства. Для восстановления паритета с ведущими странами Запада и обеспечения суверенитета России требовалось заново на новом качественном уровне создать мощный промышленный комплекс. В Европе на эти серьёзные планы советского правительства смотрели с изрядной долей скептицизма. Тем не менее, начавшиеся реформы имели под собой хорошо продуманную научно-исследовательскую базу. Если в 1920-х гг. двигателем экономики выступал план ГОЭЛРО, то в 1930-е гг. он в значительной степени был дополнен и детализирован планами пятилеток.

В историографии успехи электрификации и индустриализации отмечались триумфальными вехами пуска в эксплуатацию Шатурской и Каширской ГРЭС, окончанием строительства Днепрогэса. Достигнутые результаты были колоссальными, и в целом поставленные цели были выполнены. Вместе с тем электрификация и индустриализация страны происходили неравномерно.

В силу понятных идеологических причин в советской историографии не нашли отражение те сложности и неудачи, которые неминуемо случались на фоне крупных достижений. Примером может служить электрификация Куйбышевской области (в первой половине 1930-х гг. Средневожского края), которая из-за существующей топливной проблемы была в полной мере осуществлена только в конце третьей пятилетки. Изученные и вновь вводящиеся в научный оборот архивные документы научно-исследовательских учреждений, а также партийных и государственных органов власти, позволяют прояснить картину существовавших проблем.

Электрификация Поволжья ещё в плане ГОЭЛРО, как и в других регионах, планировалось провести за счёт местных ресурсов, которые

были представлены в нём Волгой и горючими сланцами¹. В начале 1930-х гг. Энергетическим институтом был проведён ряд технико-экономических анализов, которые подтвердили перспективность использования данных ресурсов в качестве энергетической базы, необходимой для создания на Средней Волге строительных и металлургических предприятий². Однако не все из этих прогнозов оказались верными. Не оправдала себя, в частности, ставка, сделанная на сланцы.

На территории края располагались запасы сланцев, по оценкам геологов составляющие 85 % от всех запасов страны. Помимо извлечения из сланцев бензина и твёрдых фракций, их пытались использовать в энергетике напрямую. В краевой газете «Волжская коммуна» за 1930 г. местные власти заявляли: «По новой пятилетке мы считаем необходимым построить целую сеть электростанций на сланцах и угле с таким расчётом, чтобы эта сеть электростанций к концу 32–33 года дала нам в общей сложности 295 тыс. кВт, вместо имеющихся 8,6 тыс. кВт в данный момент». Но даже простое сжигание сланцев в бытовых и промышленных нуждах представляло большие сложности. В этом же выпуске «Волжской коммуны» отмечалось: «Вместе с тем у нас плохо обстоит дело с практическим использованием сланцев непосредственно на месте. Одной из ближайших задач является задача перевода максимального количества топок и предприятий на местные сланцы»³.

Энергетических мощностей для промышленного развития края явно не хватало: дефицит при этом испытывали не только периферийные, но и центральные районы. Недостаток электроэнергии наблюдался даже в Самаре. Для покрытия мощностей растущей промышленности города требовалось расширять единственную работающую в городе Самарскую ГРЭС. В периодической печати отмечалось, что расширение теплоэлектростанции «преступно растянулось», и, что до осуществления строительства кольца электроцентралей на сланцах СамГРЭС «придётся быть единственно серьёзной базой производства электроэнергии в Среднем Поволжье»⁴.

¹ План ГОЭЛРО. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. 2 изд. М: Государственное техническое издательство, 1955. С. 490.

² Отчёты по НИР Энергетического института // Филиал Российского государственного архива научно-технической документации (филиал РГАНТД). Ф. Р-249. Оп. 1–1. Д. 1, 24, 34, 38, 39, 40.

³ Волжская коммуна. 1930 г. № 142. С. 3.

⁴ Волжская коммуна. 1930 г. № 249. С. 5.

Таким образом, главная ставка в разрешении энергетической проблемы Средневолжского края делалась на сланцы. Разрешить вопрос об их использовании в котельных и теплоэлектростанциях поручалось специально созданному для этого в декабре 1930 г. Поволжскому отделению Теплотехнического института (ПОВТИ). Опыты, проводившиеся сотрудниками института в котельных предприятий и учреждений края, вызывали неудобства и мешали их работе, а расположение экспериментальной базы института на территории Самарской ГРЭС, в условиях её расширения на небольшой строительной площадке, было невозможным⁵. Поэтому для нормальной работы отделения требовалась полноценная научно-техническая база, которая, по заявлениям инженеров, должна была бы быть представлена первой в Советском Союзе показательной ТЭЦ на сланцах.

В итоге ПОВТИ стало добиваться строительства отдельной ТЭЦ недалеко от железнодорожного вокзала. С этой целью дирекция отделения договорилось с потенциальными потребителями о финансировании будущего строительства.

В официальных постановлениях местные органы власти приветствовали строительство ТЭЦ, но их надежда на то, что она сможет решить имевшиеся энергетические проблемы, по-видимому, была небольшой⁶. За официальными постановлениями и решениями местных органов власти то здесь, то там проглядывала доля сомнения в успехах начатого мероприятия. Так, вызывали сомнения заявление директора ПОВТИ о капитализации затрат по сооружению ТЭЦ в 3 года, удачный заказ необходимого оборудования и т. д. За официальным согласием на финансирование будущей ТЭЦ руководителей предприятий крылось недоверие. Открыто его выразил председатель Макаронной фабрики Янышев, сказавший на одном из заседаний, что до окончания строительства ТЭЦ многим предприятиям всё же придётся менять изношенное оборудование своих котельных⁷.

С другой стороны, как свидетельствуют письма директора ПОВТИ А. М. Рыжика из Москвы в Самару, в Энергоцентре счита-

⁵ Письмо директора СамГРЭС Городилова в Электроплан ВСНХ <не датировано> // ЦГАСО. Ф. Р-938. Оп. 1. Д. 12. Л. 133.

⁶ Протокол № 8 Средневолжского краевого исполнительного комитета от 27 марта 1931 г. // Там же. Л. 9.

⁷ Протокол совещания при горплане по вопросу постройки ТЭЦ поволжской конторой Теплотехнического института от 27 марта 1931 г. // ЦГАСО. Ф. Р-938. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

ли сооружение столь маломощной ТЭЦ (2 тыс. кВт) возможным, но только за счёт финансирования местных потребителей⁸. Однако, несмотря на сильную изношенность оборудования своих котельных, их вполне устраивало сжигание мазута.

Большие сложности состояли и в выборе строительной площадки. Институт отстаивал за собой право на территорию железнодорожного стадиона «Динамо», однако в ходе работ ряда комиссий ему неоднократно советовали либо взять территорию занятую городскими кладбищами, либо вовсе говорили, что строительство ТЭЦ на сланцах неприемлемо из-за неясности содержания в дыме ядовитого сернистого ангидрида. Вероятно, что нежелание и скрытое сопротивление в отводе стадиона под строительство проявлял Союз Железнодорожников. В десятках листах безрезультативной переписки и всякого рода постановлений, проходивших в течение 1931 г., особо обращает на себя внимание ряд документов⁹. В одном из них коммунальная секция горсовета предлагала институту провести детальный анализ токсичности дыма, образующегося от сжигания сланцев, и в то же время брала на себя заботу в оказании помощи в строительстве (последний пункт в документе, отложившемся в деле ПОВТИ, подчеркнут красным карандашом)¹⁰, но как выяснилось, «помощь» горкомхоза надолго затянула строительство ТЭЦ. В другом документе институт в официальном обращении заявлял о необходимости популяризовать строительство ТЭЦ в среде железнодорожников¹¹, но последних, вероятно, стадион «Динамо» устраивал как спортивный объект с тиром ОСАВИАХИМа — конкретной поддержки в сооружении ТЭЦ с их стороны не наблюдалось.

В конечном итоге все запланированные сроки проектирования ТЭЦ были сорваны, и в контрольные цифры строительства Госплана

РСФСР на 1932 г. она так и не вошла. Главная причина сложившейся ситуации была одна: использование сланцев в качестве топлива с технической точки зрения было очень сложным и на местах энтузиазма не вызывало.

⁸ Письма директора ПОВТИ А. М. Рыжика сотруднику Поволжского отделения Теплотехнического института от 15 и 18 апреля 1931 г. // Там же. Л. 1–3.

⁹ В архивном деле, содержащем материалы по строительству ТЭЦ, насчитывается 386 листов // ЦГАСО. Ф. Р-938. Оп. 1. Д. 12.

¹⁰ Выписка из протокола пленума коммунальной секции горсовета от 5 апреля 1931 г. // Там же. Л. 22.

¹¹ Доклад ПОВТИ в крайисполком и горсовет по вопросу о положении дела с постройкой теплоэлектроцентрали на стадионе «Динамо» от 13 мая 1931 г. // Там же. Л. 78.

NATIONAL CONSCIOUSNESS AS A LEGACY OF SOVIET TURKIC HISTORIOGRAPHY

Michael James Erdman
(*School of Oriental and African Studies, UK*)

After the collapse of the Soviet Union in 1991 and the independence of the Turkic republics of the Caucasus and Central Asia (Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan and Kyrgyzstan), there was great hope for a renaissance of pan-Turkic solidarity. Relations between Turkey and the new states blossomed, and political, cultural and economic agreements were signed by the leaderships of the various polities. This rebirth, however, was short-lived, and the relationship between Turkey and the new governments, and among the new governments themselves, quickly soured. This development cannot wholly be explained by crises of legitimacy and stability, nor can a desire for inter-ethnic harmony be blamed for the failure of pan-Turkic sentiment.

It is my belief that Central Asian national identities, largely shaped by the national histories written during the first decades of the Soviet Union, are responsible for the lukewarm reception of pan-Turkic ideas in former Soviet states. In particular, the main proposition of this research project is that the historical works composed during this period were specifically crafted in order to stress both the importance of miscegenation in the ethnogenesis of Turkic nations (in order to guard against ethnic nationalism and racialism) and the secular distinctness of the titular nations of Soviet Republics, Autonomous Republics, and Autonomous Oblasts. In doing so, the Soviet authorities sought to ensure that mass education and the attendant interest in history and ethnography would not result in pan-Turkic feelings that might create a sense of solidarity with nations outside of the USSR's sphere of influence. It was also perceived to be a means of controlling possible inter-ethnic conflicts over land, political power and access to natural resources within the Soviet Union. In the Soviet view, whatever historical evidence might surface regarding a tradition of ethnic, confessional or racial cohabitation in a particular region, only one group could lay claim to being the autochthonous inhabitants of an area, and thus have an inalienable right to utilize its resources for the development of socialism.

That the Turkic peoples are spread across a wide swathe of Eurasia and that many of them did not live in the territory of the Soviet Union only complicated matters for Soviet ideologues. Although nationalism was present among the Uyghur and other Turkic peoples of China and Eastern Europe, its most ardent supporters were to be found in the Turkish Republic. The Republican government, founded in 1923, did not espouse irredentism or politicized pan-Turkic ideology, but it did lend its support to cultural expressions of Turkish and Turkic solidarity. The most notable of these was the Turkish History Thesis, which claimed that the Turks were a white race who originated in Central Asia and migrated elsewhere following a natural disaster of catastrophic proportions. They brought with them the foundations of the great civilizations of Asia Minor, India and China, and thus their descendants could lay claim not only to being members of the European family of races, but also to the inventors of modern civilization. The Thesis, which was based on scant archeological evidence and specious reasoning, also had implications for the modern Turkic residents of Central Asia. Its emphasis on racialism, its hints of ethnic superiority, and its insistence on the similarities between the Turkic peoples all posed threats to the goals of Soviet historical narratives. As such, the development of the Thesis and its adoption as official doctrine by the Kemalist government helped push Soviet cadres to a more determined purging of nationalist content from the sanctioned histories of the Turkic nations.

Thus the works that defined the various Turkic peoples within the Soviet family of nations were heavily skewed towards an interpretation that isolated individual groups from one another and from Turkic peoples abroad. This ideologically-influenced buffer persisted through Soviet times and into the post-Soviet era, resulting in a Turkic world where peculiarities and individualities are more important than the broad similarities once exalted by Young Turk writers.

**МАТЕРИАЛЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ, КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРУДОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
КОЛХОЗНИКОВ РУССКОГО СЕВЕРА
В 1930–1950-е гг.¹**

*А. А. Яскунова
(ВГПУ)*

История повседневности, как одно из актуальных направлений в исторической науке, неизбежно сталкивается с источниковедческой проблемой. Изучение такого аспекта как трудовая повседневность колхозников предполагает и изучение материалов устной истории. Рассмотрим особенности данных источников для изучения трудовой повседневности северной деревни 1930–1950-е гг.

Устная история, как направление исторической науки, сложилось во второй половине XX века и представляет собой зафиксированную историком информацию от участников или очевидцев тех или иных событий. Устная история дополняет имеющиеся документальные источники, служит инструментом сохранения и популяризации личных воспоминаний людей, предоставляет обширный материал для различных отраслей наук. Главная ценность такого типа источников заключается не в информации о самих событиях прошлого, а в том, как данные события отражаются в общественном сознании.

Специалист по истории повседневья XX века имеет возможность расширить свою источниковую базу за счет свидетельств еще живущих информантов — то есть использовать метод сбора и записи жизненных историй — интервью всех видов (нарративных, полуструктурированных, биографических, лейтмотивных, фокусированных и прочих). Такие устные истории становятся для него не просто сбором материала, но созданием нового вида эмпирического материала (собранный воедино он образует так называемый вторичный источник). Именно они позволяют понять человека и его поступки в конкретной

¹ Тезисы подготовлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 12-31-01305

ситуации, то, что отличает его повседневность, — от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах².

Устные источники позволяют зафиксировать уникальную информацию, не передаваемую другим путем. Если письменные источники официального происхождения чаще всего отражают историю государства и его институтов, то устные источники обращаются к истории народа, причем позволяют сделать это глазами очевидцев происходивших событий. Использование устных источников позволяет исторической науке не только ставить и изучать новые проблемы, но и раздвигать ее исследовательские горизонты в целом³.

При анализе материалов устной истории необходимо учитывать фактор субъективности взглядов информанта. Исследователь не должен забывать об особенностях личности рассказчика, его личных мотивах и др. Но этот, на первый взгляд недостаток метода устной истории является и ее достоинством. Посредством устной истории историк, таким образом, получает новую информацию, знания и факты, которые обогащают, расширяют или корректируют его существовавшее до сих пор представление об истории. Благодаря пережитому и переданному устами свидетеля, историк получает возможность придать своему описанию истории более индивидуальный характер⁴.

В работе по изучению трудовой повседневности колхозников Русского Севера в 1930–1950-е гг. важную роль играют устные воспоминания, собранные студентами ВГПУ. Особенностью данных воспоминаний стали воспоминания о Великой Отечественной войне. Особый интерес для изучения представляют воспоминания о трудовой деятельности колхозников, ее организации, особенности бытовой жизни в колхозном хозяйстве, в отходе и в личном подсобном хозяйстве (основных аспектах трудовой повседневности колхозников). Многие воспоминания дают исследователю возможность проследить трудовую жизнь колхозника в исторической перспективе.

В качестве примера можно привести часть воспоминания колхозника Вологодской области Стогова: «Я закончил 9 классов Сидоровской средней школы. Вернулся домой, где выполнял сельскохозяйственные работы, помогал родителям и колхозу: убрали сено,

² Безгин В. Б. История сельской повседневности. Тамбов, 2008. С. 4–9.

³ Орлов И. Б. Устная история: генезис и перспективы развития. // Отечественная история. 2006, № 2. С. 144.

⁴ Метод устной истории. Доступно на сайте <http://www.pametnaroda.cz/page/index/title/oral-history-method>

теребили лен, пололи раньше, а когда началась война, я был 8 июля взят в армию и направлен в пехотное училище... Во время войны важно то, чтобы каждый чувствовал локоть своего товарища. Были такие трудные моменты, когда трудно было доставить продовольствие из мест отдаленных из тыла на фронт, особенно в весеннее время, когда распутица, дороги разбиты. Был такой случай. Деревня, где наша часть находилась, около деревни Кулаково, трудно было доставить продовольствие на самолете У-2. Немец не давал возможности в дневное время сбрасывать продукты с этого самолета. Приходилось сбрасывать в темное время, искать в лесу сброшенное продовольствие. Мы бывало и голодали, и вот такой случай. Когда остались без хлеба мы пошли в деревню, в деревню Кулаково. Голодные пришли, выходит из блиндажа женщина: «Что вы сидите здесь, голубчики?» «Да вот, пришли умирать, трудно с продовольствием, не на чем в такую распутицу доставить хлеб на передовую». Она вынесла нам по 2 сухаря, мы поблагодарили и вернулись обратно в свою часть... На следующий день мое отделение, которым я командовал, отправили в Пинаевы Горки за 20 километров. Шли мы полсуток. Там снабдили нас хлебом, сухарями. Здесь было отбито у немцев стадо коров. Никто из ребят не умел доить корову. Коровы мычали, требуя, чтобы их подоили, а я, как умеющий это делать еще до войны, стал обучать ребят доить коров, и мы быстро освоили ребята это ремесло. Подоили всех коров, их было более 40, напился молока досыта и сделали все доброе для коров, коровы перестали мычать, требуя их дойки, и отправились обратно. Когда пришли с продуктами мы отдали и молоко, напоили ребят и молоком, и хлебом, так что спасли от гибели целую роту»⁵.

Данный пример дает возможность увидеть, как жили до начала войны, как колхозники приспособлялись к тяжелым условиям жизни в период войны, какие трудовые навыки им помогали.

Таким образом, материалы устной истории существенно расширяют границы исследователя, дают возможность изучить трудовую повседневность с точки зрения самих колхозников.

СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ «КЛИО–2014»

Архив Российской академии наук
Белорусский государственный университет (Беларусь)
Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского
Волгоградский государственный университет
Вологодский государственный педагогический университет
Всероссийский научно-исследовательский институт авиационных материалов
Высшая школа социальных наук (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Франция)
Государственная общественная публичная библиотека
Государственный академический университет гуманитарных наук
Государственный архив Российской Федерации
Государственный университет управления
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Женевский университет (Université de Genève, Швейцария)
Институт всеобщей истории Российской академии наук
Институт российской истории Российской академии наук
Институт философии Российской академии наук
Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
Казанский национальный исследовательский технологический университет
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
Королевский университет Белфаста (Queen's University Belfast, Великобритания)
Кубанский государственный университет
Минский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (Беларусь)
Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина (Беларусь)
Московский государственный лингвистический университет
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет

⁵ Личный архив Д.А. Черненко.

Факультет государственного управления
Факультет политологии
Юридический факультет
Московский государственный университет печати
имени Ивана Федорова
Московский государственный университет путей сообщений
Московский финансово–юридический университет
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Научно-исследовательский университет «Московский энергетический институт»
Национальный институт образования Министерства образования
Республики Беларусь
Новосибирский государственный технический университет
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Омский государственный педагогический университет
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
Российский государственный архив древних актов
Российский государственный архив социально-политической истории
Российский государственный архив фонодокументов
Российский государственный военный архив
Российский государственный гуманитарный университет
Российский государственный технологический университет —
МАТИ им К. Э. Циолковского
Российский институт стратегических исследований
Самарский Государственный Аэрокосмический Университет им.
С. П. Королёва
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
Смоленский государственный университет
Тверской государственный университет
Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
Университет Дарема (University of Durham, Великобритания)
Университет им. Дени Дидро — Париж 7 (Université Paris Diderot —
Paris 7, Франция)
Университет Кембриджа (University of Cambridge, Великобритания)
Университет Кента (University of Kent, Великобритания)
Университет Ноттингема (University of Nottingham, Великобритания)
Университет Оксфорда (University of Oxford, Великобритания)
Университет Шербрука (Université de Sherbrooke, Канада)
Университет Шеффилда (University of Sheffield, Великобритания)
Университетский колледж Лондона (University College London,
Великобритания)

Филиал Российского государственного архива научно-технической
документации (г. Самара)
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
(Украина)
Центр по изучению России, Кавказа и Центральной Европы
Высшей школы социальных наук (CERCEC, Франция)
Центральный государственный архив города Москвы
Челябинский государственный университет
Школа Восточных и Африканских исследований (School of Oriental
and African Studies, Великобритания)
Ярославская государственная медицинская академия Минздрава России
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Авакян Дарья Айрапетовна – соискатель факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова avakyan88@mail.ru

Адоньева Инесса Геннадьевна – доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, к.и.н. adoinessa@yandex.ru

Акулова Дарья Алексеевна – аспирантка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова d.a.akulova@gmail.com

Алексашина Мария Геннадьевна – студентка факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова saschina.m@yandex.ru

Антонова Дарья Евгеньевна – старший лаборант кафедры отечественной и всеобщей истории МГОСГИ (г. Коломна) dashantonova@mail.ru

Апальков Дмитрий Игоревич – студент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова apal_d@mail.ru

Ахметова Анна Валинуровна – доцент кафедры истории и архивоведения гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, к.и.н. wurgds@rambler.ru

Барabanова Ксения Сергеевна – аспирантка Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук barabanova13@gmail.com

Бардина Яна Николаевна – магистр истории, научный сотрудник НОЦ «История советской и постсоветской России» Смоленского государственного университета yana.dare@yandex.ru

Батченко Виктория Сергеевна – аспирантка Смоленского государственного университета vik-batchenko@yandex.ru

Белокуров Евгений Владимирович – магистрант исторического факультета СПбГУ evg.belokurov@gmail.com

Белоусова Ольга Владимировна – студентка Московского государственного лингвистического университета olbelousova@gmail.com

Бобровских Екатерина Викторовна – студентка факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова katrin-br-br@mail.ru

Бодрова Юлия Викторовна – доцент исторического факультета Тверского государственного университета, к.и.н. bodrovay@mail.ru

Болдин Владимир Алексеевич – студент факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова bolda5@yandex.ru

Бондаренко Владимир Игоревич – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Кубанского государственного университета bondarenko89@list.ru

Вергара Хуан Камилло – научный сотрудник Высшей школы социальных наук (Франция), PhD juancver@me.com

Веселов Александр Александрович – ассистент кафедры истории и культурологии НИУ «Московский энергетический институт», к.и.н. ostash@yandex.ru

Вишнякова Зоя Николаевна – ведущий специалист РГАСПИ

Волхонская Наталия Михайловна – ведущий специалист РГАСПИ, магистрантка НИУ «Высшая школа экономики» nvolkhon@yandex.ru

Гавриловец Людмила Владимировна – доцент кафедры истории и методики преподавания истории Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (Беларусь), к.и.н. lussjawlad@mail.ru

Гареев Рустам Рафаилович – студент факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова shaitan14@mail.ru

Гефке Наталья Алексеевна – специалист 1-й категории Российского государственного архива древних актов gefkena@yandex.ru

Голдинова Дарья Альбертовна – студентка факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова dashagoldinova@mail.ru

Гоманенко Олеся Александровна – доцент Волгоградского государственного университета, к.и.н. gomanenko.olesya@mail.ru

Горобий Алексей Викторович – соискатель кафедры философии и теории культуры исторического факультета Тверского государственного университета, к.и.н. alexogor@mail.ru

Горшенин Александр Владимирович – студент Поволжской государственной социально-гуманитарной академии aleksandr_gorshenin@rambler.ru

Григорьев Евгений Михайлович – ведущий специалист РГАСПИ hammet1980@mail.ru

Гудзенко Мария Дмитриевна – студентка факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова mariagutt@rambler.ru

Елисеев Алексей Борисович – декан Минского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (Беларусь), к.и.н. alexcom@mail.ru

Еремина Ксения Вячеславовна – аспирантка Факультет документоведения РГГУ ekv0212@gmail.com

Ефимов Андрей Александрович – аспирант исторического факультета СПбГУ aaefimov5@gmail.com

Забельникова Ольга Васильевна – старший научный сотрудник лаборатории социокультурного образования научно-методического учреждения «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь, к.и.н. zov2907@yandex.ru

Захаров Евгений Сергеевич – ведущий специалист РГАСПИ evgeniizak@mail.ru

Зольникова Анна Валерьевна – студентка магистратуры Смоленского государственного университета solnikova88@mail.ru

Иванова Полина Викторовна – студентка МГУ имени М. В. Ломоносова apolinaire1877@gmail.com

Ионов Алексей Николаевич – аспирант Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова yaralek@mail.ru

Кириллов Виктор Леонидович – студент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова kirillov-msu@bk.ru

Киселев Александр Анатольевич – аспирант кафедры Отечественной истории Омского государственного педагогического университета ale9505@yandex.ru

Козлова Анастасия Михайловна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова am.kozlova2011@yandex.ru

Комкова Мария Станиславовна – аспирантка Брянского государственного университета им. И. Г. Петровского, преподаватель кафедры документационного обеспечения, управления и прикладной лингвистики МАТИ им. К. Э. Циолковского komkovamaria@mail.ru

Комочев Никита Алексеевич – старший преподаватель кафедры археологии ИАИ РГГУ, к.и.н., komni@list.ru

Коневская Мария Анатольевна – главный специалист Российского государственного военного архива vitromash@rambler.ru

Концевой Илья Анатольевич – студент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова ilstud@mail.ru

Корниенко Ольга Викторовна – студентка Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина) ol4ik.sunshine@gmail.com

Костина Татьяна Владимировна – старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, к.и.н. TanyaBizuayeva@yandex.ru

Котов Борис Сергеевич – научный сотрудник ИВИ РАН bs.kotov@mail.ru

Кочетова Анна Сергеевна – главный специалист РГАСПИ, к.и.н. anna-koch@bk.ru

Краюшкина Елена Игоревна – аспирантка кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого lenakrayush@yandex.ru

Круглов Владимир Николаевич – научный сотрудник ИРИ РАН, к.и.н. vladimirkruglov2007@yandex.ru

Крякин Евгений Николаевич – аспирант Государственного университета управления evgeniyasket@gmail.com

Кулясова Алина Федоровна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова kulyasova.af@gmail.com

Лапаева Антонина Сергеевна – студентка Челябинского государственного университета antoshka.a-93@mail.ru

Лантева Татьяна Николаевна – научный сотрудник Архива РАН apti-stv@yandex.ru

Латышев Артем Валерьевич – аспирант исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова ArtFarRus2@yandex.ru

Линькова Вероника Владимировна – специалист I категории РГАСПИ, аспирантка ИРИ РАН victorious19@mail.ru

Лозбенев Игорь Николаевич – специалист Московского финансово-юридического университета, к.и.н., igor_1511@mail.ru

Лукашин Александр Владимирович – главный специалист РГАСПИ, к.и.н. alexlukashin@mail.ru

Магдेलи Дарья Алексеевна – ведущий специалист РГАСПИ darya_joy@mail.ru

Максимчик Андрей Николаевич – старший преподаватель Минского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (Беларусь), к.и.н. forest_child@list.ru

Малютин Георгий Александрович – главный специалист РГАСПИ, к.и.н. malyutingeorgii@mail.ru

Мамаев Андрей Владимирович – научный сотрудник ИРИ РАН, к.и.н. andreydx2006@yandex.ru

Манухин Алексей Анатольевич – доцент факультета социальных и гуманитарных наук Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, к.и.н. warcraftdouble@yandex.ru

Маркина Евгения Сергеевна – аспирантка Женевского Университета (Швейцария) evgenia.markina@unige.ch

Маттингли Дарья – аспирантка кафедры славистики Кембриджского Университета (Великобритания), PhD

Микуленок Юлия Андреевна – аспирантка Кубанского государственного университета AK-baga@yandex.ru

Мишина Анастасия Александровна – студентка МГУ имени М. В. Ломоносова nastya-mishina@mail.ru

Мишина Екатерина Максимовна – специалист по учебно-методической работе исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова zuu@inbox.ru

Мокина Наталья Николаевна – соискатель кафедры отечественной истории и археологии исторического факультета Поволжской государственной социально-гуманитарной академии mokinann@mail.ru

Монахова Светлана Валерьевна – студентка магистратуры Смоленского государственного университета fekla1608@mail.ru

Надехина Юлия Петровна – зам. зав. кафедрой истории и политологии Государственного университета управления, к.и.н. uliya1411@bk.ru

Нарский Андрей Ростиславович – ведущий инженер ФГУП «ВИАМ» Andrey-n2007@yandex.ru

Нарумова Елизавета Доржиевна – аспирантка факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова elizavetanarumova@gmail.com

Никаноров Иван Николаевич – магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета nikanorov1203@ya.ru

Никонорова Татьяна Николаевна – аспирантка кафедры Источниковедения ИАИ РГГУ tnikonorova@yandex.ru

Оганесян Астхик Вруйровна – студентка факультета архивного дела ИАИ РГГУ teamo-mo@mail.ru

Опилкин Алексей Сергеевич – научный сотрудник Российского института стратегических исследований, к.и.н. aleksey_orilkin@mail.ru

Николай Николаевич Орлеанский – студент факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова orleanskiyn@gmail.com

Пашкеева Наталья Александровна – аспирантка Центра изучения России, Восточной Европы и Кавказа (CERCEC, Франция) natanius@yandex.ru

Пеганов Александр Олегович – ассоциированный исследователь Университета Париж – 7 им. Дени Дидро (Франция), аспирант Белорусского государственного университета (Беларусь), магистр piahanau@gmail.com

Пермякова Алена Николаевна – аспирантка Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук zubova_a@bk.ru

Петракова Анна Владимировна – студентка МГУ имени М. В. Ломоносова petramisscharm@gmail.com

Петрова Мария Александровна – старший научный сотрудник ИВИ РАН, к.и.н. maria.petrova@bk.ru

Прашчевич Александр – докторант факультета теологии и религиоведения Университета Шербрука (Канада), кандидат богословия prascsevich@mail.ru

Радков Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры истории и политологии СГАУ имени С. П. Королева (г. Самара), к.и.н. radkov1977@mail.ru

Раздина Наталия Владимировна – аспирантка исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова whentheclouds@mail.ru

Рожкова Зинаида Игоревна – старший лаборант Института Философии РАН zinaidarozhkova@gmail.com

Рычкова Мария Валерьевна – аспирантка факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова evtychkova@rambler.ru

Селиванова Ольга Владимировна – научный сотрудник Архива РАН, к.и.н. olya84@list.ru

Семенко Анна Вадимовна – аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге aleteia@mail.ru

Семенов Александр Валерьевич – студент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова peresvet92@mail.ru

Сергеев Всеволод Николаевич – доцент Московского государственного университета путей сообщений, к.и.н. vsevolod_sergeev@inbox.ru

Сидорова Елизавета Алексеевна – студентка МГУ имени М. В. Ломоносова elizavetasidorova47@gmail.com

Смирнова Дина Дмитриевна – аспирантка СПбГУ kvarn@rambler.ru

Соболев Владимир Андреевич – студент факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова sobvlad1992@yandex.ru

Сорокопудова Ольга Евгеньевна – младший научный сотрудник факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, к.п.н. srpkpdv@gmail.com

Стегнюшин Антон Александрович – Магистрант факультета Истории Философии и Права Омского Государственного Педагогического Университета ant_o_sha@mail.ru

Страхов Александр Борисович – студент факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова falconian@yandex.ru

Стрекалов Илья Николаевич – студент юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова strek93@mail.ru

Суббота Елена Леонидовна – ведущий специалист РГАСПИ, аспирантка ИРИ РАН melena1@mail.ru

Сукоркина Екатерина Сергеевна – студентка гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета angel496814@mail.ru

Суслов Алексей Юрьевич – доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета, к.и.н. PLUSHA131333@yandex.ru

Тальская Ольга Дмитриевна – студентка факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова ollytalsky@gmail.com

Титов Александр – преподаватель Королевского университета Белфаста, доктор истории

Тихонов Виталий Витальевич – старший научный сотрудник ИРИ РАН, к.и.н. tihonovvitaliy@list.ru

Томей Лидия Игоревна – аспирантка факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова ly.tomey@gmail.com

Тумаков Денис Васильевич – старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии Минздрава России, к.и.н. denistumakov@yandex.ru

Фадеев Лев Андреевич – выпускник аспирантуры исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, к.и.н. lev13fadeev@yandex.ru

Фернандес-Эрес Анна Павловна – ведущий специалист РГАФД annafernandes@yandex.ru

Ферсман Мария Николаевна – аспирантка факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова mari.arpipova@gmail.com

Филинов Андрей Владимирович – студент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова fiann@inbox.ru

Фокин Александр Александрович – доцент кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета, к.и.н. aafokin@yandex.ru

Хворых Ксения Юрьевна – студентка факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова xepos29@mail.ru

Чепелевский Сергей Викторович – главный специалист Государственного архива Российской Федерации watchkeeper@inbox.ru

Черненко Жанна Игоревна – соискатель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова miseret@gmail.com

Чижков Николай Сергеевич – студент Государственного Академического Университет Гуманитарных Наук nik.fall@gmail.com

Чирков Илья Сергеевич – главный архивист Центрального архива города Москвы otdelcaopim@mail.ru

Чорбачиди Софья Александровна – аспирантка Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова sofibook@bk.ru

Шаронин Дмитрий Анатольевич – ведущий специалист филиала РГАНТД (г. Самара) dmtr_shrnn@rambler.ru

Эрдман Майкл – аспирант Школы Восточных и Африканских исследований (Великобритания)

Яскунова Анна Александровна – аспирантка исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета anna-mikshina@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. А. Авакян</i> Политические аспекты регулирования процесса урбанизации в Англии и Франции в XIX в.	
<i>А. И. Адоньева</i> Постановка вопроса о правах рабочих в журнале «Русский вестник» (1856–1862 гг.)	
<i>Д. А. Акулова</i> Влияние идеологии на музыку в СССР	
<i>М. Г. Алексашина</i> Общество XVIII века глазами шотландца Адама Фергюсона	
<i>Д. Е. Антонова</i> Нотариальные книги для записи договоров как источник изучения торговой жизни Коломны 20-х годов XIX века	
<i>Д. И. Апальков</i> Внутрипартийная борьба в РКП(б) (1922–1923 гг.)	
<i>К. С. Барабанова</i> Образ петербургского врача на страницах газет и в церковных проповедях в первую эпидемию холеры (1831 г.)	
<i>Я. Н. Бардина</i> Советская женщина в структуре сельских отношений 1930-х гг. (по материалам «Крестьянской газеты»)	
<i>В. С. Батченко</i> «Жуковское дело» как кульминация борьбы власти и церкви в Западной области	
<i>Е. В. Белокуров</i> Общественные работы как средство борьбы с голодом в Российской империи в начале XX в.	
<i>О. В. Белоусова</i> Полемика вокруг развития железных дорог во Франции первой половины XIX века	
<i>Е. В. Бобровских</i> Понятие «народный дух» в консервативном и народническом направлениях русской социально-политической мысли XIX века	

<i>Ю. В. Бодрова</i> Материалы церковного учета населения как источник изучения брачно-семейной структуры и социальных связей тверского чиновничества первой половины XIX века	
<i>В. А. Болдин</i> Эволюция великохорватской идеологии в начале 20 века	
<i>В. И. Бондаренко</i> Чернобыльская катастрофа в документах, воспоминаниях и исторической научной литературе	
<i>J. C. Vergana</i> Railway stations as a political object and a symbol of economic, administrative and industrial interests (1857–1865)	
<i>А. А. Веселов</i> Организационно-правовые основы деятельности союзов творческой интеллигенции в период революционных потрясений 1917 года	
<i>З. Н. Вишнякова</i> Визуальные признаки образа внешнего врага в журнале «Крокодил» (1946–1956 гг.)	
<i>Н. М. Волхонская</i> Историография топонимических исследований бассейна реки Протвы второй половины XX – начала XXI вв.	
<i>Л. В. Гавриловец</i> Польская концепция по вопросу самоопределения и объединения Германии в 1955–1965 гг.	
<i>Р. Р. Гареев</i> Проект национального банка в доктрине американского федерализма	
<i>Н. А. Гефке</i> Должностные обязанности руководителя соляного отряда в Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв.	
<i>Д. А. Голдинова</i> Диспозиция ситуационной власти и человека в идеях К. Ясперса	
<i>О. А. Гоманенко</i> Проблема обеспеченности кадрами речного транспорта Средней и Нижней Волги в 1942 г.	
<i>А. В. Горобий</i> Ханна Арендт как вдохновитель истории понятий в Германии	

<i>А. В. Горшенин</i> Развитие городского транспорта Пензенской области в первые послевоенные годы: источниковая база исследования.
<i>Е. М. Григорьев</i> Советский кинематограф 1920–30-х годов как источник по истории раннесоветской национальной политики.
<i>М. Д. Гудзенко</i> Женский вопрос в творчестве Д. И. Писарева.
<i>А. Б. Елисеев</i> Слухи как источник по истории русской революции.
<i>К. В. Еремينا</i> Особенности инкорпорирования Новороссии в состав Российской империи (последняя треть XVIII в.).
<i>А. А. Ефимов</i> Особенность строительной деятельности министерства императорского двора при Николае I на примере рассмотрения сметы Николаевского дворца в Санкт-Петербурге.
<i>О. В. Забельникова</i> Влияние европейского энокультурного субстрата на формирование синкретической латиноамериканской цивилизации.
<i>Е. С. Захаров</i> Влияние старшего научного поколения и студенческой среды на формирование прогрессивных идей у научно-технической интеллигенции в конце XIX – начале XX вв.
<i>А. В. Зольникова, С. В. Монахова</i> Опыт реформирования системы народного просвещения в российской провинции в первой половине XIX в. (на материалах Смоленской губернии).
<i>П. В. Иванова</i> Свобода и социальный порядок в учении А. Бергсона.
<i>А. Н. Ионов</i> Элементы городского самоуправления Ярославля в период 1785–1870 гг.
<i>В. Л. Кириллов</i> Ишутин и ишутинцы: неоднозначное лидерство в московском тайном обществе 1860-х гг.
<i>А. А. Киселев</i> Повседневная жизнь российского революционера в тюрьме в конце XIX – начале XX века.

<i>А. М. Козлова</i> Проблема бюрократии в «Исповеди» М. А. Бакунина.
<i>М. С. Комкова</i> Деятельность русско-британского братства.
<i>Н. А. Комочев</i> Из истории отечественной археографии середины XX века (1948–1956 гг.).
<i>М. А. Коневская</i> Проблема обеспеченности Красной армии вещевым имуществом в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.
<i>И. А. Концевой</i> Большевики и левые серы в народном комиссариате юстиции (декабрь 1917 – март 1918 гг.)
<i>О. В. Коршиенко</i> Советская мода: между идеологией и повседневностью (по архивным материалам заграничных поездок советских специалистов во Францию).
<i>Т. В. Костина</i> Как Николай I в Казанском университете берлинцев искал.
<i>Б. С. Котов</i> «Ложная Европа»: образ Австро-Венгрии в зеркале российской прессы (1912–1914 гг.)
<i>А. С. Кочетова</i> Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях»: история создания.
<i>Е. И. Краюшкина</i> Эволюция системы социального страхования рабочих в России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах тульского патронного завода).
<i>В. Н. Круглов</i> Проблема рационального устройства территории СССР и подходы к ее решению: административное деление, экономическое районирование, национальная автономизация (1918–1991 гг.)
<i>Е. Н. Крякин</i> Политические мигранты в Москве в 1920–1930-е гг.
<i>А. Ф. Кулясова</i> Проблема витализма и механицизма на примере творчества Самюэля Батлера.

А. С. Лапаева
Общественные организации СССР в борьбе против пьянства в 1960-х гг.

Т. Н. Лаптева
Поисковые и исследовательские возможности работы с документами личного фонда А. В. Флоровского в Архиве РАН

А. В. Латышев
Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры и ведомственные интересы (1941–1945)

В. В. Линькова
Эволюция деятельности союза воинствующих безбожников в 1930-х годах

И. Н. Лозбенева
Проблема «Крестьянского союза» в период НЭПа. От идеи к реализации.

А. В. Лукашин
Несвободное волеизъявление: об истории проведения референдумов на Украине в 1991 г.

Д. А. Маглели
Первые французские универмаги как социокультурный феномен во второй половине XIX – начале XX вв.

А. Н. Максимчик
Тифлисский период жизни и деятельности историка-архивиста М. А. Полиэвктова.

Г. А. Малютин
А. И. Герцен и «польский вопрос» в 1840-х – начале 1860-х гг.

А. В. Мамаев
Перспективы института городского самоуправления в условиях демократической революции 1917 г. в России

А. А. Манухин
Обманчивое родство: Мексика после революции глазами большевиков (1919–1927 гг.)

Е. С. Маркина
Национальная самоидентификация русских через контакт с «иным» (по документам личного происхождения начала XX-го века).....

D. Mattingly
The forgotten soldiers of the grain front: cultural memory of Holodomor and its perpetrators.

Ю. А. Микуленок
Жилищная политика советской России в 1920-е годы (на примере юга России)

А. А. Мишина
Идеал человеческого единства как одна из наиболее значимых социально-политических идей Ауробиндо Гхоша

Е. М. Мишина
Анализ следственных дел репрессированных на Алтае в 1935 – первой половине 1937 гг.: источниковедческие аспекты

Н. Н. Мокина
Специальная связь Среднего Поволжья 1941–1945 гг. в документах местных архивов

Ю. П. Надехина
Источники по истории московского журналистско-редакторского корпуса рубежа XIX – XX вв.

А. Р. Нарский
Хроника последних лет существования лютеранской церкви в Немецкой слободе (1920-е гг.).....

Е. Д. Нарумова
Развитие городского общественного пространства в 1925–1940 гг. (на примере Москвы)

И. Н. Никаноров
Об отношении старообрядцев-федосеевцев к государству в XVIII в.: от конфронтации к конформизму

Т. Н. Никанорова
Секретный архив комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б): проблемы изучения и реконструкции

А. Б. Оганесян
Публикация материалов идеологических комиссий ЦК КПСС (1958–1966 гг.)

А. С. Опилкин
Власть и слухи в период войны (случай Киевской губернии в 1915 г.).....

Н. Н. Орлеанский
Макрофизика господства, функционирование королевской власти и семьи в творчестве М. Фуко.....

Н. А. Пашкева
УМСА и «русская работа» между созданием идеального человечества и концепцией Soft Power (конец XIX в. – 1920 г.).....

А. О. Пеганов
Тема ревизии чехословацко-венгерской границы в межвоенной венгерской публицистике.....

А. Н. Пермьякова
Конфискационная политика России первой половины XVIII века

А. В. Петракова
Критика судебной системы в повести Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома».....

М. А. Петрова
Донесения российских дипломатов из Регенсбурга (втор. половина XVIII в.).....

А. М. Прашчевич
Исторический опыт разрешения этнических, политических и конфессиональных конфликтов через межрелигиозный диалог

А. В. Радков
Мемуары по истории русской военной эмиграции 1920-х гг.

Н. В. Раздина
Промышленная политика советского государства по материалам газеты «За индустриализацию» (опыт контент-анализа редакционных статей)

З. И. Рожкова
Утопия как проект: история и современные подходы

М. В. Рычкова
Участие коллектива МГУ им. М. В. Ломоносова в XII Всемирном фестивале молодежи и студентов (1985 г.).....

О. В. Селиванова
Источники по истории отечественной археологии из личного фонда профессора И. Н. Бороздина: материалы к реконструкции биографии.....

А. В. Семененко
Ченстоховский Ясногорский монастырь в прессе Российской империи начала XX века: «святотатственное ограбление» и дело Дамазия Мацоха.....

А. В. Семенов
Десант И. Г. Бессонова – миф или реальность (немецкие десанты в советский тыл в 1941–1944 гг.)?.....

В. Н. Сергеев
Репрезентация отечественной истории в текстах Л. Краснопевцева как способ создания идеологии диссидентов в середине 1950-х годов.....

Е. А. Сидорова
Культурный национализм в Германии как созидательный фактор формирования германского национального государства

Д. Д. Смирнова
Архивное наследие новгородских архиепископов XVI века: к постановке вопроса

В. А. Соболев
Опыт взаимодействия государства, общества и личности в России во второй четверти XIX в.

О. Е. Сорокопудова
«Смешана из самолюбия и злобы»: метафизика революции в творчестве В. В. Розанова

А. А. Стегнюшин
И. Г. Церетели: историческая биография и политическая история России.....

А. Б. Страхов
Концепция украинской национальной интеллигенции в творчестве Н. И. Михновского

И. Н. Стрекалов
Сложный выбор российской интеллигенции первой трети XX века: за или против? (К вопросу об оценке октября 1917–1918 гг.).....

Е. Л. Суббота
«Наша задача – уловить оппозиционера»: старые большевики и убийство С. М. Кирова.....

Е. С. Сукоркина, А. В. Ахметова
Становление интернатской системы школьного образования и воспитания традиционных этносов Дальнего Востока во второй половине 1920-х – 1930-е гг.

А. Ю. Сулов
Эволюция идей демократического социализма в среде российской социалистической эмиграции (по материалам Пражской конференции партии социалистов-революционеров 1931 г.).....

О. Д. Тальская
Особенности национального характера жителей Центральной Азии в трудах М. А. Терентьева.....

А. Титов
«Как Хрущев Британию открывал». Визит советской делегации в Великобританию в 1956 г.

В. В. Тихонов
«Маленький человек» эпохи позднего сталинизма: студент-заочник М. Н. Перегудов против «больших» историков

Л. И. Томей
Национальная идея и личность в творчестве П. Л. Лаврова

Д. В. Тумаков
Повседневная жизнь Ярославской деревни 1950-х гг.
(по материалам писем трудящихся в районные газеты)

Л. А. Фадеев
Механизмы рабочего снабжения и их реализация на предприятиях
машиностроительной отрасли в годы первых пятилеток

А. П. Фернандес-Эрес
Испанские детские дома в СССР

М. Н. Ферсман
М. Н. Катков о польской политической национальности

А. В. Филинов
Динамика политических настроений советской колонии
в Северной Маньчжурии (1932–1933 гг.)

А. А. Фокин
Советские выборы 1960–1970-х гг. как диалог между властью
и обществом.

К. Ю. Хворых
Сущность социальной справедливости в работах П. Л. Лаврова

С. В. Чепелевский
Методология источниковедческого анализа интернет-источников

Ж. Г. Черненко
Идеи женской эмансипации М. А. Бакунина

Н. С. Чижков
К вопросу об актуальности консерватизма Н. М. Карамзина

И. С. Чирков
Политический экстремизм в постсоветской России в материалах
Центра хранения документов общественно-политической истории
Москвы Центрального государственного архива города Москвы

С. А. Чорбачади
Новые сведения о благотворительных открытках попечительства
государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых
(на основе материалов РГИА)

Д. А. Шаронин
Из истории неосуществленного энергетического проекта в г. Самаре
в начале 1930-х гг. (по материалам ЦГАСО)

М. J. Erdman
National consciousness as a legacy of Soviet Turkic historiography

А. А. Яскунова
Материалы устной истории как источник по изучению трудовой
повседневности колхозников Русского Севера

ПРОГРАММА

**Исторические документы и актуальные проблемы археографии,
источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового
и новейшего времени**

*IV Международная конференция молодых ученых
и специалистов*

9–10 апреля 2014 года

РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Оргкомитет

БЕЗБОРОДОВ Александр Борисович, проректор Российского государственного гуманитарного университета, директор Историко-архивного института РГГУ, доктор исторических наук, профессор

БОРОДКИН Леонид Иосифович, заместитель декана Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАЕН, доктор исторических наук, профессор

ГУСЕФФ Катрин, старший научный сотрудник, директор Центра российских, кавказских и центральноевропейских исследований Высшей школы социальных наук в Париже

КАМЕНСКИЙ Александр Борисович, декан факультета истории Высшей школы экономики, доктор исторических наук, профессор

КОДИН Евгений Владимирович, ректор Смоленского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

КОТОВ Сергей Андреевич, заместитель директора Российского государственного архива социально-политической истории, член Правления ЦС Российского общества историков-архивистов, академик АПСН (*заместитель председателя*)

ЛУКАШИН Александр Владимирович, главный специалист, председатель Совета молодых ученых и специалистов Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук (*ответственный секретарь*)

МЯСНИКОВ Владимир Степанович, академик Российской академии наук (*Почетный председатель конференции*)

ПЕТРОВ Юрий Александрович, директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук

СОРОКИН Андрей Константинович, директор Российского государственного архива социально-политической истории, главный редактор издательства «Российская политическая энциклопедия», лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, кандидат исторических наук (*председатель*)

ШУТОВ Андрей Юрьевич, декан Факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

Программный комитет

БЛЮМ Алан, старший научный сотрудник Национального института демографических исследований в Париже, Центр франко-российских исследований в Москве

КУДРЯВЦЕВА Елена Петровна, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук

МЯГКОВА Елена Михайловна, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук (*ответственный секретарь*)

НЕНАРОКОВ Альберт Павлович, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, доктор исторических наук, профессор

РЕПНИКОВ Александр Витальевич, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, доктор исторических наук, профессор (*председатель*)

РОГИНСКИЙ Вадим Вадимович, заведующий Отделом новой истории Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор

ТОКАРЕВА Евгения Сергеевна, руководитель Центра по изучению религии и церкви Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук

ШАТОХИНА-МОРДВИНЦЕВА Галина Алексеевна, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук

ШАШКОВА Ольга Александровна, заместитель декана Факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук

ШИРИНЯНЦ Александр Андреевич, заведующий кафедрой социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук

ГРАФИК РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

9–10 апреля 2014 г. (2 дня)

9 апреля, среда

10:00 — регистрация участников
11:00 — открытие конференции
11:30 — пленарное заседание
13:00 — кофе-пауза
13:30 — заседания по секциям
17:00 — подведение итогов первого дня конференции

10 апреля, четверг

11:00 — заседания по секциям
14:00 — кофе-пауза
14:30 — продолжение заседаний по секциям
17:00 — подведение общих итогов работы конференции

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

9 апреля, среда, 11.00, большой конференц-зал (2 этаж)

к.и.н. **Сорокин А. К.**,

*директор РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ
в области науки и техники*

иностраннный член РАН **Элен Каррерд`Анкосс**
постоянный секретарь Французской академии (приветствие)

д.и.н. **Артизов А. Н.**,

Руководитель Федерального архивного агентства

академик РАН **В. А. Тишков**,
академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН

член-корреспондент РАН **Пивовар Е. И.**,

*ректор РГГУ, председатель Правления
Российского общества историков-архивистов*

академик РАН **Мясников В. С.**,

почетный председатель конференции «Сlio-2014»

Председательствующий на пленарном заседании

д.и.н., проф. **Репников А. В.**

зам. начальника Центра документальных публикаций РГАСПИ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

9 апреля, среда, 11.30, большой конференц-зал (2 этаж)

1. к.и.н. **Комочев Никита Алексеевич** (ИАИ РГГУ)

Из истории отечественной археографии середины XX века (1948–1956)

2. *PhD Вергара Хуан Камилло* (Высшая школа социальных наук, Франция)

Железные дороги РОССИИ как политический объект и символ экономических, административных и промышленных интересов (1857–1865)

3. к.и.н. **Костина Татьяна Владимировна** (Архив РАН, Санкт-Петербург)

Как Николай I в Казанском университете берлинцев искал

4. к.и.н. **Елисеев Алексей Борисович** (Минский филиал МГУЭСИ, Беларусь)

Слухи как источник по истории русской революции

5. *доктор Титов Александр* (Королевский университет Белфаста, Великобритания)

«Как Хрущев Британию открывал». Визит Советской делегации в Великобританию в 1956 г.

6. *Бардина Яна Николаевна* (СмоЛГУ)

Советская женщина в структуре сельских отношений 1930-х гг. (по материалам «Крестьянской газеты»)

7. *Григорьев Евгений Михайлович* (РГАСПИ)

Советский кинематограф 1920–30-х годов как источник по истории раннесоветской национальной политики

8. *Вишнякова Зоя Николаевна* (РГАСПИ)

Визуальные признаки образа внешнего врага в журнале «Крокодил» (1946–1956 гг.)

Кофе-пауза (13:00–13:30)

СЕКЦИЯ I

«МИССИЯ АРХИВА, АРХИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, НОВЫЕ ПРОЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ»

9 апреля, среда, 13:30, аудитория 332

(Координатор – **Волхонская Н. М.**, ведущий специалист РГАСПИ)

Научные консультанты секции

к.и.н. **Шашкова О. А.** (ИАИ РГГУ); лауреат Премии имени
В. О. Ключевского, к.и.н. **Киселев И. Н.** (РГАСПИ);
к.и.н. **Косырева Е. В.** (Архив РАН)

Археография

1. *Смирнова Дина Дмитриевна* (СПбГУ)
Архивное наследие новгородских архиепископов XVI века: археографический аспект
2. *Оганесян Астхик Вруйровна* (ИАИ РГГУ)
Публикация материалов Идеологических комиссий ЦК КПСС (1958–1966 гг.)
3. *Никанорова Татьяна Николаевна* (ИАИ РГГУ)
Секретный архив Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б): проблемы изучения и реконструкции
4. *к.и.н. Селиванова Ольга Владимировна* (Архив РАН)
Источники по истории отечественной археологии из личного фонда профессора И. Н. Бороздина: материалы к реконструкции биографии
5. *Лаптева Татьяна Николаевна* (Архив РАН)
Поисковые и исследовательские возможности работы с документами личного фонда А. В. Флоровского в Архиве РАН

10 апреля, четверг, 11:00, аудитория 332

Источниковедение

6. *Ефимов Андрей Александрович* (СПбГУ)
Особенность строительной деятельности Министерства императорского двора при Николае I на примере рассмотрения сметы Николаевского дворца в Санкт-Петербурге
7. *Антонова Дарья Евгеньевна* (МГОСГИ)
Нотариальная книга для записи договоров как источник изучения торговой жизни Коломны 20-х годов XIX века
8. *к.и.н. Бодрова Юлия Викторовна* (ТвГУ)
Материалы церковного учета населения как источник изучения брачно-семейной структуры и социальных связей тверского чиновничества первой половины XIX века

9. *Мокина Наталья Николаевна* (ПГСГА)
Специальная связь Среднего Поволжья 1941–1945 гг. в документах местных архивов

10. *Горшенин Александр Владимирович* (ПГСГА)
Развитие городского транспорта Пензенской области в первые послевоенные годы: источниковая база исследования

11. *Бондаренко Владимир Игоревич* (КубГУ)
Чернобыльская катастрофа в документах, воспоминаниях и исторической научной литературе

Кофе-пауза (14:00–14:30)

12. *Чепелевский Сергей Викторович* (ГАРФ)
Методология источниковедческого анализа интернет-источников

13. *Волхонская Наталья Михайловна* (РГАСПИ)
Историография топонимических исследований бассейна реки Протва второй половины XX – начала XXI вв.

14. *к.и.н. Надёхина Юлия Петровна* (ГУУ)
Источники по истории московского журналистско-редакторского корпуса рубежа XIX – XX вв.

15. *к.и.н. Радков Алексей Владимирович* (СГАУ)
Мемуары по истории русской военной эмиграции 1920-х гг.

16. *Яскунова Анна Александровна* (ВГПУ)
Материалы устной истории, как источник по изучению трудовой повседневности колхозников Русского Севера в 1930–1950-е гг.

17. *Мишина Екатерина Максимовна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Анализ следственных дел репрессированных на Алтае в 1935 – первой половине 1937 гг.: источниковедческие аспекты

18. *Чирков Илья Сергеевич* (ЦГАМ)
Политический экстремизм в постсоветской России в материалах Центра хранения документов общественно-политических организаций Центрального государственного архива города Москвы

СЕКЦИЯ II

«ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. ОПЫТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ/ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

9 апреля, среда, 14:00, аудитория 205

(Координатор – **Маггели Д. А.**, ведущий специалист РГАСПИ)

Научные консультанты секции

д.и.н., проф. **Рогинский В. В.** (ИВИ РАН); д.и.н. **Шатохина-Мордвинцева Г. А.** (ИВИ РАН); д.и.н., проф. **Бородкин Л. И.** (МГУ); к.и.н. **Мягкова Е. М.** (РГАСПИ); к.э.н. **Васина Л. Л.** (РГАСПИ)

Теоретические аспекты

1. *к.и.н. Горобий Алексей Викторович* (ТвГУ)
Ханна Арендт как вдохновитель истории понятий в Германии
2. *Орлеанский Николай Николаевич* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Макрофизика господства, функционирование королевской власти и семьи в творчестве М. Фуко
3. *Рожкова Зинаида Игоревна* (ИФ РАН)
Утопия как проект: современные подходы
4. *Никаноров Иван Николаевич* (Новосибирский государственный университет)
Об отношении старообрядцев–федосеевцев к государству в XVIII в.: от конфронтации к конформизму
5. *Хворых Ксения Юрьевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Сущность социальной справедливости в работах П. Л. Лаврова
6. *Мишина Анастасия Александровна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Идеал человеческого единства как одна из наиболее значимых социально-политических идей Ауробиндо Гхоша
7. *Алексашина Мария Геннадьевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Общество XVIII века глазами шотландца Адама Фергюсона
8. *Голдинова Дарья Альбертовна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Диспозиция ситуационной власти и человека в идеях К. Ясперса

9. *Пашкеева Наталья Александровна* (CERCEC, Франция)
УМСА и «Русская работа» между созданием идеального человечества и концепцией *Soft Power* (конец 19 в. — 1920 г.)

10. *Иванова Полина Викторовна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Свобода и социальный порядок в учении А. Бергсона

11. *Кулясова Алина Федоровна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Проблема витализма и механицизма на примере творчества Самюэля Батлера

12. *Стегнюшин Антон Александрович* (ОмГПУ)
И. Г. Церетели: историческая биография и политическая история России

13. *PhD Маттингли Дарья* (Университет Кембриджа, Великобритания)
Забывшие солдаты хлебного фронта: Культурная память о Голодоморе и его рядовых исполнителей

14. *к.и.н. Максимчик Андрей Николаевич* (Минский филиал МЭСИ, Республика Беларусь)
Тифлисский период жизни и деятельности историка-архивиста М. А. Поливктова

10 апреля, четверг, 11:00, аудитория 205

Практические аспекты Экономика

15. *Белоусова Ольга Владимировна* (МГЛУ)
Полемика вокруг развития железных дорог во Франции первой половины XIX века

16. *Гареев Рустам Рафаилович* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Проект Национального банка в доктрине американского федерализма

17. *Маггели Дарья Алексеевна* (РГАСПИ)
Первые французские универмаги как социокультурный феномен

18. *Раздина Наталия Владимировна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Промышленная политика советского государства по материалам газеты «За индустриализацию» (опыт контент-анализа редакционных статей)

19. *Шаронин Дмитрий Анатольевич* (РГАНТД)
К вопросу сооружения ТЭЦ в Самаре для решения проблем электрификации Средневожского края в первой половине 1930-х гг.

Общество

20. *Пермякова Алёна Николаевна* (СПб ИИ РАН)
Конфискационная политика в России первой половины XVIII века
21. *Белокуров Евгений Владимирович* (СПбГУ)
Общественные работы как средство борьбы с голодом в Российской империи в начале XX в.
22. *Чорбачиди Софья Александровна* (МГУП им. Ивана Федорова)
Новые сведения о благотворительных открытках попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых (на основе материалов Российского государственного исторического архива)
23. *Краюшкина Елена Игоревна* (ТГПУ им. Л. Н. Толстого)
Эволюция системы социального страхования рабочих России в конце XIX – начала XX вв. (на материалах Тульского Патронного завода)
24. *Авакян Дарья Айрапетовна* (ГОПБ)
Политические аспекты регулирования процесса урбанизации в Англии и Франции в XIX в.
25. *Микулёнок Юлия Андреевна* (КубГУ)
Жилищная политика Советской России в 1920-е годы (на примере юга России)
26. *к.и.н. Фадеев Лев Андреевич*
Механизмы рабочего снабжения и их реализация на предприятиях машиностроительной отрасли в годы первых пятилеток
27. *Коневская Мария Анатольевна* (РГВА)
Проблема обеспечения красной армии вещевым имуществом в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.
28. *Лапаева Антонина Сергеевна* (ЧелГУ)
Общественные организации СССР в борьбе против пьянства в 1960-х гг.
- Кофе-пауза (14:00–14:30)
- Административно-политические аспекты*
29. *Ионов Алексей Николаевич* (ЯрГУ им. П. Г. Демидова)
Элементы городского самоуправления Ярославля в 1785–1870 гг.

30. *к.и.н. Мамаев Андрей Владимирович* (ИРИ РАН)
Перспективы института городского самоуправления в условиях демократической революции 1917 г. в России
31. *Нарумова Елизавета Дорджиевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Развитие городского общественного пространства в 1925–1940 гг. (на примере Москвы)
32. *к.и.н. Опилкин Алексей Сергеевич* (РИСИ)
Власть и слухи в период войны (случай в Киевской губернии в 1915 г.)
33. *к.и.н. Круглов Владимир Николаевич* (ИРИ РАН)
Проблема рационального устройства территории СССР и подходы к ее решению: административное деление, экономическое районирование, национальная автономизация (1918–1991 гг.)
34. *к.и.н. Фокин Александр Александрович* (ЧелГУ)
Советские выборы 1960–1970-х гг. как диалог между властью и обществом
35. *Петракова Анна Владимировна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Критика судебной системы в повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого Дома»

СЕКЦИЯ III

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ»

9 апреля, среда, 14:00, аудитория 324

(Координатор – **Вишнякова З. Н.**, ведущий специалист РГАСПИ)

Научные консультанты секции

д.и.н., проф. **Одинцов М. И.** (РГАСПИ); д.и.н. **Токарева Е. С.** (ИВИ РАН); д.п.н., проф. **Ширинянц А. А.** (МГУ); лауреат Макарьевской премии, д.и.н. **Кудрявцева Е. П.** (ИРИ РАН); к.и.н. **Андерсон К. М.** (МГУ); к.и.н. **Хайлова Н. Б.** (РГАСПИ); к.и.н. **Артамонова Ж. В.** (РГАСПИ)

Национальная идея в России

1. *Чижков Николай Сергеевич* (ГАУГН)
К вопросу об актуальности консерватизма Н. М. Карамзина
2. *Бобровских Екатерина Викторовна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Понятие «народный дух» в консервативном и народническом направлениях русской социально-политической мысли XIX века

3. *Соболев Владимир Андреевич* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Опыт взаимодействия государства, общества и личности в России во второй четверти XIX в.

4. *Маркина Евгения Сергеевна* (Женевский Университет, Швейцария)
Национальная самоидентификация через контакт с «иным» (по документам личного происхождения начала XX-го века)

5. *Томей Лидия Игоревна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Национальная идея и личность в творчестве П. Л. Лаврова

6. *Корниенко Ольга Викторовна* (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)
Советская мода: между идеологией и повседневностью (по архивным материалам заграничных поездок советских специалистов во Францию)

Национальные идеи в мире

7. *Эрдман Майкл* (Школа Азиатских и Африканских исследований, Великобритания)
Национальное самосознание как наследие советско-туркской историографии

8. *Сидорова Елизавета Алексеевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Культурный национализм в Германии как созидательный фактор формирования германского национального государства

9. *Болдин Владимир Алексеевич* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Эволюция великохорватской идеологии в начале 20 века

10. *Страхов Александр Борисович* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Концепция украинской национальной интеллигенции в творчестве Н. И. Михновского

11. *к.и.н. Забельникова Ольга Васильевна* (Национальный институт образования, Беларусь)
Влияние европейского этнокультурного субстрата на формирование синкретической латиноамериканской цивилизации

12. *Пеганов Александр Олегович* (Университет Париж 7 им. Дени Дидро, Франция)
Тема ревизии чехословацко-венгерской границы в межвоенной венгерской публицистике

13. *к.и.н. Гавриловец Людмила Владимировна* (Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина, Беларусь)
Польская концепция по вопросу самоопределения и объединения Германии в 1955–1965 гг.

14. *к.и.н. Лукашин Александр Владимирович* (РГАСПИ)
Несвободное волеизъявление: об истории проведения референдумов на Украине в 1991 г.

10 апреля, четверг, 11:00, аудитория 324

Россия и мир: межкультурный диалог

15. *Ерёмина Ксения Вячеславовна* (ИАИ РГГУ)
Особенности инкорпорирования Новороссии в состав Российской империи (последняя треть XVIII в.)

16. *к.и.н. Петрова Мария Александровна* (ИВИ РАН)
Донесения российских дипломатов из Регенсбурга (вторая половина XVIII в.)

17. *к.и.н. Малютин Георгий Александрович* (РГАСПИ)
А. И. Герцен и «польский вопрос» в 1840-е – начале 1860-х гг.

18. *Ферсман Мария Николаевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
М. Н. Катков о польской политической национальности

19. *Котов Борис Сергеевич* (ИВИ РАН)
«Ложная европа»: образ Австро-Венгрии в зеркале российской прессы (1912–1914 гг.)

20. *Тальская Ольга Дмитриевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Особенности национального характера жителей Центральной Азии в трудах М. А. Терентьева

21. *Комкова Мария Станиславовна* (МАТИ им. К. Э. Циолковского)
Деятельность русско-британского братства

22. *к.и.н. Манухин Алексей Анатольевич* (МГТУ им. Н. Э. Баумана)
Обманчивое родство: Мексика после революции глазами большевиков (1919–1927 гг.)

23. *Филинов Андрей Владимирович* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Динамика политических настроений советской колонии в Северной Маньчжурии в 1932–1933 гг.

24. *Крякин Евгений Николаевич* (ГУУ)
Политэмигранты в Москве в 1920–30-е гг.

25. *Семенов Александр Валерьевич* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Десант И. Г. Бессонова – миф или реальность (немецкие десанты в советский тыл в 1941–1944 гг.)?

Кофе-пауза (14:00–14:30)

Государство и церковь

26. *Прашчевич Александр* (Университет Шербрука, Канада)
Исторический опыт разрешения этнических, политических и конфессиональных конфликтов через межрелигиозный диалог
27. *Семененко Анна Вадимовна* (Европейский университет СПб)
Ченстоховский Ясногорский монастырь в прессе Российской империи начала XX века: «святотатственное ограбление» и дело Дамазия Мацоха
28. *Нарский Андрей Ростиславович* (ВИАМ)
Хроника последних лет существования лютеранской церкви в Немецкой слободе (1920-е гг.)
29. *Батченко Виктория Сергеевна* (СмолГУ)
«Жуковское дело» как кульминация борьбы власти и церкви в Западной области»
30. *к.и.н. Кочетова Анна Сергеевна* (РГАСПИ)
Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях»: история создания
31. *Линькова Вероника Владимировна* (РГАСПИ)
Эволюция деятельности Союза воинствующих безбожников в 1930-е годы

СЕКЦИЯ IV

«СОЦИАЛЬНАЯ И РАБОЧАЯ ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ: СОЦИАЛЬНОЕ РЕФОРМАТОРСТВО И/ИЛИ РЕВОЛЮЦИОНИЗМ»

9 апреля, среда, 14:00, аудитория 207

(Координатор — **Захаров Е. С.**, ведущий специалист РГАСПИ)

Научные консультанты секции

лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, д.и.н.,
проф. **Ненароков А. П.** (РГАСПИ); д.и.н.,
проф. **Репников А. В.** (РГАСПИ); д.и.н., проф. **Соловьев К. А.** (МГУ); д.и.н.,
проф. **Ершова Э. Б.** (ГУУ); д.и.н.,
проф. **Купцова И. В.** (МГУ)

Реформы и/или революции

1. *Кириллов Виктор Леонидович* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Ишутин и ишутинцы: неоднозначное лидерство в московском тайном обществе середины 1860-х гг.
2. *к.и.н. Адоньева Инесса Геннадьевна* (Новосибирский государственный технический университет)
Постановка вопроса о правах рабочих в журнале «Русский вестник» (1856–1862 гг.)
3. *к.и.н. Сорокопудова Ольга Евгеньевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
«Смешана из самолюбия и злобы»: метафизика революции в творчестве В. В. Розанова»
4. *Киселёв Александр Анатольевич* (ОмГПУ)
Повседневная жизнь революционера в тюрьме
5. *Коцовой Илья Анатольевич* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Большевики и левые эсеры в народном комиссариате юстиции (декабрь 1917 — март 1918 гг.)
6. *Суббота Елена Леонидовна* (РГАСПИ)
«Наша задача — уловить оппозиционера»: старые большевики об убийстве С. М. Кирова»
7. *Апальков Дмитрий Игоревич* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Внутрипартийная борьба в РКП (б) (1922–1923 гг.)
8. *к.и.н. Суслов Алексей Юрьевич* (КНИТУ)
Эволюция идей демократического социализма в среде российской социалистической эмиграции (по материалам пражской конференции партии социалистов-революционеров 1931 г.)

*Социальная история
Крестьяне*

9. *к.и.н. Лозбнев Игорь Николаевич* (Московский финансово — юридический университет)
Проблема «Крестьянского союза» в период НЭПа. От идеи к реализации
10. *к.и.н. Тумаков Денис Васильевич* (Ярославская государственная медицинская академия Минздрава России)
Повседневная жизнь ярославской деревни 1950-х гг. (по материалам писем трудящихся в районные газеты)

10 апреля, четверг, 11:00, аудитория 207

Интеллигенция

11. *Захаров Евгений Сергеевич* (РГАСПИ)

Влияние старшего научного поколения и студенческой среды на формирование прогрессивных идей у научно-технической интеллигенции в конце XIX начале XX вв

12. *к.и.н.Веселов Александр Александрович* (НИУ «МЭИ»)

Организационно-правовые основы деятельности союзов творческой интеллигенции в период революционных потрясений 1917 года

13. *Стрекалов Илья Николаевич* (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Сложный выбор российской интеллигенции первой трети XX века: за или против? (К вопросу об оценке Октября 1917–1918 гг.)

14. *к.и.н.Тихонов Виталий Витальевич* (ИРИ РАН)

«Маленький человек» эпохи позднего сталинизма: студент-заочник М. Н. Перегудов против «больших» историков

15. *Сергеев Всеволод Николаевич* (МГУПС)

Репрезентация отечественной истории в текстах Л. Краснопевцева как способ создания идеологии диссидентов в середине 1950-х годов

Профессии

16. *Гефке Наталья Алексеевна* (РГАДА)

Должностные обязанности руководителя соляного отряда в Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв.

17. *Барabanова Ксения Сергеевна* (СПб ИИ РАН)

Образ петербургского врача на страницах газет и в церковных проповедях в первую эпидемию холеры (1831 г.)

18. *Козлова Анастасия Михайловна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Проблема бюрократии в «Исповеди» М. А. Бакунина

19. *к.и.н.Гоманенко Олеся Александровна* (ВолГУ)

Проблема обеспеченности кадрами речного транспорта Средней и Нижней Волги в 1942 г.

20. *Латышев Артём Валерьевич* (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры и ведомственные интересы (1941–1945)

Кофе-пауза (14:00–14:30)

Система образования и воспитания

21. *Зольникова Анна Валерьевна, Монахова Светлана Валерьевна* (Смоленский ГУ)

Опыт реформирования системы народного просвещения в российской провинции в первой половине XIX вв. (на материалах Смоленской губернии)

22. *Сукоркина Екатерина Сергеевна, к.и.н. Ахметова Анна Валинуровна* (Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет)

Становление интернатской системы школьного образования и воспитания традиционных этносов Дальнего Востока во второй половине 1920-х – 1930-е гг.

23. *Фернандес-Эрес Анна Павловна* (РГАФД)

Испанские детские дома в СССР: воспитание будущих борцов мировой революции

24. *Акулова Дарья Алексеевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Влияние идеологии на музыку в СССР

25. *Рычкова Мария Валерьевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Участие коллектива МГУ им. М. В. Ломоносова в XII Всемирном фестивале молодежи и студентов (1985 г.)

Гендерная история

26. *Гудзенко Мария Дмитриевна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Женский вопрос в творчестве Д. И. Писарева

27. *Черненко Жанна Игоревна* (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Идеи женской эмансипации М. А. Бакунина

Научное издание

**Исторические документы и актуальные проблемы
археографии, источниковедения, российской
и всеобщей истории нового и новейшего времени**

Сборник материалов IV Международной конференции
молодых ученых и специалистов «Клио-2014»

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 03.04.2014.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,5.
Тираж 200 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)